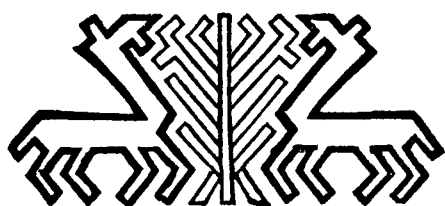

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

1

1 9 5 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Редакционная коллегия:

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора И. И. Потехин,
М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 7. IV. 1950 г.

Печ. листов 15

Заказ 2687

Т 03405

Уч.-изд. листов 24

Тираж 2550 экз.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР, Москва, Шубинский пер., д. 10

С. П. ТОЛСТОВ

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА ЛЕНИНСКО-СТАЛИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

(К двадцатипятилетию национального размежевания Средней Азии)

I

Всенародное празднование семидесятилетия великого вождя народов Советского Союза и всего прогрессивного человечества, верного ученика и гениального продолжателя Ленина — товарища Сталина, совпало во времени с двадцатипятилетним юбилеем одной из величайших побед ленинско-сталинской национальной политики — национального размежевания Средней Азии, осуществленного по инициативе и под непосредственным руководством И. В. Сталина.

18 декабря 1949 г. торжественно отпраздновал двадцатипятилетие своей республики каракалпакский народ. 17 января 1950 г. был отмечен двадцатипятилетний юбилей Узбекской Советской Социалистической Республики. 29 января праздновал свое двадцатипятилетие советский Туркменистан. В эти же дни радостного праздника народов Средней Азии 18 декабря развернулись торжества, посвященные двадцатилетию третьей по счету среднеазиатской союзной республики — Таджикистана. В эти дни сердца всех советских людей в этих республиках были наполнены чувством глубочайшей признательности тому, чье мудрое политическое предвидение наметило единственно правильный путь к ликвидации феодально-колониальной отсталости, к выведению народов Средней Азии на широкую дорогу социалистического преобразования, на путь строительства коммунизма.

Как и вся политика нашей партии, как и вся ленинско-сталинская национальная политика, национальное размежевание Средней Азии явилось блестящим практическим применением к конкретным среднеазиатским условиям той глубоко обоснованной, стройной и последовательной научной теории национально-колониального вопроса, основные положения которой были намечены великим Лениным и которое получило свое полное и классическое развитие в гениальных трудах И. В. Сталина.

Национальное размежевание Средней Азии является наглядным примером того, как «...наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения»¹, как «...в своей практической деятельности партия пролетариата должна руководствоваться не какими-либо случайными мотивами, а законами развития общества, практическими выводами из этих законов»². 25 лет назад в своей исторической речи на собрании студентов Коммунистического университета трудящихся Востока 18 мая 1925 г. товарищ Сталин говорил,

¹ «История ВКП(б), Краткий курс», стр. 109.

² Там же.

подводя итоги только что завершившегося национального размежевания:

«Буржуазная пресса усматривает в этом размежевании «большевистскую хитрость». Между тем ясно, что тут проявилась не «хитрость», а глубочайшее стремление народных масс Туркменистана и Узбекистана иметь свои собственные органы власти, близкие и понятные им. В эпоху дореволюционную обе эти страны были разорваны на куски по различным ханствам и государствам, представляя удобное поле для эксплуататорских махинаций «власть имущих». Теперь настал момент, когда появилась возможность **воссоединить** эти разорванные куски в независимые государства для того, чтобы сблизить и спаять трудящиеся массы Узбекистана и Туркменистана с органами власти. Размежевание Туркестана есть, прежде всего, **воссоединение** разорванных частей этих стран в независимые государства. Если эти государства пожелали потом вступить в Советский Союз в качестве равноправных его членов, то это говорит лишь о том, что большевики нашли ключ к глубочайшим стремлениям народных масс Востока, а Советский Союз является единственным в мире добровольным объединением трудящихся масс различных национальностей»³.

II

К моменту Великой Октябрьской социалистической революции ни один из народов Средней Азии не консолидировался в нацию буржуазного типа. Некоторые признаки этой консолидации могут быть отмечены только для узбеков — самой крупной и экономически развитой народности Средней Азии. Но и в отношении узбеков можно говорить лишь о начальных этапах формирования буржуазной нации.

Вместе с тем основные народности Средней Азии сложились уже около тысячелетия назад — примерно в ту же эпоху, с которой было связано формирование основных народностей Европы, в эпоху раннего средневековья, когда завершился процесс сложных этнических скрещений, характеризующих бурный и мучительный процесс перехода от рабовладельческого к феодальному общественному строю. К IX в. в основном завершился процесс формирования таджикской народности⁴. На IX—X вв. падает блестящий расцвет раннесредневековой таджикской культуры, озаменованный деятельностью таких корифеев таджикской литературы, как Рудеки, Дакики и гениальный Фирдоуси⁵. Общеизвестна роль таджикского народа как основного этнического ядра блестящего раннефеодального государства саманидов, по уровню своего экономического, политического и культурного развития далеко оставившего позади современные ему государства раннесредневекового Запада. Не случайно в своей приветственной телеграмме Таджикской областной партийной конференции в 1925 г. товарищ Сталин писал:

«Таджики имеют богатую историю; их большие организаторские и политические способности в прошлом ни для кого не составляли тайны»⁶.

В XI—XII вв. в рамках государства караханидов, а затем — хорезмшахов складывается в основных своих чертах узбекская народ-

³ И. Сталин, Соч., т. 7, стр. 136—137.

⁴ Б. Г. Гафуров, История таджикского народа, т. I, М., 1949, стр. 173—174; С. П. Толстов, Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии, сб. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 304.

⁵ Б. Г. Гафуров, Указ. раб., стр. 189 сл.

⁶ Цит. по сб. «Ленин и Сталин. Статьи и речи о Средней Азии и Узбекистане», Ташкент, 1940, стр. 223.

ность, формируются основные особенности узбекского языка и появляются первые памятники узбекоязычной литературы⁷.

К IX—X вв. относится сложение основного ядра туркменской (огузской) народности. Особенности туркменской речи ярко выступают в словарных и фольклорных материалах, собранных в «Диване» Махмуда Кашгарского⁸.

К тому же периоду (VIII—XII вв.) относится формирование основных этнических особенностей киргизской, казахской и каракалпакской народностей — процесс, который вполне завершается в XV—XVI вв.⁹

История всех этих народов уходит корнями в глубокую древность, восходя к блестящей культуре народов античной Средней Азии — бактрийцев, согдийцев, хорезмийцев, парфян. Без учета культурных традиций античной Средней Азии не могут быть до конца поняты характерные, неповторимые особенности национальной культуры, быта, языка, искусства современных среднеазиатских народов¹⁰.

К этим, достаточно четко определившимся уже в раннем средневековье особенностям среднеазиатских народностей в полной мере приложимы слова И. В. Сталина:

«Конечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях»¹¹.

Вот этих-то благоприятных условий как в средневековый, так и в новый период истории Средней Азии не было. Наоборот, условия экономического и политического развития народов Средней Азии в эти периоды сложились крайне неблагоприятно. Катастрофа монгольского нашествия, разразившаяся над большей половиной Старого Света, явилась основной причиной последующего длительного отставания стран, сделавшихся его жертвой, от вырвавшихся вперед, используя благоприятную историческую ситуацию, стран Западной Европы, избежавших этой катастрофы благодаря тому щиту, которым для них явился героический русский народ. До монгольского нашествия Западная Европа была одним из весьма отсталых уголков Евразийского континента. Уровень культуры ее народов в те времена не мог идти ни в какое сравнение с уровнем культурного развития стран Востока — Китая, Индии, Ближнего Востока, Средней Азии, родившей в X—XII вв. таких гигантов научной мысли как бухарец Абу-Али ибн Сина (Авиценна), как хорезмийцы Мухаммед ал-Хорезми и Абу-Райхан ал-Бируни, таких замечательных писателей, как гениальный Фирдоуси, как Насири Хусрау и целая плеяда других.

Катастрофа монгольского нашествия по-разному сказалась в различных странах. Наиболее жестокими были ее результаты именно в странах Средней Азии, Среднего и Ближнего Востока, где катастрофи-

⁷ А. К. Боровков, *Очерки по истории узбекского языка*, V, 1948, стр. 229 сл. С. П. Толстов, *Указ. раб.*, стр. 304; его же, *По следам древнехорезмийской цивилизации*, М.—Л., 1948, стр. 309.

⁸ А. А. Росляков, *Происхождение туркменского народа (тезисы)*. Программа VIII Научной конференции Ашхабадского государственного педагогического института им. М. Горького, Ашхабад, 1950, стр. 9—10; С. П. Толстов, *Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии*, стр. 304; его же, *По следам древнехорезмийской цивилизации*, стр. 244 сл.; его же, *Города гузов*, журн. «Сов. этнография», 1947, № 3, стр. 55 сл.

⁹ «История Казахской ССР», т. I, 2-е изд., стр. 108—109; С. П. Толстов, *К вопросу о происхождении каракалпакского народа*, «Краткие сообщения» Института этнографии, II, 1947.

¹⁰ См. сб. «Иосифу Виссарионовичу Сталину Академия Наук СССР», М., 1949, стр. 763—764, 766.

¹¹ И. Сталин, *Соч.*, т. II, стр. 336.

ческие последствия разрушения созданной трудом многих десятков поколений ирригационной сети, при тогдашнем уровне производительных сил, могли быть восстановлены также только веками.

«Этим (ролью ирригационного хозяйства.— С. Т.) также объясняется тот факт, что одна разорительная война оказалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации», — писал в 1853 г. К. Маркс¹².

Мало того. Отмеченное в свое время Марксом¹³ типичное для многих стран Востока, в частности (и, пожалуй, в особенности) для Средней Азии сосуществование земледельческого хозяйства одной части населения с кочевым бытом другой, — в условиях послемонгольского времени привело к весьма тяжелым последствиям. Задача обороны от кочевников ирригационных систем оазисов, земледельческих поселений и городов, являвшаяся столь же важной функцией центрального правительства, как и забота о строительстве и поддержании в порядке каналов, и вызвавшая к жизни развитие ранних форм государственной централизации, характерных для раннесредневековой Средней Азии, — оказалась невыполнимой при новых, созданных монгольским нашествием условиях. Если кратковременный период феодальной раздробленности, последовавший за падением раннефеодального саманидского государства, был уже к середине XII в. преодолен государством хорезмшахов, вставшим на путь формирования зрелой военно-бюрократической феодальной монархии¹⁴, то монгольское нашествие явилось предпосылкой для глубокого феодального распада, для развязывания феодальных усобиц, обусловленного длительным периодом тегемонии в среднеазиатских странах аристократии кочевых племен с их полупатриархальным-полуфеодальным общественным укладом.

Процесс формирования феодальной монархии, опиравшейся на военно-бюрократическое дворянство и мощный патрициат городов, и вызванной к жизни расцветом сельского хозяйства, ремесленной промышленности и торговли, — оказался прерванным и в новых исторических условиях практически неосуществимым. В этой связи нельзя не привести слова И. В. Сталина: «Ни одна страна в мире не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц. Только страна, объединенная в единое централизованное государство, может рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости»¹⁵.

Закключение Ф. Энгельса¹⁶ об условиях исторического развития феодальной Германии в XVI и последующих веках: «что недостаточное промышленное, торговое и сельскохозяйственное развитие Германии делало невозможным всякое объединение немцев в единую *нацию*, что оно допускало лишь местную и провинциальную централизацию и что поэтому носители этой централизации в общем расщеплении, князья, составляли единственное сословие, на пользу которому должно было пойти всякое изменение общественных и политических отношений»¹⁷, — может быть в еще большей степени применено к народам Средней Азии того же и последующего времени.

То, что говорит Энгельс о «децентрализации, местной и провинциальной самостоятельности, промышленного и торгового отчуждения

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 348.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 483.

¹⁴ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 13 сл., 170, 344.

¹⁵ «Правда», 7 сентября 1947 г.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 118 и особенно 195.

¹⁷ Там же, стр. 195 (разрядка наша.— С. Т.).

провинций друг от друга и плохого состояния путей сообщения»¹⁸, может с еще большим правом быть применено к Средней Азии: ее горные хребты и огромные пространства пустынь требовали для своего преодоления гораздо более высокого уровня развития производительных сил, а старые экономические очаги являлись естественными центрами притяжения, к которым тяготели близлежащие оазисы и племена.

Картина еще более осложнялась многоплеменностью населения. Каждый из политических очагов, возникающих в процессе частичного и неполного преодоления феодальной раздробленности на путях провинциальной централизации, неизменно выступал как многонациональное образование. Хорезм, с XVII в. известный России и Западу как Хивинское ханство, включал в свой состав узбеков, туркмен, каракалпаков и казахов; Бухара — узбеков, таджиков, туркмен, в различные периоды также казахов и киргиз, не говоря о различных мелких этнических группах — арабах, евреях, мервских переселенцах — иранцах и др.; Коканд, самое молодое из среднеазиатских ханств, — узбеков, таджиков, казахов, киргиз.

XVIII век — время острого социально-политического кризиса Средней Азии, предпосылкой которого явилось резкое отставание ее социально-экономического развития. Упадок ирригации, приведший к глубокой застойности феодальных отношений, переплетавшихся с самыми отсталыми формами дофеодальной экономики, находившимися в глубоком противоречии с возросшими аппетитами феодалов, втянутых условиями международной торговли в развитие товарно-денежных отношений; порожденное той же экономической отсталостью политическое бессилие среднеазиатских ханств, — такова была мрачная картина, сложившаяся в Средней Азии к середине XVIII в. «Затянувшееся на века состояние феодальной раздробленности и нескончаемые феодальные войны, переплетение торгового капитала с феодальным землевладением и роль купцов, преимущественно как посредников в торговле ханов и феодальных владетелей, консервативно-феодальная форма ремесла, крайне отсталая техника — все это не давало возможности возникновения машинного производства и мешало развитию наемного труда, складыванию капиталистических отношений и образованию внутри феодального общества класса промышленной буржуазии, которая в тех условиях могла бы возглавить борьбу за переход к новой общественно-экономической формации... Этот кризис мог быть разрешен только путем революции, но для ее совершения еще не созрели внутренние силы. Многочисленные народные возмущения не могли в тех условиях перейти в антифеодальную революцию»¹⁹.

Именно к концу этого кризиса окончательно консолидируются упомянутые три очага провинциальной централизации. При этом образование Кокандского ханства, явившегося, в противоположность Хорезму и Бухаре, политическим новообразованием, сложившимся в условиях бурного экономического роста верхнесырдарьинских районов в связи с все более и более увеличивающимися экономическими связями этого угла Средней Азии с Россией, — еще более осложнило и без того сложную и пеструю картину политических и этнических отношений.

В условиях жестокого национального гнета, связанного с процессами областной централизации и активизации захватнической политики Персии, в особенности при Надир-шахе, использовавшем для своей агрессии обстановку упомянутого кризиса XVIII в., — мы видим зарождение первых национально-освободительных движений среди туркмен и каракалпаков, впервые осознающих свое национальное единство. Это нашло свое отражение в деятельности целой плеяды замечательных по-

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 127.

¹⁹ Б. Б. Бухарин, Учение Маркса о революции, стр. 300.

этов и мыслителей туркменского народа во главе с Махтум-кули. В про-
никновенных стихах поэт призывает своих соотечественников к полити-
ческому объединению:

Туркмены! Если бы мы дружно жить могли,
Мы осушили б Нил, мы б на Кульзум²⁰ пришли.
Теке, йомуд, гоклен, языр и алили²¹ —
Отныне мы должны единой стать семьей²².

Поэт призывает туркмен к политическому объединению для всенарод-
ной борьбы против угнетателей — персидских шахов — и мечтает о
счастливом будущем, когда будет изжита межплеменная вражда и
туркменский народ заживет свободно и независимо, единой дружной
семьей:

Единой семьей живут племена,
Для пиршеств расстелена скатерть одна;
Высокая доля отчизне дана,
И тает гранит пред сынами
Туркмении.
Здесь братство — обычай и дружба — закон
Для славных родов и могучих племен,
И если на битву народ ополчен,—
Трепещут враги пред полками
Туркмении²³.

Упорная борьба каракалпакского народа против жестокого ига хи-
винских ханов в конце XVIII и в первой половине XIX в. выдвинула
целый ряд выдающихся идеологов этой борьбы в лице замечательных
народных поэтов Жиен-жирау, Кун-ходжи и особенно Бердаха
(1827—1900), которые бичевали в своих песнях и поэмах угнетателей —
ханов и сделавшихся их слугами каракалпакских полуфеодалов, пред-
ставителей духовенства; поэты воспевали героев национально-освободи-
тельной борьбы, оплакивали страдания народа и призывали к его едине-
нию²⁴.

Бердах является вместе с тем первым историком каракалпаков. Со-
зданное им «Шеджере», пусть в наивной форме традиционной «Родо-
словной», отражает тот же процесс развития национального самосозна-
ния каракалпакского народа, складывавшегося в условиях жестокой
борьбы с хивинскими ханами-поработителями.

Однако эти призывы передовых мыслителей туркменского и кара-
калпакского народов остались втуне. Хозяйственная отсталость туркмен
и каракалпаков, стойкость традиций патриархально-феодалных отно-
шений делали практически невозможным осуществление этих прогрес-
сивных стремлений. Феодалная верхушка туркмен и каракалпаков
была весьма мало заинтересована в реализации этих стремлений. Меж-
племенная борьба велась в интересах феодалов. Они же, как правило,
извлекали немалую пользу из своих вассальных отношений с Хивой и
Бухарой, а частично и с Ираном. Невозможность антифеодалной ре-
волюции, о которой мы говорили выше, определявшаяся отсутствием
класса — гегемона этой революции, привела к тому, что эти стремления
представителей передовой демократической мысли, черпавших свою силу
в стихийных антифеодалных движениях крестьянских масс, оказались
неосуществленными, как оказались потерпевшими поражение и сами
эти движения.

Еще сложнее складываются условия национальной консолидации
узбекского и таджикского народов.

²⁰ Красное море.

²¹ Названия туркменских племен.

²² Махтум-кули, Стихотворения, Библиотека поэта (Большая серия), I, 1949, стр. 6.

²³ Там же, стр. 34—35.

²⁴ См. С. Бассин, Бердах-шаир — великий поэт-патриот, Нукус, 1943.

Оба эти народа характеризовались значительно более высоким уровнем экономического и культурного развития, чем туркмены и каракалпаки. Но — и в этом сказалось одно из противоречий исторического развития — национальное самосознание оформилось здесь в значительно меньшей степени, чем у туркмен и каракалпаков. На первое место здесь выступало самосознание религиозное — средневековое представление о единстве всех мусульман — и, также средневековое, самосознание областное. Узбекская народность до середины XIX в. была еще очень далека от сложения в нацию. Она была раздроблена процессом областной централизации на три государства, ни одно из которых не могло подчинить себе другие. Мало того, и внутри каждого из этих государств узбекская народность, несмотря на ее доминирующее положение, далеко еще не консолидировалась, распадаясь на племенные и локальные группы, многие из которых даже формально не причисляли себя к узбекскому народу (так называемые «сарты» во многих городах и сельских местностях Хорезма и Коканда, кыпчаки в Коканде, так называемые кураминцы, «тюрки» и т. д.). При этом внутренняя административная система ханств закрепляла эти деления. Так, например, в Хивинском ханстве «сарты» управлялись назначенными ханом хакимами, в то время как «узбеки» в узком смысле слова — родоплеменными старейшинами: найбами или инаками. Но и «узбеки» далеко не представляли единства, распадаясь на множество (традиционной, хотя и не точной, была цифра 92) крупных и мелких родоплеменных групп, возглавленных своими феодальными вождями и находившихся между собой часто в весьма острых политических отношениях. Так, история Хорезма в XVII—XVIII вв. наполнена кровавой борьбой между узбекскими племенами «уйгур», «дурмен», «кунграт» и другими, причем некоторые из этих племен в процессе усобиц были почти полностью уничтожены.

История Бухары в начале XIX в. наполнена восстаниями узбекских племен против узбекских же эмиров. Самым значительным было восстание племен кытай и кыпчак 1821—1825 гг.²⁵

Правда, осознание национального единства узбекского народа выступает в творчестве его передовых мыслителей, которые, как узбекский поэт XVII в. Турды, живший в Бухарском ханстве, призывают своих соотечественников:

Не называйте того «кипчаком», того «хитаем», того «найманом»,
Объедините бесчисленные роды «юз» и «кырк!»²⁶.

Однако на практике процесс объединения узбекских племен и в XIX в. оставался далеко не завершенным.

Хотя основы развития новоузбекской литературы были заложены еще великим Навои, Бабуром, Турды и другими писателями XV—XVII вв., однако вплоть до начала XX в. в Бухаре и Коканде официальным языком государства и преобладающим языком литературы оставался таджикский. Только в Хорезме, где таджикская речь никогда не имела никакой опоры в народном языке, уже в XVII в. узбекский язык становится единственным государственным и литературным языком и находит своего горячего пропагандиста в знаменитом хане-историке Абульгази. Характерно при этом, что еще в XIX в. хивинские хроники Муниса и Агахи именуют Бухару, где численно преобладали узбеки и у власти стояли узбекская династия и узбекские феодалы, «страной таджиков» и бухарские войска — «войсками таджиков»²⁷.

²⁵ П. П. Иванов, Восстание кытай-кыпчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг., М.—Л., 1937.

²⁶ «История народов Узбекистана», II, Ташкент, 1947, стр. 95.

²⁷ См., например, Зубед-ат-Таварих Агахи, рукопись, Институт востоковедения Академии Наук СССР, 590, ов, стр. 412 и сл.

Этот же глубоко противоречивый характер узбекско-таджикских отношений привел к тому, что таджикская торговая буржуазия и буржуазная интеллигенция ни в какой мере не возглавили национально-освободительную борьбу таджикского народа против бухарского и кокандского ханов. Наоборот, забегая вперед, отметим, что в начале XX в., когда в Средней Азии получают развитие буржуазно-националистические течения, таджикские «джаиды» выступают под знаменем не только панисламизма, но и пантюркизма, полностью предавая интересы своего собственного народа и руководствуясь своими узкоэгоистическими классовыми интересами.

Нельзя не вспомнить в этой связи слова И. В. Сталина: «Основной вопрос для молодой буржуазии — рынок. Сбыть свои товары и выйти победителем в конкуренции с буржуазией иной национальности — такова ее цель. Отсюда ее желание — обеспечить себе «свой», «родной» рынок. Рынок — первая школа, где буржуазия учится национализму»²⁸.

К интересующему нас времени в бассейне Зеравшана в Фергане преобладающая часть таджикского сельского населения была узбекизирована. Таджики составляли здесь преобладающее ремесленное и торговое население городов, причем и здесь они были в основной массе двуязычны.

Действуя на территории со смешанным, преимущественно узбекским сельским населением, таджикские буржуазные «националисты» долины Зеравшана и Ферганы были весьма мало заинтересованы в судьбах таджикского крестьянства, основные массы которого были сосредоточены в отсталых горных районах юго-восточной Бухары и подвергались жестокому двойному гнету со стороны своей собственной феодальной верхушки, всякого рода «миров», «ша» и т. п., и со стороны узбекской феодальной знати и узбекского и таджикского военно-чиновничьего аппарата Бухарского ханства. Отсюда стремление таджикской торговой буржуазии выступать не столь под национальными, сколь под религиозными лозунгами.

III

Подчинение Средней Азии царской России не могло, естественно, содействовать разрешению раздиравших среднеазиатские ханства национальных противоречий. Как раз напротив. Как писал товарищ Сталин еще в 1904 году, «...единственная цель русского самодержавия заключается в том, чтобы рассорить нации, населяющие Россию, обострить между ними национальную рознь...»²⁹

Вхождение народов Средней Азии в состав Российской империи было фактом объективно прогрессивным, ибо, как правильно отмечает ряд советских историков Средней Азии, «Средняя Азия после присоединения к России получила возможность приобщиться к передовой культуре русского народа. Она была вместе с тем спасена от перспективы быть захваченной английским империализмом и превратиться в его колонию»³⁰.

Присоединение Средней Азии именно к России дало возможность трудящимся массам народов Средней Азии примкнуть в своей освободительной борьбе к самому передовому революционному движению этой эпохи. Уже в 1882 г. Маркс писал в предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста»: «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе»³¹.

²⁸ И. Сталин, Соч., т. 2, стр. 305.

²⁹ И. Сталин, Соч., т. 1, стр. 36.

³⁰ Б. Г. Гафуров, Указ. раб., стр. 410.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Коммунистический манифест, Госполитиздат, 1948, стр. 14.

«В результате трудящиеся таджики, узбеки и другие народы Средней Азии смогли присоединиться к революционному движению русского пролетариата под руководством большевистской партии. Таким образом, присоединение феодально отсталой Средней Азии к России сыграло в конечном счете большую прогрессивную роль»³².

Однако царское самодержавие и российский капитализм не были ни в какой мере причастны к этой объективно прогрессивной роли присоединения Средней Азии к России. Наоборот, они делали все от них зависящее, чтобы свести к минимуму эту роль.

«Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве. Царизм намеренно заселил лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить местные национальные массы в худшие районы и усилить национальную рознь. Царизм стеснял, а иногда просто упразднял местную школу, театр, просветительные учреждения для того, чтобы держать массы в темноте. Царизм пресекал всякую инициативу лучших людей местного населения. Наконец, царизм убивал всякую активность народных масс окраин»³³.

Административное устройство русских владений в Средней Азии меньше всего преследовало цель содействия национальной консолидации народов Средней Азии. Наоборот. Разорванность и чересполосность отдельных национальностей была еще более усилена. Узбеки оказались разделенными между Бухарой, Хивой, Самаркандской, Ферганской и Сыр-дарьинской областями русского Туркестана, таджики — между Бухарой и теми же областями Туркестана, туркмены — между Бухарой, Хивой и Закаспийской областью, киргизы — между Семиреченской и Ферганской областями и, частично, Бухарой, каракалпаки — между Хивой и Аму-дарьинским отделом Сыр-дарьинской области. Кроме того, значительные массивы туркменского, узбекского и особенно таджикского населения в империалистическом дележе «сфер влияния» между Россией и Англией были оставлены за пределами границ туркестанских владений России и переданы в состав Персии и Афганистана, где и по сейчас находятся под жестоким тройным гнетом своих собственных и афганско-иранских феодалов и англо-американского империализма.

IV

«Судьбы национального движения, в существе своем буржуазного, естественно связаны с судьбой буржуазии. Окончательное падение национального движения возможно лишь с падением буржуазии. Только в царстве социализма может быть установлен полный мир», — писал еще в 1913 г. в своем классическом труде «Марксизм и национальный вопрос» товарищ Сталин³⁴.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция открыла путь к выходу из того запутанного узла национальных противоречий, колониального и национального гнета, феодально-колониальной отсталости, который характеризует положение народов Средней Азии накануне Октября.

Практическое применение к жизни тех принципов, которые были выработаны в отношении национального вопроса Лениным и Сталиным, нашло свое отражение в одном из первых декретов Октября — подпи-

³² Б. Г. Гафуров, Указ. раб., стр. 411. См. также аналогичные выводы А. К. Каррыева в его работе «Сношения туркмен с Россией до 80-х годов XIX века» (тезисы докладов на Юбилейной сессии, посвященной 25-летию ТССР), ТуркФАН, Ашхабад, 1950, стр. 5.

³³ И. Сталин, Соч., т. 4, стр. 356 (разрядка наша.— С. Т.).

³⁴ И. Сталин, Соч., т. 2, стр. 311—312.

санной 2 (15) ноября 1917 г. обоими великими вождями партии пролетариата «Декларации прав народов России». Этим документом всемирно-исторического значения, открывшим новую эпоху в истории национального вопроса, были провозглашены перед всем миром:

- «1. Равенство и суверенность народов России.
2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.
3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.
4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»³⁵.

Л. М. Каганович в своей речи на Юбилейной сессии Верховного Совета Узбекской ССР 16 января 1950 г. говорил: «...празднуя сегодня двадцатипятилетие образования своей республики, узбекский народ одновременно празднует тридцатидвухлетие своего освобождения, которого он добился вместе со всеми народами нашей страны в Великой Октябрьской социалистической революции под гениальным руководством великих Ленина и Сталина»³⁶.

Победой Великого Октября датируется начало национального возрождения народов Средней Азии, трудящиеся массы которых «глубоко осознали и претворили в жизнь указание товарища Сталина о том, что «освобождение трудовых масс угнетенных национальностей и уничтожение национального гнета немыслимы без разрыва с империализмом, низвержения «своей» национальной буржуазии и взятия власти самими трудовыми массами»³⁷.

Контрреволюционная националистическая буржуазия Средней Азии, пытавшаяся противопоставить советскому правительству свое «автономное правительство» (так называемая «Кокандская автономия»), объединившее под своими потропанными знаменами буржуазные и феодальные элементы различных национальностей «мусульман» Туркестана, потерпела жестокий крах.

«Восстание туркестанской бедноты и бегство «автономного правительства»... продемонстрировало «...полную оторванность окраинных «правительств» от «своих» трудовых масс»³⁸.

Подлинную автономию трудящиеся массы Туркестана обрели в провозглашенной 30 апреля 1918 г. Туркестанской Советской Социалистической Республике, героическая борьба народов которой, при братской помощи русского народа и под руководством партии большевиков, против «своих», «национальных» угнетателей, против охвостьев русских контрреволюционеров и империалистических, в особенности английских, интервентов — заложила основы подлинного раскрепощения народов Средней Азии. Восстание трудящихся масс Бухары и Хивы против эмира и хана, создание Бухарской и Хорезмской народных республик, упорная борьба руководимых коммунистами народных масс этих республик против пробравшихся к власти представителей национальной буржуазии — «младобухарцев» и «младохивинцев», закончившаяся превращением этих республик в советские республики, — поставили в порядок дня новые задачи советского национального строительства в Средней Азии.

Уже 13 июня 1920 г. В. И. Ленин в своих замечаниях на проекте Туркестанской комиссии ставит в качестве очередной задачи:

³⁵ Цит. по сборнику документов «Образование СССР», М.—Л., 1949, стр. 20.

³⁶ «Правда», 21 января 1950 г.

³⁷ Там же.

³⁸ И. Сталин, Соч., т. 4, стр. 162.

«1) Поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению.

2) Детальнее выяснить условия слияния или разделения этих 3 частей»³⁹.

Таким образом, великим основателем Советского государства немедленно после завершения гражданской войны в Туркестане ставится, как неотложная очередная задача, научная подготовка национального размежевания Средней Азии

Партии пришлось провести большую, колоссального исторического значения работу по воспитанию трудящихся масс, в особенности в самых отсталых углах Средней Азии — в пределах бывших Бухарского и Хивинского ханств, где политическое влияние национальной буржуазии и феодалов, мусульманского духовенства и племенной аристократии было особенно сильно, где народные массы были особенно забиты и культурно отсталы. Итогом этой работы было создание возможности воссоединения разорванных частей среднеазиатских народностей в целостные суверенные советские национальные государства. Впервые в истории узбеки и туркмены смогли создать свои суверенные национальные государства, государства советские, социалистические; впервые таджики, киргизы, каракалпаки получили национальную автономию; при этом государства первых двух народов — одного через 5 лет, другого через 11 лет — также стали союзными республиками.

То, что было практически недостижимо в рамках буржуазного строя, то, о чем могли только мечтать передовые мыслители народов Средней Азии, такие, как Махтум-кули, Турды, Бердах, стало возможно осуществить через 7 лет после победы Великого Октября, через 4 года после окончания гражданской войны и империалистической интервенции, через 4 года после того, как задача национального размежевания Средней Азии была гениально намечена Лениным.

«...большевики нашли ключ к глубочайшим стремлениям народных масс Востока... Для того, чтобы воссоединить Польшу, буржуазии потребовался целый ряд войн. А для того, чтобы воссоединить Туркменистан и Узбекистан, коммунистам потребовалось лишь несколько месяцев разъяснительной пропаганды»⁴⁰.

Если завершение процесса консолидации буржуазных наций узбеков, туркмен, таджиков, киргиз, каракалпаков оказалось практически невозможным, так как на его пути стояли феодально-патриархальная отсталость, феодальная и племенная раздробленность, закреплявшиеся и культивировавшиеся царизмом, то Октябрьская революция явилась предпосылкой возникновения и развития на развалинах этих, так до конца и не сложившихся буржуазных наций — новых, социалистических наций, являющихся «гораздо более сплоченными, чем любая буржуазная нация, ибо они свободны от непримиримых классовых противоречий, разъедающих буржуазные нации, и являются гораздо более общенародными, чем любая буржуазная нация»⁴¹.

«Рабочий класс и его интернационалистическая партия являются той силой, которая скрепляет эти новые нации и руководит ими, — пишет товарищ Сталин, — Союз рабочего класса и трудового крестьянства внутри нации для ликвидации остатков капитализма во имя победоносного строительства социализма; уничтожение остатков национального гнета во имя равноправия и свободного развития наций и национальных меньшинств; уничтожение остатков национализма во имя установления дружбы между народами и утверждения интернационализма;

³⁹ Ленинский сборник, т. XXXIV, 1942, стр. 326.

⁴⁰ И. Сталин, Соч., т. 7, стр. 137.

⁴¹ И. Сталин, Соч., т. 11, стр. 341.

единый фронт со всеми угнетенными и неполноправными нациями в борьбе против политики захватов и захватнических войн, в борьбе против империализма,— таков духовный и социально-политический облик этих наций»⁴².

V

Оглядываясь на путь, пройденный советскими республиками Средней Азии за 32 года советской власти, за 25 лет существования этих республик, нельзя не поразиться гигантским масштабам исторических перемен. 32 года, 25 лет — очень небольшой срок в исторической жизни любого народа. Но это были годы, несоизмеримые и с сотнями лет предшествующей, дооктябрьской их истории. Это были годы новой, социалистической жизни, раскрепостившие лучшие силы народов, открывшие источники небывалой творческой энергии трудящихся масс. Это были годы, прошедшие под знаком неизменно растущей и крепнущей нерушимой сталинской дружбы свободных советских народов, братской их взаимопомощи, бескорыстной помощи ушедших вперед членов великой советской семьи своим в недавнем прошлом более отсталым братьям. И пройденный путь может быть измерен только новым масштабом — масштабом великой сталинской эпохи.

Этот путь — яркое доказательство глубокой верности гениального прогноза Ленина (1920 г.) о том, что «с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁴³.

Это положение, блестяще теоретически разработанное в целом ряде трудов товарища Сталина, легло в основу ленинско-сталинского учения о некапиталистическом пути развития отсталых народов, сталинского учения о путях ликвидации фактического, т. е. хозяйственного и культурного неравенства национальностей Союза Республик⁴⁴.

«Товарищ Сталин дал развернутую программу социалистического строительства в советских республиках Востока, указав на необходимость создания промышленных очагов, как базы для сплочения крестьян вокруг рабочего класса, поднятия сельского хозяйства и, прежде всего, орошения, развертывания дела кооперирования широких масс крестьян и кустарей, приближения советов к массам, насаждения национально-советской государственности, близкой и понятной трудящимся массам, развития культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, насаждения широкой сети курсов и школ на родном языке для подготовки советско-партийных и профессионально-хозяйственных кадров из местных людей»⁴⁵.

Прошедший юбилей республик Средней Азии явился смотрам выполнения этой великой Сталинской программы. Узбекистан, отсталый колониальный Узбекистан, аграрный придаток царской России, где основным отрядом рабочего класса являлись железнодорожные рабочие и немногочисленные пролетарии хлопкоочистительных и маслобойных предприятий, стал передовой индустриально-колхозной республикой. Здесь работает свыше 150 текстильных, шелкообрабатывающих, швейных предприятий; создана химическая промышленность, в том числе гигантский Чирчикский электрохимический комбинат им. Сталина, созданы развитое, — в особенности сельскохозяйственное, машиностроение, угольная и нефтяная промышленность, черная металлургия

⁴² И. Сталин, Соч., т. IV, стр. 339.

⁴³ В. И. Ленин, Соч., т. XXV, стр. 354.

⁴⁴ См. И. Сталин, Соч., т. 5, стр. 187—188.

⁴⁵ Л. М. Каганович. Доклад на Юбилейной сессии Верховного Совета Узбекской ССР, посвященной 25-летию Узбекской Советской Социалистической Республики, 16 января 1950 г., «Правда», 21 января 1950 г.

(вступил в строй Узбекский металлургический завод), создана мощная энергетика, насчитывающая в своей системе свыше 800 электростанций, в том числе такую, как Фархадская ГЭС.

«Только за годы Сталинских пятилеток, в период Отечественной войны и в послевоенный период введено в действие свыше 900 крупных предприятий. За эти годы в промышленность вложено около 7 млрд. рублей. Продукция тяжелой промышленности возросла по сравнению с 1913 г. в 215 раз, а ее удельный вес в 1948 г. составил 42,3%»⁴⁶.

Туркмения — отсталая страна патриархально-феодалного быта, страна пустынь, население немногочисленных оазисов которой, эксплуатируемое «своими» ханами и баями и российским капитализмом, обрабатывало землю прадедовскими примитивными орудиями, — стала страной передовой индустрии. В ее экономике удельный вес социалистической промышленности занимает свыше 70%. Построено и реконструировано полностью 352 крупных предприятия, на которых работают многие десятки тысяч рабочих вместо 3 тысяч рабочих, имевшихся в Закаспийской области (включая Закаспийскую железную дорогу). «Созданы новые отрасли промышленности; нефтеперерабатывающая, химическая, строительных материалов, текстильная, швейная, трикотажная, полиграфическая, стекольная и др.»⁴⁷.

Бурно развивается промышленность Советского Таджикистана. «В период первой пятилетки в строительство промышленности республики было вложено 82 миллиона рублей, во второй пятилетке — 195 миллионов рублей, за период 1938—1941 гг. — 323 миллиона рублей»⁴⁸.

Выросла промышленность в Каракалпакии — одном из самых отсталых уголков отсталой Средней Азии.

«Неуклонное проведение в жизнь ленинско-сталинской политики индустриализации бывших окраин царской России создало все условия для быстрого развития хлопкоочистительной и рыбной промышленности, а также для организации таких ранее не существовавших отраслей производства, как металлообрабатывающая, пищевая, швейная, обувная, строительных материалов и др.»⁴⁹.

Так полностью изменилось лицо страны. Ленинско-сталинская национальная политика создала мощную индустриальную базу для бурного расцвета всего народного хозяйства и культуры народов Средней Азии. Сталинский план создания промышленных очагов на Востоке выполнен партийными и непартийными большевиками среднеазиатских республик при братской помощи русского народа. Выросший в процессе реализации Сталинского плана многочисленный рабочий класс советских республик Средней Азии стал тем могучим ядром, вокруг которого сплотились миллионные массы крестьянства. Но и само крестьянство стало иным. Если тридцать два года назад сельское хозяйство народов Средней Азии было своего рода живым музеем тысячелетней отсталости, если техника сельскохозяйственного производства стояла на уровне раннего средневековья, а экономика характеризовалась самыми жестокими формами феодально-империалистической эксплуатации трудового крестьянства, все больше и больше превращавшегося в бесправных издолщиков-чайрикеров и безземельных мардикеров, влачивших полуголодную жизнь, то сейчас трудно узнать среднеазиатского крестьянина. Крестьянство Узбекистана, Туркмени-

⁴⁶ Л. М. Каганович, там же.

⁴⁷ Из обращения туркменского народа к товарищу Сталину, «Туркменская Искра», 29 января 1950 г.

⁴⁸ Из обращения таджикского народа к товарищу Сталину, «Коммунист Таджикистана», 18 декабря 1949 г.

⁴⁹ Н. Жапакоев, «Славное двадцатипятилетие, «Правда Востока», 18 декабря 1949 г.

стана, Таджикистана, Каракалпакии — это передовое колхозное крестьянство, опирающееся на самую передовую в мире социалистическую сельскохозяйственную технику. Победа колхозного строя в республиках Средней Азии создала предпосылки для развития высокотоварного сельского хозяйства, обеспечившего крестьянским массам зажиточную и культурную жизнь. Многие десятки колхозов-миллионеров являются вполне достижимым образцом для всех колхозов Средней Азии.

Коренным образом перестроена ирригационная сеть — основа основ среднеазиатского земледелия. Одним из первых хозяйственных мероприятий советской власти явился изданный 17 мая 1918 г., подписанный В. И. Лениным декрет «Об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ»⁵⁰. В этом сказались конкретная и практическая помощь партии и советской власти народам Средней Азии в основном, наиболее остром вопросе развития их хозяйства. С тех пор прошло всего три десятилетия, и намеченное Лениным и Сталиным преобразование среднеазиатской ирригации стало жизнью.

Орошена Голодная степь — задача, остававшаяся невыполнимой для царского правительства. «Голодная степь» стала степью богатой жизни передовых колхозов. Возникли десятки новых инженерных каналов — среди них такие, как Большой Ферганский канал, — десятки водохранилищ, полностью реконструирующих самую систему водного хозяйства Средней Азии. Возник новый, немыслимый в прошлом, метод ирригационного строительства — метод народной стройки, поднимающий на борьбу за победу над пустыней сотни тысяч колхозников. Если раньше, при власти ханов и царизма, работы на строительстве ирригации рассматривались крестьянством как народное бедствие, ибо на эти работы кнутом выгонялось беднейшее крестьянство (баи умели уклониться от этой обязанности), лишаемое этим возможности работать на своих собственных полях, если трудовое крестьянство знало, что плоды его трудов послужат лишь к обогащению байско-феодалской верхушки и капиталистических хлопковых компаний, содействуя дальнейшему обнищанию народа, — сейчас каждый колхозник, выходя на ирригационное строительство, знает, что каждый вырванный у пустыни гектар земли — это его земля, земля трудящегося народа, что расширение орошаемых земель под высокопродуктивные сельскохозяйственные культуры, прежде всего под хлопок, ведет к росту его собственного благосостояния, роста богатства трудящегося народа, является предпосылкой создания новых и новых колхозов-миллионеров. Уходя на народную стройку, колхозник знает, что поля его колхоза будут обработаны оставшимися там его товарищами, что он, работая на строительстве, получит все, что ему причитается за полновесные колхозные трудодни, как и те, кто работает на полях колхоза.

В одном Узбекистане методом народной стройки создано более двадцати новых крупных ирригационных каналов. «Всего за годы советской власти пропускная способность ирригационной сети выросла по сравнению с 1913 г. на 68 процентов»⁵¹.

Постановление ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР о развитии хлопководства от 4 февраля 1949 г. — составная часть великого Сталинского плана преобразования природы — предусматривает по одному Узбекистану расширение посевной площади ирригационных земель под хлопок к 1952 г. до 1100 тыс. гектаров с одновременным повышением урожайности до 25 ц с гектара.

⁵⁰ Цит. по сб. «Ленин и Сталин. Статьи и речи о Средней Азии и Узбекистане», стр. 54 сл.

⁵¹ Л. М. Каганович, Доклад на Юбилейной сессии Верховного Совета Узбекской ССР, посвященной 25-летию Узбекской Советской Социалистической Республики, 16 января 1950 г., «Правда» 21 января 1950 г.

«Необходимо также ясно представлять себе перспективы развития хлопководства в республике на более длительный период. Речь идет о том, чтобы к 1957—1958 гг. увеличить производство хлопка в республике до 4 миллионов тонн, для чего расширить площади поливных земель до 2,8—3 миллионов гектаров, посевные площади хлопка — до 1 миллиона 300 тысяч — 1 миллиона 350 тысяч гектаров, повысить урожайность до 30 центнеров с гектара и одновременно расширить посевы люцерны в севооборотах до 700—750 тысяч гектаров»⁵².

Таковы грандиозные перспективы ближайшего будущего узбекского народа. Аналогичны перспективы дальнейшего расцвета других братских республик Средней Азии.

Выполнено, таким образом, и второе и третье предначертание Сталинского плана развития советских республик Востока: в небывалых масштабах развилось сельское хозяйство, прежде всего орошение, завершено дело кооперирования широких масс крестьянства — единственной формой крестьянского хозяйства в республиках Средней Азии стали колхозы, обеспечившие народу зажиточную и культурную жизнь.

Мы говорили уже выше о замечательной победе национально-советской государственности, о выполнении четвертой задачи, поставленной товарищем Сталиным. С ней неразрывно связана и пятая задача — развитие национальной по форме и социалистической по содержанию культуры народов Средней Азии. Осуществление ленинско-сталинской национальной политики явилось предпосылкой для небывалого, немыслимого ни при каких иных условиях роста культуры народных масс.

До революции в Узбекистане было всего 2% грамотного населения — в основном представителей имущих классов. Уже к 1941 г. процент грамотных по УзССР достиг 95,2%. Число учащихся в школах достигло 1 миллиона, в 70 раз превысив дореволюционную цифру⁵³. До революции на территории Узбекистана не было ни одного вуза. Сейчас в Узбекской ССР имеется 34 вуза, в том числе два государственных университета — в Ташкенте и Самарканде, 92 техникума. За 1928—1949 гг. вузы и техникумы окончило свыше 80 тыс. человек⁵⁴.

В Туркменистане до революции было менее одного процента грамотных. В 11 школах обучалось всего несколько сот байских детей. Расходы на народное образование составляли 5 копеек на душу населения. Сейчас Туркменистан стал страной сплошной грамотности. Введено всеобщее обязательное семилетнее обучение. В 1230 школах учится свыше 200 тыс. детей. На территории Туркмении не было до Октября ни одного высшего учебного заведения. Сейчас их шесть (сельскохозяйственный, медицинский, педагогический, 3 учительских института), не считая 29 специальных средних учебных заведений. В них учится свыше 10 тыс. юношей и девушек⁵⁵.

«До Октябрьской революции на территории нынешнего Таджикистана было 10 религиозных школ, где обучалось 369 детей эмирских чиновников, мулл и ишанов. Сейчас в республике работают три тысячи школ, сорок высших и специальных средних учебных заведений, Таджикский государственный университет», — писал таджикский народ в своем обращении к великому Сталину в день двадцатилетия ТаджССР⁵⁶.

⁵² См. У. Юсупов, Отчетный доклад о работе ЦК КП(б) Уз. на X съезде Коммунистической партии (большевиков) Узбекистана, «Правда Востока», 2 марта 1949 г.

⁵³ Л. М. Каганович, Там же.

⁵⁴ См. Т. А. Сарымсаков, По сталинскому пути, «Вестник АН СССР», 1949, № 12.

⁵⁵ См. Ш. Батыров, Торжество ленинско-сталинской национальной политики, «Туркменская Искра», 29 января 1950 г.

⁵⁶ «Коммунист Таджикистана», 18 декабря 1949 г.

До Великой Октябрьской социалистической революции процент грамотных в Каракалпакии не превышал 0,3. На всей территории Аму-дарьинского отдела было всего 3 школы. Сейчас в 489 школах обучается свыше 76 тыс. учащихся. В школах Каракалпакии работают более 3 тыс. учителей⁵⁷. О вузах дореволюционная Каракалпакия не могла и мечтать. Сейчас в республике работают Каракалпакский государственный педагогический и учительский институты, сельскохозяйственный, финансовый, медицинский техникумы, 4 педагогических училища, музыкальная школа⁵⁸. Многие десятки каракалпакцев учатся в специальных высших учебных заведениях в городах Узбекистана и в столице нашей Родины — Москве.

Не менее поразительны успехи республик Средней Азии в деле подготовки кадров научных работников из местных национальностей, в деле строительства научных учреждений.

Узбекский и таджикский народы по праву гордятся великими достижениями своих предков в различных областях науки. Имена Абу-Али ибн-Сина (Авиценны), Бируни, Улугбека и десятков других математиков, астрономов, естествоиспытателей, историков средневекового Узбекистана и Таджикистана вписаны золотыми буквами в книгу истории науки. Но обстановка позднего средневековья и колониального периода мало способствовала развитию научного творчества. Религиозное мракобесие, колониальное бесправие душили и давили проблески научной мысли у народов Средней Азии.

За 32 года советской власти положение коренным образом изменилось. В Узбекистане создана своя Академия Наук — подлинный штаб науки республики. В республике имеется 95 научно-исследовательских институтов, где работают 25 докторов и 200 кандидатов наук — узбеки⁵⁹. В Таджикистане сеть научных учреждений возглавляется Таджикским филиалом Академии Наук СССР, состоящим из 6 научно-исследовательских институтов — Геологического, Ботанического, Зоологического, Животноводческого, Химического и Института истории языка и литературы, добившихся крупных успехов в своей работе. Среди ученых, работающих в институтах, большое число кандидатов и 3 доктора наук (историк, филолог, геолог) — таджики⁶⁰.

Туркменский филиал Академии Наук СССР — штаб науки в Туркмении. Им объединены 5 научно-исследовательских институтов. Вокруг него группируются десятки научно-исследовательских учреждений различных ведомств. В числе ученых филиала 6 докторов и 34 кандидата наук — туркмены, выращенные советской властью⁶¹.

В Каракалпакии научным центром является Научно-исследовательский институт экономики и культуры, входящий в систему Академии Наук УзССР. В Институте работают первые каракалпаки — кандидаты филологических и исторических наук. Ряд каракалпакцев являются докторантами и аспирантами институтов Академии Наук СССР, и недалеко то время, когда кадры ученых-каракалпакцев получат значительное подкрепление.

В развитии науки в советских республиках Средней Азии с не меньшей яркостью, чем в других областях государственного, хозяйствен-

⁵⁷ См. В. Ефанов, Советская Каракалпакия на подъеме, «Правда Востока», 13 декабря 1949 г.

⁵⁸ См. Н. Жапак, Славное двадцатипятилетие, «Правда Востока», 18 декабря 1949 г.

⁵⁹ Из обращения узбекского народа к товарищу Сталину, «Правда», 19 января 1950 г.

⁶⁰ См. Акад. Е. Н. Павловский, Успехи науки в Таджикистане, «Коммунист Таджикистана», 14 декабря 1949 г.

⁶¹ См. Ш. Батыров, Торжество ленинско-сталинской национальной политики, «Туркменская Искра», 28 января 1950 г.

ного и культурного строительства, дала свои плоды сталинская дружба народов. Самый крупный научный центр Средней Азии — Академия Наук УзССР — выросла из Узбекистанского филиала АН СССР. Развитие науки в Узбекистане протекало и протекает при неизменной братской помощи русских ученых, гордящихся своими талантливыми учениками — молодыми узбекскими учеными, многие из которых добились высшей научной награды в нашей стране — премии имени Сталина. Ту же братскую помощь русские ученые и ученые других народов СССР неизменно оказывают в работе ученых и научных учреждений Туркмении, Таджикистана и Каракалпакии. Можно не сомневаться, что в ближайшие годы в системе научных центров СССР займут достойное место академии наук Туркменской и Таджикской ССР.

Ярче всего национальная форма социалистической культуры выступает в расцвете языка, письменности, литературы и искусства народов Средней Азии. Здесь с наибольшей полнотой нашли свое практическое воплощение гениальные слова товарища Сталина о том, что период социализма «создает благоприятную обстановку для возрождения и расцвета наций, ранее угнетавшихся царским империализмом, а ныне освобожденных советской революцией от национального гнета»⁶², «... что партия поддерживает и будет поддерживать развитие и расцвет национальных культур народов нашей страны, что она будет поощрять дело укрепления наших новых социалистических наций, что она берет это дело под свою защиту и покровительство против всех и всяких антиленинских элементов»⁶³.

За короткое время, прошедшее после Великой Октябрьской социалистической революции, в области развития языков и письменности народов Средней Азии произошли гигантские изменения. Хотя письменность этих народов и имела многовековые традиции, однако, поскольку не завершился процесс национальной консолидации, не могла быть создана единая система письменности каждой нации, ибо у отдельных народов Средней Азии не было и национальных литературных языков в подлинном смысле этого слова. Письменность и литература развивались на областных и племенных диалектах, мало понятных для жителей других областей. Они пользовались чуждой тюркским и иранским народам Средней Азии, приспособленной к нормам семитской речи арабской графикой, обусловливавшей невозможность сложения единой системы орфографии каждого языка. Передко одно и то же слово у одного и того же автора (причем автора весьма грамотного для тех времен) писалось на три-четыре разные манеры. Литературный язык был чрезвычайно засорен архаическими, непонятными народу формами — арабизмами, фарсизмами, проникавшими не только в лексику, но и в морфологию и синтаксис литературной речи, удаляя ее от языка народных масс.

Грандиозная работа по созданию национальных литературных языков и письменности на основе русской графики привела к результатам колоссального исторического значения. Созданные в итоге этой работы новые литературные языки стали орудием приобщения широчайших народных масс к новой советской культуре. На этих языках изданы массовыми тиражами произведения классиков марксизма — Ленина, Сталина. На этих языках созданы прекрасные произведения новой, советской национальной литературы народов Средней Азии. Национальные языковые и поэтические средства, национальный материал сочетаются в этих произведениях с общим для всех литератур народов СССР творческим методом социалистического реализма, который, «являясь

⁶² И. Сталин, Соч., т. 11, стр. 345.

⁶³ Там же, стр. 354.

основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной перестройки воспитания трудящихся в духе социализма»⁶⁴.

Помимо множества прекрасных произведений поэзии — таких, как удостоенные Сталинской премии патриотические стихи таджика Мирз Турсун-Задэ, как тонкая лирика туркмена Кара Сейтлиева, как прекрасные поэтические произведения безвременно погибшего узбекского поэта Хамида Алимджана, как насыщенные советским патриотизмом стихи каракалпака Жолмурзы Аймурзаева, — писатели Средней Азии создали выдающиеся произведения прозаического жанра, большие художественные полотна, вошедшие в золотой фонд советской литературы. Достаточно назвать такие произведения, как «Дохунда», «Рабы» «Воспоминания (Бухара)» старейшины таджикской советской литературы, лауреата Сталинской премии Садреддина Айни, как роман лауреата Сталинской премии туркмена Берды Кербабоева «Решающий шаг», как романы узбекского писателя Айбека «Священная кровь» «Навои», чтобы убедиться в исключительной значимости того вклада, который литературы республик Средней Азии внесли в сокровищницу советской литературы.

Блестящи успехи театра народов Средней Азии — драмы, оперы, балета. Певцы туркменской оперы, наряду с произведениями национального репертуара, подарили туркменскому народу великолепное воплощение на туркменском языке такого замечательного произведения русской классики, как «Евгений Онегин». Пожалуй, наиболее поразительным фактом является создание туркменским народом, никогда не имевшим национального танца, — великолепного, тонкого балетного искусства.

Не менее ярок расцвет советского киноискусства республик Средней Азии. Такие, всему советскому народу известные произведения, как «Навои» — создание Узбекской киностудии, показавшее замечательное мастерство узбекских киноактеров и режиссуры, как «Далекая невеста» — произведение Туркменской киностудии, — убедительно свидетельствуют об этом расцвете.

Трудно в рамках небольшой статьи осветить всю грандиозность исторических сдвигов, пережитых народами Средней Азии за годы советской власти. Но и сказанного достаточно для того, чтобы судить, какие результаты дало осуществление гениального сталинского плана подъема хозяйства и культуры народов Советского Востока, как осуществление этого плана легло в Средней Азии в основу процесса консолидации наций нового, социалистического типа.

«Лозунг национальной культуры был лозунгом буржуазным, пока у власти стояла буржуазия, а консолидация наций происходила под эгидой буржуазных порядков. Лозунг национальной культуры стал лозунгом пролетарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация наций стала протекать под эгидой Советской власти», — говорил товарищ Сталин в своей речи «О политических задачах Университета народов Востока» в 1925 г.⁶⁵

Место стихийных, мучительных, тянувшихся многими веками процессов консолидации буржуазных наций, сопровождавшейся жестокими войнами, угнетением и насильственной ассимиляцией национальных меньшинств, разжиганием буржуазного национализма и шовинизма,

⁶⁴ Из Устава Союза советских писателей. Цит. по А. Фадееву, О задачах литературной критики, «Литературная газета», 4 февраля 1950 г.

⁶⁵ И. Сталин, Соч., т. 7, стр. 138 (разрядка наша. — С. Т.).

занял процесс совсем иного типа, процесс консолидации социалистических наций, протекающий под эгидой советской власти, при руководящей роли в этом процессе рабочего класса и его интернационалистической партии. Этот процесс, как и вся политика нашей партии, лишен элементов стихийности. Его основу составляют научно познанные, освоенные марксистско-ленинской теорией тенденции прогрессивного развития народов; реализация этих тенденций осуществляется под руководством партии и базируется на подлинно-интернационалистических принципах братской помощи ушедших вперед народов своим, не по своей вине, как подчеркивает товарищ Сталин, отставшим в прошлом братьям.

Так сочетался экономический и культурный расцвет новых, социалистических наций с развитием и укреплением интернациональных связей, так выковывалась сталинская дружба народов, с честью выдержавшая жестокое испытание нашествия гитлеровских орд, в борьбе с которыми эта дружба еще более закалилась и окрепла.

VI

Победа сталинской национальной политики в Средней Азии — факт, значение которого выходит далеко за национальные рамки самих среднеазиатских республик, за пределы территории нашего великого союзного государства.

Еще 2 февраля 1919 г., в обращении к «Совдепам и партийным организациям Туркестана» товарищ Сталин писал:

«Следует принять к сведению, что Туркестан по своему географическому положению является мостом, соединяющим социалистическую Россию с угнетенными странами Востока, что ввиду этого укрепление Советской власти в Туркестане может возыметь величайшее революционизирующее значение для всего Востока»⁶⁶.

Эта идея проходит красной нитью через все последующие работы товарища Сталина, посвященные Средней Азии и Востоку. Эта идея находит свое яркое отражение в приветственных телеграммах товарища Сталина первым партийным съездам и конференциям вновь создаваемых советских республик Средней Азии.

«Объединение узбекских земель в одну республику является актом величайшей важности для всего Востока», — писал товарищ Сталин 9 февраля 1925 г. в своей приветственной телеграмме партийному курултаю Узбекистана⁶⁷.

«Привет Таджикистану — новой советской республике трудящихся у ворот Индостана... Работники Таджикистана! Подымайте культуру своей страны, развивайте ее хозяйство, помогайте труженикам города и деревни, сплывайте вокруг себя лучших сынов родины и покажите всему Востоку, что вы являетесь лучшими потомками своих предков, крепко держащими в своих руках знамя освобождения»⁶⁸.

Эти указания товарища Сталина выполнены советскими республиками Средней Азии. Огромно то революционизирующее воздействие на пробудившиеся народные массы колониальных и полуколониальных стран Востока, которое оказывают замечательные успехи строительства национальной советской государственности, народного хозяйства и социалистической по содержанию, национальной по форме культуры народов Средней Азии.

Выдающийся таджикский поэт, лауреат Сталинской премии Мирзо Турсун-Задэ рассказывает о своих недавних встречах с трудящимися Пакистана, живущими той же страшной жизнью, которой всего три

⁶⁶ И. Сталин, Соч., т. 4, стр. 230.

⁶⁷ Сб. «Ленин и Сталин. Статьи и речи о Средней Азии и Узбекистане», стр. 221.

⁶⁸ Там же, стр. 223.

десятилетия назад жили трудящиеся массы поработанных таджиков.

«То были,— рассказывает поэт о своих собеседниках,— люди сплошь неграмотные. Они не знали не только газет, книг, детских тетрадок, но даже очага и полотенца в своей семейной ночлежке. Здесь были чайники, работающие за четвертую долю урожая, и батраки, получающие пятнадцать рупий в месяц. Те и другие могут предложить членам своей семьи одну лепешку в день, а иногда даже через день, дополнительную единственную доступную беднякам пищу — съедобной травой».

...Я говорю о том, что некоторые наши хлопкоробы к вечеру возвращаются домой с поля в собственном автомобиле. Человек с белой тряпкой вокруг чресел настолько поражен этим и так далек даже в мыслях от подобных вещей, что тут же спрашивает:

— А... сыт ли этот автомобилевладелец?

И жена его спрашивает:

— Верно ли, что крестьяне-таджики каждый день едят варено?

...Я слышу однообразные, одни и те же вопросы на тему: «Неужели все сыты?» или «Но как живут бедные?»

Я задумываюсь: как же, какими словами объяснить этим людям, что в нашей республике, например, есть Ленинадская долина — ее теперь именуют «Долиной миллионеров», — где не существует ни одного колхоза, который не был бы миллионером? Я рассказываю об этом, а в ответ слышу:

— Но ведь это богатые хозяйства, а в богатом хозяйстве беднякам везде живет хуже...

— Ах, друзья мои! — говорю я, потрясенный, — да ведь это их общее хозяйство, все они, эти люди, очень богаты»⁶⁹.

Это пристальное внимание народов колониального Востока к тому, что творится в республиках Советского Востока проникает через «железный занавес» клеветы и дезинформации, воздвигнутый империалистами на границах Советской страны и стран народной демократии.

Индусский либеральный историк Кумар Гошал в своей книге «Народ в колониях» пишет: «До революции 1917 года таджики, узбеки, киргизы и другие народы советских азиатских республик были такими же отсталыми, как всякие другие колониальные народы. После революции, в течение жизни менее чем одного поколения, эти народы добились экономического, политического и культурного прогресса и далеко обогнали любой другой народ Азии»⁷⁰.

Известный английский исследователь индийских проблем, индус по происхождению Р. Пальм Датт, в своей книге «Индия сегодня» дает развернутое сопоставление положения народов Индии и народов советских среднеазиатских республик, приходя к выводу, неизбежному для всякого объективного наблюдателя:

«...разница между Советским Союзом и Индией поистине разительна. В Советском Союзе — цивилизация, в Индии — колониальное варварство»⁷¹, и дальше: «Наблюдая пример быстрого развития равноправных среднеазиатских советских республик, неизбежно ощущаешь чувство горькой обиды за Индию, которую империалисты продолжают угнетать и эксплуатировать. Все это вызывает у индийского народа чувство ненависти к своим британским поработителям, но вселяет также чувство надежды и уверенности в будущее развитие Индии, которое может быть достигнуто, когда империалистическое иго будет свергнуто и индийский народ станет хозяином своей собственной страны»⁷².

Давно прошло то время, когда империалисты-колонизаторы имели

⁶⁹ Мирзо Турсун-Заде, За горами Таджикистана, «Литературная газета» 4 февраля 1950 г.

⁷⁰ Кумар Гошал, Народ в колониях, М., 1949.

⁷¹ Р. Пальм Датт, Индия сегодня, М., 1948, стр. 73.

⁷² Там же, стр. 80.

дело с безропотной массой колониальных рабов, которых можно было безнаказанно угнетать.

«...Октябрьская революция является первой в мире революцией, которая разбила вековую спячку трудовых масс угнетенных народов Востока и втянула их в борьбу с мировым империализмом», — писал в 1918 г. товарищ Сталин ⁷³.

Такие всемирно-исторические события, как победа народной демократии в Китае, приобщившая четырехсотпятидесятимиллионный китайский народ к строительству социализма, как раскрепощение Северной Кореи, как героическая борьба двадцатимиллионного вьетнамского народа против империализма за подлинную демократию, как трагическая эпопея борьбы семидесятимиллионного населения Индонезии против американских, английских, голландских империалистов и «своих» «собственных» эксплуататоров, приспешников колонизаторов, — все это факты первостепенной исторической важности, свидетельствующие о том, что поворот к старому уже невозможен, что какие бы испытания ни стояли еще на пути поднявшихся на борьбу за освобождение народов Востока, — победа их неизбежна.

«...мы должны здесь, в России, в нашей федерации, национальный вопрос разрешить правильно, образцово, чтобы дать пример Востоку, представляющему тяжелые резервы революции, и тем усилить их доверие, тягу к нашей федерации», — говорил товарищ Сталин на XII съезде РКП(б) ⁷⁴.

Подлинно интернационалистическая политика нашей партии, руководимой великим Сталиным, являлась и является залогом этого доверия. Правильное, образцовое, сталинское разрешение национального вопроса в республиках Средней Азии, с полной, несокрушимой убедительностью выступающее в итогах их двадцатипятилетия, являлось и является для всех вставших на путь освобождения, как и для еще угнетенных народов зарубежного Востока маяком, освещающим им путь к уже недалекому светлому будущему — сталинский путь к коммунизму.

⁷³ И. Сталин, Соч., т. 4, стр. 164.

⁷⁴ И. Сталин, Соч., т. 5, стр. 261.

И. И. ПОТЕХИН

СТАЛИНСКАЯ ТЕОРИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ТРОПИЧЕСКОЙ И ЮЖНОЙ АФРИКЕ *

С эпохой империализма начинается второй период развития национального вопроса. Передовые капиталистические державы захватывают колонии и превращаются в многонациональные, колониальные империи. Тем самым национальный вопрос перерос в вопрос колониальный или национально-колониальный, т. е. в вопрос об освобождении народов колоний и зависимых стран от империалистического порабощения. Если раньше национальный вопрос был вопросом внутригосударственным, то теперь он превратился в вопрос междугосударственный, мировой; национальный вопрос стал частью общего вопроса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата.

Оппортунистическое руководство и теоретики II Интернационала не хотели замечать это коренное изменение в развитии национального вопроса. Только Ленин и Сталин впервые вскрыли связь национального вопроса с вопросом о колониях, обосновали эту связь теоретически и положили ее в основу революционной деятельности пролетариата.

«Раньше национальный вопрос замыкался обычно тесным кругом вопросов, касающихся, главным образом, «культурных» национальностей. Ирландцы, венгры, поляки, финны, сербы и некоторые другие национальности Европы — таков тот круг неполноправных народов, судьбами которых интересовались деятели II Интернационала. Десятки и сотни миллионов азиатских и африканских народов, терпящих национальный гнет в самой грубой и жестокой форме, обычно оставались вне поля зрения. Белых и черных, «культурных» и «некультурных» не решались ставить на одну доску. ...Теперь эту двойственность и половинчатость в национальном вопросе нужно считать ликвидированной. Ленинизм вскрыл это вопиющее несоответствие, разрушил стену между белыми и черными, между европейцами и азиатами, между «культурными» и «некультурными» рабами империализма и связал, таким образом, национальный вопрос с вопросом о колониях. Тем самым национальный вопрос был превращен из вопроса частного и внутригосударственного в вопрос общий и международный, в мировой вопрос об освобождении угнетенных народов зависимых стран и колоний от ига империализма»¹.

Великий мастер материалистической диалектики, корифей науки И. В. Сталин разработал намеченную в основных чертах В. И. Лениным стройную и строго научную теорию колониальной революции.

Сталинская теория колониальной революции исходит из того, что решение колониального вопроса, освобождение угнетенных народов от колониального рабства невозможно без пролетарской революции и свержения империализма.

* Доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященном 70-летию товарища И. В. Сталина.

¹ И. Сталин. Соч., т. 6, стр. 138—139.

В последние годы, после второй мировой войны, в кругах буржуазной интеллигенции колониальных стран получила широкое распространение «теория» возможности ликвидации колониальной системы без уничтожения капиталистического способа производства. Нигериец Оризу в книге «Без горечи» подвергает английскую колониальную политику острой критике, требует предоставления Нигерии независимости и вместе с тем высказывается за сохранение основ капитализма. Индиец Гошал в книге «Народ в колониях» критикует колониальную систему империализма в целом, требует ее немедленной ликвидации и считает такую ликвидацию возможной при сохранении капитализма в США, Англии и других странах.

Нетрудно видеть, что классовой основой «теории» Оризу и Гошала являются интересы национальной буржуазии колониальных стран. Она хотела бы получить независимость, т. е. возможность самостоятельного управления своей страной, и сохранить в неприкосновенности капиталистический способ производства, избежать каких-либо радикальных демократических преобразований. Теоретической основой этой точки зрения является каутскианское понимание империализма.

В качестве «классического» определения империализма Гошал приводит определение Дж. А. Гобсона, который, по оценке В. И. Ленина, стоял на точке зрения, по существу однородной с точкой зрения Каутского. Каутский же отрывал политику империализма от его экономики, допускал, что монополии в экономике совместимы с немонополистическим, ненасильственным, незахватническим образом действий в политике.

В. И. Ленин, И. В. Сталин, исходя из научной теории империализма, считают, что свержение капитализма и уничтожение колониальной системы являются двумя сторонами одной и той же задачи.

«История говорит, что единственный способ уничтожения национального неравноправия, единственный способ установления режима братского сотрудничества трудящихся масс народов угнетенных и неугнетенных — это ликвидация капитализма и установление советского строя»², — говорил И. В. Сталин на X съезде партии в 1921 г.

Прошедшие после этого почти три десятка лет явились блестящим подтверждением этого сталинского положения. В СССР вместе с ликвидацией капитализма и построением социалистического общества ликвидированы не только национальный гнет во всех его формах, но и фактическое неравенство наций, оставшееся советской власти в наследство от старого империалистического режима. В результате победы социализма в нашей многонациональной Советской стране каждая нация, большая и малая, чувствует себя в своем родном доме, никто ее не угнетает и не притесняет, и все нации вместе составляют единую дружную семью, занятую общим делом строительства коммунизма.

И, наоборот, в странах, остающихся еще в системе империализма, за эти тридцать лет национально-колониальный гнет ни на йоту не стал слабее, он стал еще более жестоким и нестерпимым. Империализм не может жить без порабощения и угнетения одних наций другими нациями, слабых сильными. Идеология равноправия всех рас и наций, идеология дружбы народов чужда эксплуататорским классам.

Отсюда следует, учит товарищ Сталин, что «национальный и колониальный вопросы неотделимы от вопроса об освобождении от власти капитала», что «неполноправные нации и колонии не могут быть освобождены без низвержения власти капитала»³.

Борьба угнетенных народов колоний и зависимых стран сливается тем самым с борьбой пролетариата метрополий всех передовых капи-

² И. Сталин, Соч., т. 5, стр. 38.

³ Там же, стр. 56—57.

талистических стран против империализма за диктатуру пролетариата, за социализм. Но, с другой стороны, поскольку колонии являются тылом, резервом империализма, и пролетариат передовых капиталистических стран не может добиться прочной победы над империализмом без освобождения колоний.

Отсюда вытекает следующее важное положение ленинско-сталинской теории колониальной революции:

«Интересы пролетарского движения в развитых странах и национально-освободительного движения в колониях требуют соединения этих двух видов революционного движения в общий фронт против общего врага, против империализма»⁴.

Коммунистические партии метрополий, исходя из этой принципиальной установки, всегда оказывали и оказывают особенно сейчас, после второй мировой войны, всяческое содействие развитию национально-освободительного движения в колониях. Французская коммунистическая партия, например, оказала и продолжает оказывать антиимпериалистическому движению во французских колониях Африки большую и неопределимую помощь.

В наши дни национально-освободительное движение народов колоний является органической частью общего антиимпериалистического, демократического лагеря, возглавляемого Советским Союзом. Это прекрасно видно даже на примере отсталой Африки, не говоря уже о более развитых колониях и зависимых странах.

Профсоюзы Африки входят в Международную федерацию профсоюзов и посылают своих делегатов на ее конгрессы. Молодежные организации Африки входят во Всемирную федерацию демократической молодежи. Член Исполкома ВФДМ Гей Абулье — представитель африканской молодежи. В последнем фестивале студентов и демократической молодежи в Будапеште участвовали представители организаций африканской молодежи. Демократические организации Африки принимали участие во Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже, представители Африки вошли в состав Постоянного комитета Конгресса. Вице-президент этого Комитета Габриель д'Арбусье, посетивший Москву в дни Всесоюзной конференции сторонников мира, является генеральным секретарем Демократического объединения Африки. Африканские женские организации входят во Всемирную демократическую федерацию женщин. Женщины Африки участвовали в качестве гостей на конференции стран Азии, состоявшейся недавно в освобожденном Китае.

«Ничто больше не сможет отделить африканский народ от демократического лагеря», — говорил представитель африканской молодежи на 2-м Конгрессе ВФДМ в Будапеште.

Следующим важнейшим положением сталинской теории колониальной революции является требование строго различать «между революцией в странах империалистических, в странах, угнетающих другие народы, и революцией в странах колониальных и зависимых, в странах, терпящих империалистический гнет других государств. Революция в империалистических странах — это одно, там буржуазия является угнетателем других народов, там она контрреволюционна на всех стадиях революции, там момент национальный, как момент освободительной борьбы, отсутствует. Революция в колониальных и зависимых странах — это нечто другое, там гнет империализма других государств является одним из факторов революции, там этот гнет не может не задевать также и национальную буржуазию, там национальная буржуазия на известной стадии и на известный срок может поддержать революционное движение своей страны против империализма, там национальный

⁴ И. Сталин, Соч., т. 6, стр. 145.

момент, как момент борьбы за освобождение, является фактором революции.

Не делать этого различия, не понимать этой разницы, отождествлять революцию в империалистических странах с революцией в странах колониальных, — это значит сойти с пути марксизма, с пути ленинизма, стать на путь сторонников II Интернационала»⁵.

Из этого положения вытекает крайне важный, принципиальный вывод об особом стратегическом этапе колониальной революции — этапе общенационального антиимпериалистического фронта, когда национальная буржуазия еще поддерживает революционное движение.

Это не значит, конечно, что на этом этапе нет противоречий между пролетариатом, широкими трудящимися массами, с одной стороны, и национальной буржуазией — с другой. Буржуазия поддерживает революционное движение народных масс только с целью воспользоваться плодами революции и захватить политическую власть для подавления и порабощения народных масс своей страны. Этот этап общенационального фронта возможен лишь там и тогда, где и когда пролетариат еще не выступает как самостоятельная и решающая сила, как антипод национальной буржуазии, где пролетариат еще не в состоянии возглавить борьбу непролетарских трудящихся масс.

Выступая перед студентами Коммунистического университета трудящихся Востока в 1925 г., товарищ Сталин указывал, что «с ростом революционного движения национальная буржуазия таких стран раскалывается на две части: на революционную (мелкая буржуазия) и соглашательскую (крупная буржуазия), из коих первая продолжает революционную борьбу, а вторая вступает в блок с империализмом». Он предупреждал, что крупная национальная буржуазия только на известной стадии и на известный срок может поддерживать революционное движение своей страны против империализма, что, «боясь революции больше, чем империализма, заботясь об интересах своего кошелька больше, чем об интересах своей собственной родины», она, в конце концов, заключит «блок с империализмом против рабочих и крестьян своей собственной страны»⁶.

Последующие события полностью подтвердили это предвидение товарища Сталина. Опыт китайской революции показал, что общенациональный фронт был возможен только на первом ее этапе, когда революция была направлена главным образом против иностранного империализма. Крупная национальная буржуазия пошла на сделку с империализмом, когда развернулось движение рабочих и крестьян, а революция приобрела характер аграрной революции.

Не только китайская буржуазия, но также крупная буржуазия Индии, Индонезии, Филиппин, Египта и ряда других колоний и зависимых стран уже изменила национальным интересам своих стран и перешла на сторону империализма.

Товарищ Сталин предупреждал, а прошедшая четверть века полностью подтвердила, что полная и окончательная победа колониальной революции возможна только при руководящей роли пролетариата. Мелкобуржуазные националистические организации и партии уже показали свою неспособность отстаивать дело национального освобождения. Они склонны к тому, чтобы ограничиваться конституционными реформами, завоеванием формального, буржуазного демократизма, который не обеспечивает и не может обеспечить полный отрыв от системы империализма, фактическую, а не формальную независимость. Только рабочий класс, возглавивший национальный фронт всех антиимпериалистических сил, способен вести последовательную борьбу за независи-

⁵ И. Сталин, Соч., т. 10, стр. 10—11.

⁶ Там же, т. 7, стр. 148.

мость и глубокие демократические преобразования, отвечающие интересам огромного большинства народа.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России положила начало кризису колониальной системы империализма. Она показала новый, пролетарский метод разрешения национального вопроса, она вдохновила угнетенные народы колоний и зависимых стран, разбудила их, подняла к борьбе. Оценивая международное значение Октябрьской революции, товарищ Сталин указывал в статье «Международный характер Октябрьской революции»⁷:

«**Наступила** эра освободительных революций в колониях и зависимых странах, эра пробуждения **пролетариата** этих стран, эра его **гегемонии** в революции».

Такова в самых общих чертах теория колониальной революции, разработанная товарищем Сталиным. Для советского этнографа, изучающего народы колоний и зависимых стран, она является руководством к действию.

Советский этнограф не может изучать этнографию народов колоний в отрыве от национально-освободительного движения этих народов. Не может, во-первых, потому, что он считает долгом советского ученого всемерно содействовать своей исследовательской работой борьбе сил прогресса против сил империалистической реакции. Не может, во-вторых, потому, что расстановка классовых сил в национально-освободительном движении в остальных колониях является единственным критерием правильного понимания сложных социальных процессов, происходящих внутри поработанного империализмом общества колониальных народов.

Глубокое проникновение в проблемы национально-освободительного движения таких отсталых стран, как Африка, например, невозможно без этнографического исследования. Здесь еще сохраняется в стадии разложения первобытно-общинный строй, здесь нет еще сформировавшихся эксплуататорских классов помещиков и капиталистов, здесь очень своеобразно формируется рабочий класс. И вместе с тем туземное общество уже не является монолитным, однородным, оно разделено на классовые, социальные прослойки, которые занимают свои особенные позиции в борьбе с империализмом.

Чтобы глубоко проникнуть в проблемы национально-освободительного движения, надо знать расстановку классовых сил в этом движении, а для этого надо ясно представлять себе экономическую природу и социально-политический облик всех классовых, социальных прослоек современного туземного общества. Это дело этнографа, поскольку речь идет о таких отсталых колониях, где еще сохраняется родоплеменной строй.

Что представляет собой вождь какого-нибудь современного африканского племени — кикую или масаев? Что представляет собой, например, Сепинари Кама, вождь племени бамангват, или оманхене ашанти Офори Атта?

Это представитель народа, олицетворяющий так называемую самобытную демократию, — твердят нам без устали буржуазные этнографы. Такую характеристику вождей племени поддерживает и некоторая часть африканской интеллигенции, вышедшая из аристократической верхушки. На самом деле это — в большинстве случаев феодал или полуфеодал, собирающий ренту с крестьян и торгующий рабочей силой колониальных рабов, своих соплеменников. Правда, это не обычный, а довольно своеобразный феодал. Он ограничен в распоряжении землей племени, он находится в экономической и политической зависимости от империализма, от колониальных властей, он прикрывает свою феодальную сущ-

⁷ И. Сталин, Соч., т. 10, стр. 245.

ность обветшалыми остатками родовой демократии, но все это не мешает ему эксплуатировать своих соплеменников путем более или менее типичных феодальных методов эксплуатации.

Не все вожди племени одинаковы, и не все они находятся в одинаковом положении. Надо различать вождя племени, земля которого экспроприрована колонизаторами, и вождя племени, земли которого еще не урезаны. Наряду с богатыми, влиятельными вождями племен, которые имеют не только богатые дома европейского типа или восточные гаремы, но и автомобили, имеется масса мелких, забытых колониальными властями вождей племен, которые по своему положению, по уровню и образу жизни мало отличаются от рядовой массы соплеменников. Этнографы-африканисты должны дать экономическую и социально-политическую характеристику различных групп этой аристократической верхушки африканского общества.

Не все вожди племен занимают одинаковые позиции и в борьбе с империализмом. Некоторая часть вождей племен идет еще вместе с народом против империализма, другая часть является надежной социальной опорой империализма в африканских колониях.

До первой мировой войны, до начала кризиса колониальной системы империализма, руководящая роль в народном антиимпериалистическом движении принадлежала аристократической верхушке африканского общества, вождям племен, разного рода эмирам и султанам. Африканский национальный конгресс в Южной Африке, Общество защиты прав аборигенов в Западной Африке и подобные им организации в других частях континента, возглавляя народные движения, всячески сдерживали их, стараясь удержать их в рамках колониальной законности. Первой резолюцией, принятой Африканским национальным конгрессом, например, была резолюция, в которой Конгресс отмежевывался от забастовавших рабочих и осуждал это «нарушение» колониального порядка.

После первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции в России на первое место начинают постепенно выдвигаться молодая национальная буржуазия и национальная интеллигенция. Создаются такие организации, как демократическая партия Нигерии, младосенегальцы, младодагомейцы и др. Одновременно с этим в Южной Африке создается коммунистическая партия, открывающая эру гегемонии пролетариата в национально-освободительном движении.

В период между двумя войнами в африканских странах произошли большие перемены. Значительно вырос рабочий класс в связи с развитием горной, а в некоторых странах (Южно-Африканский Союз) и обрабатывающей промышленности, средств сообщения и плантационного хозяйства. Увеличилось местное население городов и промышленных районов как организующих центров национально-освободительного движения. Национальная буржуазия, хотя она и сейчас остается малочисленной и экономически слабой, вышла на арену самостоятельного политического действия. Значительно выросла национальная интеллигенция, появилась демократическая пресса, окрепло национальное самосознание народов.

До первой мировой войны английские, и в еще большей степени французские и германские, колониальные власти не считались или мало считались с традиционными институтами туземного общества. Они сохраняли власть некоторых местных владык, как, например, мусульманских эмиров и султанов в Нигерии, кабаки в Буганде, верховного вождя Баротселенда и др., превратив их в своих марионеток, а их «государство» в вспомогательный аппарат колониальной администрации. Но они не обращали внимания на необходимость сохранения старой родоплеменной организации и всей своей политикой разрушали ее. Они превратили вождей племен в «мальчиков на побегушках» при европейских

колониальных чиновниках, не считались с традиционными принципами наследования вождей и старшин. Миссионеры в меру своих сил трудились над истреблением «язычества», полигамии и пр., подрывались устои старой родоплеменной организации.

Начавшийся кризис колониальной системы вскрыл всю опасность этой политики для империализма. Колониальные власти меняют курс: они переходят к политике сохранения родоплеменной организации, восстановления и консервации ее, укрепления традиционной власти вождей племен, как своей социальной опоры. Вожди племен попрежнему остаются исполнителями воли колониальных чиновников, но им стараются создать теперь авторитет и положение в обществе, им платят жалованье, проявляют по отношению к ним внешний респект и т. д. и т. п. Принимаются меры к охране общинного землевладения как основной экономической базы вождей племен.

Но колониальные власти добились своей политикой обратного тому, на что рассчитывали. Законсервировать родоплеменную организацию, характерную для первобытно-общинного строя, нельзя в условиях капитализма. Земельные экспроприации и массовые перемещения людей, переселение в города и рост промышленного пролетариата, рост товарного хозяйства и имущественного неравенства в родовой общине — все это несовместимо с существованием старых институтов первобытно-общинного строя. Родовая и особенно племенная организация все больше превращается в пустую оболочку, не соответствующую новому содержанию. Все буржуазные исследователи отмечают, как массовое явление, стремление освободиться от родоплеменных уз, традиций и правил. Разрушаются племенная замкнутость и ограниченность. На крупных плантациях, на дорожном строительстве, в городах и промышленных центрах собираются, живут и работают люди разных племен. В процессе совместной жизни падают племенные различия и племенная отчужденность, исчезают диалектические различия в языке и вырабатывается общий для всех язык, создается новая культура. Создаются классовые и национальные организации, не знающие племенного деления: профсоюзы, организации национальной интеллигенции, спортивные и др. Совместная борьба с предпринимателями и колониальной администрацией вырабатывает понимание общности интересов, поглощающих интересы своего рода и племени. Племенная общность умирает, ее место заступает национальная общность. И вместе с тем политика опоры колониальных властей на аристократическую верхушку туземного общества, на вождей племен подорвала их влияние на народные массы. Вожди племен, выполняя административные функции, все чаще вынуждены опираться на колониальную полицию, противопоставляя себя рядовой массе членов племен как чуждую ей и стоящую над ней враждебную силу.

В период между первой и второй мировыми войнами аристократическая верхушка туземного общества все больше отходила от освободительного движения и сближалась с империализмом. После второй мировой войны эта аристократическая верхушка стала тормозить освободительное движение и в ряде колоний выступает вместе с колониальными властями против собственного народа. В Нигерии она уже дважды отклонила предложение Национального совета о совместной борьбе против антидемократической конституции 1946 г. На Золотом Берегу верховные вожди племен отклонили предложение Объединенной национальной конвенции об организации движения за обуздание европейских спекулянтов и снижение цен, а когда это движение приняло характер массовых волнений, они отправили английскому королю телеграмму с изъявлением своей покорности и преданности ему.

Но теперь влияние аристократической верхушки на народные массы уже подорвано. Повсеместно нарастает недовольство народных масс

предательской политикой вождей племен и всей аристократической верхушки. В ряде мест это недовольство вылилось уже в открытые выступления народных масс против своих феодальных владык. В Сьерра Леоне в 1948 г. произошло восстание против верховного вождя в области Бо, английские власти направили на спасение своей марионетки войска. В том же 1948 г. народ Эгбаленда (Нигерия) изгнал своего короля; английские власти не решились на вооруженное вмешательство, а попытка примирить народ с его королем ни к чему не привела. Народ Буганды уже дважды — в 1945 и 1949 гг. — поднимался на открытую борьбу против своего кабаки.

Колониальные власти встревожены упадком престижа и влияния вождей племен в народе. По существу это означает крах политики косвенного управления. На страницах колониальных журналов идет сейчас оживленная дискуссия по вопросу об укреплении власти вождей племен. Эта изоляция аристократической верхушки от народа является величайшим фактором развития национально-освободительного движения в Африке.

Руководящая роль в национально-освободительном движении большинства колоний Тропической и Южной Африки принадлежит сейчас национальной буржуазии и национальной интеллигенции.

Вопрос о национальной буржуазии в Африке является менее всего разработанным и более всего спорным. Несколько лет назад спорили о том, есть ли вообще национальная буржуазия в колониях Тропической и Южной Африки. Теперь этого спора уже нет. Теперь все признают, что национальная буржуазия существует, но экономический и социально-политический облик этой буржуазии остается неясным.

Дело в том, что промышленной национальной буржуазии нет: империалисты не допускают развития обрабатывающей промышленности, а горная промышленность монополизирована крупными европейскими и американскими компаниями. Внешняя и даже внутренняя торговля в основной ее массе также захвачена монополиями. Каналы накопления капитала для национальной буржуазии крайне ограничены. Но национальная буржуазия существует и растет. Наиболее многочисленную группу буржуазии составляют компрადоры, торгующие от имени и по поручению иностранных фирм. Наряду с компрадорами мы встречаем владельцев крупных хлопковых плантаций, плантаций какао, кофе, владельцев доходных домов, разного рода мастерских и т. п. Среди этой группы эксплуататоров мы встречаем вождей племен и выходцев из рядовой крестьянской массы. Мы знаем пока лишь отдельные примеры, вопрос в целом остается неизученным.

Из каких слоев населения растет национальная буржуазия? Каковы каналы накопления капитала? Какие специфические формы эксплуатации трудящихся масс она применяет? Каково ее место в обществе? Все эти вопросы ждут своего разрешения, и разрешение их в значительной степени связано с проблемой разложения родовой общины. При полном отсутствии статистических материалов о классовой дифференциации населения только тщательный этнографический анализ может дать ответы на эти вопросы, только этнограф, с его специфическим методом исследования, может разобраться в сложном лабиринте современных социальных отношений в африканском обществе.

В борьбе против империалистического порабощения интересы буржуазии совпадают с интересами всего народа. Но вместе с тем она не может не учитывать противоречия своих узко классовых интересов интересам трудящихся масс. Нвафор Оризу, например, призывает к борьбе за независимость и демократизацию Нигерии, но здесь же выступает против всеобщего избирательного права. Он критикует взгляды той части интеллигенции, которая утверждает, что в демократической Нигерии не будет между людьми различия по богатству и

происхождению, что «голосование есть право каждого, что каждый может занимать любую должность». Редактор газеты «Спектейтор де ли» (Золотой берег) Бенджамин Фута Офей защищает точку зрения колониальных властей, что народ еще якобы не подготовлен к осуществлению избирательного права. Антикоммунистическая истерия колониальной прессы и колониальных властей в Африке, принявшая сейчас широкий размах, имеет своей целью запугать местную буржуазию отколоть ее от единого национального фронта. Двойственное положение национальной буржуазии колоний начинает сказываться и в Африке, возглавляя демократические силы, она старается удержаться в рамках колониальной законности. Позицию национальной буржуазии в борьбе против колониального режима можно отчетливо видеть на примере Золотого Берега и Нигерии, где национальная буржуазия развита больше, чем где-либо еще в Тропической и Южной Африке.

В Нигерии самой массовой и влиятельной организацией является «Национальный совет Нигерии и Камеруна». Национальный совет был создан в конце войны как организация единого национального фронта объединяющая все другие национальные и рабочие организации. В главе Совета стоит местная интеллигенция, группирующаяся вокруг Ннади Азикве. Это очень интересная и вместе с тем довольно крупная фигура. Он родился в 1904 г. в аристократической семье; его отец служил чиновником колониальной администрации в ряде городов Нигерии. В 1924 г. Азикве уехал учиться в США, где прожил 10 лет и окончил университет Линкольна. Вернувшись в Нигерию, основал издательство под названием «Зик пресс», которое возглавляет и поныне. Его перу принадлежит ряд книг, одну из которых «Возрождающаяся Африка» в Нигерии называют «библией западноафриканской молодежи». Он создал свою философскую систему, которую называют «универсальной философией» и которая является по существу колониальным изданием реакционной американской философии прагматизма. Азикве пользуется большим влиянием, его называют африканским Ганди.

Основным содержанием движения, возглавляемого Национальным советом, является борьба за пересмотр конституции Законодательного совета. Законодательный совет при губернаторе колонии никакой законодательной властью по существу не обладает, так как все его решения подлежат утверждению губернатора. Учреждением этого Совета английские власти имели в виду создать видимость самоуправления, надежную маскировку империалистического господства, приблизить к себе аристократическую верхушку туземного общества.

После второй мировой войны лейбористское правительство Англии «выполняя» данное во время войны обещание предоставить Нигерии демократическое самоуправление, ввело в 1946 г. новую конституцию.

По этой конституции половина членов Совета состоит из европейцев — колониальных чиновников и бизнесменов, другая половина состоит из представителей местного населения. Из них только четыре члена избираются населением городов Лагос и Калабар на основе избирательного права, ограниченного высоким имущественным цензом. Остальные — 21 член — выбираются путем очень сложной многоступенчатой системы аристократической верхушкой из своих рядов.

Новая конституция вызвала возмущение демократической части населения Нигерии. Четверка представителей от городов Лагос и Калабар, возглавляемая Ннади Азикве, отказалась участвовать в первой сессии Законодательного совета и обратилась с соответствующим предложением к представителям аристократической верхушки, но последние отклонили предложение о бойкоте. Тогда Национальный совет Нигерии обратился с призывом к народу. Волна митингов и демонстраций прокатилась по всей стране. В Лондон была направлена делегация, которая от имени тридцати миллионов нигерийцев потребовала отмены конституции и

введения подлинного демократического самоуправления, но, как и следовало ожидать, получила категорический отказ. Отчеты делегации о переговорах с английским правительством вызвали новый подъем народного движения.

Град репрессий был обрушен на демократические организации. Началась кампания клеветы против Азикиве и его последователей. Чтобы обезглавить нарастающее движение, английские власти пустили в ход испытанный прием рабовладельцев — «Разделяй и властвуй». Наиболее активной силой движения являются народы йоруба и ибо, насчитывающиеся по 4 млн. человек каждый. Азикиве принадлежит к народу ибо. Английские агенты среди йоруба выдвинули провокационный лозунг: «народу йоруба угрожает опасность политического порабощения народом ибо». Это походило на вора, который, убегая от преследователей, кричит: «держи вора!»

Английским агентам удалось расколоть йоруба. Появились две организации: «Общество сынов великого короля Одудува» во главе с феодальной верхушкой, противопоставляющей себя Национальному совету, и демократическая организация — «Федеральный союз йоруба», поддерживающий Национальный совет. Но английским агентам не удалось ослабить национальное, демократическое движение.

Английское правительство вынуждено прибегать к новым маневрам: оно создало комитет для разработки новой конституции и ввело в его состав все руководство Национального совета. Создание этого комитета является само по себе крайне показательным фактом. Если через три года после введения конституции пришлось создать комитет для выработки новой конституции, то это свидетельствует о серьезной напряженности политической обстановки в Нигерии.

Включая руководство Национального совета в состав комитета, английские власти имели целью оторвать его от народного движения и заставить его заниматься под руководством английских колониальных чиновников бесплодными дискуссиями в комитете. Группа Азикиве не пошла в эту конституционную ловушку, но и не отказалась от ограничения целей движения конституционной реформой. Группа Азикиве разработала свой проект конституции, который предусматривает расширение демократического самоуправления Нигерии, но в рамках британской империи, при сохранении английского господства. В связи с расстрелом бастующих горняков Энуру в декабре 1949 г. Азикиве заявил: «Я сторонник только мирных методов получения независимости для Нигерии». Идеология и политика группы Азикиве — это идеология и политика мелкобуржуазного национал-реформизма.

На Золотом Берегу в 1947 г. была создана организация единого национального фронта «Объединенная конвенция Золотого Берега». Президентом Конвенции стал 70-летний купец, экспортер какао и леса, Джордж Альфред Грант, а вице-президентом — доктор Данква, брат верховного вождя Офори Атта, автор ряда книг, журналист, редактор ряда газет, член Законодательного совета. Конвенция выдвинула требование независимости Золотого Берега «в возможно кратчайший срок».

Англия «даровала» Золотому Берегу новую конституцию, аналогичную конституции Нигерии. Объединенная конвенция приняла решение бойкотировать Законодательный совет, избранный по новой конституции. Для этой цели было созвано совещание с верховными вождями племен, но последние отказались поддержать предложение Конвенции.

В начале 1948 г. Конвенция организовала массовое движение за обуздание европейских спекулянтов и за снижение цен. Основное ядро движения составили демобилизованные солдаты. Движение охватило города Аккра, Кумаси, Акьюз и другие. Повсюду проходили демонстрации и митинги (на одном из митингов в Аккра присутствовало 9000 че-

ловек), распространялись листовки, в ряде мест народ разгромил европейские магазины. Были выставлены требования: помощь демобилизованным, освобождение политических заключенных, снижение цен. Расстрел мирной демонстрации, направлявшейся к дворцу губернатора в результате которого, даже по официальным данным, было убито 26 ранено 242 человека, вызвал бурное возмущение по всей колонии. Демонстрации «порядка» были вызваны войска из Нигерии.

Чтобы ослабить нарастающее движение, английские власти решили отвлечь внимание Конвенции в сторону конституционных реформ. Было поручено образовать комитет для выработки новой конституции. Маневр удался. Комитет создан, в него вошли руководители Конвенции, испугавшиеся массового народного движения не меньше английских империалистов. Руководители Конвенции пошли явно на сближение с английскими властями. Данква опубликовал памфлет «Дружба Империя», в котором пресмыкается перед английским империализмом, утверждая, что Англия изменила свое отношение к колониям и что по этому прежний лозунг Конвенции — «независимость в кратчайший срок» — должен быть сдан в архив. Английский колониальный журнал «Вест Африка» рекомендует распространять этот памфлет на Золотом Берегу «как можно шире». В конституционном комитете Данква отстаивает интересы вождей племен против интересов народа. «Он верит в демократию, но в демократию, руководимую вождями племен», — так резюмирует английская империалистическая пресса взгляды Данква на демократию. В результате такой эволюции руководства Конвенции вправо Конвенция раскололась; выделилась Народная партия, возглавляемая бывшим секретарем Конвенции Кваме Нкрума. Народная партия опирается на поддержку профессиональных союзов рабочих, по ее инициативе на Золотом Берегу создана массовая организация демократической молодежи, присоединившаяся к ВФДМ. Рабочий класс Нигерии и Золотого Берега еще не вышел на арену самостоятельного политического действия, но пример этих двух колоний еще раз показывает, что единственной силой, способной поднять и повести народ на борьбу за независимость, является рабочий класс.

Рабочий класс Африки уже довольно многочисленен; за последние годы он быстро растет, но еще молод и еще не накопил опыта политической борьбы. Империалистические державы проводят такую политику, которая задерживает формирование постоянных кадров рабочих в городах и промышленных центрах. Абсолютное большинство африканцев, работающих в горной промышленности и на плантациях, состоит из отходников, крестьян, работающих по временному контракту. Крайне низкая заработная плата, отсутствие на копейки жилищ для семейных рабочих и полицейские ограничения въезда женщин в города и рабочие поселки лишают отходника возможности стать постоянным рабочим, жителем города. Миллионы людей ведут «кочевой» образ жизни: лишенный средств существования, понуждаемый колониальными властями крестьянин уходит на заработки в копи, работает год-полтора, возвращается на несколько месяцев к своей семье в деревню и затем снова подписывает контракт. Однако, вопреки этой империалистической политике, в городах и промышленных центрах уже существует постоянный костяк рабочего класса, организующий и сплачивающий вокруг себя переменную часть — отходников.

Профессиональные союзы рабочих появились в Африке после первой мировой войны, но они были крайне немногочисленными и слабыми. Колониальные власти лишь после второй мировой войны, и то не везде, были вынуждены признать существование профсоюзов и разрешить их организацию. После второй мировой войны рабочие африканских колоний при активной помощи Всемирной федерации профессиональных союзов создали массовое профсоюзное движение. Сейчас нет ни одной

сколько-либо значительной колонии, где бы не было профессиональных организаций рабочего класса. В ряде колоний созданы профсоюзные центры, входящие во Всемирную федерацию профсоюзов. В английских владениях сила профсоюзного движения ослабляется предательской деятельностью агентов английского конгресса тред-юнионов.

В Южно-Африканском Союзе профсоюзное движение является наиболее старым (на африканском континенте) и наиболее организованным, но оно до сих пор продолжает оставаться расколотым по расовому признаку. Реформистские лидеры профсоюзов европейских рабочих до сих пор отказываются принимать в свои профсоюзы местных рабочих. Местные рабочие с помощью коммунистической партии Южной Африки создали свои профсоюзы и свой профсоюзный центр. В последние годы среди европейских рабочих Южной Африки началось движение за создание единых профсоюзов, но расовый барьер в рабочем движении еще не разрушен.

В других английских колониях профсоюзы испытывают сильное влияние английского конгресса тред-юнионов: в колониях имеются лейбористские советники профдвижения, местные лидеры профсоюзов обучаются в Лондоне, где им прививают отвратительные традиции тред-юнионизма. «Путь к тому, чтобы избежать появления африканских поллитов, заключается в том, чтобы приветствовать появление африканских бевипов», — так интерпретировал лейбористскую политику в африканском рабочем движении орган английских империалистов «Африкэн Уорлд». Что касается английских профсоюзных советников в Африке, то министр колоний Крич Джонс, выступая в палате общин, призывал английских и американских предпринимателей в Африке не бояться их деятельности, так как, по его словам, «профсоюзные советники стоят совершенно вне политики... Они выполняют свою работу беспристрастно к общему удовлетворению как нанимателей, так и рабочих». Что означает на деле это лейбористское «беспристрастие», показывают цифры колониальных прибылей английских компаний.

Под руководством таких советников профсоюзы создаются не по производственному, а по цеховому признаку, что ведет к распылению сил рабочего класса. Например, Конгресс тред-юнионов Нигерии в 1946 г. объединял 59 союзов с общим числом членов в 42 000, что в среднем на один союз дает около 700 членов. Аналогичное положение на Золотом Берегу, в Гамбии и Сьерра Леоне. На Золотом Берегу в начале 1949 г. наряду с союзом горняков, насчитывающим 15 000 членов, было 9 союзов, объединявших менее чем по 50 человек. Английские советники стараются удерживать профсоюзы от участия в демократическом движении, стараются ограничить их деятельность борьбой за экономические требования.

В послевоенные годы африканское рабочее движение проходит суровую школу борьбы. Подгоняемые американскими экспансионистами и нарастающим экономическим кризисом, английские, французские и бельгийские империалисты ведут широкое наступление на жизненные интересы африканских рабочих. Стоимость жизни неуклонно ползет вверх, а заработная плата «замораживается» на прежнем нищенском уровне. Забастовки, часто вопреки указаниям профсоюзных советников, являются сейчас обычным явлением. Свирепый полицейский террор не в состоянии остановить борьбу, которая ведется буквально за кусок хлеба; он заставляет борющихся лишь спланиваться и укреплять свои организации.

Степень участия рабочего класса в демократическом, антиимпериалистическом движении в разных колониях дает, естественно, очень пеструю картину. В ряде колоний, и особенно там, где имеются коммунистические партии, рабочий класс идет в первых рядах национально-освободительного движения, поднимая и вовлекая в борьбу все угнетенные мас-

сы. В других колониях рабочий класс еще не оформился как самостоятельная и руководящая сила движения, но повсюду он показывает примеры сплоченности и организованности, всюду растет его организующая, ведущая роль. Яркий пример организующей роли рабочего класса показывает народное движение в Буганде.

Буганда — одно из наиболее старых государств Африки; основанное, его относят к XII столетию. В середине XIX в. Буганда представляла собой высоко организованное, сильное и цветущее государство с высокой культурой. Английские колонизаторы уничтожили его самостоятельность и превратили его в одну из пяти провинций протектората Уганды. Население Буганды представляет собой сложившуюся национальность — баганда, народ свободолюбивый и гордый своей богатой историей. Численность баганда определяется в один миллион человек. Европейское население в Буганде немногочисленно, значительный процент населения составляют арабы и индийцы.

До английской колонизации Буганда не знала еще частной собственности на землю; вся земля считалась собственностью главы государства — кабаки, крестьяне пользовались ею на правах общинного землевладения. Английские колонизаторы создали там крупное феодальное землевладение, разделив всю землю между аристократической верхушкой баганда, превратив ее в свою социальную опору. В настоящее время 230 семейств владеют тремя четвертями всей земли. Во главе Буганды стоит крупнейший помещик, обученный в Кембридже и коронованный на царство английским губернатором — кабака Мтеза II. При нем есть правительство из трех министров и совет — люкико, состоящий из феодальной знати. Реальная власть принадлежит английскому губернатору и его резидентам; кабака и все органы его власти являются по существу вспомогательным аппаратом английского губернатора протектората Уганда.

Крестьяне баганда были лишены земли и превратились в арендаторов, полностью зависящих от своих помещиков и подвергающихся чудовищной эксплуатации. Они платят ренту деньгами и продуктами, работают на полях помещиков, отбывают разного рода трудовые повинности: пользу кабаки, его наместников и английской колониальной администрации. Крайняя бедность отмечается всеми беспристрастными наблюдателями. Даже официальные английские отчеты признают, что около четверти населения страдает от серьезных болезней вследствие недостаточного потребления витаминов.

Буганда превращена в английскую хлопковую базу; экспорт хлопка составляет три четверти всего экспорта. Крупные хлопковые плантации принадлежат главным образом местным помещикам. На них, кроме крестьян, обрабатывающих за арендованный клочок земли, занято значительное число постоянных и сезонных рабочих. На хлопкоочистительных заводах и на других предприятиях по первичной обработке сельскохозяйственного сырья, на железной дороге и на автомобильном транспорте, в портах оз. Виктория работают сотни тысяч наемных рабочих. В Буганде уже сложился многочисленный рабочий класс, который является застрельщиком и руководителем борьбы народных масс.

Экономическое положение баганда после войны резко ухудшилось. Все послевоенные годы отмечаются большим недородом хлопка, который является основным источником денежных доходов крестьян баганда. Монополистические компании снижают закупочные цены на хлопок и безудержно вздувают цены на импортные товары, а колониальная администрация заводит налоговый пресс. Широко развернувшееся военное строительство сопровождается ростом принудительного труда. Несколько тысяч баганда было мобилизовано на строительство военной базы в Кении, проводится мобилизация на строительство железной дороги в Судан, на строительство гидроэлектростанции на р. Нил и т. д.

Баганда не желают больше мириться со своим рабским положением и ведут напряженную, упорную борьбу с английскими империалистами и их агентурой из местных помещиков. Одна забастовка следует за другой. Колониальные власти свирепо расправляются с забастовщиками (расстрел рабочих на бэконной фабрике и т. п.), но подавить стремление измученного народа к свободе не могут.

Рабочие Буганды выдвигают экономические и политические требования, отвечающие интересам всего народа, поэтому забастовки находят горячую поддержку в массе народа и часто выливаются в общенародные движения. Знаменательные события имели место в 1945 г. Забастовка, начатая на одном из предприятий, превратилась во всеобщую, к рабочим присоединились крестьяне, по всей стране проходили совместные демонстрации рабочих и крестьян. Были выдвинуты следующие требования: изменение состава люкико в сторону его демократизации, отставка министра финансов, повышение заработной платы, повышение цен на хлопок. В народе распространялась прокламация под названием «Буганда — наша мать». Прокламация предупреждала народ, что его ожидают еще худшие времена, если он не поднимется на борьбу за свои права, что это новое «несчастье» будет принесено нам нашими соотечественниками, у которых продажное сердце и которые поступают, как предатели».

Народное движение было потоплено в крови, но оно было настолько грозным, что колониальные власти сочли нужным пойти на уступки; в частности, в состав люкико было разрешено избрать несколько народных представителей.

С новой силой развернулось движение против английского империализма и его туземной агентуры в апреле 1949 г. Инициаторами движения снова выступили рабочие. Всеобщая забастовка рабочих была поддержана крестьянами. Были выдвинуты требования, отвечающие интересам всего народа: выборность местных органов власти, расширение представительства народа в люкико, отмена контроля над продажей крестьянской продукции, помогающего монополиям грабить крестьянство. Кабака выступил с призывом к спокойствию, но поднявшийся на борьбу народ прошел мимо призыва этой английской марионетки. Губернатор Уганды для подавления движения вызвал войска из Кении, на улицах Кампалы (столица Буганды) были построены баррикады. Расправа с народом была самая свирепая. В «Дейли Уоркер» через некоторое время было доставлено поступившее из Буганды нелегально письмо с трагической подписью «Еще оставшиеся в живых».

Наиболее организованное и устойчивое демократическое движение создано после войны при активной помощи со стороны коммунистической партии Франции во французских колониях Африки. Замечательной особенностью этого движения является, в частности, то, что оно объединяет демократические силы всех 11 французских колоний Западной и Экваториальной Африки.

В 1946 г. здесь была создана мощная народная организация «Демократическое объединение Африки», насчитывавшее в своих рядах к началу 1950 г. более 2 миллионов членов. Это — широко разветвленная организация с единым руководящим центром. Все члены платят членские взносы и имеют на руках членские билеты. Первичной ячейкой организации является городская или деревенская подсекция, объединяющая членов по месту их жительства; секция объединяет все организации одной колонии. Координационный комитет объединяет и направляет деятельность 11 французских колоний. При секциях созданы рабочие, крестьянские и женские комитеты. Объединение издает четыре газеты, широко распространяемые по всем французским колониям.

В январе 1949 г. состоялся, вопреки запрещению колониальных властей, второй съезд Объединения в гор. Абиджане. Присутствовало около

700 депутатов, а на открытие съезда собралось больше 40 000 человек: рабочие, крестьяне, интеллигенция, женщины и молодежь. Дуду Ги вице-председатель Объединения и генеральный секретарь Демократического союза Сенегала так описывает состав съезда:

«Эти депутаты не были новичками в борьбе. На одежде многих них еще видна пыль дорог, по которым они только что прошли. Представители района оз. Чад проделали 3000 км, чтобы явиться на съезд, пешком, на грузовиках, на самолетах, словом, это была настоящая Одиссея. Представителям Убанги-Шари пришлось преодолеть сопротивление враждебно настроенной администрации. Представители Камеруна са на старое судно, доставившее их в Табу (примерно в 600 км от Абиджана). Представителям Гвинеи, преследуемым полицией, пришлось также погрузиться на судно. Делегаты Верхней Вольты только что вышли из тюрьмы, куда их привели нелегальное положение и произвол. Обращенные, похудевшие, запыленные, они даже не успели повидаться со своими семьями». Среди ораторов, поднимавшихся на трибуну съезда, были женщины: Анни Вольберг — портниха из Порто-Ново, Фади Майга-Бобо и другие. Фади Майга призывала к борьбе за раскрепощение женщин. Обращаясь к мужчинам, она говорила: «Я убедительно прошу вас снять с головы и ног ваших жен те покрывала и цепи, которые они носят по традиции».

В резолюции съезда делегаты приветствовали мощный подъем демократических сил во всем мире и выражали уверенность в их окончательной победе над силами империализма. Съезд послал приветственную телеграмму Французской коммунистической партии и принял решение вступить в союз с нею. В заключение съезда делегаты торжественно отметили ленинские дни. Орган Французской коммунистической партии «Юманите» в номере от 17 января 1949 г. писал о Демократическом объединении Африки: «миллионы жителей Африки идут за ним, борясь против колониальной политики и империализма и, следовательно, борясь за мир».

Пример Демократического объединения Африки показывает, как широкие возможности имеются в колониях Южной и Тропической Африки для образования общенационального единого фронта, руководимого пролетариатом и объединяющего все слои общества, готовые бороться с империализмом и его прислужниками.

В английском доминионе — Южно-Африканском Союзе — национально-освободительное движение имеет длинную и богатую событиями историю. Еще в 1912 г. здесь был создан Африканский национальный конгресс. Вначале это была организация вождей племен, еще не сломившихся с империализмом; в процессе сложной эволюции Конгресс превратился в основную национал-реформистскую организацию. В 1921 г. была основана коммунистическая партия.

Основным содержанием антиимпериалистического движения в Южной Африке в послевоенные годы является борьба против расовой дискриминации, за предоставление местному населению политических прав равных с правами европейской части населения. Англо-бурские империалисты создали в Южно-Африканском Союзе расистские джунгли: местное население поставлено фактически вне закона, рабовладельческий принцип «Разделяй и властвуй» доведен здесь до его логического конца: европейское население противопоставляется всему неевропейскому населению, банту противопоставляются мулатам («цветным») и индийцам, басуто противопоставляются зулусам, зулусы — бечуанам и т. д. «Трагедия в том, — говорит один из героев романа южноафриканского писателя Питера Абрахамса «Тропую грома», учитель зулус Мако, — что у нас всякий прежде всего кафр или цветной, или араб, или еврей, или англичанин, или китаец, или грек. Никто не смеет быть прежде всего человеком».

Борьба против расовой дискриминации всегда поэтому стояла в центре внимания демократических сил и коммунистической партии прежде всего. С приходом к власти фашистской партии Мала́на положение неевропейского населения стало совершенно невыносимым. Маланисты пришли к власти под лозунгом «указать черному его место». Правительство Мала́на ликвидирует последние жалкие остатки человеческих прав, которые еще оставались у местного населения, а заодно под шумок антиуземной и антикоммунистической истерии урезывает и демократические права трудящейся части европейского населения.

Приведу лишь три примера, характеризующие обстановку в современном Южно-Африканском Союзе.

В августе 1946 г. забастовало 50 000 африканских горняков, требовавших повышения заработной платы. Полиция расстреляла митинг забастовщиков — 4 рабочих были убиты, 41 — тяжело ранено и 405 — легко ранены. Правительство (тогда у власти стоял еще Смэтс) обвинило коммунистическую партию в нарушении «Закона о мятежных собраниях» и отдало под суд все руководство партии.

Местному рабочему в Южной Африке платят, как известно, во много раз меньше, чем европейскому рабочему, если даже он выполняет одинаковую работу. Это, так сказать, скидка на черный цвет кожи. В сентябре 1949 г. муниципальные власти Йоганнесбурга повысили тариф на пользование городским транспортом, но только для африканцев. Здесь сделали накидку на черный цвет кожи. Демократические организации организовали демонстрацию протеста против этого нового вида расовой дискриминации. Полиция расстреляла демонстрацию.

На европейских фермах ощущается недостаток рабочей силы. Полиция арестовывает африканцев за нарушение какого-либо из бесчисленных запрещений, сажает в тюрьму и отдает их, так сказать, «на прокат» фермерам. Недавно в Восточном Трансваале «Компания фермеров Лесли по обеспечению рабочей силой» построила тюрьму на 300 заключенных африканцев, которые будут использованы на сельскохозяйственных работах. Уставом компании предусмотрена даже такая сугубо коммерческая деталь: члены компании будут обеспечиваться рабочей силой заключенных в соответствии с количеством акций каждого акционера. На открытие тюрьмы приехал министр юстиции Сварт, поздравивший фермеров с основанием «образцовой тюрьмы».

Коммунистическая партия в тяжелых условиях полицейского произвола ведет настойчивую работу по сплочению и укреплению единого демократического лагеря, объединяющего все прогрессивные элементы независимо от цвета кожи, мобилизует широкие народные массы на борьбу с фашистским правительством Мала́на.

Борьба против колониального рабства охватывает все африканские колонии. Антиимпериалистическое движение угнетенных народов Тропической и Южной Африки выходит на широкую дорогу своего развития, оно ширится, растет и крепнет.

Великая социалистическая держава — Союз Советских Социалистических Республик, — знаменосец прогресса и цивилизации, служит и для африканских народов вдохновляющим примером.

«Раньше «принято было» думать, что мир разделен искони на низшие и высшие расы, на черных и белых, из коих первые неспособны к цивилизации и обречены быть объектом эксплуатации, а вторые являются единственными носителями цивилизации, призванными эксплуатировать первых.

Теперь эту легенду нужно считать разбитой и отброшенной. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой легенде смертельный удар, показав на деле, что освобожденные неевропейские народы, втянутые в русло советского развития, способны двинуть вперед действительно передовую культуру

и действительно передовую цивилизацию ничуть не меньше, чем народ европейские»⁸.

Глухим, железным занавесом отгородили колонизаторы свои африканские колонии от остального мира. Всякий правдивый рассказ о стране социализма рассматривается как «потрясение основ» и сурово преследуется. Но крупницы волнующей правды доходят разными каналами до порабощенного народа. Африканцы уже многое знают о Советском Союзе.

Эсланд Робсон, супруга известного американского борца за мир и демократию Поля Робсона, в компании с сыном совершила поездку по Африке. В своей книге об этом путешествии она рассказывает, что где бы она ни была, с кем бы из простых людей она ни говорила, все и всюду заводили с ней разговор о Советском Союзе. «Единственный обнадеживающий маяк на горизонте», — так определила она свои впечатления от этих разговоров. Она много рассказывала о Советском Союзе, о сталинской национальной политике, о братской помощи русского народа отсталым ранее народам, и эти рассказы производили на ее слушателей потрясающее впечатление.

Ее просили рассказывать и рассказывать об этой чудесной стране, не знающей ни расовой дискриминации, ни эксплуатации человека человеком. «Они хотели знать все об этой стране, которая так заботится о своих «детях», — пишет Э. Робсон.

Простые люди Африки знают товарища Сталина и знают его как вождя, учителя и друга всех угнетенных и эксплуатируемых. Габриель д'Арбусье, генеральный секретарь Демократического объединения Африки, опубликовал в связи с 70-летием товарища Сталина статью под названием «Освободитель угнетенных». Он пишет о мечте простого африканца видеть Африку такой же цветущей и счастливой, как Советский Союз. «И сейчас, когда мы торжественно отмечаем 70-летие товарища Сталина, эта мечта особенно ярко освещает нашу борьбу за мир и демократию на бескрайних просторах Африки».

«Мы считаем, — пишет он, — делом высокой чести неуклонно следовать по тому пути, который начертал для порабощенных народов, борющихся за свою свободу, великий вождь советских людей, гениальный полководец армии мира.

Многих лет жизни и здоровья Иосифу Сталину!»

⁸ И. Сталин, Соч., т. 10, стр. 243—244.

В. И. ЧИЧЕРОВ

КЛЯТВА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ ЛЕНИНУ В НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Великий Сталин продолжает дело, начатое В. И. Лениным; он ведет народы Советского Союза по ленинскому пути. «Теперь особенно ясно, каким великим счастьем для нашей Родины и для всего дела коммунизма было то, что после Ленина коммунистическую партию СССР возглавил товарищ Сталин, под руководством которого вот уже более четверти века Советский Союз победоносно строит коммунистическое общество. За этот исторический период наша страна окрепла и расправила крылья как страна социализма и, вместе с тем, стала решающим фактором мощного подъема сил всего прогрессивного человечества. В этом — величайшая заслуга товарища Сталина, сталинского руководства, которое обеспечило идейное сплочение нашей партии на основе принципов марксизма-ленинизма и неуклонное движение советского народа вперед по пути, указанному Великим Лениным»¹.

Образ Сталина в народном творчестве неразрывно слит с образом Ленина. Народные певцы и сказители прославляют в своих произведениях товарища Сталина как верного друга и соратника Ленина, как великого продолжателя его бессмертного дела, как мудрого вождя и учителя народов.

Джамбул говорил:

Ленин, ты жив,
Ты в полном расцвете сил.
Мы в Сталине видим твои черты:
Цели — немерянной высоты,
Мысли — невиданной широты,
Речи — неслыханной простоты...
В Сталине ожил ты.

21 января 1924 г. умер Ленин, перестало биться сердце гениального вождя революции, основоположника партии коммунистов-большевиков.

На Втором съезде Советов товарищ Сталин от имени партии большевиков дал великую клятву. В народное творчество клятва товарища Сталина вошла как образец верности и творческого развития заветов В. И. Ленина. Многочисленные произведения народного искусства рассказывают о том, как В. И. Ленин, чувствуя приближение смерти, призвал к себе И. В. Сталина и поручил ему управление и руководство Советским государством. В известной украинской песне «Два сокола» народ говорит о прощании вождей, о том, как Ленин завещал Сталину

¹ В. Молотов, Сталин и сталинское руководство, «Большевик», 1949, № 24, стр. 15.

возглавить страну Советов, и о клятве Сталина вести партию и народ по ленинскому пути.

И сдержал он клятву,
Клятву боевую:
Сделал он счастливой
Всю страну родную²

Вепское сказание о смерти Ленина рассказывает о том, как перед смертью, прощаясь с товарищем Сталиным, говорил заветы слова:

Чтоб народ всегда оберегали,
Чтоб заботливо растили да учили,
Чтоб в селе культура подымалась,
Чтоб деревня наша развивалась...
Уж как Сталин Ленина послушал,
Все советы и слова его запомнил,
Он запомнил их и все исполнил:
Дал он жизнь счастливую народу.
Как у Сталина о старых-то забота,
У него о детях-то забота,
Обо всем народе-то забота³.

О клятве Сталина говорят и поют все народы СССР. О ней созданы произведения такими замечательными художниками народного поэзии, как Джамбул, Сулейман Стальский, М. С. Крюкова и многие другие.

Произнося великую клятву Ленину, товарищ Сталин говорил: «Мы коммунисты,— люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина. Нет ничего выше, как честь принадлежать этой армии. Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем руководителем которой является товарищ Ленин...»

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!..

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянёмся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!...»⁴

О деятельности партии и лично товарища Сталина, мудрого вождя и учителя, говорят в своем творчестве народы, отмечая победы и достижения на пройденном ими историческом пути со времени Великого Октября 1917 года.

«Сталинская думка нам ленинский путь освещает», — говорит метко народное слово. Народы поют о том, что партия ведет их к счастью:

Наша партия и Советы
По дороге какой ведут нас?
К новой жизни, к новой жизни
Наша партия ведет нас,
Власть советская ведет нас,
К светлой жизни нас ведет!⁵

² «Творчество народов СССР», М., изд. «Правда», 1937, стр. 89.

³ «Раньше дни-то были длинные, длинные...» Перевод с вепского, сб. «Народное творчество Карело-Финской ССР», ГИЗ Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1940, стр. 13.

⁴ «История ВКП(б). Краткий курс», М., Госполитиздат, 1945, стр. 256.

⁵ «Кукушка», Перевод с марийского, «Творчество народов СССР...», стр. 500.

Глубокое уважение и любовь вызывают в народных массах большевики — «лучшие люди страны», как называют их ашуги, бахши, сказители. Певцы рассказывают о деятельности членов партии большевиков по преобразованию страны, о том, как они возглавляют все ответственные участки работы и борьбы за лучшую жизнь. На фабриках и заводах, организуя и осуществляя социалистические формы труда; проводя коллективизацию деревни — революцию в условиях мирного строительства Советского государства; возглавляя все мероприятия культурной революции, — большевики всегда и везде шли и идут первыми, являются подлинными вожаками народа. Они помнят, что партия должна быть связана с народом, подобно Антею, получающему свою силу от матери-земли. Подчеркивая огромную роль коммунистов в осуществлении мероприятий советской власти, народ спрашивает:

Кто же был вдохновителем славных работ?
Кто нарушил обычаи старых веков?

И отвечает: большевики. Вспоминая, как большевики с фабрик и заводов, из городских партийных организаций приходили на работу в села и деревни, певец поет:

Это были борцы — выше песен и слов!
Это были друзья — выше всякой хвалы! ⁶

Равняясь по передовому отряду рабочего класса — партии большевиков, советский народ утверждает:

Мы всем врагам отпор дадим,	Мы славу Октябрю поем!
Октябрь Великий отстоим,	Мы славу Ленину поем!
Героев мы высоко чтим,	Мы славу Сталину поем!
Бойцов заветы вспоминаем.	И славу партии вздымаем! ⁷

Борьба партии большевиков за преобразование страны стала значительнейшей темой народного творчества. Видя, как меняется облик Родины, народ славил большевиков, осуществлявших под руководством товарища Сталина гигантские преобразования страны. Еще в годы, предшествовавшие Великой отечественной войне, народный поэт Дагестана Сулейман Стальский говорил в своих стихах:

Я буду петь большевиков!	Тучней, чем в бурю туч гряда,
Мы проломили тьму веков,	Растут у нас овец стада,
Мы победили тьму врагов...	И табуны, как никогда,
Богатые поля у нас!	Красуются в степях у нас!..
И горы мощные угля	Меж небесами и землей,
Воздвигнуты до звёзд у нас,	Весь мир заполнивши собой,
И трубы, будто тополя,	Пусть Сталин здравствует родной,—
Поднялись во весь рост у нас!	Его наука есть у нас,
	Его улыбка есть у нас!

Так советский народ, видя выполнение сталинской клятвы держать высоко и хранить в чистоте звание члена партии, славит большевиков, воспекает великого всенародного вождя И. В. Сталина. Народ

⁶ «Большевикам-политотдельцам», Перевод с казахского, «Творчество народов СССР», стр. 332.

⁷ «Переключка девушек», Перевод с аварского «Творчество народов СССР», стр. 488.

говорит о победе ленинизма, который товарищ Сталин отстоял и защитил от двурушников и предателей всех мастей, пытавшихся извратить и уничтожить его. В борьбе за ленинизм еще теснее сплотились ряды партии большевиков. «Правда Сталина победила; зерна счастья он нам принес — зерна эти познали мы!», — так поет азербайджанский ашуг.

Пышным цветом по всей стране жизнь культурная расцвела,
Банда правых и «левых» нам козни строила и лгала,
Но могучий удар врагам наша партия нанесла! ⁸

Презренные враги народа, беспринципная клика политических карьеристов, были разоблачены Сталиным и партией и возбудили ненависть народа. Советский народ понял смысл их предательской подрывной деятельности и гневно потребовал суда и сурового наказания их. «Гневом наполнена песня моя», — говорил Джамбул от лица всех народов.

Бушуй, моя песня! Я передам
Ненависть к трем взбесившимся псам.
Первого пса Троцким зовут,
Он кровожаден, бешен и лют.
Второго пса Зиновьевым кличут,
У третьего Каменева обличье.

А с ними шакалья семья поднялась
Из ям, где зловоние, падаль и грязь..
Вот они — лгут, продают, предают,
Вот они тихо на брюхе ползут,
Вот они ночью — беззвездной, сырой —
В Сталина целят..
Изменники, стой! ⁹

От имени советского народа певец говорит, что Сталина — солнце не удастся погасить: «Сталин — солнце наше, и с ним мы побеждали и победим!»

А собакам поганым, бешеным псам,
На брюхе из ямы ползущим к нам,
Приговор вынесен в каждом ауле —
Каждой собаке в череп по пуле ¹⁰.

«Песня гнева» слагалась народами, рвалась из глубин сердец, требовала суровой кары предателям пролетарской революции и диктатуры пролетариата, поднявшимся против ленинизма, против Сталина, против партии. Народ сомкнул свои ряды вокруг Сталина и партии Ленина. В грузинской народной песне сказано:

Мы вокруг вожда сомкнулись,
Чтоб пылинка не касалась! ¹¹

Говоря о могучей силе ленинизма, развитого и углубленного Сталиным, азербайджанский ашуг говорит о разгроме троцкистско-бухаринской банды. Ашуг предупреждает народ об опасности, призывает к бдительности:

Нам изменник наносит вред, и злословят клеветники.
Враг неслышно идет вокруг, различайте его шаги!
Среди нас еще есть враги, мы сломить их должны, Ленин!
Коммунисты, готовы в бой, комсомолы с ними пойдут... ¹²

⁸ Ашуг Бахман. Сталинская Конституция, «Ленин и Сталин в поэзии народов СССР», М., ГИХЛ, 1938, стр. 461.

⁹ Джамбул, Песня гнева, Песни и поэмы, М., ГИХЛ, 1938, стр. 62—68.

¹⁰ Там же, стр. 63.

¹¹ «Ленин и Сталин в поэзии народов СССР», стр. 166.

¹² Ашуг Али, Ленин. «Ленин и Сталин в поэзии народов СССР», стр. 216, 218.

Сталин и большевики, борясь за единство партии и верность делу Ленина, сплотили народы Советского Союза на борьбу с врагами народа. Мощный голос трудящихся масс ответил призыву партии к борьбе с врагами народа: «Горы взрывая на воздух, моря осушая до дна, найдем мы зловонную нору, отыщем врага, он от нас не уйдет... От нас не спасется предатель!»¹³

Когда совершилось злодейское убийство верного сталинца С. М. Кирова, народный гнев поднялся новой волной. Народ проклял троцкистско-зиновьевскую банду, поднявшую руку на соратника Сталина:

Проклятье роду изменников —
 Зиновьеву, Николаеву,
 Когда, скрываясь, сошлись они
 На совет великой измены!
 Проклятье вражьи́м пособникам —
 Пулю пустили в товарища...
 Если спросят меня: кто убил его?
 Отвечу: измена Зиновьева.
 Товарищ Сергей, спокойно спи!
 Неотмщенным ты не останешься,
 А те, кто тебя убили,
 Пусть знают: в живых не будут!¹⁴

Проклятье народа справедливо и беспощадно. Оно преследует предателей и вычеркивает их из жизни:

Тому, кто получит проклятье народа,
 Откажут в приюте и земли и воды,
 И горы ночлега ему не дадут.
 Так пусть подыхает змеиная стая,
 Народы ее навсегда проклинают
 И страстную, жаркую ненависть шлют!¹⁵

Партия во главе с товарищем Сталиным разоблачила преступную деятельность врагов народа. Великая клятва хранить, как зеницу ока, единство и мощь партии, высоко держать и хранить в чистоте звание члена партии — была выполнена. Народы славят партию Ленина — Сталина:

Партии Ленина наш привет:
 Да правит, да здравствует тысячу лет!
 И повторяет пролетариат:
 Да здравствует Сталин — товарищ и брат!¹⁶

На II съезде Советов СССР товарищ Сталин сказал: «Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью и эту твою заповедь!...

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!...»¹⁷

Только в условиях неуклонно осуществлявшегося укрепления диктатуры пролетариата, укрепления союза рабочих и крестьян Советский

¹³ «Слово скорби», Перевод с лакского, «Творчество народов СССР», стр. 323.

¹⁴ «Проклятье роду изменников», Перевод с курдского, «Творчество народов СССР», стр. 325.

¹⁵ Джамбул, Песни и поэмы, стр. 65.

¹⁶ «Посвящается Великому Октябрю». Таджикская песня, «Ленин и Сталин в поэзии народов СССР», стр. 414.

¹⁷ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 256.

Союз смог осуществить построение социализма в одной стране. Трудящиеся массы в царской России были задавлены горем и нуждой, веками их угнетали, притесняли помещики и заводчики, баи, зайсаны; советская власть уничтожила эксплуататорские классы, и трудящиеся СССР стали полноценными людьми, приобщились к политике, к общественной жизни, к культуре и науке, создали первое в мире Социалистическое государство. Об этом и поют они и торжество звучит в словах песен:

Купцов проклятых больше нет!...
Налогов царских больше нет!
Хозяйств кулацких больше нет!
И слез батрацких больше нет!
И нашим стал теперь весь свет!¹⁸

Народы поют о своей советской власти и прославляют вождей — Ленина и Сталина, прославляют партию большевиков, как партию, осуществляющую диктатуру пролетариата, неуклонно, последовательно борющуюся за все жизненные интересы трудящихся.

Л. М. Каганович, говоря о роли товарища Сталина и партии большевиков в истории страны и советского народа, отмечал: «...Партия и Великий Сталин пользуются у рабочего класса и всех трудящихся... непререкаемым авторитетом и безграничной любовью. Сталин воплотил в себе священный классовый гнев рабочего класса и его ненависть к эксплуататорам и угнетателям, всю его негибаемую волю, революционную страсть и энергию в борьбе за лучшую жизнь, за коммунизм. Вся деятельность товарища Сталина направлена на возвышение, укрепление рабочего класса и улучшение его положения»¹⁹.

Народ воспевает укрепление союза рабочих и крестьян, говорит о нем, как о выполнении одного из важнейших заветов В. И. Ленина.

Руку дал пастуху кузнец, на союз их взгляни, Ленин!
Злых и грозных своих врагов сокрушили они, Ленин!
Дашнаков и меньшевиков сбросил вниз с вышины, Ленин!..
Силу Ленина видел враг, в бегство бросился вражеский стан.
В страхе в Англию враг бежит и в смятенье спешит в Иран,
Он к турецкой земле бежит, удирает в Афганистан²⁰.

Сила Ленина — основателя и руководителя партии большевиков, — уничтожающая врагов трудового народа, сохранена и умножена Сталиным. Индустриализация и коллективизация, осуществленные под личным руководством товарища Сталина, явились значительнейшим мероприятием советской власти, обеспечившим выполнение великой клятвы. Враги народа, пытавшиеся помешать и сорвать этот генеральный план преобразования страны, в годы предвоенных сталинских пятилеток были разоблачены и уничтожены. Партия и советский народ торжествовали победу; союз рабочих и крестьян был укреплен навечно. Ко времени принятия Сталинской Конституции были ликвидированы эксплуататорские элементы, изменились рабочие, крестьяне, интеллигенция, создавалась основа морально-политического единства советского общества. Товарищ Сталин в своем докладе о Конституции указывал, что в СССР стираются классовые грани между трудящимися, исчезает ста-

¹⁸ «Настали наши дни теперь», «Творчество народов СССР», стр. 308—309.

¹⁹ Л. Каганович, Сталин ведет нас к победе коммунизма, «Большевик», 1949, № 24, стр. 56

²⁰ «Ленин», Перевод с азербайджанского, «Ленин и Сталин в поэзии народов СССР», стр. 216.

рая классовая исключительность, падают и стираются экономические и политические противоречия между рабочими и крестьянами и интеллигенцией. Коллективизация привела к уничтожению самого многочисленного класса буржуазии — кулачества, вызвала технический переворот в сельском хозяйстве, создала предпосылки для стирания противоположностей города и деревни. В корне изменился культурный облик и материальное положение крестьянства.

Об изменениях в жизни, труде, культуре, быте многомиллионного колхозного крестьянства говорят народные певцы и сказители в произведениях, сложенных о Сталине и своей жизни. Сказительница-колхозница Ведлозерского района Карело-Финской ССР Прасковья Иванова к 70-летию товарища Сталина сложила сказ «В новой жизни». Она рассказывает о своем колхозе — одном из многих колхозов Советского Союза. Нет больше курных изб, топившихся по-черному, таких типичных для старой доколхозной деревни; не в ходу домотканая холстина и берестяные лапти.

А теперь — смотрите: чудо.
Трактор пашет наши нивы.
Все колхозники трудятся,
И колхоз наш богатеет.
Раньше здесь дороги были
Точно муравей их сделал,

А теперь везде дороги
Широки, чисты и гладки,
И по этим-то дорогам
Едут люди на машинах,
Над землей счастливой нашей
Самолеты пролетают...

Счастье новой колхозной жизни вызывает слова, обращенные к создателю ее:

Сталину бы написала
Буквами да золотыми,
Серебром слова покрывши.
Ленин и товарищ Сталин
Вечно взор мой просветляют...
Я тебе желаю, Сталин,
Долголетия и счастья!

Те же чувства и мысли колхозного крестьянства раскрыты в русской народной сказке «Как нужду прогнали». В ней говорится, что жил в России мужик и давила его нужда. Как ни молил, как ни просил мужик ее уйти из его убогой избы, не уходила она и твердила ему: «Я к тебе богом препоручена и семью царскими печатями припечатана». Тяжко было, а сделать мужик ничего не мог. В 1917 г. царя с престола свергнули, «спихнули с плеч помещиков», установили советскую власть. Хоть и горевала из-за этого нужда, а все от мужика не уходила. «А жизнь помаленьку на другой бок стала повертываться. Товарищ Сталин о колхозах закон выпустил. Мужик первым в колхоз записался». Охает нужда, корит этим мужика, а мужик радуется, чувствует: «капут скоро придет нужде». «Разбогатела деревня. Сталин инженеров да техников в деревню прислал. Перепоясали они реку широкой плотиной, часть воды на поле пустили, часть в турбину электростанции направили. Приехали агрономы и на полях пшеницу посеять посоветовали. Уродилась пшеница хорошая, наливая. Осенью обмолотили ее мужики...» От всего этого нужда стала совсем чахлой — «заболела, позеленела, мохом поросла». Счастье и богатство пришли в колхоз, в новый дом колхозника, выстроенный при помощи советского правительства. И тогда мужик скрутил ременную плет и ею прогнал нужду. Всей деревней гнали ее в лес, а затем в болота. «Там она еще двое суток жила, пока не издохла. Мужики нашли ее кости, глубоко их в землю закопали, известью

посыпали и на могилу осиновый кол вбили, чтобы во веки веков нужда не встала»²¹.

Колхозная народная сказка утверждает победу над нищетой, голодом, неустойчивостью и зыбкостью благополучия в крестьянском хозяйстве, видит основу этой победы в преобразовании мелкого, частного крестьянского хозяйства в крупное общественное и самое это преобразование, понятое и оцененное как огромное завоевание советской власти, связывает с именем И. В. Сталина, руководившего коллективизацией страны. Сама жизнь давала и дает материал народному творчеству. От того, что «жить стало лучше, жить стало веселей», в полный голос льётся колхозная песня народов. Она звучит повсеместно. Ее поют на полях Украины:

На землі колгоспівській
Хліб — немов стіна,
Розцвітає піснею
Рідна сторона...²²

Песнь поют в Белоруссии, говоря в ней о том, как месяц осветил дороженьку темного села.

Ты была, дороженька,	Нам теперь дороженька
Неприглядною.	Вольная дана;
Стала ты, дороженька,	Косим, жнем машинами,
Ненаглядною,	Водим трактора.

Эту светлую дорогу, поют народы, проложил Ленин, завершил Сталин²³.

В своей клятве И. В. Сталин говорил: «Товарищ Ленин неустанно говорил нам о необходимости добровольного союза народов нашей страны, о необходимости братского их сотрудничества в рамках Союза Республик. Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять и расширять Союз Республик. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь!...»²⁴

Ленинско-сталинская национальная политика привела к осуществлению этой клятвы. Морально-политическое единство советского общества советский патриотизм, гармонически сочетающий национальные традиции народов и общие жизненные интересы трудящихся Советского Союза, характеризуют все свободные народы СССР. Великая братская семья народов создает новую культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию. Национальный антагонизм и ненависть, разобщенность и рознь народов, характерные для царской России, как и для любого другого капиталистического государства, невозможны в советской действительности. Ленинско-сталинская национальная политика переродила народы: «на развалинах старых буржуазных наций возникли и свободно развиваются новые, социалистические нации, которые живут в дружбе, братстве и единстве» (Л. Каганович). Свое возрождение и свободу, свои новые взаимоотношения, озаренные пролетарским интернационализмом, ранее бесправные, угнетенные народы неизменно сочетают с именем товарища Сталина. Литовский народ поет:

²¹ «Как нужду прогнали». Записано в дер. Коровищи Линдовского района, Горьковской области, «Правда» от 12 декабря, 1949 г.

²² «Ой, коли б я сокіл», Украинская народная песня, «Правда», 12 декабря 1949 г.

²³ «Месяц высоко взошел», Белорусская народная песня, «Правда», 12 декабря 1949 г.

²⁴ «История ВКП(б) Краткий курс», стр. 257.

У Сталина-отца шестнадцать дочерей,
Нет дружбы, что меж ними сильнее и горячеей.
Шестнадцать равноправных республик — наш Союз,
Нет крепче и прочнее их неразрывных уз²⁵.

С гордостью советского патриота многонациональной социалистической Родины азербайджанский певец восклицает: «да здравствует дружба, да здравствует братство!» Певец говорит об освобождении народов, о торжестве их дружбы, выращенной партией, Лениным, Сталиным.

Товарищу Сталину шлют благодарность советские народы, с особой силой осознавшие в годы Великой Отечественной войны все значение нерушимой и все более крепнущей дружбы народов Советского Союза. От имени таджиков сказитель Хикмат Ризе говорил в созданном им сказе, передающем народное приветствие к 70-летию товарища Сталина:

От таджиков ему наш привет всенародный.
Расскажу, как цветет горный край мой свободный,
Как приходят на помощь к нам русские братья,
Как в труде мы раскрыли друг другу объятья.
И как сталинской дружбой светлы и сильны мы,
В созиданье и в счастье навек неделимы.
До земли поклонюсь я ему от народа,
Пусть, любимый, он здравствует долгие годы! ²⁶

Таджикский певец в своем сказе-приветствии товарищу Сталину выразил всенародное понимание того, что «в братской семье равноправных народов СССР русский народ является наиболее выдающейся нацией. Русский рабочий класс под руководством партии Ленина — Сталина вынес на себе основную тяжесть борьбы за победу Великой Октябрьской социалистической революции. В борьбе за победу социалистического строительства русский народ среди народов СССР являлся передовым отрядом, по которому равнялись все другие народы при проведении в жизнь индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства, в деле строительства социалистической жизни. В годы Великой Отечественной войны русский народ с его ясным умом, стойким характером и разумным терпением заслужил всеобщее признание, как руководящая сила Советского Союза среди всех народов нашей страны»²⁷.

В осуществлении сталинской программы постепенного перехода от социализма к коммунизму укрепляется братское содружество и взаимопомощь народов. Наши современники выращены под мудрым руководством И. В. Сталина, и не случайно народ в своих песнях и поэмах называет вождя мудрым садовником, заново создающим землю и людей.

Туркменский певец поет:

Сталин, солнце мое, это ты
В тьму земли нашей кинул свет,
И взошли золотые цветы,—
Я хочу о садовнике петь.

Народы поют о расцвете республик Советского Союза. Во всех шестнадцати республиках СССР жизнь расцветает, как яблоня, говорит мор-

²⁵ «Правда», от 12 декабря 1949 г. Записано в Кретингском уезде Литовской ССР.

²⁶ Б. Гафуров, Товарищ Сталин — великий вдохновитель дружбы народов, «Правда» от 4 декабря 1949 г.

²⁷ Л. Берия, Великий вдохновитель и организатор побед коммунизма. «Большевик», 1949, № 24, стр. 30.

довская сказительница Фекла Беззубова. В сказе-стихе о золотой яблоне она рассказывает, что яблоко посадили и растили

Посреди полей широких,	Обняла она корнями
У истоков рек глубоких	Крепко землю, как руками,
На шестнадцати дорогах.	Заплела ветвями небо...

Ту яблоню посадил и растил сам Сталин. И теперь

Блещет яблонь на восходе,	Над советскою землею,—
Золотится на заходе,—	Яблоками разродилась,
Блещет яблонь красотою	Золотыми вся покрылась.

Так образ изобилия, цветущей плодоносной социалистической Родины, созданной под руководством большевистской партии и товарища Сталина советскими равноправными народами, выявляется в советском народном творчестве как ведущий образ, обусловленный социалистической действительностью, отражающий ее. Эта действительность со всеми ее победами и достижениями овевает мыслью о товарище Сталине. «Вся история Советского государства,—свидетельствует К. Е. Ворошилов,—складывалась таким образом, что имя Сталина в представлении советских людей всегда ассоциировалось с понятием победы — все равно, в области ли социалистического строительства или войны против врагов советского народа»²⁸.

Под непосредственным наблюдением товарища Сталина вместе с развитием Социалистического государства во всех республиках СССР идет непрерывное улучшение материального и культурного благосостояния рабочих, колхозников, всего советского народа. Товарищ Берия в статье «Великий вдохновитель и организатор побед коммунизма»²⁹ привел показатели расцвета национальных республик и раскрыл неоспоримое превосходство их положения сравнительно с государствами, граничащими с ними. Все эти данные заставляют с полным основанием сказать: в новых социалистических нациях развернулись могучие творческие силы народов СССР. Отмечая развитие Советской страны и повышение материального и культурного благосостояния трудящихся, народы воспевают богатства многонациональной Родины, выражают в своем творчестве чувства пролетарского интернационализма. «Много песен сложу я. И многое людям скажу,—говорит певец,—я для всех пролетариев мира высокое слово имею!» Певцы говорят: «Нет на свете горюдой и нищей былой Ферганы... Как гранаты, достаток и благо повсюду растут!» («Фергана», перевод с узбекского); «Урожайми большими славись труд свободный — Золотая Украина, край мой хлебородный» («Золотая Украина», украинская песня); «Как ты широк, Азербайджан! Во славу Сталина поют. Всю жизнь пробудем у тебя!» («Советский Азербайджан», перевод с азербайджанского).

Я богат и о счастье пою...	Нежна, как напев струны.
Стал богатым в колхозе я.	Я певец счастливой страны!
И душа у меня ясна,	Эту песню, Сталин, тебе
На душе у меня весна —	Поет жирши Маймбет... ³⁰

²⁸ К. Ворошилов, Гениальный полководец Великой Отечественной войны «Большевик», 1949, № 24, стр. 36.

²⁹ «Большевик», 1949, № 24, стр. 30—32.

³⁰ «Певец счастливой страны». Перевод с казахского. «Творчество народов СССР», стр. 320.

«Вниманья много и забот нам мудрый Сталин отдает, он беков сверг и нам открыл в счастливый край широкий вход» («Мой Баку», перевод с азербайджанского); «Я про радость страны пою, о величье земли пою. О, трудящийся мой народ, не измерить силу твою!» («Радость страны», перевод с киргизского).

Тысячи таких песен сложены и поются народами Советского Союза. В народном творчестве отображено действительное благосостояние трудящихся СССР, которого они добились в результате напряженной борьбы под руководством партии, под мудрым водительством товарища Сталина.

Народ верит и знает, что он имеет испытанного вождя, мудрого создателя жизни и говорит о нем:

Там где Сталин, там победа,
Там, где Сталин, там успех³¹.

Товарищ Сталин ведет советский народ к коммунизму, гениально предвидя дальнейший расцвет творческих возможностей народа, изучив во всей глубине его силы, ясным взором видя будущее.

«Несмотря на грандиозность этих задач, товарищ Сталин абсолютно уверен в возможности решить их, потому что товарищ Сталин верит в силы народа и большевистской партии»³². И народ, отвечая вере Сталина в народные силы, совершает замечательные подвиги и утверждает: «Неси как знамя сталинских слов пламя» (русс.), «Где Сталин — там и победа» (русс.), «Сталинское дело делаем смело» (украинск.), «Для нас сталинские слова — как крылья для орла» (украинск.), «Сталинское слово — всем делам основа» (русс.), «Сталинское слово дороже золота» (русс.), «Слова Сталина — золотые зерна» (латышск.), «Сталина имя носишь в груди — зорче вперед гляди!» (русс.).

Произнося клятву выполнить заветы Ленина, товарищ Сталин сказал: «Ленин не раз указывал нам, что укрепление Красной армии и улучшение ее состояния является одной из важнейших задач нашей партии... Поклянемся же, товарищи, что мы не поспадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную армию, наш Красный флот»³³...

Великая Отечественная война доказала всему миру, что и это обещание товарища Сталина выполнено и что в Советском государстве создана такая мощная армия, с которой не может сравниться ни одна армия мира.

Советская Армия — детище советского народа; в тяжелых испытаниях Великой Отечественной войны со всей силой уже в первые дни войны выявилось нерушимое единство фронта и тыла. После выступления по радио товарища Молотова и всем памятного обращения И. В. Сталина 3 июля 1941 г. все боеспособные граждане СССР встали на защиту Родины. Матери и отцы посылали своих детей на фронт. О любви и преданности советских людей социалистической Родине говорит народное творчество:

Сына мать благословляла,
На дорогу наказала:
— Бейся храбро за свободу,
Не срамись перед народом!...³⁴.

³¹ «Взошло солнышко с востока», Записано в Мажейском уезде Литовской ССР, «Правда» от 12 декабря 1949 г.

³² Л. Каганович, Сталин ведет нас к победе коммунизма, «Большевик», 1949, № 24, стр. 62.

³³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 257.

³⁴ «Мать», сб. «Украина непокоренная», М., ГИХЛ, 1944, стр. 18.

Русская сказительница в сказе-проклятии Гитлеру обращается за защитой к И. В. Сталину и говорит:

Собери же ты, наш батюшка Сталин,
Собери же ты наших детушек...
Да пошли соколов наших,
Соколов славных, соколов храбрых,
Да разбейте злого врага³⁵.

Якутский олонхосут Платон Семенов говорит, что когда весть о предательском нападении фашистов на СССР разнеслась по советской земле,

Застонала грудь земная,	Про войну,
Полилася кровь рекою...	Про злобу зверя
Мы в краю своем таяжном	И поднялись на защиту,
Услышали весть лихую	На защиту жизни новой ³⁶ .

В приказе № 55 от 23 февраля 1942 г. товарищ Сталин указывал на то, что ни на минуту не должна ослабевать подготовка резервов на помощь фронту, указывал на необходимость развернуть с удвоенной энергией работу промышленности, особенно военной. Фронт, говорил И. В. Сталин, должен получать все большее и большее количество военного снаряжения, орудий совершенной военной техники, создаваемых тылом. В течение всей войны эти указания Генералиссимуса Сталина неуклонно выполнялись.

В фронтовом народном творчестве воспеты все виды оружия, которыми офицеры и солдаты Советской Армии научились владеть в совершенстве. Достаточно привести, например, целый цикл песен, рассказов, частушек, поговорок, в котором говорится о гвардейском миномете «Катюше». В тылу и на фронте пели об этом мощном орудии советской техники, нередко используя любимую народную песню, созданную М. Исаковским «Расцветали яблони и груши»³⁷. Также прославлены народным творчеством и другие орудия, созданные советскими людьми.

Морально-политическое единство советского народа, нерушимая связь фронта и тыла отразились в военном фольклоре также тем, что тыловое и фронтовое поэтическое творчество сливалось в одно целое. Единое по идейному содержанию, оно, независимо от того, где было создано — на фронте или в тылу, исполнялось повсеместно в Советском Союзе. Характерно, что в те годы был создан особый вид творчества — вид поэтических писем с фронта и на фронт, который в равной мере может считаться как фронтовым, так и тыловым фольклором.

Сила Советской Армии, указывал товарищ Сталин, состоит прежде всего в том, что она ведет войну Отечественную, освободительную, справедливую. Осознавая это, якутский певец сказал:

Весь народ моей державы	Батыр Сталин путь к победе
Грудью встал за жизнь и счастье,	Освещал великим светом,
Заслонив врагу дорогу	И на фронте каждый верил
И разя врага нещадно.	В предстоящую победу ³⁸ .

В русской песне героинь-комсомолки, осужденные фашистскими палачами на смерть, завещают довести Великую Отечественную войну до победного конца. Обращаясь к товарищам, к воинам Советской Армии, ко всему народу, они говорят:

³⁵ «Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне, Песни и сказки», Ростов-на-Дону, 1947, стр. 26.

³⁶ Платон Семенов, Война, «Душевное слово», Якутск, ЯКГИЗ, 1948, стр. 43.

³⁷ Обзор песен о «Катюше» дан в исследовании И. И. Розанова, публикуемом в сборнике «Фольклор Великой Отечественной войны».

³⁸ «Душевное слово», стр. 46.

Мстите за поруганных,	За детей отравленных,
За убитых, угнанных,	Танками раздавленных,
Душегубу подлому	За себя, товарищи,
Мстите каждый час!	И за всех за нас! ³⁹

Призыв не к личной мести, а к мести советских патриотов за кровь мирных людей Советского Союза, за разорение социалистических городов и сел звучит в народном творчестве Великой Отечественной войны. Готовность бороться с врагом до последней капли крови выражает волю народа, построившего социализм. В песнях и сказках, создававшихся и на фронте и в тылу, народ воспел героев Великой Отечественной войны — самоотверженных защитников Родины. В их уста вложены слова русской партизанской песни:

Нам за наше великое дело
Не приходится жизни жалеть.
На врага нападаем мы смело —
Нам не страшно в бою умереть!

Выражая чувства всего народа и его Советской Армии, украинская сказительница Галина Прохоченко говорит о непобедимости Советского Союза. Под мудрым руководством И. В. Сталина Советская Армия разгромит фашистов, говорит она.

Если бы меня распяли	Я б не стала слушать зверя,
Иль в застенке растерзали,	Не могла б ему поверить.
Иль сказали мне на плахе,	Знаю, знаю — Сталин с нами,
Что погиб родной народ,—	Он к победе нас ведет! ⁴⁰

Благородная и возвышенная цель войны Советского Союза — свобода Родины — вдохновляла Советскую Армию на великие подвиги. Защита Родины означала отстаивание свободы и независимости всех народов, так как Советская Армия воспитана в духе равноправия всех народов и рас, в духе уважения к правам других народов. Замечательны такие факты, как, например, создание украинцами дум, поэм, песен о белоруссе Гастелло, о русской девушке-героине Зое. Казахскому акыну Джамбулу с фронта пришло письмо от командира Бориса Сахарова, русского по национальности и казаха — солдата Советской Армии Джюсекея Сеитова. Они писали: «Великий акын Джамбул Джабаев. Сыны казахского и русского народов, Сеитов Джюсекей и его командир Сахаров Борис, здесь в окопах готовятся покончить навсегда с фашизмом. Пришли нам твою славную песню. Она нам поможет». Джамбул в ответ на просьбу воинов действующей Армии сложил «Песню войны» — песню, полную страстного призыва к защите свободных народов от посягательств фашистов-поработителей⁴¹. В другой своей песне — «Дружба народов» — Джамбул прославлял казахов и воинов других национальностей, «ставших сказкой вечно живой» «под Ленинградом и под Москвой». Джамбул пел в этой песне:

Горд я и счастлив — скрыть не могу!
Тем, что казах на русском снегу
Зная гвардейцев, дар боевой,
Поднял, средь первых, над головой.
Горд я и счастлив тем, что казах,
Берег заветный вернув стране,
Пал на колени, целуя прах,
Пыль У к р а и н ы, как пишут мне...

³⁹ «Советский фольклор Чкаловской области», Чкаловск. ОГИЗ, 1947, стр. 83.

⁴⁰ «Украина непокоренная», стр. 10—11.

⁴¹ Джамбул, Песни войны. М., ГИХЛ, 1944 стр. 33—35.

Берег реки, под ливнем свинца,
Он целовал, как руку отца... ⁴².

О том, как рука об руку сражались воины — дети равноправных народов СССР, — рассказывают в своем творчестве все большие и малые народы Советского Союза. Советский патриотизм, который не разъединяет, а наоборот, сплачивает народы многонациональной социалистической Родины, озаряет ярким светом образ нашей Армии, созданной В. И. Лениным и выращенной в могучую, непобедимую силу И. В. Сталиным. Партия и Сталин выполнили клятву, данную Ленину.

Народное творчество отражает великую созидательную работу партии и Сталина, победы советских народов, идущих по ленинскому пути к коммунизму. Народ говорит и поет о том, что со времени смерти В. И. Ленина товарищ Сталин лично руководит всеми мероприятиями, всеми преобразованиями, осуществляемыми в нашей стране. Вся работа проводится партией и советским народом по указаниям, по инициативе и под руководством И. В. Сталина. Его образ — образ народного героя, равного которому или даже отдаленно похожего на который никогда не было в творчестве народов за всю многовековую жизнь народного искусства. Творчество народа запечатлело образ великого Сталина и раскрывает его правдиво, реалистично, верно отражая действительность. «Товарищ Сталин крепко держит в своих руках руль руководства борьбой за победу коммунизма. Гениальность нашего вождя сочетается с его простотой и скромностью, с исключительной личной обаятельностью, непримиримостью к врагам коммунизма — с чуткостью и отеческой заботой о людях. Ему присущи предельная ясность мысли, спокойное величие характера, презрение и нетерпимость ко всякой шумихе и внешнему эффекту» ⁴³.

Народное творчество раскрывает это сочетание гениальности и простоты, непримиримости к врагам с отеческой заботой о людях. Певец-кумык поет:

Разве может в песне рассказать певец,
Как нам дорог ты, любимый наш отец?
Ты, как щит, испытан в праведных боях,
Нами кован, нами ношен на руках.
В стужу зимнюю — родная кровля ты!
В лето огненное — сад прохладный ты!
Для поднявшихся на воздух — крылья ты!
Для спустившихся под землю — воздух ты!
Над врагами — грозовая туча ты!
Над трудящимся народом — солнце ты!
Кораблям, плывущим в бурю — гавань ты!
Всем, рожденным с честным сердцем — слава ты!..
Наших мыслей, нашей крови — пламя ты!
Нашей крепости высокой — знамя ты! ⁴⁴

К Сталину, как к отцу, обращаются думы всех народов. Он ярче солнца светит для трудящегося человечества. Люди стремятся увидеть его; старый лудильщик Муртузали из Дагестана в песне высказывает мечту — ласточкой стать, чтобы полететь к вождю народов («Сталину»); украинская звеньевая думает, как, выполнив обещание победить в социалистическом соревновании, она поедет к Сталину и как он ласково встретит и узнает ее издалека («Сталин ласково встречает»).

⁴² Д ж а м б у л, Песни войны, стр. 40.

⁴³ Л. Берия, Великий вдохновитель и организатор побед коммунизма, «Большевик», 1949, № 24, стр. 34.

⁴⁴ «Знамя». Перевод с кумыкского, «Творчество народов СССР...», стр. 154.

Армянский ашуг Аракел, обращаясь к журавлям, говорит:

В сторону Москвы мчитесь, журавли...
Отнесите вы наш привет большой
От Кавказских гор, от родной земли —
Сталину в Москву наш привет большой
Отнесите вы...

Ашуг вспоминает, как Сталин встал на защиту советского народа в Великую Отечественную войну...

Наступил навек Гитлеру конец,
Мир освободил Сталин — наш отец!
Шлет тебе привет любящих сердец
От колхозных сел Аракел-певец!

В туркменской народной песне поется:

Я хочу в Москве побывать,
Я хочу Москву повидать.
Светлый Сталин, тебе в Кремле
Спеть хочу о своей земле.

Простота, личная обаятельность, чуткость и отеческая забота товарища Сталина о людях отражены творчеством народов в этих и других песнях-обращениях к И. В. Сталину, отцу и другу. «Мы вокруг Сталина — дети вкруг отца», — говорит народ. Самые трудные, кажется, неразрешимые, вопросы Сталин делает ясными и выполнимыми; вождем указывает, как жить.

Пришел ты, чтоб мудростью жизнь озарить,
Народ наш гордится тобою, о Сталин!
Как смел твоих мыслей орлиный полет!
Ты вскормлен суровой борьбою, о Сталин!
Взгляни, как республики наши крепки!
Пожатье твоей ощущая руки,
Они расцветают, они велики,
Богатства мы наши утроим, о Сталин!

«Дума Сталина про наше счастье», — говорит народ. «Сталин знает, о чем народ мечтает, по счастливой дороге каждого человека ведет», «Сталин-отец народу путь проложил, не жалея своего здоровья и сил», «Думка Сталина про весь народ».

В народном творчестве создан образ мудрого вождя, отца народов. Вождя, отца и друга, народы зовут к себе в гости. «Будь нашим гостем дорогим!» — говорят они. Народы хотят показать, чего достигли они, идя по пути, указанному Сталиным, хотят рассказать о своей счастливой жизни, отдать заветный подарок отцу — создателю счастливой жизни. В лезгинской песне поется:

Открыты окна в мастерской,
Влетает голубь в окна нам...
Товарищ Сталин, вождь и друг,
Когда приедешь в гости к нам?

Донские казаки ждут дорогого гостя, готовят подарок ему:

Скоро к нам придет Сталин	Коня вытрем, — он огонь,
В степь, почетный наш казак.	Не замажется платочек, —
Разбелым-белым платочком	Так уж вымыт будет конь! ⁴⁵

⁴⁵ «Творчество народов СССР», стр. 140.

Сталина зовут колхозники Укранны:

Вітер котить хвилями
Буйный урожай.
Рідний батьку Сталін
В гості прїжджай.

Зустрічати вийдемо
Ранком, на зорі,
Ой, до нас прилинеш ты
Сонечком в горі ⁴⁶.

В народной песне сказано, что от встреч с вождем не только сердца людей наполняются счастьем, но и сама природа как бы оживает, расцветает. Даже солнце теперь светит по-иному — «Знать оно Сталина побывало в Кремле».

Народы праздновали 70-летний юбилей великого Сталина как славу ную дату своей свободной жизни. По всей стране развернулось социалистическое соревнование в честь всенародного вождя, сплотившего ряды партии большевиков, возглавившего освобожденные от царского рабства и иностранной зависимости народы России и победно ведущего их к коммунизму. Больших успехов в областях производственной жизни, научной и культурной деятельности добились советские люди, вдохновляемые и направляемые И. В. Сталиным и руководимой им партией большевиков. Приветствия в связи с 70-летием товарища Сталина в 20-х числах декабря 1949 года шли огромным потоком от партийных, советских и различных общественных организаций, коллективов трудящихся и отдельных граждан Советского Союза, от государственных, общественных организаций и отдельных лиц из-за границы. В этих приветствиях товарищу Сталину выражены сердечные пожелания доброго здоровья и долгих лет жизни. Из самых глубин сердца народа поднимаются слова любви, благодарности, преданности великому вождю, звучат, как прекрасная песня, творимая всеми народами на их родных языках. Народные певцы, сказители, акыны, жирши, ашуги, бахчи от имени своих народов слагают песни о Сталине, воплощая народные чувства в полнозвучных стихах коллективной поэзии. В газете «Правда» 27 декабря 1949 г. Павел Кузнецов в корреспонденции из Казахстана рассказал, как рождалась крылатая народная песня в дни славного юбилея вождя. Это было утром 21 декабря в саду Джамбула. Народ пришел туда — степенные старики, женщины, бригадиры колхозных казахских полей, пионеры. В центре огромного круга — красные знамена и под ними портрет великого Сталина. Шла беседа о жизни и деятельности Иосифа Виссарионовича Сталина.

«И как всегда на больших народных сборах, вплетается в людскую речь сначала тихий, едва слышный, как полет пчелы, звук струн. Вот он становится громче, взволнованнее. Люди затихают, и полным голосом поет домбра».

Так повелось. Когда в стране происходят великие события, на родине Джамбула, в Узун-Агачской долине поэтов, начинается песня. Ее обычно при жизни запевал сам старейшина народных певцов. Песня летела из аула в аул, ее подхватывали и продолжали на приилийских склонах, в долинах Каспия, на берегах Балхаша акыны, а за ними — тысячи людей.

Нынче песню на народном сборе, по традиции степных певцов, подпел старый Джартыбай — земляк Джамбула. Запевный вызов на песенный турнир звучал взволнованно и страстно...

— Пойте, поэты! Пусть наша земля
Сияет, как вечная слава Кремля,
Сияет, как слава того человека,
С кем песню о братстве запела земля.
Сталин — родная народа мечта,

Радость народа и красота.
Сталин — любимый, равного нет,
Сталин — великий планеты поэт,
Сталин — народных песен отец,
Сталин — народного счастья творец!

⁴⁶ «Ой коли б я сокіл...», «Правда» от 12 декабря 1949 г.

Запев акына дружно подхватывают молодые, сильные голоса. Поле-тела крылатая песня по бескрайным просторам степей.

Народный певец Умбеталы из колхоза имени Калинина первым продолжил песню.

— Э-эй, золотая домбра, запевай,
Я отвечаю тебе, Джартыбай!
Вместе с народом от сердца пою
Песню степную родному вождю!
Взором вы землю окиньте, друзья,
Выросла наша большая семья.
Братьями стали Синцзян и Алтай,
И Казахстан, и могучий Китай!
Думы народов повсюду одни —
В сталинских думах сошлись они.
Вождь и учитель, на счастье земли,
Тысячи лет, наш любимый, живи!

Как необычная, торжественная эстафета, передается песня от певца к певцу, — из аула в аул, из района в район, из области в область. Крылатая, сердечная народная песня. Радиоволны доносят ее до дальних кочевых отгонных стойбищ животноводов, до аулов Заиртышья, до новых рабочих городков Эмбы. В кустанайских степях настроил свою домбру акын Омар Шипин — соратник легендарного народного героя Амангельды... Поют о Сталине певцы степей: Саядиль и Нурлыбек, Шашубай и Қалка, Кенен, Иманжан, Нартай... На Иртыше, в Караганде, в Семиречье и Прибалхашье звучат их домбры. Песня, начатая в Узун-Агачском ауле, в долине поэтов, вырастает в могучий хор миллионов»⁴⁷.

Так родилась народная песнь Казахстана о Сталине, песнь, посвященная 70-летию вождя. Тысячи песен создавались народом в других республиках. Новосибирская русская сказительница А. Е. Рогожникова в сказе «Солнце светлое и теплое» говорит, что оно согревает всех, «ласкает своей ласкою», — то не солнце, то Иосиф Виссарионович Сталин словом добрым нас обогревает, дает людям счастье нерушимое. Сказительница зовет народ в цветущие советские поля нарвать-сплести цветы, отдать их другу Сталину с словами клятвы-обещания.

Мы беречь будем свою сторобушку,
Чтобы счастье наше не отнялося...
Пожелаем долго жить да не стариться...
Веселиться да радоваться
Нашему любимому и мудрому
Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Украинский народ поет:

Був би ти здоровий
І віками жив,
І над нами сонцем
Ти завжди світив.

Азербайджанский ашуг Месим Наврузов песню «Великому вождю» начал словами:

Семидесятилетие твое
Необычайным чувством полнит нас,
Ты у народов на устах всегда,
Защитник их, ты песня их сейчас..

Твое в нас имя радостью живет,
С тобою встречи ждет любой народ,
И в день рожденья твоего поет,
Принять готовый тстчас твой приказ.

⁴⁷ Павел Кузнецов, Крылатая песня, «Правда» от 27 декабря 1949 г., № 361 (1468), стр. 1.

«Учитель» — так говорит о Сталине узбекский бахши Искандер. За свободу и радость, данную народу, за то, что уничтожена нищета, за то, что горе навеки ушло, славит Искандер великого вождя.

Четыре голые стены убогого жилья —
В них детство умерло мое и молодость моя..
Но ты разбил мою тюрьму, и стал свободным я.
И жизнь моя принадлежит тебе, Учитель мой!
Ты озарил нам путь побед, как солнце — небеса,
Вперед, в грядущие века, глядят твои глаза,
Ты вдохновляешь нас творить в работе чудеса,
И мы желаем вечно жить тебе, Учитель мой!

Народная поэзия выражает непосредственное и глубокое чувство и мысли масс трудящихся. Поэтому искренность и простота присущи ей как наиболее характерные черты; коллективный же опыт жизни и ясность оценок действительности дают все возможности для широчайших обобщений. В песнях народов о Сталине выражены подлинные чувства народов, которые «верят каждому слову Сталина, беззаветно идут за ним на трудовые и ратные подвиги, на большие революционные дела во имя достижения великих целей»⁴⁸. Великая цель за достижение которой борются свободные народы СССР, — коммунизм.

⁴⁸ Л. Каганович, Сталин ведет нас к победе коммунизма. «Большевик», 1949 № 24, стр. 57.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

О. Н. БАДЕР

К ВОПРОСУ О БАЛАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Балановская культура представлена пока единичными памятниками, но зато не только могильниками, но и поселениями с материальной культурой того же типа, а один из могильников, собственно Балановский, является несравненно более богатым по количеству погребений, собранному материалу и сделанным при раскопках наблюдениям, чем любой из фатьяновских могильников, а может быть, чем все они вместе взятые.

Балановская культура как таковая еще почти не выявлена в литературе. Балановский могильник, открытый и исследовавшийся лишь в 30-х годах, в основной своей части еще не опубликован; поэтому считаем необходимым коротко остановиться на характеристике особенностей этой культуры.

Балановский могильник является пока основным ее памятником. На могильнике, расположенном на высоком, пологом холме, уже вскрыто раскопками свыше 100 погребений и еще больше, видимо, разрушено до раскопок разработками карьера; однако могильник еще далеко не исчерпан.

На дне могил лежали скелеты в скорченном на боку положении, сопровождаемые глиняной посудой бомбовидной формы, плоскими клиновидными полированными топорами из кремня, изредка сверлеными каменными топорами и многими другими вещами, в том числе оружием и украшениями из бронзы, при полном отсутствии железа. Общий подбор вещей и их характер позволили сразу же отнести Балановский могильник к эпохе развитой бронзы и наметить для него ближайшие аналогии в могильниках фатьяновского типа в Верхнем Поволжье.

Обилие и хорошая сохранность погребений позволили нам сделать много наблюдений, которые не были сделаны при раскопках фатьяновских могильников. Установлено, что для погребений вырывались могилы подпрямоугольной формы площадью в среднем $2 \times 1,5$ м, глубиной в среднем же от 1,3 до 1,5 м. При этом, чем большее значение в обществе имел погребаемый, тем глубже рылась для него могила. Последнее доказывается тем, что среди женских погребений наибольшую глубину имели наиболее богатые; самые глубокие погребения (до 2,05 м) принадлежали воинам с бронзовым оружием и каменными сверлеными боевыми топорами; наконец, самые неглубокие могилы вырывались для детских погребений.

На ровном дне вырытой могилы готовилось специальное внутримогильное сооружение. Оно состояло из прямоугольного ящика с очень тонкими, видимо плетеными или дощатыми вертикальными стенками, укрепленными по углам на четырех столбиках высотой более полуметра. Остатки внутримогильных сооружений прослежены нами во множестве в виде тонких, со слегка вогнутыми стенками прямоугольных контуров

Рис. 1. Контуры могильной ямы и внутримогильного сооружения с обозначающим сосудом на дне. Балановский могильник, могила 23

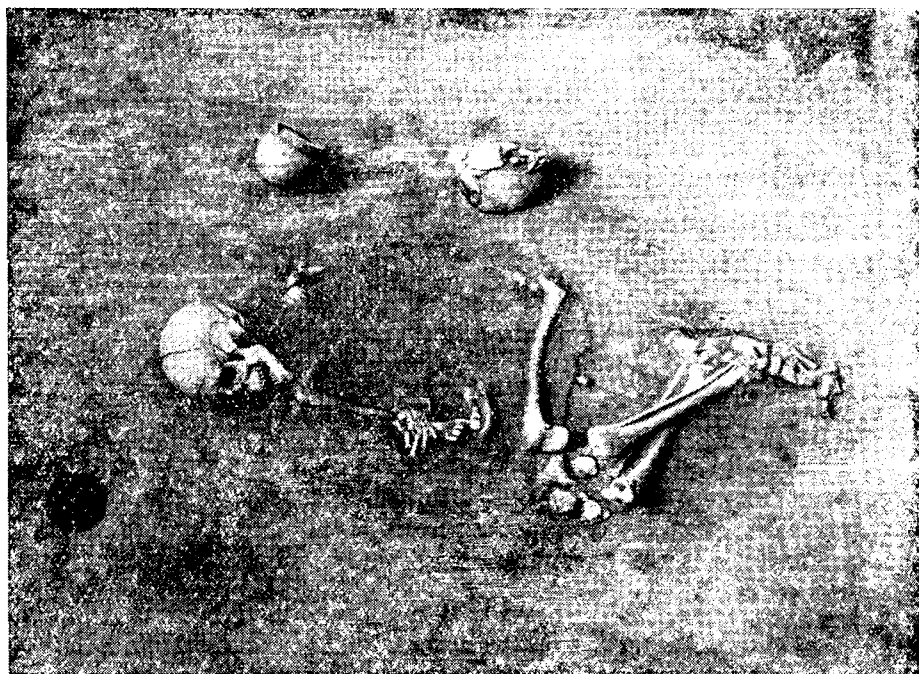

Рис. 2. Мужское погребение со следами гумусированного пятна с истлевшими костями (у дна воронки от провала могилы); налево от черепа — круглый провал в горло большого реповидного сосуда в нижнем, женском погребении. Балановский могильник, могила 41

на горизонтальных зачистках близ дна могил (рис. 1). Остатки погребений — скелеты и могильный инвентарь — всегда были точно вписаны в контуры внутримогильного сооружения и ни разу за его пределы не выходили.

По окончании погребальных церемоний внутримогильные сооружения с заключенными в них погребениями покрывались сверху досками, после чего могила засыпалась, вероятно, доверху землею. Только в пустом внутримогильном пространстве туловища трупов могли заваливаться на лицо, на грудь или, наоборот, откидываться на спину; только внутри пустой могилы проникавшие в нее хомяки и сурки могли производить такой хаотический беспорядок, как это не раз наблюдалось в Баланове.

Впоследствии накатник подгнивал и обрушивался вместе с землей на дно могилы, на погребение, давя горшки и черепа и даже ломая длинные кости. При этом на поверхности земли образовывалась воронка провала; в нее легко затекала вода, проникая на дно могилы и создавая благоприятные условия для разрушения находившихся под воронкой частей скелета (рис. 2), — именно их, а не черепов или ног, что наблюдалось постоянно. Затем воронка постепенно заполнялась почвой. М. С. Акимова, участвовавшая в наших раскопках в качестве студента-практиканта в 1936 г., а в 1940 г. продолжавшая раскопки самостоятельно¹, не поняла устройства могил и возражает против нашего вывода, считая пятна от воронок провала (в нашей интерпретации), естественно появившиеся от самой поверхности и далеко не всегда доходившие до дна, за тлен от какого-то «ритуального предмета», клавшегося в могилу; при этом она не делает ни малейшей попытки объяснить, что представлял собой этот таинственный предмет. Мы остановились на объяснении М. С. Акимовой для того, чтобы решительно не согласиться с этим необоснованным предположением, способным лишь запутать нарисованную выше совершенно ясную картину устройства могилы, этнографические пережитки которого сохранялись в Чувашии до самого последнего времени, на чем мы уже имели случай останавливаться².

В нескольких могилах в гумусе, заполнявшем воронку провала, были найдены глиняные сосуды плохой сохранности, стоявшие в свое время, надо думать, на поверхности могил (рис. 3), что говорит о проведении на могилах обрядов, связанных с культом мертвых. Интересной чертой ритуала является помещение глиняного сосуда на кремневые или кварцитовые осколки в могиле 46-й (над погребением воина, рис. 3). Встреченные во многих могилах кремневые пластины и отщепы без следов обработки служили, вероятно, символом огня.

Во всех мужских погребениях скелеты лежали на правом боку, в женских — на левом. Эта особенность, установленная вначале на основании антропологических признаков, была затем установлена и в отношении погребений, пол которых не определялся антропологически, но определялся по инвентарю.

При каждом погребении ставилось по 1, 2 и 3 сосуда, но при двух женских погребениях было по 5 сосудов. Из женского же погребения происходит керамическое ложило, — и здесь керамическое производство было женским. В женских могилах находились и огромные сосуды реповидной формы, без шеек; только один такой сосуд найден при мужском погребении, но отличался особым орнаментом. Особенностью керамики в женских могилах являлись также сосуды с тонким орнаментом без свисающих вниз «фартучков», с орнаментом в виде «елочки» и крупного зигзага (рис. 4, 2). Исключительно из женских погребений происходят остатки гребней из дерева и кости.

¹ М. С. Акимова, Балановский могильник (Предварительное сообщение о раскопках в 1940 г.), «Краткие сообщения ИИМК», XVI, 1947.

² О. Н. Бадер, Археологические исследования Центрального Чувашского музея, «Советский музей», 5, 1937.

Металлическое оружие (вислообушный топор, втульчатое копье), каменные сверленные боевые топоры-молоты найдены только при мужских скелетах, лежавших на правом боку. Все 7 глиняных копий сверленных топоров из детских погребений находились при скелетах, лежащих на правом боку, т. е. при погребениях мальчиков. Исключительно мужским погребениям свойственны черные, лощеные, тонкостенные сосуды с шейкой, украшенные тонким штампованным орнаментом, заканчивающимся на плечах несколькими свисающими вниз «фартучками».

Рис. 3. Сосуд, поставленный над могилой на 10 кварцитовых отщепов. Балановский могильник, могила 46

В детских погребениях находились только вещи небольших размеров: маленькие глиняные копии сверленных боевых топоров, маленькие кремневые клиновидные топоры, небольшие глиняные сосуды. Только в детских погребениях найдены плоские, круглодонные чашки-блюдца, глиняные игрушки (например, погрешка), парные глиняные колесики с длинными втулками, — видимо, единственные сохранившиеся части игрушечных двухколесных повозок, которые, надо думать, были подражанием настоящим, большим повозкам (рис. 5, 10).

Другие категории предметов — наконечники стрел, кремневые клиновидные топоры, бронзовые украшения и пр. — встречены и в мужских, и в женских, и в детских погребениях.

В раскопках 1936-1937 гг. 37% могил давали коллективные погребения: по 2, 3, 4 и даже 5 скелетов; половой и возрастной состав коллективных могил не дает возможности говорить здесь о каких-либо закономерностях. Лишь в одной могиле женское погребение явно придано погребению воина с медным копьем.

Хозяйство населения, оставившего нам Балановский могильник, устанавливается по находкам в могилах с достаточной определенностью. Найдены (как в виде поделок, так и отдельных костей) остатки домашних животных: коровы, лошади, барана, свиньи и собаки; из диких — представлены: бурый медведь, кабан, бык (?), бобр и грызуны. Таким образом, устанавливается наличие развитого скотоводства и охоты. Некоторое значение рыболовства можно предполагать. За земледелие косвенно может говорить развитый характер скотоводства, наличие каменных терок в женских погребениях и отличных плоских клиновидных топоров, удобных для подсека. Кроме того, известную роль играло и собирательство, о котором красноречиво говорит обилие в могилах двустворчатых раковин съедобных речных моллюсков.

Наличие кабана, медведя и бобра в составе дикой фауны говорит о лесном ландшафте того времени; экология найденных моллюсков не противоречит этому.

В расположении могил нельзя подметить никакой закономерности.

оно беспорядочно, представляет общий, недифференцированный массив. Из этого можно сделать тот вывод, что могильник являлся кладбищем одного крупного рода, долгое время хоронившего здесь своих умерших. Могила, расположенные местами достаточно густо, никогда не нарушают одна другую; это может служить, по мнению П. П. Ефименко, «прямым указанием на связь по родству населения поселка, так как лишь это обстоятельство может объяснить заботу, проявленную им в течение столетий к целостности погребений»³. Вероятно, этот огромный могильник был связан не с одним, а с несколькими поселениями, наши упорные поиски которых, к слову, не дали результатов.

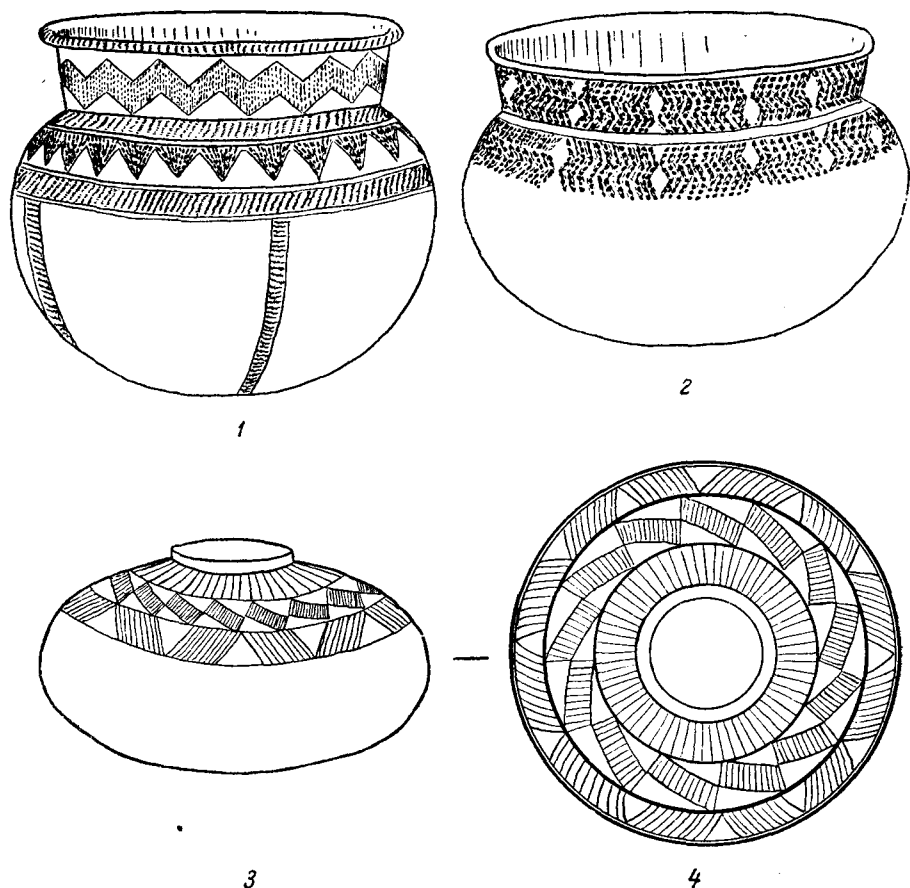

Рис. 4. Глиняная посуда Балановского могильника

В абсолютных цифрах время Балановского могильника определяется как конец (?) второй и третья четверть II тысячелетия до нашей эры; третья четверть определяется чертами сходства со срубной культурой (в керамике) и в особенности с андроновской культурой (бронзовые украшения, каменные терки, стрелы, орнамент); о второй четверти говорит наличие сосудов архаических типов (с мягким, пологим профилем шейки и плечей).

Анализ трех спиральных колец и двух шильев из Балановского могильника, произведенный А. Г. Поповой в Спектроаналитической лаборатории Молотовского университета (1949 г.), показал, что все пять предметов состоят из чистой меди.

³ П. П. Ефименко, К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам, «Советская археология», II, 1937.

*
*
*

Теперь необходимо рассмотреть вопрос о культурной принадлежности Балановского могильника. Сходство его в ряде общих черт с фатьяновскими могильниками Верхнего Поволжья несомненно и обращает на себя внимание в первую очередь. В 1931 г. П. Н. Третьяков первым сблизил с фатьяновской культурой исследованный им в 1930 г. курганный могильник Атли-Касы в Чувашии⁴, весьма близкий по культуре открытому через три года Балановскому могильнику. В одной из работ, посвященной Балановскому могильнику⁵, мы его рассматривали как памятник, характеризующий чувашский, средневожжский вариант фатьяновской культуры, не связывая его, однако, с верхневожжскими фатьяновскими могильниками генетически, чему препятствовало прежде всего выявленное уже тогда различие антропологических типов. К отнесению Балановского могильника к фатьяновской культуре позднее присоединились О. А. Кривцова-Гракова, но в ее понимании имеется и существенная особенность: она рассматривает Балановский и близкие ему могильники как позднейшую стадию фатьяновской культуры⁶. Т. А. Трофимова в последней работе примкнула к нашей точке зрения, рассматривая Балановский могильник как восточное крыло фатьяновской культуры⁷.

Однако правильной является наша точка зрения на могильник, высказанная нами в последней по времени написания статье и основанная на его значительном культурном своеобразии, а именно: «Несмотря на общее сходство с верхневожжскими могильниками фатьяновского типа, Балановский могильник обладает целым рядом не встречаемых в этих первых особенностей. Учитывая также его территориальную оторванность от основной области распространения фатьяновских могильников, мы можем Балановский и подобные ему, еще не открытые могильники, рассматривать как особый, повидимому, средневожжский, вряд ли волго-камский вариант той же стадии истории первобытного общества в нашей лесной зоне»⁸. Итак, не вариант фатьяновской культуры и уже никак не ее позднейшая стадия, а вариант, культурный вариант той же стадии развития общества, к которой относится и фатьяновская культура, т. е. особая культура, по ряду признаков близкая фатьяновской. Эту точку зрения мы развили в рукописи 1943—1944 гг., одну из глав которой использовала с нашего согласия Т. А. Трофимова уже после сдачи ее работы (1949) в печать, успев сделать ряд ссылок на нее в примечаниях.

В самом деле: что объединяет Балановский могильник с фатьяновскими? Погребения в ямах без курганных насыпей, скорченное на боку положение скелетов, наличие в могильном инвентаре каменных сверленых боевых топоров, кремневых клиновидных топоров-тесел, ожерелий и амулетов из просверленных зубов животных и глиняной посуды бомбовидной формы. Но ведь эти самые признаки объединяют не только Балановский могильник с фатьяновскими Верхнего Поволжья, но объединяют и тот, и другие с культурой одиночных могил Финляндии, одиночных могил Дании и южной Швеции, среднеднепровской культурой, рядом одновременных культур Южной России и Средней Европы. И тем не менее мы не объединяем в одну культуру ни одиночные

⁴ См. П. Н. Третьяков, Из материалов Средневожжской экспедиции ГАИМК, «Сообщения ГАИМК», 3, 1931.

⁵ См. О. Н. Бадер, Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии, «Советская археология», VI, 1940.

⁶ См. О. А. Кривцова-Гракова, Хронология памятников фатьяновской культуры, «Краткие сообщения ИИМК», XVI, 1947.

⁷ См. Т. А. Трофимова, К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры, «Советская этнография», 3, 1949.

⁸ О. Н. Бадер, Археологические исследования Центрального Чувашского музея, 1937.

могилы Швеции со среднеднепровской культурой, ни даже последнюю с фатьяновской. Почему? Потому что указанное сходство между ними есть сходство стадийное, выражение весьма близких вариантов одной и той же стадии исторического процесса, содержанием которой является переход к господствующей роли скотоводства, металлургии и патриархату. И в то же время между перечисленными группами памятников имеются несомненные культурные различия, позволяющие расценивать их как остатки отдельных археологических культур, отражающих крупные племенные общности далекого прошлого.

Теперь посмотрим, чем Балановский могильник отличается от фатьяновских. Прежде всего — огромными размерами и обилием коллективных могил. Балановская керамика в значительной своей части отличается хорошим, частью черным лощением, что не характерно для фатьяновской культуры, наличием огромных сосудов с проухами по бокам и в особенности со своеобразным орнаментом в виде крупного, составного зигзага, треугольников и пр., нередко нарезным, часто многозонным, изображающим при взгляде сверху сложную фигуру вертящегося солнечного диска (рис. 4, 4); особенности орнамента частью сближают балановскую керамику с северокавказской, с андроновской и карасукской, а наличие плоскостонных форм — со срубной. Далее, в Баланове каменные сверленные топоры редки, а имеющиеся часто не совпадают с фатьяновскими формами, например, продолговатый топор с узким лезвием (рис. 5, 1) или короткий лопастной (рис. 5, 2). Маленькие глиняные копии каменных сверленных топоров встречаются в изобилии. В фатьяновских могильниках нет медных кованых копий, в Баланове они есть (рис. 5, 4). Зато в Баланове совершенно отсутствуют столь частые для Фатьянова длинные цилиндрические пронизки из тонких костей. В Баланове близкие по форме пронизки сделаны из медных или бронзовых трубочек и образуют иногда целые ожерелья. Балановский могильник вообще неизмеримо богаче металлом. В фатьяновских могильниках нет многих бронзовых украшений, найденных в Баланове, как-то: массивных спиральных колец — простых и двойных; широких пластинчатых спиралей; узких спиралей и завитков; сложных украшений, состоящих из спиральных колец, нанизанных на длинную трубку — гривну (?), и т. д. (рис. 5, 5—8). Совершенно оригинальными являются балановские костяные орнаментированные таблички (рис. 5, 9), гребни из кости и дерева, глиняные парные колесики от игрушечных повозок (рис. 5, 10), погремушка и пр. К этому можно прибавить отсутствие в фатьяновских могильниках следов массового употребления в пищу моллюсков, столь характерных для Балановского могильника, и многие другие детали.

Перечисленные особенности должны служить достаточным основанием для отнесения Балановского могильника к особой балановской культуре. Антропологические различия между населением фатьяновской и балановской культур еще более подчеркивают их разграничение: широколицый кроманьонидный фатьяновский и узколицый восточно-средиземноморский балановский типы различны по своему происхождению⁹.

Балановский могильник не вполне одинок в Среднем Поволжье. Имеется ряд небольших курганных могильников, выявленных работами средневожжской экспедиции ГАИМК пока в северо-западной части Чувашии, в Ядринском и Красночетавском районах, на водоразделе между правым берегом реки Суры и ее притоком рекой Вылой. «Здесь было констатировано большое число курганных насыпей..., расположенные группами по две, по три. Малая величина групп, их расположение исключительно на высотах водоразделов, значительные размеры насы-

⁹ См. Т. А. Трофимова, Указ. раб.

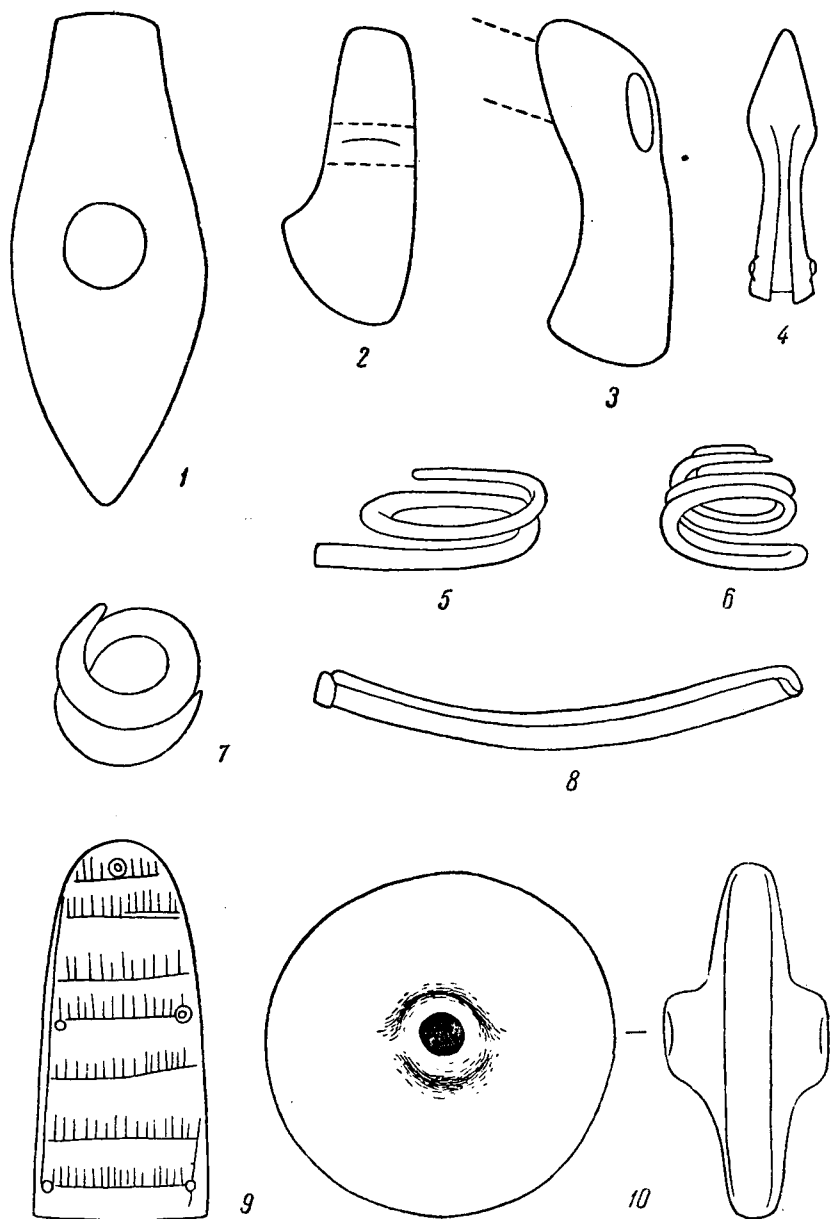

Рис. 5. 1,2—каменные полированные сверленные топоры; 3—медный вислобушный топор; 4—медное копье; 5—8—медные украшения; 9—костяная табличка; 10—глиняное колесико. Балановский могильник

пей — все это давало повод встретить здесь нечто отличное от Абашевской культуры с ее численно большими группами, состоящими из небольших высоких курганов, расположенных часто у края речных террас»¹⁰. Некоторые из этих курганов были в 1930 г. подвергнуты рекогносцировочным раскопкам. В кургане, вскрытом у д. Атли-Касы, найдены остатки скелета с подогнутыми ногами, с кремневым клиновидным шлифованным топориком, кремневым наконечником стрелы, продолговатым кремневым отщепом и четырьмя глиняными сосудами с лощеной поверхностью и орнаментом в виде широких зигзагов, совершенно похо-

¹⁰ П. Н. Третьяков, Указ. раб.

жих на орнамент, преобладающий в Баланове¹¹, и в виде тонких свисающих вниз треугольников. Погребение под курганами отличает могильник у д. Атли-Касы от Балановского, но предметы материальной культуры — кремневый топорик, стрела и керамика (по орнаменту, лощению поверхности, а в основном и по форме) настолько близки балановским (рис. 6, 1 и 2), что могильники типа Атли-Касы можно предварительно отнести к балановской культуре, именно к ее заключительной стадии, служащей в Чувашии переходом к памятникам абашевского типа¹².

При распашке курганов «жители Ядринского района делают многочисленные находки. В нескольких пунктах были найдены каменные орудия, в одном случае горшок, далее медный молоток и бедренные кости. Около д. Чемерданы найдены черепки разбитых горшков и часть сверленного каменного молотка»¹³.

Фрагменты двух аналогичных лощеных сосудов с широким зигзаговым орнаментом (рис. 6, 3) найдены в 1939 г. Е. И. Горюновой на Теньгушевском городище Мордовской АССР, в 6 км от правого берега реки Мокши, и происходят, вероятно, из разрушенного кургана¹⁴.

Чрезвычайно расширяют дальнейшие возможности изучения балановской культуры интересные открытия саратовского археолога П. Д. Степанова, недавно исследовавшего два древних поселения балановской культуры в бассейне средней Суры — на городищах Ош-Пандо и Ашна-Пандо. Это крупные поселения со множеством типично балановской керамики и прочих вещей, к сожалению, еще не опубликованных. В них хорошо представлены кости домашних животных. Знаменательно, что, как мы и предвидели¹⁵, поселения на этой стадии имели вид не низко расположенных охотничье-рыболовных стоянок, а высоких «селищ», что служит косвенным доказательством значительной роли земледелия в хозяйстве их населения.

Балановская керамика встречена и в гораздо более северных поселениях. Так, в раскопках автора в 1927 г. стоянки «Малый Бор», относящейся к поздняяковской культуре, найдено до полутора десятков фрагментов керамики балановского типа; среди них — обломки тонких, почти черных, хорошо сглаженных сосудов с орнаментальным узором в виде различного рода зигзагов, в частности и широких, типично балановских, нанесенных тонким зубчатым штампом на высокое цилиндрическое горло (рис. 6, 4); встречается и нарезной орнамент. Залегая в нижних горизонтах культурного слоя, балановская керамика на стоянке «Малый Бор» датируется концом третьей четверти II тысячелетия до нашей эры.

Есть следы балановской культуры и ниже по Оке, даже на ее левом берегу, в пределах Балахнинской низины. Так, на стоянке близ г. Дзержинска Б. А. Сафоновым в 1948 г. найдены обломки сосудов, относящихся к балановскому типу по форме шеек и характерному резному орнаменту в виде широких зигзагов, заполненных частой вертикальной штриховкой (рис. 6, 10, 11).

К балановскому же типу мы считаем нужным отнести и довольно многочисленные обломки керамики, определявшиеся ранее как фатьянов-

¹¹ См. О. Н. Бадер, Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии.

¹² См. там же. Впрочем, вопрос о возрасте погребений типа Атли-Касы нельзя считать вполне ясным. Не исключено, что они представляют собой, наоборот, древнейшие памятники балановской культуры, погребения первых переселенцев из области Кавказа.

¹³ П. Н. Третьяков, Памятники древнейшей истории чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948.

¹⁴ См. Е. И. Горюнова, Теньгушевское городище, Записки Мордовского научно-исслед. института, 9, 1947.

¹⁵ См. О. Н. Бадер, Лихачевский могильник (к вопросу о хозяйственной основе так называемой фатьяновской культуры), «Советская археология», II, 1937.

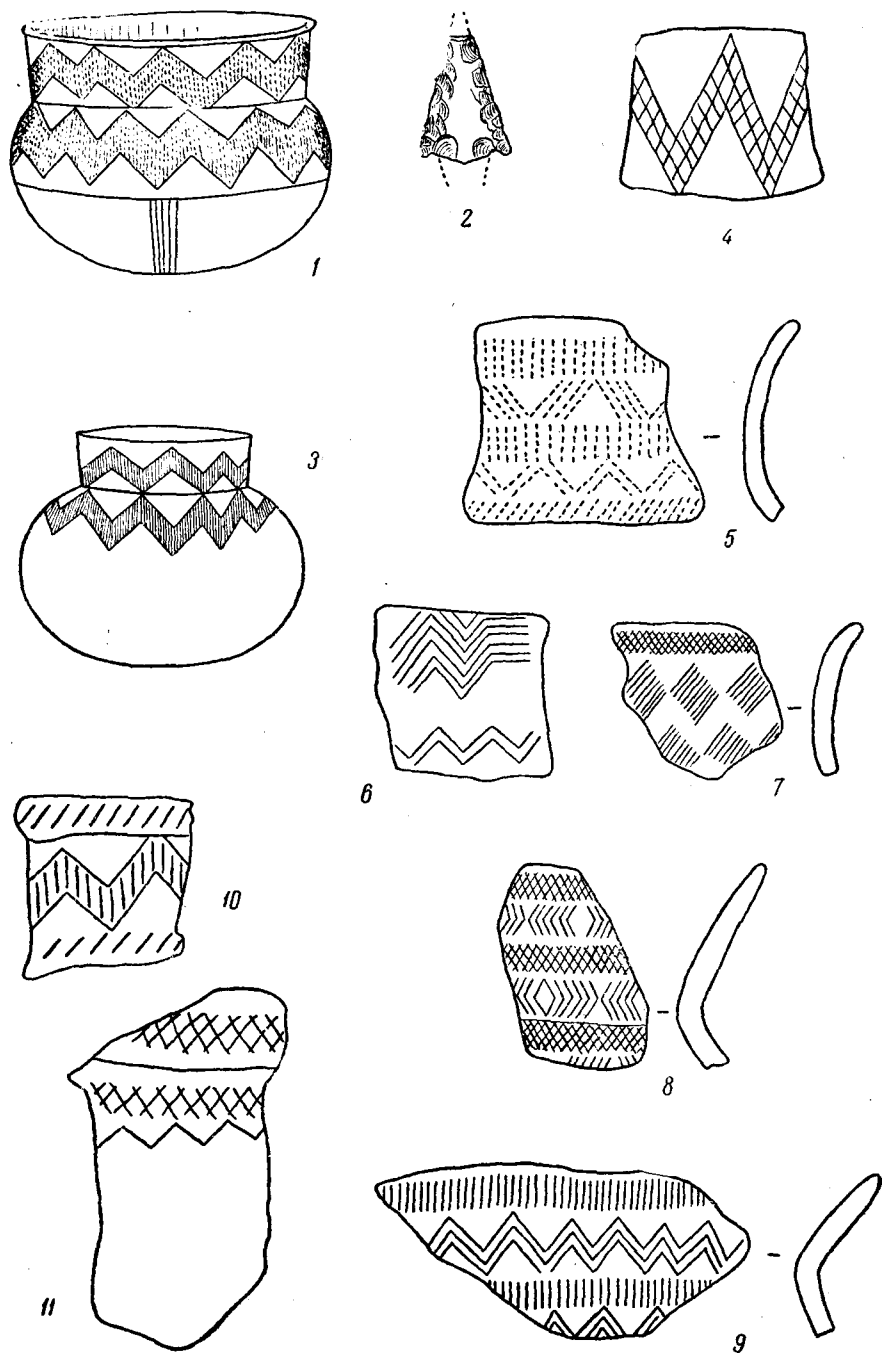

Рис. 6. 1, 2 — сосуд и кремневый наконечник стрелы из кургана Атликасы (по П. Н. Третьякову); 3 — реконструкция сосуда из Теньгушева (по Е. И. Горюновой); 4 — обломок керамики из стоянки Малый Бор; 5—9 — то же из Сейминской стоянки; 10, 11 — то же из стоянки у г. Дзержинска (по фотографии Б. А. Сафонова)

ские, происходящие из Сейминской стоянки. Здесь представлены сосуды балановских и очень близких им форм с резным и мелкозубчатым орнаментом в виде зигзагов, елочек, решеток, ромбов, с типичными «солцями» вокруг круглых вдавлений на дне (рис. 6, 5—9). Балановская

керамика на Сейминском поселении по ее численности не может рассматриваться как случайно и в небольшом количестве занесенная, но представляет, надо думать, определенный этап в истории этого поселения.

Перечисленные памятники обрисовывают территорию распространения балановской культуры как область, ограниченную с востока Волгой, с запада, видимо, Мокшей и Цной, с севера Окой и Волгой до устья Камы; с юга границы пока не ясны, но, исходя из лесного характера окружавшего «балановцев» ландшафта, можно предполагать, что они проходили недалеко от границ леса и степи того времени, параллельно им (рис. 7). Поэтому следы могильников и местонахождения, причисленные в свое время А. А. Спицыным к фатьяновской культуре и находящиеся на очерченной территории, возможно с наибольшей долей вероятия отнести также к балановской культуре. Это памятники у Сергача, Гремячего, Бок, Чуколы и Васильевки. Ближайшим, крайним фатьяновским памятником является Чуркинский могильник над северной частью Балахнинской низины; к югу от него распространяются памятники балановской культуры.

Общая дата балановской культуры складывается из времени Балановского могильника плюс время заключительной стадии этой культуры, представленной могильниками типа Атли-Касы, и может быть выражена в цифрах примерно от XVII—XVI и до XII в. до нашей эры. Смена балановской культуры абашевской произошла в XI в., что и служит верхним хронологическим пределом балановской культуры. Этот последний определяется самой датой абашевской культуры, более поздней, чем обычно считают, что доказывается последними находками на Урале, определяющими абашевскую культуру как тесно связанную с Уралом и по времени совпадающую с поздней стадией андроновской культуры и с карасукской на востоке.

* * *

Вопроса о происхождении балановской культуры касались до сего времени трое: в 1944 г.— автор¹⁶; в 1947 г.— О. А. Кривцова-Гракова¹⁷, в 1949 г.— Т. А. Трофимова¹⁸. Автор пытался решать вопрос о происхождении «балановцев» в свете их антропологического своеобразия, выявленного уже после раскопок 1933 и 1934 гг., и говорил на этом основании об их южном происхождении, не высказываясь более точно и считая возможным, что этот антропологический тип был занесен сюда в более отдаленные времена. Т. А. Трофимова на антропологическом же и лингвистическом основании показала южные, точнее кавказские, связи средневолжского населения времени Балановского могильника и сочла возможным говорить о миграции его из Закавказья; в дальнейшем изложении мы поддерживаем точку зрения о кавказском происхождении «балановцев» и пытаемся ее дополнительно аргументировать. Точка зрения О. А. Кривцовой-Граковой диаметрально противоположна: она выводит культуру Балановского могильника с северо-запада, из Верхнего Поволжья.

Отдавая должное большой работе, проделанной О. А. Кривцовой-Граковой по разработке хронологии памятников фатьяновской культуры, никак нельзя согласиться с ее конечными историческими выводами¹⁹. Последние сводятся к тому, что появилась фатьяновская культура в Московской области и прилегающих к ней районах в конце III тысячелетия до нашей эры. Далее, «в конце первой четверти II тысячелетия

¹⁶ О. Н. Бадер, К истории первобытного общества на Оке и в Верхнем Поволжье. Рукопись, цитированная в последней работе Т. А. Трофимовой.

¹⁷ О. А. Кривцова-Гракова, Указ. раб.

¹⁸ Т. А. Трофимова, Указ. раб.

¹⁹ См. О. А. Кривцова-Гракова, Указ. раб.

могло начаться передвижение населения в Ярославскую область»²⁰, г протекал второй этап развития фатьяновской культуры. «Чувашская группа сменяет ярославскую в половине II тысячелетия»²¹. «Последний этап развития культуры протекал в пределах Чувашии и отчасти в Горьковской области, где он может быть отнесен к третьей четверти II тысячелетия»²². В это время в Верхнем Поволжье «фатьяновская культура уже прекратила свое существование»²³.

Получается сплошная миграция населения фатьяновской культуры сперва неизвестно откуда — в Московскую область, из Московской области в Ярославскую, из Ярославской в Среднее Поволжье. При этом за время движения из Верхнего Поволжья в Чувашию успевает резко измениться антропологический тип населения²⁴, хотя нигде по соседству он воспринят быть не мог.

Нарисованная картина совершенно неправоподобна даже с первого взгляда.

Вопрос о происхождении балановской культуры должен решаться с учетом, во-первых, отсутствия генетических связей ее с фатьяновской культурой и, во-вторых, в свете антропологических связей «балановцев» с Восточным Средиземноморьем. И потому нет прямой необходимости рассматривать его слитно с происхождением фатьяновской культуры, как это сделала Т. А. Трофимова (1949)²⁵; от отдельного рассмотрения эти вопросы приобретают только большую ясность.

Мы видели, что культурные различия между Балановским и верхневолжскими могильниками фатьяновского типа дают основание рассматривать их как особые, различные археологические культуры. В то же время установленное Т. А. Трофимовой еще в 1940 г. своеобразие балановского антропологического типа по материалам наших первых раскопок, подтвержденное в 1947 г. М. С. Акимовой²⁶ по раскопкам 1936, 1937 и 1940 гг., и намеченные резкие антропологические различия между «фатьяновцами» и «балановцами» — в свете последних исследований Т. А. Трофимовой выглядят совсем иначе, чем прежде. М. С. Акимова пришла к выводу, что «балановцы» гораздо ближе западноевропейскому, нежели восточноевропейскому населению своего времени. По ее мнению, «балановский тип обнаруживает сходство с неолитическим населением Прибалтики и средней части Германии во II тысячелетии до нашей эры. Наибольшее сходство наблюдается с носителями культуры ленточной керамики Средней Европы и мегалитической культуры юга Швеции». Это заключение, как оказалось, слишком поспешное, к тому же не подтверждается археологически. В то же время Т. А. Трофимова, пользуясь теми же данными, пришла к существенным

²⁰ О. А. Кривцова-Гракова, Указ. раб., стр. 23.

²¹ Там же, стр. 33.

²² Там же, стр. 23.

²³ Там же.

²⁴ Антропологический облик фатьяновского населения Верхней Волги известен давно; антропологические данные по Балановскому могильнику проникли в печать с 1940 г. по предварительному исследованию черепов Т. А. Трофимовой, включенному в нашу статью. М. С. Акимова работала над теми же краниологическими материалами, пополненными новыми из ее раскопок 1940 г., что послужило материалом для ее диссертации «Антропологический тип фатьяновской культуры», краткое изложение которой под тем же названием она опубликовала в статье в «Трудах Института этнографии», Новая серия, т. I, 1947. В 1946 г. Т. А. Трофимова по материалам Акимовой четко разграничила краниологические материалы, относящиеся к племенам фатьяновской и балановской культуры, отнесла последние к средиземноморской расе (см. ее статью «Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии», «Советская этнография», 1946, 1, стр. 126—129). Вторично она пересмотрела этот вопрос в работе 1949 г. «К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры» (цит. выше).

²⁵ Виноваты в этом, впрочем, мы, археологи.

²⁶ См. М. С. Акимова, Антропологический тип населения фатьяновской культуры.

иным выводам. По Трофимовой, тип «балановца» — высокорослый, с высоким и нешироким лицом, с узким носом, имеет гораздо более близкие, притом полные аналогии в Закавказье, в Севанском районе и принадлежит к древнему средиземноморскому типу, типу сумеров и древнего населения Закавказья, распространенному в IV, III, II и начале I тысячелетия до нашей эры во всей Передней Азии, «от Средиземного моря до Индии и от Каспийского моря до Оманского залива Аравийского моря», составляя там основу местного населения²⁷. Подкрепив этот вывод очень солидной антропологической аргументацией, Т. А. Трофимова правильно использовала целый ряд указаний Н. Я. Марра на древние связи современного чувашского языка с шумерским языком и с языками народов Кавказа, в первую очередь с армянским и грузинским. Придавая большое значение в вопросах этногенеза анализу племенных названий, Н. Я. Марр считал, что с о м е х — одно из племенных названий армян — есть разновидность такого же названия с у м е р или с у б а р древней Месопотамии и что это название сохранилось местами вдоль Волги, в частности в названии нескольких чувашских сел — Субар, города Шубашкар, так же как и в имени самих чуваш — сувар²⁸. Далее, сделав попытку наметить также некоторые культурные, археологические параллели, Т. А. Трофимова приходит к заключению, что у населения «современной Чувашской республики существовала во II тысячелетии до н. э. связь с населением Закавказья и, возможно, Месопотамии. Связь эта выражалась не только в культурном обмене, но и в переселении групп людей с юга на территорию Среднего Поволжья. Весьма вероятно, что в определенную эпоху эта связь была постоянной, и переселения в области Среднего Поволжья с юга совершались неоднократно. Ответ на этот вопрос может дать археология»²⁹.

Необходимо отметить, что связь антропологического типа «балановец» со Средиземноморьем устанавливает и М. М. Герасимов³⁰.

Не имея сейчас возможности привлечь весь необходимый для этого материал, мы все же укажем на некоторые связи балановской культуры с Кавказом.

Еще в первых работах, в которых была показана необходимость рассмотрения памятников фатьяновского типа как особой археологической культуры медно-бронзовой эпохи, А. А. Спицын³¹ и В. А. Городцов³² отмечали сходство фатьяновской керамики, клиновидных топоров, сверленных топоров и некоторых других вещей с раннеметаллическими памятниками Северного Кавказа; заметим, что перечисленные выше вещи впоследствии были найдены и в Баланове. Оба упомянутых археолога считали возможным говорить о северокавказском происхождении этих вещей и всей фатьяновской культуры. В. А. Городцов считал, что раннеметаллические культуры Южной и Средней России — катакомбная, срубная и фатьяновская — развивались под более или менее сильным влиянием северокавказской культуры, которая в свою очередь имела тесную связь с Месопотамией, что подробно и убедительно аргументировано В. А. Городцовым.

Происхождение медных проушных топоров с вислыми обухами В. А. Городцов связывает с древней культурной областью Месопота-

²⁷ Т. А. Трофимова, К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры, стр. 63.

²⁸ См. Н. Я. Марр, К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории, Избранные работы, т. III, 1934, стр. 169.

²⁹ Т. А. Трофимова, К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры, стр. 70.

³⁰ М. М. Герасимов, Основы восстановления лица по черепу, М., 1949.

³¹ См. А. А. Спицын, Медный век в Верхнем Поволжье, Записки Отдел. русск. и слав. археологии Русск. археол. об-ва, т. V, вып. 1, 1903; его же, Новые сведения о медном веке в средней и северной России, Записки Отдел. русск. и слав. археологии Русск. археол. об-ва, т. VII, вып. 1, 1905.

³² См. В. А. Городцов, Бытовая археология, М., 1910.

мии и Западного Ирана (в частности, с Эламом). Отсюда они, несколько видоизменяясь, широко распространились, достигнув на Русской равнине Прикамья и Верхнего Поволжья. «Из Ирана в Европу топоры с вислыми обухами могли проникнуть тремя путями: 1. Малой Азией и Балканским полуостровом; 2. Кавказом и 3. Каспийскими воротами»³³. Рассматривая фатьяновскую керамику, В. А. Городцов указывает на сходство шаровидных сосудов с сосудами бронзовой эпохи из раскопок Н. И. Веловского у станции Царской на Кубани, которые «по своему устройству: горлышек, округлым плечам, характеру расположения орнамента сходны с фатьяновскими, отличаясь, однако, плоским дном и крупными разводами. Во всяком случае генетическая связь фатьяновского типа шаровидных сосудов с кавказскими весьма вероятна: в пользу ее говорит с одной стороны, сходство форм, с другой, — единство, иногда полное тождество орнамента»³⁴. Наиболее близкими фатьяновским по форме оказались два шаровидных сосуда, к сожалению, без орнамента, найденные вместе с медным или бронзовым вислообушным топором у с. Дивичи Кубинского округа Бакинской губ., недалеко от Дербентского прохода³⁵.

Все сказанное об аналогиях верхневолжской фатьяновской культуры с древними культурами Кавказа, с прибавлением сходных медных спирально-завитых колечек и жезловидных булавок, действительно говорит в пользу определенных культурных связей, но не может рассматриваться как доказательство кавказской миграции, которой противоречит прежде всего резкое различие антропологических типов. Однако те же аналогии, действительно прежде всего для балановской культуры В. А. Городцову тогда не известной, здесь выглядят совершенно иначе: так как идут параллельно с полным тождеством антропологического типа «балановцев» и древнего населения некоторых районов Закавказья.

В Балановском могильнике, помимо перечисленных параллелей, существующих с фатьяновской культурой, как медные вислообушные топоры, простые спиральные колечки, форма и орнамент некоторых сосудов, имеются и другие аналогии с Кавказом и Закавказьем, притом более убедительные. Таковы кремневые подтреугольные с черешком стрелы Балановского могильника, известные и в памятниках III тысячелетия в Закавказье³⁶. Небольшой сверленный лопастной топор из хорошего темного серого диорита³⁷ (рис. 5, 2) очень близок аналогичным диоритовым топорикам, найденным близ Моздока³⁸. Медно-бронзовое кованое балановское копье с разомкнутой втулкой (рис. 5, 4) также имеет аналогию в Закавказье, а именно во втором слое Эшерских дольменов Абхазии, относящихся ко II тысячелетию; абхазское копье имеет более удлиненные пропорции; вместе с ним найдены также и бронзовые спиральные колечки³⁹. Т. А. Трофимова справедливо указывает на некоторые черты сходства балановской керамики с закавказской керамикой из Триале и Кармир-Блур.

Особенно интересна аналогия, отмеченная нами в 1940 г.⁴⁰, на которую ссылается и которую внимательно рассматривает и Т. А. Трофимова: это находки глиняных колесиков с длинной втулкой. Сперва, познакомившись с ними по материалам краеведческих раскопок 1933 г., мы

³³ В. А. Городцов, *Культуры бронзовой эпохи в Средней России*, Отчет Росс. Историч. музея за 1914 г., М., 1915.

³⁴ В. А. Городцов, *Указ. раб.*, стр. 161, 162.

³⁵ См. там же, стр. 160.

³⁶ Например, Б. А. Куфтин, *К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии*, «Краткие сообщения ИИМК», VIII, 1940, рис. 11.

³⁷ См. О. Н. Бадер, *Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии*, «Советская археология», VI, 1940, рис. 21, ф. 2.

³⁸ См. E. Chantre, *Recherches anthropologiques dans le Caucase*, t. 1, 1885.

³⁹ См. Б. А. Куфтин, *Указ. раб.*, рис. 3.

⁴⁰ См. О. Н. Бадер, *Балановский могильник (по раскопкам 1936—1937 гг.)*, Рукопись.

затруднялись в их определении; но, после того как в наших раскопках они были встречены исключительно при детских погребениях, причем лежали всегда попарно на расстоянии нескольких сантиметров друг от друга, мы сочли возможным определить их как колесики от игрушечных повозок-двуколок, вероятно, копирующих повозки, употреблявшиеся в быту. Действительно, наши колесики поразительно напоминают массивные дубовые колеса погребальной колесницы, обнаруженной Б. А. Куфтиным под одним из курганов на Цалкинском плоскогорье; повозка была четырехколесная⁴¹. Следы аналогичных колесниц наблюдались в нескольких курганах того же района. Б. А. Куфтин указал замечательные аналогии своим находкам в Шумере, в двух раннединастических погребениях в Уре. Б. А. Куфтин приводит и другие аналогии цалкинским колесам: в миниатюрных глиняных изображениях из Киша, в бронзовой модели четырехколесной повозки из Сирии, датируемой временем около 2000 лет до нашей эры (хранящейся в Стокгольмском музее), а также и из памятников бронзовой эпохи на Кавказе в виде глиняных колес от миниатюрных повозочек в Дагестане (раскопки А. П. Круглова) и в энеолитическом холме Шреш Блур в Армении. Подобная цалкинской четырехколесная повозка найдена Лалаяном и в позднебронзовом кургане на Южном Кавказе⁴². Глиняные колеса от моделей повозок найдены также Е. А. Байбуртяном в Шенгавитском поселении и С. Сардаряном в холме Кюль-тапа медного века в Армении⁴³. Аналогичные колеса известны и в Анау.

Однако указанные аналогии можно продолжить и к северу от Кавказа, что представляет для нас сейчас особенный интерес. В одном из курганов бронзовой эпохи в урочище «Три брата» близ Элисты саратовскими археологами был найден у погребения отпечаток на глине большого, не сохранившегося деревянного колеса все той же формы. Такие же колеса бытовали позднее у скифов, судя по изображению глиняной модели четырехколесной повозки, изданной в одном из путеводителей по Керченскому музею⁴⁴. Отметим также полную аналогию наших трубочек-пронизок из листовой бронзы с точно такими же пронизками некоторых позднебронзовых могильников северо-восточного Кавказа, например, могильника у с. Хорочой⁴⁵, где они встречены вместе с овальными спиральными колечками, спиральными трубочками и другими вещами в обложенных деревом могилах или в каменных ящиках со скорченными костяками, лежавшими также в зависимости от пола на правом или на левом боку; аналогичные трубочки известны и из памятников поздней бронзы района Кисловодска⁴⁶, в Кобани и из кургана у аула Гунделен (по Замятнину), из курганов в местности Садки у Нальчика и у сел. Светловодское (по А. П. Круглову). Сопровождающие эти пронизки спиральные медно-бронзовые колечки широко распространены в памятниках Северного Кавказа и Нижнего Поволжья, бытуя до начала железной эпохи. Широкие трубки из спирально свернутых узких пластинок, известные в Баланове, в близких формах бытовали в кобанской культуре. На юг ведет нас и обилие в некоторых из балановских погребений раковин съедобных моллюсков.

Связи с народами Кавказа имеются и в этнографии чуваш и других

⁴¹ См. Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, I, 1941.

⁴² См. там же.

⁴³ См. Б. Б. Пиотровский, Поселения медного века в Армении, «Советская археология», XI, 1949.

⁴⁴ См. Ю. Ю. Марти, Путеводитель по Керченскому историко-археологическому музею, 1937, рис. 2.

⁴⁵ См. А. П. Круглов, Предскифские памятники северо-восточного Кавказа, Ученые записки Ленинградского гос. университета, серия историч. наук, вып. 13, 1949, рис. 3 и 5.

⁴⁶ См. С. Н. Замятнин, Отчет о работах на строительстве санатория КСУ в Кисловодске, «Известия ГАИМК», вып. 109, 1935, рис. 207, ф. 13.

народов Волгокамья. Так, по преданиям лазов, их священную книгу — закон, написанную на родном языке, съел бык; чеченскую книгу якобы съела коза. Аналогичные легенды о «книге — письменности — законе» сохранились у марийцев, где ее съедает корова, у чуваш, где с не таким же образом поступают корова и овца, у удмуртов, манси и ханты ⁴⁷, занимавших в свое время в своем расселении более западные районы. Мегрельский вариант предания об одноглазом великане циклоп близок не только гомеровскому сюжету, но и чувашскому варианту.

Мотив грузинской сказки о появлении нечистых духов, когда правитель бесов был закрыт в кувшине и брошен на дно моря, т. е. мотив запертия сверхсуществ, известный в древнем Египте и Греции, нашел свое отражение и у чуваш (дух смерти однажды был заперт в гроб и брошен в озеро), и у удмуртов (один удмурт хитростью запер смерть в гроб (сундук) и держал ее там 40 лет, пока ему самому не надоела жизнь).

Широко распространенные у народов Кавказа героические легенды о богатырях — «нартах» находят поразительные аналогии у чуваш и прикамских финнов; сказки об «олай онарах» почти повсеместно распространены среди чуваш, марийцев, удмуртов и отчасти татар. Так, марийцы рассказывают, что раньше жили люди-великаны, и называют их «нар», «нар-эдям», «онар» или «онар-ген». Эти легендарные «нары» были такого роста, что перешагивали через высокие деревья. Они ходили по земле большими шагами, и там, где они вытряхивали из лаптей землю, появлялись курганы. Чувашаи подобных великанов называют «олап» («улап»), и курганы, получившиеся от вытряхивания лаптей великанов, называют «олап-тапри» — земля олапа. Легенды о великанах распространены у многих народов, но параллели между кавказскими «нартами» и волжскими «нар» и «олап» особенно близки.

Далее, «весьма близкие параллели прослеживаются в астральных мифах, представляющих пережиток первобытной космогонии. На Кавказе и в Волго-Камском крае широко были распространены идентичные легенды о небе, а именно о том, как небо поднялось в высь, как оно открывалось по временам» ⁴⁸, а также некоторые представления о радуге. Совпадения, иллюстрируемые многими примерами, очень полны. Сюда же относятся сказки о «рогатых змеях», «змеях кладохранителях» и ряд прочих поверий.

Интересны совпадения некоторых обычаев хозяйственной жизни: по скотоводству — приготовление обрядового молозива, по земледелию — обряды, связанные с началом и окончанием полевых работ, так же как и особые действия для сохранения скота, предохранения посевов от засухи и пр. Из прочих культовых действий «аналогичны обряды: 1) изгнания злых духов из селения — аула (мегрельский праздник «чечетобы» и чувашский «сюрем»); 2) обряды, выполняемые при закладке новых строений; 3) некоторые магические способы лечения больных; 4) способ испытания жертвенного животного и 5) способ моления богу.

И здесь, и там бытуют одинаковые обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка: 1) обсыпание новорожденного солью, 2) мнимая продажа ребенка, 3) перемена имени в целях обмануть злых духов, угрожающих ребенку, и 4) «аталычество». Аталычество — обычай, зафиксированный пока только на Кавказе, находит полную аналогию в роли «хэйматлэх» у чуваш, мари и татар, но он особенно интересен нам в данном случае как обычай, свойственный стадии перехода от матриархата к патриархату, так как мог бытовать как раз в древнем балановском обществе и, следовательно, и здесь происходить с Кавказа.

Чрезвычайно близки, иногда тождественны некоторые обычаи, свя-

⁴⁷ В этой части мы используем рукопись доклада Н. Р. Романова «Кавказ и Волго-Камский край. Этнографические параллели».

⁴⁸ Там же.

занные с церемониями похорон и поминок. Довольно много совпадений и в свадебных обрядах.

Интересна одна из параллелей в земледельческой культуре, а именно возделывание полбы. В Волго-Камском крае полбу возделывают главным образом чуваш⁴⁹, башкиры, удмурты, на Кавказе — армяне, хевсуры, осетины; в Пиренеях полба разводится их яфетическими аналогами — басками.

Сходные этнографические черты народов Кавказа и Волго-Камья, указанные выше, нуждаются в серьезном сравнительно-этнографическом анализе с целью отделить среди них общие совпадения и параллели стадияльного порядка, а также общие позднейшие заимствования из одного и того же источника от действительно сближающих обе культурные области общих по происхождению этнографических особенностей. Но уже сейчас можно сказать, что такие общие черты в этнографии и фольклоре имеются, сохранились до современной эпохи, говоря об имевших место древних культурных, исторических связях между населением рассматриваемых территорий.

* * *

Итак, поразительное антропологическое сходство древнего населения Среднего Поволжья с населением Закавказья, ряд весьма существенных общих черт в языке (в том числе общность племенных названий), довольно многочисленные археологические аналогии в материальной культуре, наконец, некоторые знаменательные совпадения в этнографии и фольклоре, — все говорит в пользу вывода, сделанного Т. А. Трофимовой, об имевших место древних переселениях с юга на север, из области Кавказа в область Среднего Поволжья. Частично эти переселения могли иметь место и в относительно поздние исторические эпохи, например в эпоху «великого переселения народов», когда южные племена степняков, в частности из Предкавказья, продвигались вдоль Волги и Урала далеко на север, вплоть до Верхнего Прикамья. Но первое и, видимо, наиболее значительное этническое продвижение из области Кавказа в Среднее Поволжье фиксируется во II тысячелетии до нашей эры, когда средиземноморцы-балановцы в силу каких-то причин принуждены были оторваться от родственного массива на юге и идти до Чувашии, Мордовии и Оки. Столь далекая миграция не выглядит фактом исключительным; история и этнография дают нам ряд аналогичных фактов для ранних стадий исторического развития; таков далекий и сложный путь, пройденный ирокезскими племенами Северной Америки, распространение карасукской культуры из области Северного Китая вплоть до Прикаспия и т. д. Наличие у «балановцев» быков, лошадей и двухколесных повозок сильно облегчало движение.

История ничего не знает о переселениях средиземноморцев в Среднее Поволжье. Но анализ археологических данных рисует нам широкую картину крупных этнических сдвигов и скрещений в конце III и во II тысячелетии до нашей эры, происходивших в нашей степной полосе и там, где степные племена соприкасались с населением лесной зоны. В это время всюду в областях Прикаспия и Причерноморья и к северу от них в степях вплоть до южной полосы лесов уже произошло или заканчивалось образование племенных объединений пастухов-скотоводов и древних металлургов, переходивших или уже перешедших от материнской к отцовской форме родового устройства, знавших земледелие, практиковавших не только далекий межплеменной обмен, но занимавшихся и вооруженным грабежом соседей, доставлявшим богатство в виде скота и рабов — военнопленных, продуктов земледелия и запасов металла.

⁴⁹ Н. Р. Романов, О некоторых обрядах и обычаях чуваш (К вопросу об этногенезе чуваш). Рукопись.

Основными поводами для столкновений между племенами были скот и пастбища; так было, по Б. Б. Пиотровскому, и в Закавказье, на Армянском нагорье, как только там получило господство разведение стад.

В то же время, постепенно накапливаясь, в Восточной Европе и, вероятно, в Азии происходили заметные климатические перемены, далеко не безразличные для хозяйства первобытного населения этих территорий, также отражавшиеся на быте последнего, ибо «труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой»⁵⁰. Это положение, справедливое по отношению ко всем периодам человеческой истории, имеет особое значение применительно к ранним историческим этапам, когда человеческое общество было еще относительно слабо вооружено для борьбы с природой.

Примерно на середину или на вторую четверть II тысячелетия до нашей эры падает начало максимального развития явлений так называемого ксеротермического периода, климатического оптимума последнего ледникового. Ксеротермический период характеризуется явным изменением климата в сторону засушливости, причины чего еще недостаточно выяснены. Однако эти явления не имели всеобщего распространения: они охватывали, во всяком случае, северо-восточную Европу, Зауралье, смежные области Азии, видимо затухая по мере продвижения на восток. В это время в Восточной Европе вследствие сухости климата понижается уровень озер и рек, разливы последних уже не покрывают пойм; на болотах прекращаются торфообразовательные процессы, болота зарастают лесами, следы которых сохранились в торфяниках в виде так называемого пограничного горизонта стволов и пней. В ряде случаев на пространстве от Балтики до Урала включительно установлено совпадение ксеротермического периода с бронзовой эпохой, точнее, с ее второй половиной, т. е. с развитой культурой бронзы⁵¹.

Особенно существенно для нас происходившее в это время смещение ландшафтно-географических зон к северу. Некоторые авторы полагают, что «смещение это на территории Русской равнины достигло 5°. При этом, следовательно, предполагают, что лесостепь доходила почти до Ленинграда и Вологды, юг же Украины, судя по реликтовым полустынным растениям, представлял собой, по Пачосскому, полупустыню наподобие современной Калмыцкой степи»⁵². На песках Придонья наших дней как реликт полупустыни живут особые виды ящериц и даже представитель пустыни — тушканчик.

Еще в более резкой форме должны были выражаться явления засушливости в огромных степях Поволжья и Приуралья, более континентальных по своему географическому положению. В это время здесь обитали скотоводческие племена, следы которых известны нам для Южного Приуралья и Предуралья и Южной Сибири по остаткам андроновской культуры, а к западу от нее под именем срубной культуры; племена эти были родственны между собой как в культурном, так и в антропологическом отношении, являя яркие черты широколищего европеоидного пережиточно-кроманьонского типа. Населявшиеся ими степи, превращаясь в полупустыни, не могли удовлетворить требований развивающегося скотоводства и кормить многочисленные стада. Вполне возможно, что и это обстоятельство во многом привело к движению варварских племен, искавшие лучших пастбищ. Следы широких этнических сдвигов во II тысячелетии в зоне степей и вокруг них археология сохранила во множестве.

⁵⁰ К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 7-е, ГИЗ, 1931, стр. 133.

⁵¹ См. О. Н. Бадер. Некоторые вопросы палеогеографии северо-восточной Европы и Урала в свете археологических данных (в печати).

⁵² Н. Н. Соколов, О возрасте и эволюции почв в связи с возрастом материнских пород и рельефа, Труды Почвенного института АН СССР, вып. 6, 1932.

Эти переселенческие волны, приуроченные главным образом к середине II тысячелетия до нашей эры и обусловленные, как мы видели, совокупностью различных причин, могут быть объединены под именем первого «великого переселения народов», происходившего в почти забытые современным человечеством времена.

Так, на востоке степные скотоводческие племена, оставившие нам ископаемую андроновскую культуру, достигают в это время пределов Северного Урала, сохранившего нам в известном Горбуновском торфянике близ Тагила и в некоторых других памятниках элементы андроновской керамики, частью уже неразрывно сросшиеся с местными формами. На западе в это время начинается движение племен срубной культуры, видимо, на запад и во всяком случае — на север. На всем огромном протяжении от Приуралья до Днепра скотоводческие племена срубной культуры и родственные им в середине II тысячелетия до нашей эры широким фронтом надвинулись на север, занимая области, постепенно освобождавшиеся от леса. Об этом, подчас далеко внедрении говорят такие памятники, как Ананьинская и Луговская стоянки на Каме, стоянка у Ново-Мордова и ряд близких ей около Казани, Камского устья и южнее, несколько стоянок на реке Зимнице близ Пензы, обширная группа поселений и могильников поздняяковской культуры на Средней и Нижней Оке, вплоть до близких по культуре стоянок типа «Куракин Бор» близ Брянска.

Трудно сказать, откуда исходил основной толчок, приведший к описанным передвижениям; вероятно, он был не один, их было много. Но, надо думать, первые толчки возникали чаще на юге, в области степей, равнин и нагорий, в первую очередь превращавшихся в полупустыни, к тому же частью соседивших с древними рабовладельческими государствами, постоянно стремившимися посредством военных походов черпать из соседних варварских областей необходимых им рабов и скот. Как мы видели, в этнических движениях II тысячелетия на юге СССР приняли участие и восточносредиземноморские племена области Кавказа, но все же основными действующими силами являлись скотоводческие племена основной части степей, носители широколицего антропологического типа, создавшие в ряде черт сходные культуры: андроновскую в степях Западной Азии и срубно-хвалынскую в степях Восточной Европы.

Об этнических сдвигах, происходивших в это время в степях Зауралья и Сибири, говорить пока трудно. Исходя из более позднего возраста орских андроновских памятников по сравнению с челябинскими⁵³, можно сделать предположение о происходившем движении андроновских племен на запад, в область южного Приуралья и Предуралья, где они распространяются вплоть до Бузулука, тесно соприкасаясь с племенами срубной культуры. По мнению крупнейшего исследователя последней — В. А. Городцова, именно здесь, на востоке, на берегах Волги, древние племена срубной культуры «вошли в контакт» с «катакомбными» племенами Северного Причерноморья и, «распространяясь из заволжских степей на запад, заняли почти всю область более раннего населения катакомбной культуры»⁵⁴. Оставляя здесь без рассмотрения вопрос о формах смены катакомбной культуры срубной, ограничимся констатацией передвижки древне-срубных племен из Заволжья на запад в бассейн Дона и Днепра, установленной В. А. Городцовым и подтвержденной в последнее время О. А. Кривцовой-Граковой⁵⁵.

В Передней Азии и Закавказье II тысячелетие также было «эпохой

⁵³ См. К. В. Сальников, К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья, Сборник «Первое Уральское археол. совещание», Доклады Научных конференций Молотовского университета, вып. 1—4, 1947.

⁵⁴ В. А. Городцов, Бронзовая эпоха на территории СССР, Большая советская энциклопедия, т. 7, 1928.

⁵⁵ См. О. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник, Труды Гос. Историч. музея, вып. XVII, 1948.

крупных социальных сдвигов в связи с развитием классового общества эпохой войн и военных походов. Это была также эпоха острой борьбы между скотоводческими племенами за пастбища, что должно было вызвать поиски новых областей для освоения»⁵⁶. Ко второй половине II тысячелетия относятся засвидетельствованные походы ассирийцев на север, в район озера Ван и другие, и походы урартов в Ассирию. Переселение этнической группы, представленной в Баланове, из области Кавказа на Среднюю Волгу следует относить к первой половине II тысячелетия до нашей эры; мы полагаем, что последующие открытия Поволжья позволят углубить дату балановской культуры, установленную в своих нижних пределах на основании пока единственного Балановского могильника.

Дело в том, что, двигаясь из Закавказья через «Каспийские ворота» или уже из Предкавказья, — будущее уточнит эту исходную область, — балановцы скорее всего успели пройти вдоль Волги еще до того, как произошло становление срубной культуры; двигаясь вдоль восточного края территории катакомбной культуры, балановцы вошли в соприкосновение с племенами полтавкинской культуры и отчасти потеснили и на балановской территории имеются остатки более ранних полтавских поселений (например, у Криушей на Волге). Войдя на Оке в соприкосновение с фатьяновскими племенами, балановцы вступили с ними в тесные взаимоотношения; основными путями для этого служили Волга и, вероятно, вначале и Клязьма. Именно этими связями могли быть объяснены не только некоторые (но не все) черты сходства между фатьяновской и балановской культурами, но и ряд кавказских элементов у фатьяновцев Верхнего Поволжья, общих с балановскими.

Впоследствии, в середине II тысячелетия, племена широколистных европеоидов срубной культуры, распространившись из области Поволжья далеко на запад, отделили своим сплошным массивом территорию балановской культуры от Прикаспия, Кавказа и Причерноморья, на Нижней Оке, сомкнувшись в лице поздних племен с племенами приуральской лесной сейминской культуры, отделили балановскую территорию от фатьяновской (рис. 7). Поздние племена оттеснили «фатьяновцев» с Оки, где фатьяновские памятники, например Богословской могильник у Рязани⁵⁷, являются до-поздних.

Широко совершавшиеся во II тысячелетии, в первую эпоху «великих переселений» этно-культурные скрещения приводили нередко к сложению новых племенных организаций и во всяком случае к отложению элементов одной культуры в составе другой как реальных следов этих скрещений. Такие следы имеются и в Балановском могильнике. Если известные черты сходства с фатьяновской культурой могут найти свое объяснение в непосредственном сближении и столкновении с ней «балановцев» на севере, вдоль Оки, а некоторые черты срубной культуры (редкие находки плоскодонной керамики, глиняные ложки, граненые шилья, провололочные медные колечки) — близким после миграции соседством с ней с юга, то андроновские вещи в Баланове требуют иного объяснения, так как балановская территория от андроновской отстоит далеко. Упомянув о таких чертах сходства, как каменные терки, четырехгранные металлические шилья, форма некоторых кремневых стрел в виде вытянутого треугольника с широким черешком, некоторые элементы орнамента на керамике, следует особо отметить найденные в Баланове в 1937 г. медные украшения в виде трех длинных трубочек, свернутых из тонко прокованных листов металла, с нанизанными на них спиральными кольцами из того же металла; через описанные тру-

⁵⁶ Т. А. Трофимова, К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры.

⁵⁷ См. А. А. Мансуров, Археологическая карта Рязани и окрестностей. Рукопись.

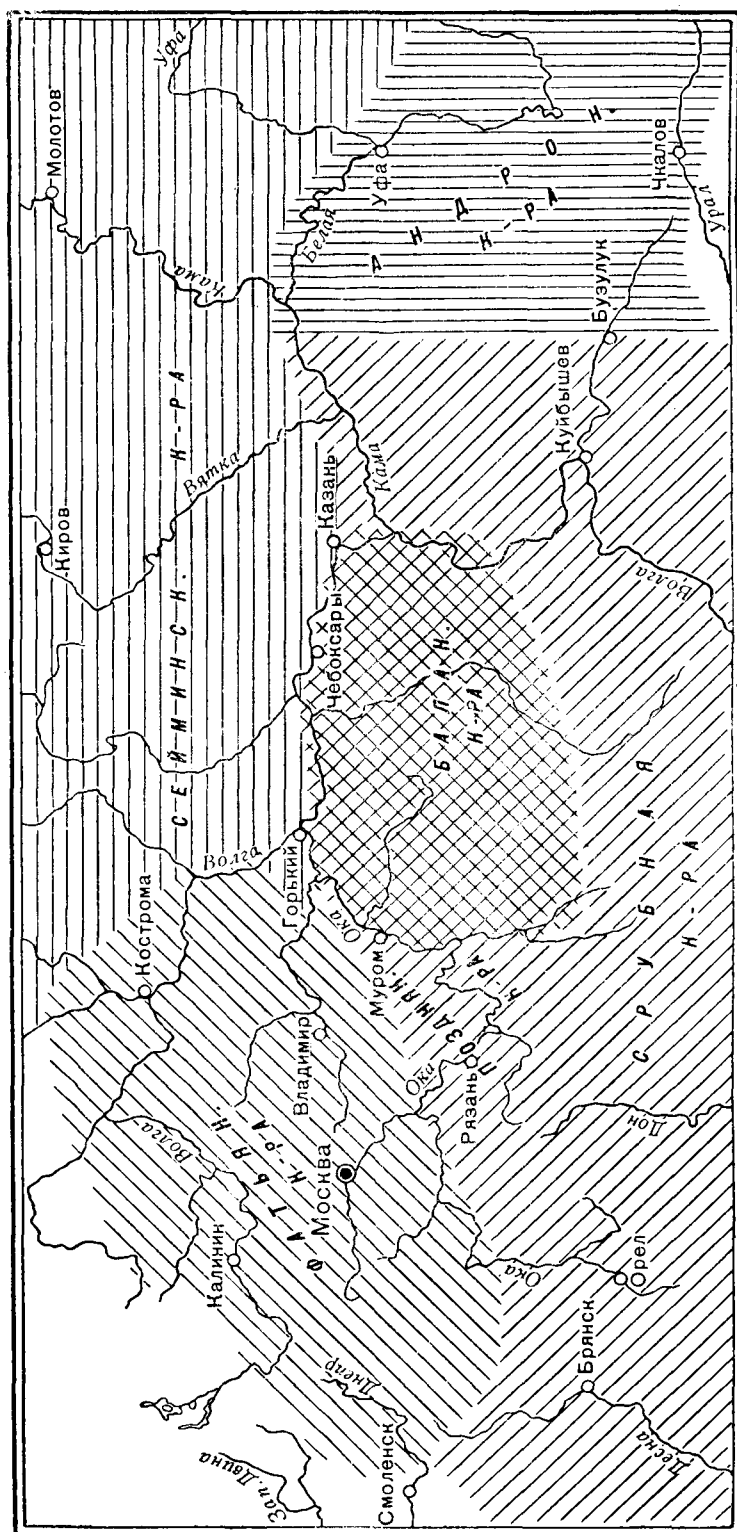

Рис. 7. Схематическая карта распространения древних культур Поволжья третьей четверти 2-го тысячелетия до н. э.

бочки, частью с несомкнутыми краями, видимо, продевался шнур, что позволяло носить их вокруг шеи в виде гривны, на изготовление которой шло сравнительно мало металла (рис. 5). Желобчатые гривны, очень близкие балановским, нередко встречаются в погребениях андроновской культуры⁵⁸, но известны и западнее, на территории срубной культуры. Тем не менее, эти андроновские формы проникли в балановскую культуру не через срубную, а, надо думать, непосредственно, так как чересчодства в балановской культуре со срубной ничтожны, а с андроновской и карасукской — гораздо более заметны. Кроме описанных желобчатых шейных гривен, в Баланове найдены тонкие медные же спиральные пронизки, известные в андроновской культуре⁵⁹ и в очень близких формах встречающиеся в карасукской⁶⁰. В карасукской же культуре имеются также очень близкие балановским колечки, впрочем, встречающиеся и в других культурах. Особенно интересен в этом отношении один найденный в Баланове (в 1936 г.) сосуд⁶¹ реповидной формы (без шейки), черного лощения, с очень узким горлом и глубоко вдавленным орнаментом в виде многочисленных, частых кругов вокруг верстия и на плечах, что придавало поверхности сосуда характер гофрированной; в Карасуке имеются очень близкие сосуды⁶². Указанные аналогии не следует переоценивать, так как непосредственное соприкосновение балановской и карасукской культур невероятно; связи этого порядка обменных, могли осуществляться около XII в. до нашей эры через посредство промежуточных племен позднеандоновской культуры. Именно на хорошо налаженную связь с андроновской культурой и упираются все перечисленные выше аналогии; интересно, что при этих восточных связях количественно преобладают над западными. При отсутствии непосредственных соприкосновений, связи населения андроновских племен с балановскими следует рассматривать как хорошо организованные связи обмена. Впрочем, судя по хорошо представленной андроновской керамике на Луговской стоянке⁶³, на севере, в Нижнем Прикамье территории андроновских и балановских племен очень приближали друг к другу.

Для населения Средней Волги одной из главных целей обмена Приуральем, несомненно, служило получение металла — в виде готовых изделий, а быть может, и слитков. В начале эпохи металла, на стадии полтавкинской культуры, население Нижнего и даже Среднего Поволжья, судя по медно-бронзовым украшениям, было связано с северокавказским очагом древней металлургии. Однако после распространения с востока далеко на запад срубной культуры южные и юго-западные связи уступили место восточным, и основную роль для населения Среднего Поволжья вместо кавказского стал играть уральский очаг металлургии. Об интенсивных связях с востоком, скорее с северо-востоком, а вероятно, и севером (рис. 7), говорит и слабая монголоидная примесь в антропологическом составе населения балановской культуры.

Думается, что элементы восточных связей и влияний нашли наиболее

⁵⁸ См. О. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник, Труды Гос. Историч. музея, вып. XVII, 1948, рис. 37, ф. 4, рис. 38, ф. 1, рис. 73, ф. 5 и др.

⁵⁹ См. там же, рис. 38, ф. 3.

⁶⁰ См. С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае, «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2, 1927; его же, Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, «Материалы по этнографии», т. IV, вып. 2, 1929, табл. I, рис. 41; С. В. Киселев, Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг., «Советская археология», III, 1937, табл. IV, ф. 15, 17.

⁶¹ Этот сосуд пропал при переезде лаборатории Моск. отдел. Института истории материальной культуры в другое помещение.

⁶² См. С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае, «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2, табл. XIII, ф. 4.

⁶³ См. А. В. Збруева, Камская экспедиция в 1946 г., «Краткие сообщения ИИМК» XX, 1948.

лее полное выражение в конце существования балановской культуры, в конце II тысячелетия до нашей эры, когда совершался переход к абашевской культуре, сменившей в Среднем Поволжье балановскую. В 1937 г. автором был впервые поставлен вопрос о преемственной связи балановской и абашевской культур на территории Чувашии. «Большое научное значение имеет то обстоятельство, что материальная культура Балановского могильника, главным образом именно те ее элементы, которые отличают ее от ископаемой фатьяновской культуры, сближают ее с несколько более поздней абашевской культурой в Чувашии»⁶⁴. В работе 1940 г. мы подробно аргументировали возможность преемственной связи балановских и абашевских памятников в Среднем Поволжье, указав на найденные и тут и там гладкие, цилиндрические, свернутые из тонких медных листов пронизки, бронзовые острия, шилья, спирально завитые бронзовые височные колечки, спиральные бронзовые колечки с расширенными концами, частичное тождество формы кремневых наконечников стрел, некоторое сходство керамики, сравнительно большой процент коллективных погребений; наконец, на наличие погребений в курганах с балановской керамикой — в памятниках типа Атли-Касы⁶⁵. В последние годы к этому мнению присоединилась также О. А. Кривцова-Гракова, подробнее аргументировав сходство керамики и дополнительно указав на близость в устройстве могильных ям, «не засыпанных, а заложенных сверху настилом»⁶⁶. Можем добавить еще один аргумент: отсутствие в Балановском могильнике черепов у погребения взрослого (№ 54 в 31-й могиле) и у погребения подростка (№ 55, в той же могиле); оба скелета, судя по положению на левом боку, принадлежали женщинам. Как известно, отсутствие черепов является одной из характерных особенностей некоторых абашевских погребений.

Тем не менее, вопрос о генетической связи балановской и абашевской культур следует решать очень осторожно и только с учетом всей суммы признаков. Последние исследования показали тесную связь абашевской культуры с южным Приуральем, где известно уже немало абашевских памятников, в числе которых имеются и отсутствующие на Волге поселения, что особенно важно. О степных связях говорит и способ погребения абашевцев в курганах.

В связи с этим некоторые аналогии в перечне предметов из меди и бронзы могут объясняться одним и тем же или близким источником получения металла и металлических изделий населением как балановской, так и андроновской и абашевской культур; этим источником была область Приуралья. Кроме того, нельзя забывать также и того, что антропологический облик «абашевцев» с территории Чувашии хотя еще и недостаточно изучен и неоднороден по своему составу, но от балановского явно отличается, включая широколицый европеоидный тип, распространенный в области андроновской, срубной и фатьяновской культур, а также тип с негроидными чертами⁶⁷; восточно-средиземноморский же балановский тип в абашевских могильниках пока вообще не встречен. Прежде чем дать окончательный ответ на вопрос о характере связей абашевской культуры с балановской в Среднем Поволжье, нужно ближе исследовать еще плохо выявленную абашевскую культуру в целом и, в частности, изучить соотношение позднеандоновской и абашевской культур в Приуралье; но уже сейчас можно сказать, что генетическая связь между балановской и абашевской культурами мало вероятна. Все эти вопросы имеют прямое отношение к проблеме этногенеза народов Волго-Камья.

⁶⁴ См. О. Н. Бадер, Археологические исследования Центр. Чувашского музея.

⁶⁵ См. О. Н. Бадер, Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии, стр. 86, 87.

⁶⁶ О. А. Кривцова-Гракова, Абашевский могильник, «Краткие сообщения ИИМК», XVII, 1947.

⁶⁷ См. Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, 1948.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Я. Р. ВИННИКОВ

НОВЫЙ БЫТ ТУРКМЕНСКИХ КОЛХОЗОВ МАРЫЙСКОЙ ОБЛАСТИ

В декабре 1949 г. туркменский народ торжественно отпраздновал конечно дорогое советским людям и всему прогрессивному человечеству 70-летие со дня рождения гениального вождя и учителя трудящихся Иосифа Виссарионовича Сталина, а месяц спустя, 25-летие своей молодой, счастливой и богатой Туркменской советской социалистической республики.

Эти замечательные исторические даты туркменский народ отмечал выдающимися успехами в социалистическом преобразовании всех отраслей народного хозяйства и культуры, достигнутыми под руководством ВКП(б) с братской помощью русского и других народов Советского Союза. Эти успехи тесно связаны с именем И. В. Сталина.

Они особенно ярко видны на фоне мрачного прошлого туркменского народа. До Великой Октябрьской социалистической революции Туркмения (тогда Закаспийская область) была одной из наиболее отсталых окраин царской России. Царский генерал Куропаткин, характеризуя край, писал: «единственно обширный и возделываемый оазис этой пустыни составляет Мерв, населенный наиболее хищными туркменами. Это «хищное» население бывшей Закаспийской области да и всей временной Туркмении находилось под тяжелым гнетом. Туркмены подвергались невероятному ограблению и угнетению со стороны царской администрации и местной родоплеменной знати, байства и духовенства. Эти последние в своих интересах держали туркменский народ в темноте и невежестве. «Царизм, — говорил И. В. Сталин, — намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве»². Например, бытовавшие в районе нынешней Марыйской области социально-экономические, земельно-водные и арендные отношения, связанные с родовым брачным правом, требовали, чтобы воду и землю получали только женатые. Это служило одной из причин превращения туркменки в товар, который продавали, покупали и меняли, как вещь, причем стоимость этой «вещи» по мере развития хлопководства и роста цен на хлопок все повышалась и с течением времени стала недоступной для батрацко-бедняцкого населения.

Батраки и бедняки, не имея средств на уплату калыма (плата за жену), не могли жениться, а не имея жены, не могли получить зем-

¹ «Туркмения и туркмены», 1879, стр. 2.

² И. Сталин, Соч., т. 4, стр. 356.

и воды и, попав в такой заколдованный круг, превращались в безземельных, в дешевую рабочую силу для крупных байских хозяйств. С другой стороны, родовая знать, байство, духовенство и другие зажиточные элементы, покупая жен для своих малолетних сыновей, приобретали дополнительное право на землю и воду и еще более укрепляли свое экономическое положение и политическую силу.

Другой особенностью прежних земельных отношений, тяжелым бременем ложившихся на трудящихся дехкан, был «уравнительный» родовой принцип распределения земли, согласно которому, например, все 24 родовых подразделения Отамышского и Тохтамышского родов, независимо от своей численности, получали равные доли земли и воды в четырех, шести и даже восьми чересполосных участках, нередко удаленных на 50—60 км. Взять к примеру Отамышский род, где подразделение Дашаяк имело 243, Иолунь — 264, а Берсен — 641 хозяйство, и тем не менее все эти подразделения получали земли в равных долях и во всех шести чересполосных участках на левом берегу р. Мургаб. Такое «уравнительное» распределение создало весьма сложный переплет земельных отношений. Чрезвычайное дальноземелье и чересполосица вызвали широкое развитие арендных отношений: около 50% всей земельной площади сдавалось в аренду за четвертую или третью часть урожая в пользу хозяина земли, владевшего ею в силу родового права.

Все эти отсталые формы общественных отношений тормозили развитие производительных сил туркменского аула, находившихся на крайне низком техническом уровне. Орудиями обработки земли были примитивные омач — разновидность деревянной сохи, мала — деревянная доска с зубьями, вместо бороны, урак — серп, мала — лопата и т. п.

Великий Октябрь не только сверг господство помещиков и капиталистов, но и положил конец вековой хозяйственной, политической и культурной отсталости Туркмении с ее средневековыми порядками. С установлением советской власти в корне изменилась судьба туркменского народа, как и всех других народов Средней Азии.

Задачи социалистического строительства, вытекавшие из национальной политики партии Ленина — Сталина, требовали воссоединения разрозненных частей Туркмении и Узбекистана в суверенные национальные государства. Правительство Советского Союза, идя навстречу стремлениям трудящихся Туркестана, изложенным в ходатайстве чрезвычайной сессии ЦИК советов Туркестанской АССР 27 октября 1924 г., осуществило национально-государственное размежевание Средней Азии и выделения Туркменистана и Узбекистана в самостоятельные советские социалистические республики.

В октябре 1924 г. по инициативе и под непосредственным руководством И. В. Сталина было создано единое национальное Туркменское советское государство. «Образование Туркменской ССР, — говорится в постановлении ЦК КП(б)Т от 12 сентября 1949 г. о 25-лети Туркменинии, — является началом новой полосы в истории туркменского народа. Трудящиеся Туркменистана под руководством партии Ленина — Сталина при братской помощи великого русского народа впервые в своей многовековой истории обрели национальную государственность»³.

По окончании национально-государственного размежевания в феврале 1925 г. проходил Первый съезд советов Туркменской ССР и почти одновременно Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Туркменистана. В работе этих съездов принял участие М. И. Калинин, а товарищ Сталин прислал приветственную телеграмму, в которой говорилось: «Приветствую партийный курултай Туркменистана с воссоединением разрозненных ранее частей туркменского народа в единую Советскую республику; не сомневаюсь, что партийные и советские ра-

³ Газета «Туркменская искра» от 14/IX 1929 г., № 182 (7216).

ботники Туркменистана выполняют задачу вовлечения туркменских трудящихся масс в дело строительства новой советской жизни»⁴.

Приветствие товарища Сталина воодушевило туркменский народ. Борьбу за дальнейшее укрепление органов советской власти, за развитие экономики и культуры новой советской республики.

Другим важнейшим мероприятием была проведенная в 1925—1927 гг. земельно-водная реформа в Мервском и Полторацком округах.

Историческое значение земельно-водной реформы состоит в том, что она ликвидировала отсталые формы земельно-водных отношений: родовое «равное» право и брачное право, разрушила предпосылки политического и экономического господства байства, духовенства и других эксплуататорских элементов и создала условия для быстрого развития производительных сил в сельском хозяйстве и для последующей коллективизации. Вместе с тем, она привела к раскрепощению бедноты, к изменению соотношения классовых сил в ауле и его хозяйственно-экономического облика. Рост классового самосознания и политической активности передовой части дехканства вылился в конкретные формы, проявившиеся в первую очередь в росте партийно-комсомольских и колхозных (бедняцких) организаций.

Работы по проведению земельно-водной реформы и все последующие мероприятия советской власти по социалистической реконструкции сельского хозяйства Туркмении были встречены бешеным сопротивлением байства, духовенства и прочих эксплуататорских элементов. Они любыми средствами добивались сохранения своих экономических преимуществ над батрацко-бедняцкими слоями аула, которые к тому же были полностью неграмотны. Баи пытались использовать в своих классовых интересах патриархально-родовые традиции, темноту и невежество дехканских масс, но их попытки были разбиты.

Осуществленные под руководством партии Ленина — Сталина мероприятия по крупному ирригационному строительству, проведению и закреплению земельно-водной реформы, снабжению инвентарем бедноты, вновь наделенной землей и водой, и по ограничению и вытеснению байства — всколыхнули батрацко-бедняцкие массы дехканства, мобилизовали их вокруг партии и правительства на дальнейшее переустройство сельского хозяйства путем его кооперирования.

Гениальность ленинских идей о плодотворности перехода этих мелких единоличных хозяйств к общественной обработке земли подтверждена опытом Туркмении, где постепенный переход дехканских масс на новый социалистический путь коллективного хозяйства начался, вслед за проведением земельно-водной реформы, внедрением усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря, введением машинной техники, ростом машинопрокатных пунктов. Товарищ Сталин, опираясь на кооперативный план Ленина, разработал, теоретически обосновал и создал целостную и последовательную теорию коллективизации сельского хозяйства. В соответствии с идеями ленинского кооперативного плана И. В. Сталин указывал, что надо начать кооперирование крестьянства с простейших и доступных ему форм и ступеней. «Проводить ленинский кооперативный план — это значит поднимать крестьянство от кооперации бытового и снабженческой к кооперации производственной, к кооперации, сказать, колхозной»⁵.

XV съезд ВКП(б), вошедший в историю как съезд коллективизации сельского хозяйства, «вынес решение о всемерном развертывании коллективизации сельского хозяйства. Съезд наметил план расширения и укрепления сети колхозов и совхозов и дал четкие указания о спосо-

⁴ Газета «Туркменская искра», от 14 сентября 1949 г.

⁵ И. Сталин, Соч., т. 11, стр. 90.

борьбы за коллективизацию сельского хозяйства»⁶. Практическое выполнение этих директив ознаменовалось массовым движением дехканства в колхозы. Это движение, начавшееся в районах Марыйской области в 1929—1931 гг., означало великий перелом в истории туркменского аула.

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) 1929 г., учитывая особые трудности социалистической реконструкции в отдаленных и отсталых уголках Востока, в том числе и в Туркмении, указал, что «развитие коллективизации и строительства совхозов связано здесь с ликвидацией остатков феодально-родового уклада, что не может не вызывать бешеного сопротивления кулацких и полуфеодальных элементов, сохранивших еще в некоторых случаях значительное влияние в деревне и ведущих упорную борьбу против социалистического строительства под маской защиты якобы «национальных интересов и т. п.»⁷. ЦК ВКП(б), исходя из этих обстоятельств, своим постановлением от 5 января 1930 г. «о темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», отнес районы Туркмении по темпам коллективизации к третьей группе и, соответственно особенностям хозяйства, быта и общекультурного развития дехканских масс, наметил конкретные пути и сроки колхозного строительства.

Таким образом, коллективизации предшествовала огромная работа партии и правительства по социалистическому преобразованию сельского хозяйства, которая и вызвала мощное колхозное движение, а дальнейшее все возрастающее строительство ирригационных сооружений, подведение современной технической базы под сельское хозяйство, перевод его на колхозный путь, организационно-хозяйственное укрепление и всестороннее развитие колхозов, правильная организация и учет труда, перевод ТОЗов на устав сельскохозяйственной артели и ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации обеспечили победу колхозного строя.

Потребовалось менее 10 лет, чтобы туркменский аул, где ранее решающую роль играл родовой уклад, повернул к социализму и явился блестящим подтверждением ленинской теории возможности перехода отсталых стран к социализму, минуя капиталистическую стадию.

Этот революционный переворот в сельском хозяйстве Туркмении развивался в обстановке ожесточенного сопротивления байства, духовенства и других враждебных элементов, которые, выступая против колхозного строительства, стремились использовать родовые пережитки и прежнюю родовую рознь туркмен.

Успешное осуществление директив XVI съезда партии по развернутому социалистическому наступлению по всему фронту против капиталистических элементов, даже при более трудных и сложных, чем в русской деревне, условиях Туркмении, привело к тому, что классовое сопротивление байства было сломлено. Дальнейшие мероприятия партии и правительства и, в частности, созданные по инициативе Сталина политотделы МТС значительно улучшили политическую и хозяйственную работу колхозов. Политотделы вникали во все детали колхозной жизни, помогали колхозам в подборе и воспитании их кадров, в организации всестороннего развития хозяйства, организации и учете труда и очистке колхозов от враждебных, кулацких и вредительских элементов.

Очистив колхозы от байских враждебных элементов, сплотив вокруг себя трудящееся дехканство, партия и правительство под руководством Сталина создали колхозному дехканству все условия для расширения и развития общественного артельного хозяйства, повышения материального и культурного уровня жизни. Земля закреплялась за колхозами в бес-

⁶ «История ВКП(б). Краткий курс», 1945, стр. 275.

⁷ «ВКП(б) в резолюциях», ч. II, стр. 382—383.

платное и бессрочное пользование, т. е. навечно. Так, по решению исполнительства за 295 колхозами Марыйской области было закреплено 317 696 га.

Сталинский призыв «стать колхозам большевистскими, а колхозам зажиточными» имел величайшее значение. Он стал знаменем для бы колхозных масс за дальнейшее всестороннее развитие и организационно-хозяйственное укрепление колхозов и явился крупным событием в трудовом подъеме, вылившемся в форму социалистического соревнования, охватившего колхозное дехканство.

Благодаря сталинскому уставу сельхозартели и указанию И. В. Сталина в деле колхозного строительства, партия большевиков обеспечила все возрастающее упрочение социалистических основ сельского хозяйства. Ярким подтверждением этого является рост общественной собственности колхозов Марыйской области: с 162 964 тыс. руб. в 1941 г. до 262 449 тыс. руб. в 1948 г., а в колхозе «Теле-Ел» Байрам-Алийского района с 436 тыс. руб. в 1935 г. до 5756 тыс. руб. в 1948 г.

Великая сталинская забота о колхозах и колхозном крестьянстве нашла свое яркое проявление в решении февральского пленума ЦК ВКП(б) 1947 г. и в постановлении Совета Министров СССР 4 февраля 1949 г. «О мерах дальнейшего развития хлопководства в колхозах и совхозах». Эти документы направлены на создание предпосылок обеспечивающих быстрый подъем хлопководства, основной отрасли хозяйства Туркмении. Повышение почти в два раза средней заготовительной цены на хлопок, выплата прогрессивных премий-надбавок за хлопок-сырец, сданный сверх плана, не только повысили материальную заинтересованность колхозных масс в выращивании высокого урожая «рогатого золота», но и обеспечили быстрый подъем колхозного хозяйства материального благосостояния, зажиточную и культурную жизнь самих колхозных масс. Это наглядно видно из показателей роста общего среднего годового дохода колхозов Марыйской области — с 92 039 тыс. руб. в 1937 г. до 203 938 тыс. руб. в 1948 г., в том числе по колхозу «Теле-Ел» — с 875 тыс. руб. в 1937 г. до 4489 тыс. руб. в 1948 г. Средняя годовая урожайность на трудодень по области с 83 коп. и 0,79 кг зерна в 1934 г. возросла до 5,7 руб. и 2 кг зерна в 1948 г., а в колхозе «Теле-Ел» с 3,2 руб. и 0,8 кг зерна в 1937 г. до 17,4 руб. и 3,1 кг зерна в 1948 г. Эти доходы свидетельствуют о том, что зажиточная и культурная жизнь стала фактом, вошла в быт колхозного аула. Изменился облик, выросла армия замечательных людей.

Товарищ Сталин говорил на Чрезвычайном VIII съезде Советов СССР 25 ноября 1936 г.: «советское крестьянство — это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества. Ярким подтверждением этих сталинских слов может служить дехканство колхоза «Зарпчи» Марыйского района, колхоза «Теле-Ел» Байрам-Алийского района и многих других колхозов солнечной Туркмении, которое под руководством товарища Сталина перешло на колхозный путь.

В колхозах «Зарпчи», «Теле-Ел» и других на базе механизации и широкого социалистического соревнования произошли крупные изменения в сельскохозяйственном труде, а вся колхозная производственная деятельность осуществляет плановое разделение труда, бригадно-звеньевую организацию и учет, индивидуальную сдельщину, нормирование и прогрессивную оплату.

Борьба колхозов, бригад, звеньев и передовиков-колхозников за достижение высокой урожайности хлопка, за продуктивное животноводство и перевыполнение других производственных заданий является прекрасным показателем социалистического отношения дехканства к труду.

Нет больше отсталого, разбросанного мелкими группами, нищенского туркменского аула. Вместо него выросли новые социалистические поселки, с общественно-хозяйственными постройками, с клубами, радио, школами и яслями.

Рост новой культуры Сталинской эпохи мы видим на примере современного жилища колхозников из районов Марыйской области Туркменистана. Здесь, вместо задымленных и запыленных кибиток «ой» и примитивных мазанок «кэпбе», жалкими кучками разбросанных по всей территории бывших земельных владений, в каждом из 295 колхозов Марыйской области вырос теперь новый, благоустроенный социалистический поселок с прямыми, озелененными улицами, с парками, общественными культурными учреждениями и новыми, городского типа жилыми домами.

Свидетельством невиданного расцвета новой культуры колхозного села могут служить прекрасные озелененные поселки колхоза «Зарпчи» и имени Сталина Марыйского района, «Тезе-Ел» и «Большевик» Байрам-Алийского района и многих других. В каждом из них имеется хорошо оборудованный клуб, школа, детские ясли, медпункт, колхозный универмаг, столовая, дома для учителей, медперсонала, шоферов, трактористов, машинистов, агроперсонала и др., а также дом для приезжающих. Колхозы радиофицированы, имеют телефонную связь, а в колхозах «Зарпчи», «Большевик» и многих других широко бытует лампочка Ильича. В жилищах нового типа у колхозников часто можно видеть радиоприемники, велосипеды, швейные машины, мебель и предметы утвари, характеризующие проникновение новой культуры в быт. На каждом «меллеке» (приусадебном участке) возле жилого помещения имеется небольшой фруктовый сад, огород, виноградник.

Гордостью колхозников колхоза имени Сталина Марыйского района служит заканчивающийся строительством и оборудованием прекрасный просторный клуб с парком культуры и отдыха. Ростки развивающейся новой, социалистической культуры вошли в быт туркменского колхозного села.

Огромная роль принадлежит раскрепощенной за годы советской власти женщине-туркменке. «Женщины в колхозах,— говорил Сталин на первом съезде колхозников-ударников,— большая сила. Держать эту силу под спудом, значит допустить преступление»⁹. Советская власть не только раскрепостила туркменку, но и привлекла ее к широкому участию в государственном, хозяйственном и культурном строительстве. В царской России женщина-туркменка была совершенно бесправна; ее продавали, покупали, меняли, как вещь. Малолетних девочек продавали в жены даже старикам, а по их смерти вдовы по обычаю дакылмы (левирата) переходили в жены старшему или младшему брату или племяннику мужа, независимо от их возраста. Женщине запрещалось садиться в обществе мужчин и разговаривать с ними. Старый родовой быт обуславливал сохранение низкого уровня культуры, особенно женщины-туркменки, которая по обычному праву «адата» и созданному им порядку была замкнута в узком кругу семьи и из поколения в поколение соблюдала обычаи старины в области ведения домашнего хозяйства, воспитания детей, обслуживания всей семьи.

Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила все эти ограничения. Советская власть предоставила туркменке равные права с мужчиной во всех областях общественно-политической, хозяйственной, культурной и семейной жизни. За годы сталинских пятилеток осуществленные под руководством ВКП(б) мероприятия по раскрепощению женщин-туркменок создали большие возможности для более широкого вовлечения женщин во все отрасли производства. Все возрастающее участие женщин в колхозном производстве обеспечило рост их производительной активности и повышение производительности их труда.

⁹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 420.

Приведем показатели производственной активности женщин по двум колхозам Марыйской области:

Число женщин, выработавших трудодни (в %)	«Зарпчи»		«Тезе-Ел»	
	1935 г.	1948 г.	1935 г.	1948 г.
Не выработавшие трудодней . .	6,4	—	3,9	—
До 50 трудодней	23,2	—	1,5	—
51—100	28,0	—	1,5	1,9
101—200	36,8	10,3	13,9	1,5
201—300	4,8	20,6	71,1	4,4
301—400	0,8	40,0	6,6	7,2
Свыше 400 трудодней	—	29,1	1,5	85,0

Это свидетельствует о большой роли женщины в колхозном производстве, в успешном разрешении задач расширения и упрочения колхозного строя.

Колхозники-стахановки вырабатывают большое число трудодней: например, Курбан Дурсун Клычева из колхоза «Зарпчи» в 1948 г. выработала 1047 трудодней, Огул Босток Тюре — 697, Алтын Хал-Мурадов выработала 600 трудодней; 85% колхозниц из колхоза «Тезе-Ел» выработали по 400 и более трудодней каждая. «Мы должны приветствовать,— говорил И. В. Сталин,— растущую общественную активность трудящихся женщин и их выдвижение на руководящие посты, как несомненный признак роста нашей культурности»¹⁰.

Убедительным подтверждением этого сталинского положения могут служить замечательные дела женщин-колхозниц, например Набат Ходжа Мурадовой и Курбан Дурсун Клычевой из колхоза «Зарпчи» и Оразхал Кадыровой, Джумагуль Одаевой, Огуль Сабыр Оразовой из колхоза «Тезе-Ел», Акчагуль Сеидовой из колхоза «20 лет Октября», Султангозел Моссыевой из колхоза «Санпы-Гуриш» и других колхозниц колхозов Марыйской области, удостоенных почетного звания Героев Социалистического Труда. Награждены орденами и медалями Советского Союза многие сотни туркменок. «Механизация тяжелых работ и развитие сети детских садов, яслей и других культурно-бытовых учреждений,— говорится в постановлении ЦК КП(б)Т от 12 сентября 1949 г. о 25-летию ТССР,— дали возможность женщине-туркменке производительно работать на предприятиях, на полях колхозов и совхозов. В настоящее время 43% работающих на предприятиях промышленности и транспорта — женщины, в колхозах они составляют решающую силу. 10 830 женщин-туркменок работают звеньевыми, бригадирами, заведующими животноводческими фермами и председателями колхозов»¹¹.

Согретые сталинской заботой женщины Туркменской ССР ведут работу во всех областях государственной, хозяйственной, культурной и общественной жизни. Так, в Верховный Совет СССР от Марыйской области избраны Дурдыева Бернагуль и Мередова Амандурсун; в Верховный Совет ТССР — Аджап Мамедова и др., в Марыйский областной Совет избрано 18, в райсоветы — 79, горсоветы — 89, поселковые советские — 69 и сельские советы Марыйской области — 523 женщины.

За годы сталинских пятилеток не только в районах Марыйской области, но и во всей советской Туркмении произошла культурная революция. Одним из основных ее показателей является грамотность. Грамотность населения Туркмении в досоветский период не превышала 0,7%, а по районам Марыйской области, как показала перепись 1920 г.

¹⁰ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 460.

¹¹ Газета «Туркменская искра» от 14 сентября 1949 г., № 182 (7216).

на не превышала 1%. Но и этот крайне мизерный показатель складывался главным образом за счет мужчин из числа местной родовой знати и зажиточной части сельского населения. Туркменки, например, Марыйской области были сплошь неграмотны (по данным переписи 1920 г., грамотных женщин было лишь 0,1%). В настоящее время почти 90% населения Туркмении грамотно, а в отдельных колхозах, например в колхозе имени Сталина Марыйского района, достигнута почти стопроцентная грамотность населения. В колхозе «Тезе-Ел» 96,3% всех колхозников грамотны; в колхозе «Зарпчи» Марыйского района — 97,6%, там осталось неграмотных и малограмотных всего 23 человека. В бытность автора в этом колхозе там велись занятия по ликвидации их неграмотности.

Однодневная перепись Министерства народного просвещения за 1911 г. зарегистрировала в сельских местностях, включая и города Байрам-Али и Кушка, только 7 школ с 333 учащимися, которых обучали 9 учителей по книгам, написанным по-персидски или по-арабски, т. е. на языках, которые в обычной жизни не употреблялись¹² и потому слабо усваивались населением.

Бывший начальник Закаспийской области генерал Куропаткин в своем докладе высшему начальству сообщал, что за 20-летие царского владычества в Закаспии не издано ни одной книги на туркменском языке и что он не видит необходимости устраивать туземные школы с туземными учителями.

Советская власть, проводя в жизнь ленинско-сталинскую национальную политику, за невиданно короткий срок достигла огромных успехов в деле расцвета национальной по форме и социалистической по содержанию культуры туркменского народа.

До Великой Октябрьской социалистической революции, как уже отмечено выше, в границах современных районов Марыйской области было 7 школ, а в 1922 г. — 13 с 68 преподавателями и 2252 учениками¹³. После образования Туркменской ССР правительство ее в результате широкого строительства школ и успешного выполнения законов о всеобщем обязательном обучении достигло блестящих успехов. Число начальных, неполных средних и средних школ в названной области на 1 июля 1949 г. достигло 265, в них преподавало 2718 учителей, а обучалось 47 262 школьника¹⁴. Кроме того, по данным Марыйского областного статистического управления, в областном финансовом техникуме обучалось 278, в Байрам-Алийском сельхозтехникуме — 502, в Марыйском женском учительском институте — 148 и в педагогическом училище — 578.

Колхоз «Зарпчи» за счет обобщественных неделимых фондов в центре социалистического поселка выстроил прекрасное здание школы-семилетки. В этой школе в 1948/1949 учебном году обучались все дети школьного возраста, числом 178, в том числе 83 девочки. Кроме того, вечерними учебными занятиями было охвачено 35 человек колхозной молодежи, занимавшейся по специальным программам.

Важным достижением в деле народного образования является подготовка местных кадров и прежде всего учителей — проводников советского влияния в среде широких масс колхозного населения. Народный учитель, как мы наблюдали в колхозах «Зарпчи», колхозе имени Сталина, «Тезе-Ел», ведет большую и важную работу по улучшению учебно-воспитательной работы и идейно-политического воспитания учащихся.

Школьники, особенно комсомольцы старших классов, рассказывают в своей семье о новостях общественно-политической жизни и культуры,

¹² «Статистический сборник Туркменской области», Полторацк, 1924, стр. 71.

¹³ «Статистический справочник Туркменской области», Полторацк, 1924, стр. 55—56.

¹⁴ Данные школьного отдела УНХУ ТССР.

о санитарии, гигиене. Через посредство школы, учащихся, учителей различные формы массовой просветительной работы в быт колхозных семей медленно, но верно внедряются ростки новой, национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

Здесь следует отметить значение широкой сети политико-просветительных учреждений, клубов, библиотек, изб-читален, радио, кино. В колхозах «Тезе-Ел» и имени Сталина при школах имеются библиотеки, работают кружки: литературный, шахматно-шашечный, физкультурно-музыкальный и драматический. Не реже двух раз в месяц посещают колхозы кинопередвижка, пять-шесть раз в год передвижной колхозный кукольный театр; нередко в колхозы приезжают артисты (бахабасты) областного и республиканского театров и радиокомитета.

В здании правления колхоза обычно установлен радиоприемник. Здесь почти каждый вечер большая группа колхозников слушает радиопередачи, концерты Марыйской областной, Ашхабадской, Ташкентской, Московской и других радиостанций.

Велика роль колхозной избы-читальни колхоза имени Сталина и «Тезе-Ел». Здесь, как и в школе, ведется пропаганда политической, научной и художественной литературы, проводятся беседы, даются консультации по вопросам колхозной жизни. Большую помощь колхозникам оказывают агитаторы колхозных парторганизаций, обслуживающие колхозников и на полевых работах.

Ярким показателем культурного роста колхозных масс является чтение периодической и ежедневной печати на русском и на родном языке. Достаточно сказать, что колхозники колхоза «Зарпчи» получают журналы «Большевик» и «Совет-Эдибияты» по 8 экз., «Блокнот агитатора» — 6 экз., других журналов — 10 экз., республиканскую газету «Совет Туркменистаны» — 75, областную «Ленин Байдаги» — 40 и других газет — 33 экземпляра. Создание письменности на родном, туркменском, языке явилось мощным фактором дальнейшего развития культуры, дало возможность сделать переводы на родной язык не только лучших произведений советской и мировой литературы, но и научных, марксистских произведений, столь необходимых для коммунистического воспитания трудящихся Туркмени.

Сталинская забота о человеке нашла свое яркое выражение в широком развитии медицинской помощи. Успехи советского здравоохранения в Туркмении особо показательны на фоне прошлого. В Марыйской области до 1917 г. была единственная больница на 15 койко-мест. В аулах, как отметили в своих исследованиях Л. Курбанов и Г. И. Карпов, «лекарями» были табибы, знахари и знахарки, которые не лечили, а калечили людей, сами являлись распространителями антисанитарии и тем самым способствовали еще более широкому развитию эпидемических болезней, нередко приводивших к вымиранию целых аулов. Наряду с невежественными табибами и знахарями от всех болезней «лечило» молитвами духовенство. Бытовой сифилис, малярия, трахомы и другие болезни уносили в могилу и калечили тысячи людей. Советская власть открыла на селе медико-санитарные и профилактические учреждения, которые совершенно вытеснили старые, допотопные методы «лечения», а вместе с ними и невежественных табибов, знахарей и «бабков».

Сеть медицинских учреждений в Марыйской области возросла до 236 единиц с 2182 врачами и средним медперсоналом, которые обслуживают 1840 больничных койко-мест (в том числе 195 детских). Проведены крупные работы по оздоровлению населения. Развернута большая сеть детских учреждений; многие колхозы имеют медпункты, родильные дома, бани.

¹⁵ Л. Курбанов и Г. И. Карпов, Прошлое и настоящее туркменского народа, Тогиз, 1942, стр. 26.

Широкая масса колхозного населения уже забывает о многих болезнях, являвшихся прежде бичом населения. Почти ликвидирована парша, резко снижена заболеваемость малярией, трахомой и сведены до минимума другие инфекционные заболевания.

Автор продолжительное время наблюдал работу медперсонала в колхозах имени Сталина, «Зарпчи», «Тезе-Ел» и «Горельде-Ярыш». Врачи и фельдшеры не только на медпунктах, но и на дому оказывают врачебную помощь, добиваясь лучшего лечения и обслуживания больных. Медицинские работники колхозного села систематически проводят предупредительные прививки против инфекционных заболеваний и периодическое поголовное обследование здоровья всего сельского населения. Врач, фельдшер, акушерка и медсестра пользуются заслуженным авторитетом среди колхозников, их постоянно вызывают к больным и роженицам; медицинские работники ведут большую разъяснительную работу и безотказно снабжают больных медикаментами.

По Сталинской Конституции каждый советский гражданин имеет право на бесплатное лечение, образование и отдых. Это наглядно подтверждает советская Туркмения.

Общественное бытие, способ производства материальных благ, учит марксизм, определяют общественное сознание. Сознание людей изменяется в зависимости от способа производства.

Туркмены-текинцы в прошлом жили разрозненными родовыми подразделениями, сохраняя патриархально-родовой строй. Среди них не прекращалась родо-племенная вражда. Враждовали из-за пастбищной территории и колодцев, из-за земли и воды, ирригационной сети; еще сильно была кровная месть. Сложившиеся в этих условиях социально-общественные и земельно-водные отношения, хотя и регулировались «общими» для туркмен требованиями шариата, адата и брачно-родового права, но родовые подразделения всегда жили изолированно в экономическом и отчасти культурном отношении.

Великий Октябрь, разбив оковы социального гнета, открыл широкий путь туркменскому народу, путь национального возрождения и создания своей государственности, новой, социалистической экономики, счастливой и зажиточной культурной жизни. В результате коллективного труда складывалось и укреплялось новое, социалистическое сознание и стремление масс не только к увеличению материальных благ, но и к национальному единству и великой дружбе между народами СССР.

«Дружба между народами СССР,— говорил И. В. Сталин в 1935 г. на совещании членов правительства и партии с передовиками хлопко-родами Туркменистана и Таджикистана,— большое и серьезное завоевание. Ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы»¹⁶.

Трудящиеся массы Туркмении все более осознают значение национального единства, что еще более усилило процесс консолидации и объединения туркмен в нацию. Сознание родовой принадлежности сменилось у туркмен сознанием принадлежности к своей социалистической нации и к единой семье народов Советского Союза.

В народных массах Туркмении мы видим беспредельную преданность советской власти, партии Ленина — Сталина и лично товарищу Сталину, вождю, другу и учителю.

С именем Сталина туркменский народ, как и весь советский народ, боролся и побеждал. Под руководством партии Ленина — Сталина он идет вперед, к полной победе коммунизма.

¹⁶ Ленин и Сталин, Сборник, т. III, стр. 660.

М. М. БРОДНЕВ

ОТ РОДОВОГО СТРОЯ К СОЦИАЛИЗМУ

(По материалам Ямало-Ненецкого национального округа)

Вопрос о переходе отсталых народностей к социалистическим формам хозяйства подробно разработан И. В. Сталиным. Практика социалистического строительства в районах Крайнего севера целиком и полностью подтвердила правильность положений Сталина о путях ликвидации политической, хозяйственной и культурной отсталости этих народностей. Особое значение имело указание Сталина на необходимость учета при проведении хозяйственной политики и культурного строительства всех особенностей экономического состояния, исторического прошлого, быта и культуры этих народностей¹.

На основе ленинско-сталинской национальной политики, при огромной помощи Советского государства отсталые народности Крайнего севера перешли к социалистическим формам хозяйства и по типу хозяйства включились в общую экономику страны.

Основную часть населения Ямало-Ненецкого национального округа составляют ненцы и ханты. Ямальские ненцы сохранили много отношений, свойственных родовому строю. Отчасти это объясняется тем, что географическое положение ненцев создавало им условия относительной изоляции от других народов, стоящих на более высокой ступени развития. До Великой Октябрьской социалистической революции севернее Салехарда (Обдорска) было только три небольших селения коми и русских. Оленеводство, которым занимались ненцы, давало им все необходимое для жизни — пищу, одежду, жилище.

Наиболее важными проявлениями и пережитками родового уклада у ненцев являлись: сохранение родовой собственности на рыболовные охотничьи и частично на пастбищные угодия; наличие своеобразных бытовых производственных объединений (артельный лов рыбы, совместный выпас оленей); хозяйственная взаимопомощь в различных формах (в частности, подерпо, т. е. предоставление оленей во временное пользование); пережитки половозрастного разделения труда, различные табу (запреты) для женщин; авторитет стариков и их чрезмерное влияние на всю жизнь своих сородичей; в области религии — шаманы с их «лечебными» и «ветеринарными» функциями, с их ролью посредников между людьми и духами по всем, в том числе по экономическим и политическим вопросам, одухотворение сил природы; деление ямальских ненцев на две экзогамные группы.

Ямальские ненцы делились на две экзогамные фратрии, брак был запрещен не только внутри рода, но и внутри всей группы родов одной фратрии.

Роды распределялись на фратрии так:

Группа: 1 — Вануйта; 2 — Ванэнга; 3 — Яптик; 4 — Яунгад;
5 — Сэрива; 6 — Пуйко; 7 — Пыерка; 8 — Вылка; 9 — Лаптандер;
10 — Нохо; 11 — Пандо; 12 — Хэтанси; 13 — Тысыни; 14 — Яр;
15 — Сядай:

¹ См. И. Сталин, Соч., т. 5, стр. 41.

Группа: 1 — Харючи; 2 — Окатэтта; 3 — Сэротэтта; 4 — Ямал; 5 — Ладукай; 6 — Тусяда; 7 — Тэсяда; 8 — Худя; 9 — Тадебе; 10 — Езынги; 11 — Лапсуй; 12 — Няруй; 13 — Ненянг; 14 — Явай; 15 — Сусей; 16 — Сухоней; 17 — Ядне; 18 — Ябтэнгэ; 19 — Хороля; 20 — Нгадер.

Численность родов была далеко не одинакова. Например, роды Сэрпива, Яунгад насчитывали по 12—15 семей; такие же роды, как Вануйта, Окатэтта, насчитывали более 100 семей. Коренным родом первой группы считается род Вануйта. О том, из какого рода выделились роды второй группы, предания расходятся: одни называют род Харючи, другие род Окатэтта.

Рыболовные, охотничьи и в значительной мере пастбищные угодья являлись собственностью рода. Родовая территория была поделена на участки — вотчины, и каждый ненец мог точно показать границы своих пастбищ и границы территории рода. На своей территории ненец ловил рыбу, дичь, промышлял зверя. Считалось невозможным не только ставить слопцы (ловушки), но даже и бить зверя на чужой территории. В 1936 г. я с ненцем из рода Окатэтта ехал на западное побережье Ямальского полуострова, и, приближаясь к чумам ненцев из рода Яптик, мы натолкнулись на стадо диких оленей. У ненца была винтовка. Я ему сказал: «Стреляй в оленя!» Он ответил: «Здесь стрелять нельзя, это земля Яптиков, и Яптики хозяева этих оленей, они сами их убьют».

Рыболовные угодья во многих случаях сдавались в аренду рыбопромышленникам; полученные за аренду деньги распределялись между родичами.

Сдачей в аренду угодий ведал старшина. Арендная плата была настолько низкой, что она фактически прикрывала захват рыбоугодий промышленниками. Так, в 1914 г. Нареченский песок, принадлежавший роду Вануйта, арендовал рыбопромышленник Терентьев за 20 руб. в год, а за Горно-Хаманельский песок, принадлежавший роду Окатэтта, рыбопромышленник Чирков платил 30 руб. в год².

К 1935 г. ненцы уже знали, что земля государственная, и когда их спрашивали, чья это земля, они отвечали: «Земля ничья, земля всех людей», — но все еще сохранялись, особенно на северном Ямале, родовые территории. Работники Ямальской культбазы в 1936 г. составили карту слопцов (постоянная ловушка — пасть на песка), расположенных на территории Северного Ямала. Слопец являлся, пожалуй, единственным «оседлым» орудием кочевого ненецкого хозяйства. Расположение слопцов показало, что каждый род ставит слопцы только на своей территории. Этим путем установлено следующее размещение родов на северном Ямале в 1936 г.:

1. Район от Юрибея до Ясовей-яха с юга на север и от побережья Обской губы до среднего течения рек Се-яха и Ясовей-яха и до вершины Юрибея с востока на запад — род Вануйта.

2. Район между Ясовей-яха и Поруй-яха с юга на север и между Обской губой и вершинами рек: Сяторма-яха, Сор-яха и Поруй-яха и средним течением Ясовей-яха с востока на запад занимал род Сэрпива.

3. Род Яунгад использовал угодья в границах от Поруй-яха к среднему течению Вэнуй-яха и далее к нижнему течению Саоэто-яха, с одной стороны, и побережьем Обской губы — с другой.

4. Род Тусяда осваивал участок, граница которого шла от устья Недерма-яха к среднему течению Тамбей-яха, затем к верхнему течению Харей-яха, по последней вниз до устья и побережьем Обской губы к устью Недерма-яха.

5. Граница родовых владений Вэнэнга (Венга) шла от среднего течения р. Тамбей на вершину Яхады-яха, по последней до устья, далее

² Данные взяты из Памятной книжки Тобольской губернии за 1914 г.

побережьем пролива Малыгина и Обской губы до Хабей-яха, по Хаб-яха до ее верхнего течения, и наконец, к среднему течению Тамбея.

6. Значительную территорию занимал на северном Ямале род Ок-тэтта. Граница его владений от среднего течения Вэнуй-Яха поднималась по ней до вершины, затем шла водораздельным хребтом, касаясь вершины Тамбея, к вершине Пясадай-яха, спускалась по Пясадай-яху до устья, берегом Карского моря и пролива Малыгина шла до устья Яхады-яха и по последней поднималась до вершины. От вершины Яхады-яха граница шла к среднему течению Тамбея, отсюда к устью Недерма-яха, по Сабето-яха поднималась километров на 30 и отсюда шла к среднему течению Вэнуй-яха.

7. Западную часть северного Ямала от Хоя до побережья Карского моря и от Се-яха до Пясадай-яха занимал род Яптик.

Сравнивая распределение территории северного Ямала между родами в 1935 г. с данными Б. Житкова, относящимися к 1908 г., мы видим, что за 27 лет особых изменений в этом отношении не произошло. Этот порядок земельных отношений у ненцев северного Ямала сохранился вплоть до проведения коллективизации.

То обстоятельство, что роды ненцев, в частности на северном Ямале, занимали определенную территорию, вызвало необходимость при проведении коллективизации создавать колхозы преимущественно из людей, принадлежащих к одному роду и носящих ту же фамилию. Некоторые работники утверждали, что таких колхозов организовывать нельзя: в Ямальском районе был случай, когда заведующий сельским хозяйственным отделом отказался регистрировать устав простейшего производственного товарищества на том основании, что в его состав входили ненцы исключительно из рода Окатэтта. Он опасался, что при этом условии в колхоз будут перенесены родовые порядки, сохранится влияние родового старшины, шамана и что колхозные дела будут решаться «по-родственному». Практика показала, что опасности в создании колхозов из представителей одного рода нет и бояться таких объединений не приходится. Простейшее производственное товарищество (ППТ), состоящее из представителей рода Окатэтта, окрепло, перешло на устав сельскохозяйственной артели и никаких отрицательных явлений, обусловленных родственными отношениями, в этом колхозе не было.

На южном Ямале первые колхозы в форме ППТ создавались из представителей разных родов, правда, с преобладанием одного из них. Например, в ППТ имени Сталина входили Вануйта, Тусяда, Яптики и другие, преобладал же род Вануйта. А рыболовецкие бригады первые три года организовывались исключительно по принципу родства; первая и вторая бригады состояли исключительно из Вануйта, третья — из Тусяда и т. д. В колхозе имени «Второй пятилетки» были представители шести родов с преобладанием рода Анагуричи (Нгано-карючи), а бригады первые два-три года создавались, как правило, из представителей одного из этих шести родов. Это обстоятельство порождало неправильную систему распределения доходов. Весь заработок бригады делился поровну между всеми членами бригады, и, например, в бригаде Луки Анагуричи 13-летний Семен Анагуричи получал полный пай, так же, как бригадир или пятовщик. Потребовалась длительная напряженная работа в течение нескольких лет, чтобы с этими паями, или, как их называют ненцы «юганами», покончить и проводить оплату труда в соответствии с количеством и качеством работы.

Первое время территория колхозов в ряде случаев совпадала с территорией рода, и колхоз считал своими угодьями — угодья, ранее принадлежавшие людям, объединенным в этот колхоз.

При проведении землеустройства отвод рыболовных, охотничьих и пастбищных угодий колхозам проходил исключительно в интересах раз-

вятия хозяйства колхозов, и если это затрагивало бывшую родовую территорию членов рода, объединенных в колхоз, от которого надо было изъять часть территории, то это проходило без всяких осложнений; в настоящее время уже стерлись грани родового землевладения и сложился твердый порядок колхозного землепользования.

В условиях сохранения пережитков родового строя более старые и опытные ненцы являлись вожаками, руководителями. В течение длительного периода, уже при советской власти, нам приходилось сталкиваться с желанием ненцев выдвигать стариков на посты председателей советов, колхозов, а также в качестве бригадиров. Первое время с этим нужно было мириться, хотя это и приносило известный вред. Старики были более консервативны, с опаской относились ко всяким нововведениям. Только за последние годы удалось изжить эту практику подбора руководящих работников в колхозах и общественных организациях по принципу возрастного старшинства.

Среди ненцев и хантов были широко распространены и в их жизни играли значительную роль так называемые бытовые производственные объединения. Безоленные ненцы собирались в рыболовецкие артели, каждый приносил часть невода, совместно вылавливали рыбу, сдавали ее до революции рыбопромышленникам, а после революции — рыбозаводам; полученные деньги делили по паям — юганам. Осенью расходились, каждый забирая свою часть невода, а весной вновь сходились и организовывали коллективный промысел. В 1935 г. мне пришлось ознакомиться с артелью Тимофея Яра. Эта артель из семи человек работала с 1910 г. почти в одном и том же составе, в артель входили представители разных родов: Яр, Ямал, Вануйта. Каждый член артели имел 70—80 м невода. Тимофей Яр, бессменный башлык (руководитель) этой артели, так же, как и все остальные, вносил свой пай невода и получал равную с другими долю заработка. Единственное преимущество башлыка состояло в том, что он сидел не в гребях, а на корме неводника и управлял лодкой.

Подобное производственное объединение не только не мешало переводу ненецких хозяйств на социалистический путь, а, наоборот, содействовало ему, так как во многих случаях достаточно было соединить два-три таких объединения и они охотно переходили на устав простейшего производственного товарищества. Именно такие объединения, перейдя на устав, положили начало организации многих колхозов округа (им. Смидовича, Харп и др.).

Очень широко была распространена парма — объединение по совместному выпасу оленей. В оленеводстве бывают периоды, когда легче и выгоднее выпасать большое стадо оленей. Поэтому несколько оленеводов объединяли свои стада, например в «комариный период», и вместе их выпасали. Часто такие объединения сохранялись на длительный период, ибо при таких условиях часть людей могла заниматься рыболовством, морским зверобойным промыслом и т. д.

В этих объединениях сохранился от родового строя интересный порядок выпаса оленей: каждый вступивший в такое объединение пас оленей по очереди, вне зависимости от того, у кого сколько оленей. Поэтому, например, такое объединение, которое мне пришлось встретить в Ямальской тундре в 1936 г., — Алексея Вануйто, Луки Анагуричи и Павла Анагуричи, где каждый имел по 100—250 оленей и по очереди в одном стаде выпасал их, является хорошей формой кооперации, оно облегчало жизнь ненцев.

Но бывали такие объединения, когда ненец, имевший две-три тысячи оленей, принимал к себе в парму ненцев, имевших по 50—60 голов. Установившийся порядок выпаса оленей по очереди в данном случае также сохранялся, и богатый оленевод таким путем получал бесплатную рабочую силу; парма, являющаяся пережитком родового строя,

использовалась богатыми оленеводами для эксплуатации бедноты. Д. примера можно указать на крупного североямальского оленевода Са Окатэтта, который имел в 1935 г. более 1500 голов оленей и держал в качестве спарщиков малооленных ненцев — Окатэтта Манки и Ван то Теттой с семьями, которые и выпасали оленей Окатэтта, ничем за это не получая. Венго Солю имел больше 2000 оленей, у него постоянно в парме были Тусида Тенко и Венга Еня, имеющие по 150 оленей.

Пармы с более равномерным числом оленей было легко превращать в простейшие производственные товарищества и по мере укрепления переводить на устав артели. При этом условия парма облегчала проведение коллективизации и содействовала более быстрому росту колхозов, так как у людей уже был опыт коллективного труда. Из объединенных парм возникли такие колхозы, как им. Ворошилова и им. Шмидта в Ямальском районе, которые в настоящее время являются крупными высоко рентабельными оленеводческими хозяйствами.

Сохранились у ненцев и такие пережитки родового строя, как половое разделение труда. Все работы, связанные с ловом рыбы, охотой и изготовлением средств производства, являлись мужским занятием и, наоборот, все связанное с так называемым домашним хозяйством — женским занятием. Например, вязать сети — легкая работа выполнялась исключительно мужчинами, и женщины к этому делу не допускались; заготовка же топлива, в условиях тундры — очень тяжелая работа, считалась обязанностью женщин. Этот порядок был настолько распространен, что даже наиболее передовых ненцев удавалось с трудом убеждать в необходимости его нарушения. В 1935—1937 гг. председателем Ямальского райисполкома был довольно развитый ненец. Он сам никогда дров не колол, колола жена, и когда я ему указал на несправедливость такого отношения к жене, он ответил: «Это бабья работа, и если я буду ею заниматься, меня ненцы засмеют».

Пережитки половозрастного разделения труда нашли свое выражение в ряде запретов для женщин выполнять ту или иную работу, при этом касаться к некоторым предметам мужских занятий. Так, например, женщина не должна перешагивать через хорей (шест, которым погоняют оленей), через тынзян (аркан, которым ловят оленей); женщины хантыйке запрещено чистить налима, женщине ненке запрещалось брать ружье, тянуть невод, садиться на мужскую нарту. Все это оказалось очень серьезным препятствием на пути вовлечения женщин в колхозное производство; потребовалось много лет, чтобы преодолеть эти пережитки половозрастного разделения труда, широко вовлечь женщин в рыболовецкий промысел, в оленеводство и отчасти в охоту.

Некоторые работники пытались решить эти вопросы административным путем. Это обычно не давало нужных результатов. Характерен такой случай. В колхозе им. Ворошилова добыли много налима, и его нужно было обработать, иначе рыба испортилась бы. Один из работников района предпринял собрать женщин-хантыйек и заставить их чистить налима; женщины с возмущением отказались. Этот работник стал настаивать, заявляя, что это глупость, предрассудок и с ним считаться не следует. Местная учительница ему ответила: «Правильно, что это предрассудок, но если бы меня, вашу жену и многих других женщин заставить обдирать водяных крыс, которых здесь много добывают, то мы бы тоже отказались, хотя отращивание к крысе тоже предрассудок». Действительной оказалась сила примера. Учительницы, фельдшерница и комсомолки-хантыйки пошли чистить налима и работали сутки, тогда некоторые хантыйские женщины пришли им помогать, а через два года забыли, что женщине нельзя выполнять эту работу и сейчас уже нет споров об этом. Показ, терпеливое разъяснение сделали свое дело.

Подчеркну большую живучесть экзогамной системы брачных отно-

шений. Обследование, проведенное на Ямальском полуострове, показало, что на 200 брачных пар в 1935 г. было только 8 случаев нарушения экзогамии, а в 1948 г. было уже 30 таких случаев. В 1948 г. в Ямальской тундре я встретил молодого парня рода Сэротэтта, женившегося на девушке из того же рода. Родители были очень недовольны браком, невесте ничего не дали, хотя обычно ненцы дают с невестой оленей, подарки родне мужа и т. д. Родители жениха также неохотно приняли невесту в чум и постоянно укоряют ее за нарушение установившегося в тундре порядка брачных отношений. Это показывает, что многие родовые порядки по традиции еще держатся. Так обстоит дело с экзогамией, гостеприимством и другими обычаями и обрядами.

Шаманы противодействовали проведению хозяйственного и культурного строительства. Вытеснение шаманства советской медициной и ветеринарией проходило при большом сопротивлении шаманов. Многие представления первобытных религиозных верований, например, запрет убивать волков, наносили, да в некоторой степени и сейчас наносят значительный вред хозяйству.

Разложение родового строя у ненцев зашло к началу XX в. уже далеко и привело к значительной классовой дифференциации внутри родов. Энгельс, говоря о разложении первобытно-общинного строя, указывал: «Самые низменные интересы — вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная алчность, эгоистический грабеж общего достояния — являются восприимчивиками нового цивилизованного классового общества; самые гнусные средства — воровство, насилие, коварство, измена подтачивают старый бесклассовый родовой строй и приводят его к падению»³.

Эта характеристика вполне применима к обогатившейся верхушке ненцкого народа. Не только из ненецких преданий, но и из жизни последних перед революцией десятилетий известны факты убийства родичей с целью захвата их имущества и особенно оленей. Известно также, как нагло грабили старшины и сборщики ясака своих сородичей, беря значительно большее количество пушнины, чем это полагалось.

Ко времени установления советской власти большинство ненцев были бедняками или совсем безоленными (олень был основой богатства и благополучия в тундре).

Дореволюционных статистических данных по этому вопросу нет. Данные приполярной переписи 1926 г. показывают, что 78,3% кочевых хозяйств и 96,4% оседлых и полuosедлых хозяйств ненцев имели менее 100 голов оленей. Разбивка хозяйств по наличию оленей дала следующую картину (в процентах):

Оленей	Оседлые хозяйства	Кочевые хозяйства
До 10	61,7	17,7
11—25	19,7	22,4
26—50	9,8	18,4
51—100	5,2	14,8
Больше 100	3,6	26,7

100

100

Чтобы полностью обеспечить среднюю семью кочевника транспортом, меховой одеждой и мясом, необходимо, чтобы в хозяйстве было не менее 200—250 голов оленей. Приведенные данные показывают, что даже среди кочевого населения почти $\frac{3}{4}$ хозяйств имели меньше 100 голов оленей, а если учесть, что у кочевников других источников дохода, кроме пушного промысла и оленеводства, почти не было, то станет ясно, что

³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, ОГИЗ, 1947, стр. 111—112.

преобладающее число кочевников-ненцев испытывало крайнюю нужду и многие из них попадали в зависимость к богатым оленеводам.

По отчету Ямальского окрисполкома за 1931 г. население распределялось по социальным группам: бедняки — 68 %, середняки — 26 %, кулаки — 6 %. К богатым или кулацким хозяйствам относились прежде всего хозяйства с большим поголовьем оленей, с выпасом которых и управлялась семья владельца стада и в которых (в той или иной форме) применялся чужой труд. Например, у Вануйто Панима при наличии в семье двух трудоспособных было 2000 оленей, и он держал трех батраков. Основанием к отнесению хозяйств к типу кулацких служило не только наличие большого числа оленей, превышающее возможность выпаса своей семьей, но и другие признаки эксплуатации. Для характеристики такого типа тундрового хозяйства можно привести хозяйство Окатэтта Высида (данные относятся к 1934 г.), имевшего 807 оленей, а общая стоимость его имущества, по ценам 1934 г., определялась в 17 650 рублей. По наличию оленей и стоимости имущества это хозяйство могло быть отнесено к середняцким, но у Окатэтта Высида жили безоленные Окатэтта Высокения и Окатэтта Найдена, которые выполняли все работы, выпасали оленей, добывали песцов и ничего за это не получали. Высида занимался скупкой пушнины у малооленных ненцев ниже цен, оплачиваемых факториями, сдавая ее от своего имени на факторию. В 1934 г., например, он перепродал таким образом 82 песца.

Надо заметить, что проживание безоленных ненцев в чуме богатых и бесплатная работа на хозяина были широко распространены и являлись одной из основных форм эксплуатации бедноты, причем такими бесплатными работниками были не только представители своего рода, но и чужеродцы. Если у Окатэтта Высида бесплатно работали Окатэтта же, то у Вануйта Панима на таких условиях работали Яптик Серотэтта, Окатэтта Хасово и Наричи Тетюню.

Примером распространения этой формы эксплуатации может служить тот факт, что за один 1934 г. в народный суд Ямальского района обратилось 22 ненца с исками к своим хозяевам за исполненную работу. Большинство работавших у богатых оленеводов ничего не получали за свой труд, кроме питания и одежды. Немногие получали некоторую оплату натурой. О размерах этой оплаты можно судить по следующим примерам: Того Валка за 2½ года работы получил с Ядня Кама: 1 малицу⁴, 1 гуся⁵, 1 ягушку⁶. Срок носки этой меховой одежды равен двум-трем годам, т. е. фактически Того работал бесплатно. Серотэтта Лотай, работая у Окатэтта Пончи около трех лет, получил: 1 гуся, 1 малицу, 1 тушу мяса, 1 оленя. Лотай жаловался, что Пончи «кормил его отдельно, самым плохим, бил и один раз сильно ударил по голове сучковатой палкой».

В литературе о ненцах часто говорилось о батраках в тундре, причем отождествлялись тундровые батраки с деревенскими батраками центральной России. Это неправильно. Батрак всегда оговаривал срок работы, определенную оплату и условия труда. На Ямальском полуострове я не нашел ни одного случая найма в полном смысле этого слова, т. е. установления срока работы и определенной оплаты. Ненец, лишившийся оленей в силу эпизоотии или других причин, шел к богатому оленеводу и начинал работать у него, ничего не требуя, не оговаривая и полностью полагаясь на добрую волю хозяина. Переход к другому хозяину в условиях тундры был очень затруднен огромными расстояниями между чумами. Это усиливало зависимость бедноты от богатых оленеводов и содействовало кабальному положению безоленных.

⁴ Мужская нижняя одежда.

⁵ Мужская верхняя одежда, так называемый сокуй.

⁶ Женская шуба.

Многие исследователи пережитков родового строя у ненцев не подчеркивали этой дифференциации тундрового населения, наличия в тундре своеобразных форм эксплуатации, чем создавали впечатление социального мира среди ненцев.

Наличие в прошлом дифференциации тундрового населения и перечисленных форм эксплуатации не противоречит утверждению о сохранении пережитков родовых отношений, о которых сказано выше. Именно в силу наличия этих пережитков создавались своеобразные формы эксплуатации. Взять хотя бы обычай подерпо. Его сущность заключалась в следующем: богатый оленевод отдавал малооленному ненцу не обученных быков на 5—6 месяцев. Обучив быков и проработав на них немного, бедняк возвращал владельцу обученных оленей, а если он их задерживал на длительное время, то платил за них арендную плату пушшиной. Эта форма эксплуатации являлась пережитком родовых отношений, когда бескорыстная помощь сородичу в любой беде была совершенно естественна, но богатый оленевод, выручая из тяжелого положения малооленного, стал на этом наживаться.

Вскоре после установления советской власти началось проведение мероприятий по ограничению кулацких элементов тундры и по оказанию помощи бедноте. Благодаря этому сдерживался рост кулацких хозяйств, а многие бедняцкие хозяйства стали переходить в группу середняцких. С 1926 по 1934 г. удельный вес группы середняцких хозяйств повысился примерно на 10%.

Кулацкие и шаманские элементы тундры всеми мерами сопротивлялись проведению хозяйственных и культурных мероприятий, а беднота и середняки, освобождаясь от кулацкой зависимости, стали более энергично бороться с кулаками. Классовая борьба в тундре, особенно при проведении коллективизации, принимала очень острые формы. Следует подчеркнуть огромную роль групп бедноты в деле борьбы с кулацко-шаманским влиянием.

Проведению коллективизации в округе предшествовала огромная работа по поднятию экономики, культуры и политической активности населения. Партийные организации и органы советской власти провели большую работу по ослаблению влияния кулаков и шаманов, по организации бедноты, по внедрению в тундру новых, советских порядков.

Много также сделали культбазы (Ямальская и Тазовская) — комплексные учреждения, быстро превратившиеся в центры хозяйственной и культурной жизни тундры. Организация факторий, прекратившая обменную торговлю, создание интегральной кооперации и строительство рыбозаводов, по-новому организовавших пушной и рыболовецкий промыслы, закупка у населения всех видов его продукции — шкур, мяса, рыбы, создание населению условий для покупки хлеба и других товаров непосредственно в тундре, снабжение населения дешевыми орудиями лова рыбы и зверей и т. д. — резко изменили экономику, повысили жизненный уровень населения, разрушили рамки натурального хозяйства, ослабили зависимость бедняков от богатых оленеводов.

Развертывание сети медицинских и ветеринарных учреждений, строительство школ, создание красных чумов и другие мероприятия подрывали влияние шаманов на население и сделали многое для повышения культурного уровня народа, его политического сознания. Все это создало условия для перехода к новым коллективным формам хозяйства.

Учитывая особенности Крайнего севера, ЦК ВКП(б) 22 июня 1932 г. дал специальные указания «о недопустимости сплошной коллективизации хозяйств остальных народностей Крайнего севера», а 3 сентября 1932 г. принял постановление «О формах коллективизации в районах народностей Крайнего севера». ЦК ВКП(б) предложил: «В районах народностей Крайнего севера основное и главное внимание сосредоточить на организации лишь первичных форм производственного коопе-

рирования; только в районах с наиболее высокими хозяйственным и политическим уровнем, в особенности среди населения, занятого рыболовным промыслом... допустить организацию смешанных промысловых артелей по типу сельхозартелей».

ЦК запретил организацию коммун на Крайнем севере и предложил «в тех районах, где было допущено при коллективизации обобществление всех оленей, немедленно выделить необходимое количество оленей для личного пользования колхозников тех колхозов (артелей), которые можно оставить как колхозы полностью окрепшие, при обязательном условии, что сами колхозники добровольно хотят сохранить колхоз (артель)».

Коллективизация ненецких и хантыйских хозяйств проходила сравнительно медленно. Первые два колхоза были созданы в 1929 и 1930 гг. («Харп» и «Красный Октябрь»). Спустя три года после создания первых двух колхозов, в 1933 г., было коллективизировано только 11,8% хозяйств. Завершение коллективизации в округе потребовало больше 10 лет. О ее темпах можно судить по следующим данным:

Годы	% коллективизации
1930	2,2
1933	11,8
1936	35,2
1939	72,2
1942	94,0
1946	94,3
1948	97,3

В то время как в СССР основной формой колхозного строительства считалась уже сельскохозяйственная артель, в округе, как и во всех районах Крайнего севера, основной формой коллективизации долгое время было еще простое производственное товарищество (ППТ). В них обобществление имущества не проводилось, но они даже при этих условиях создавали значительные преимущества беднякам и середнякам хозяйствам. Если, работая единолично, каждый ненец выпасал своих оленей, то, объединившись в простейшие производственные товарищества, ненцы организовали совместный выпас оленей и этим путем высвобождали значительное количество рабочей силы, которая направлялась на рыболовецкие промыслы и другие работы.

Первое время простейшие производственные товарищества объединяли сравнительно небольшое число хозяйств. Так, в 1935 г. в Ямальском районе в среднем на одно ППТ приходилось 15 хозяйств. В настоящее время в среднем каждый колхоз объединяет 57 хозяйств. В самом ППТ были заложены причины, толкавшие объединенных в нем ненцев и хантов на переход к высшим формам коллективизации. Проследим это на примере двух ППТ.

В 1934 г. 17 хозяйств ямальских ненцев, преимущественно из района Вануйта, объединились в простейшее производственное товарищество. Хозяйства, вступившие в ППТ, имели от 50 до 150 оленей, а в общей сложности около 1500 голов. До вступления в товарищество каждый ненец сам выпасал своих оленей, занимаясь зимой охотой на песца, а летом кочевал по тундре, пас оленей, с трудом кормясь рыболовством. Обычно летом эти малоолленные хозяйства испытывали большую нужду, часто голодали, так как забивать оленей не могли, а дичью рыбу добывать не всегда удавалось. Объединившись в ППТ, они организовали обобществленный выпас оленей и в тундру на летние кочевья пошли только 7 хозяйств, а 10 хозяйств переключились на рыболовецкий промысел, создали две бригады и заключили с Пуйковским рыбобазовым договор на сдачу рыбы. В путины 1935 г. члены ППТ заработали по 1400 руб. на каждого рыбака, и таким образом, благодаря ППТ создали для себя обеспеченные условия жизни на летний период.

С наступлением зимы вернувшиеся с летних кочевий оленеводы передали колхозникам их оленей с приплодом, и каждый на своих оленях стал заниматься охотничьим промыслом. Характерно, что и оленеводческая отрасль хозяйства стала в ППТ развиваться лучше, так как в летний период меньше оленей было использовано на перевозке чума.

людей и т. д. Да и выпас оленей в более крупных стадах также оказался более рентабельным. На следующий год при обобществлении стад на летние кочевья сомневающихся уже не было, и это мероприятие прочно вошло в жизнь ППТ.

Переключение части колхозников на рыболовецкий промысел вызвало желание членов ППТ обзавестись своими орудиями лова и отказаться от их аренды. В 1936 г. колхоз уже имел неводник (большая лодка), три невода и другой рыболовецкий инвентарь. Председатель этого ППТ, Вануйто Алексей, был бригадиром одной из рыболовецких бригад. На мой вопрос, какую пользу он видит в ППТ, он ответил: «Разве сам не видишь, что кругом хорошо выходит. У меня было раньше больше 100 оленей, я кочевал по тундре, возил на оленях свой чум, ребяташек; олень был тощий, избитый, даже стельных важенков приходилось запрягать, и как я ни берег оленей, а их становилось все меньше и меньше. Рыбу и утку в тундре не всегда добудешь, приходилось голодать, и нет-нет да голодный и оленя забьешь. Думал, что совсем пропал, олени кончатся и совсем жить плохо будет. Когда пришел в ППТ, у меня осталось 70 оленей. Если бы один кочевал на них, скоро бы совсем без оленя остался. В прошлом году у меня приплод оленей получился, — осенью мне пастух привел 15 телят, а я сам на рыбалке хорошо заработал, досыта ел хлеб, часто покупал масло и сахар. Хорошее дело для ненцев с этим ППТ придумали, очень хорошее».

Дальнейшее укрепление ППТ, рост общественного хозяйства создали условия к переходу на устав артели. В 1937 г. ППТ имени Сталина перешло на этот устав, что обеспечило дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление колхоза. О росте этого хозяйства говорят данные в приведенной таблице.

Показатели	Г о д ы		
	1937	1940	1948
Неделимые фонды (в тыс. руб.)	35,2	95,3	459,7
Доход на 1 хозяйство колхозника (в рублях)	1520	2071	4196
Вылов рыбы на 1 рыбака (в центнерах)	18,2	19,6	20,2
Количество оленей в колхозном стаде	310	335	2641

Эти данные показывают, что артель имени Сталина быстро развивает колхозное хозяйство; только в 1948 г. она отчислила в неделимые фонды 106 тыс. рублей.

Если начало артели имени Сталина положено простейшим производственным объединением оленеводов, то колхоз «Харп» (Северное сияние) начал свою деятельность с простейшего производственного товарищества безоленных рыбаков. В 1929 г. группа безоленных ненцев и хантов объединилась в ППТ «Харп». Вначале в объединение вступило 8 хозяйств (братья Серасховы, Максим Сухаринов, Петр Ямал, Парангуй Хойка и др.). Не имея оленей, они зимой на собаках и пешком добывали пушных зверей, а летом совместно ловили рыбу на договорных началах с рыбозаводом, причем первые три года совместно держали

запор на реке Юмба, что не требовало многих и дорогих орудий лова. В 1934 г. ППТ «Харп» уже имело 4 неводника, 2 вонзевых и 4 салменных невода, что дало ему возможность организовать лов рыбы на Оби и на салмах в дельте Обской губы. Таким образом, появление обществленных орудий лова позволило членам ППТ освоить новые рыболовные угодья и резко увеличить заработки.

В 1935 г. ППТ «Харп» перешло на устав артели, имея в своем составе 32 хозяйства. Проведя обобществление части оленей вступивших в ППТ оленеводов и купив оленей за счет государственной ссуды, хантовцы создали обобщественное стадо оленей в 1342 головы. В 1935 колхоз «Харп» начал переходить на оседлость — построили скотный двор, дома колхозников, завели 3 лошадей, 5 коров. В 1937 г. колхоз полностью перешел на оседлость, построил еще скотный двор, 12 домов для колхозников и т. л.

Об изменении в хозяйстве этого колхоза говорят следующие данные:

Год	Оленей	Лошадей	Коров	Валовой доход хозяйства (в руб.)
1935	1342	3	5	4232
1945	1452	10	12	8568
1948	1820	30	35	9132

За последние 4 года поголовье оленей в личном пользовании колхозников увеличилось втрое. Ныне колхоз «Харп» намерен заняться звероводством и приступил к строительству зверофермы. Начав создание общественного хозяйства нескольких лодок и неводов, колхоз увеличил стоимость колхозного имущества до 1 млн. рублей. Все дети колхозников «Харп» обучаются в школах.

Примерно так же совершался переход от простейших производственных объединений к артельному хозяйству и в других колхозах. Требовалось от 3 до 7 лет, чтобы создать условия для перехода ППТ на устав артели. Даже в настоящее время в отдаленной тундре мы имеем 6 ППТ.

Как правило, переход ППТ на устав артели (рыболовецкой или сельскохозяйственной) проходил при наличии уже сложившейся в ППТ экономической базы и подготовленных условий для развития комплексного хозяйства, позволяющего более полно использовать трудовые ресурсы колхоза и обеспечить колхозникам основные доходы от общественного хозяйства и совместного труда.

Некоторое время существовали так называемые смешанные промысловые артели, служившие как бы переходным звеном от ППТ к рыболовецкой или сельскохозяйственной артели. В настоящее время в округе существует три организационные формы колхозных объединений: простейшее производственное товарищество, рыболовецкая артель, сельскохозяйственная артель.

В рыболовецкой и сельскохозяйственной артели объединены все основные средства производства; разница между ними состоит в том, что в сельхозартели основными являются сельскохозяйственные отрасли (оленьеводство, домашнее животноводство, овощеводство, звероводство), а рыболовецкий промысел является подсобным. В рыболовецких же артелях, наоборот, основным является рыболовецкий промысел, а сельскохозяйственное хозяйство является подсобным.

Вторым отличием сельхозартелей от рыболовецких является система распределения доходов. В сельскохозяйственных артелях колхозники получают оплату, в том числе и за рыбу, по трудодням (за исключением пушного промысла) в обычном порядке. В рыболовецких же артелях оплату за рыбу колхозники получают не по трудодням, а сразу при сдаче рыбы — 70% стоимости сданной рыбы (30% идут на орудия лова и в колхозные фонды). Колхозники, работающие в рыболовецких артелях, оплату труда на сельскохозяйственных работах получают по трудодням.

Большее половины колхозов округа находится на уставе рыболовецкой артели. Это объясняется тем, что в них еще слабо развиты другие отрасли хозяйства. Но за последние четыре года произошло сокращение рыболовецких артелей на 17 и увеличение числа сельскохозяйственных артелей, так как многие колхозы, развив сельскохозяйственные отрасли хозяйства, перешли с устава рыболовецкой артели на устав сельхозартели.

ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 7 апреля 1945 г. «Вопросы Ямало-Ненецкого окружкома ВКП(б)» указал на то, что в условиях Крайнего севера колхозы могут развиваться только при комплексном сочетании всех отраслей хозяйства — оленеводства, пушного и рыболовецкого промыслов, причем подчеркнул, что оленеводство является основной отраслью хозяйства и жизненной основой населения. Указание ЦК ВКП(б) о комплексном развитии хозяйства колхозов округа является исключительно важным. Дело в том, что рыболовецкий и пушной промыслы являются сезонными, а при отсутствии оленей промысел (особенно пушной) мало эффективен. Занятия колхозников большинства районов округа по сезонам распределяются так: июнь — октябрь — лов рыбы; ноябрь — март — добыча пушнины. При нормальном положении такое сочетание является хорошим; колхозник летом занят на рыбе, зимой на охоте.

За последние годы обращено особое внимание на комплексное развитие хозяйства колхозов, в результате чего в колхозах стали быстро развиваться сельскохозяйственные отрасли производства. Это подтверждается изменением структуры валовых доходов колхоза. Доход в процентах к общему доходу составлял:

Год	Рыболовство	Охота	Оленеводство	Животноводство	Полеводство	Извоз	Прочие доходы	Всего
1940	57,7	18,4	3,0	2,3	1,7	10,8	6,4	100
1948	44,8	10,5	11,8	2,8	3,7	11,8	14,6	100

Эти данные показывают, что наряду с сокращением удельного веса доходов от рыболовства возросли доходы от оленеводства, домашнего животноводства и прочих отраслей хозяйства. Если учесть, что валовые доходы колхозов увеличились с 1940 по 1948 г. на 207 %, то станет понятным значительное развитие всего комплекса колхозного хозяйства.

Колхозы округа быстро крепнут экономически. Основой их благополучия является общественное хозяйство. Стоимость имущества колхозов (включая и средства на счетах капиталовложений) составляла в среднем на один колхоз: в 1940 г. — 101 тыс. руб., в 1945 г. — 490 тыс. руб., в 1948 г. — 788 тыс. руб. Особенно важно, что этот рост неделимых фондов проходил почти исключительно за счет собственных накоплений, путем отчислений установленных процентов из валовых доходов в неделимые фонды.

С ростом хозяйства колхозов росли доходы колхозов и заработки колхозников. Это видно из приведенных в табличке данных.

Год	Валовой доход колхозов (в млн. руб.)	Денежные доходы колхозников, полученные на руки (в среднем на 1 хозяйство рублей)
1940	13,2	1809
1945	22,8	3264
1947	27,3	3950

Таким образом, денежный доход на одно хозяйство за последние 8 лет увеличился больше чем вдвое, а натуральная выдача на трудные дни живых оленей, мяса, мехового сырья, молочных продуктов и т. возросла в 8—10 раз. Стоимость трудодня в 1948 г. в среднем по хозяйствам была 8 р. 12 к. С 1945 по 1948 г. колхозникам выдано на трудодни и в порядке дополнительной оплаты около 17 тысяч оленей. Это показывает, что и в условиях Крайнего Севера на базе колхоза происходит значительное улучшение жизни населения.

В колхозах развиваются все отрасли хозяйства и особенно успешное оленеводство — эта жизненная основа населения. Значение оленя, особенно в тундровых районах, огромно. Из шкуры оленей изготавливают одежду и жилище, оленьё мясо является одним из основных продуктов питания, олень в условиях тундры является единственно возможным видом транспорта. Поэтому особо приятно отметить, что обобществленное поголовье оленей в колхозах из года в год увеличивается: принимая его в 1940 г. за 100%, мы имели в 1945 г. — 141%, в 1948 г. — 160%.

Многие колхозы добились ранее невиданных результатов ежегодного прироста стада. Так, в 1948 г. колхоз «Путь Ленина» получил естественный прирост стада на 32%, колхоз им. Шмидта — на 29% и т. д. Эти показатели не являются результатом благоприятных условий отдельного года, они стали постоянными; в 1949 г. эти колхозы получили еще более высокий процент прироста оленеводческих стад.

До Октябрьской социалистической революции на всю огромную территорию округа не было ни одного зоотехника или ветеринара. Советским государством обращено серьезнейшее внимание на развитие оленеводства: проведено землеустройство и упорядочено использование пастбищ, в округе работает 90 зоотехников и ветеринарных специалистов, создана зоотехническая и ветеринарная научно-исследовательские станции, организован зооветеринарный техникум и по постановлению Совета Министров СССР в г. Салехарде в 1950 г. создана специальная школа подготовки оленеводческих колхозных кадров.

Огромную роль в подъеме общественного оленеводства сыграла премиальная система оплаты труда пастухов и бригадиров оленеводческих стад, установленная постановлением Совета Министров СССР от 30 апреля 1945 г. Этим постановлением определена выдача бригадиру каждого пятого, а пастухам каждого третьего теленка, выращенного до пятимесячного возраста сверх 65 на каждые 100 маток, а также каждого пятого взрослого оленя бригадиру и каждого третьего пастухам из сохраненных на конец года взрослых оленей сверх 90%. Только за последние 3 года бригадиры и пастухи получили в порядке дополнительной оплаты около 10 тысяч оленей.

Наряду с развитием оленеводства в советское время в округе создано колхозное домашнее животноводство, причем крупный рогатый скот ярославской и холмогорской породы в округе хорошо акклиматизировался и сейчас колхозы выращивают породистый скот. За последние годы поголовье скота в колхозах значительно увеличилось: если поголовье в 1940 г. принять за 100%, то в 1945 г. оно составило 120,3%, в 1948 г. — 158,1%. До революции земледелие на территории Ямальского округа считалось невозможным. Многолетней практикой и в сравнительно больших размерах доказано, что в округе возможно эффективное развитие овощного хозяйства. Колхозы имеют уже сотни гектаров посевов, получая хорошие урожаи. Так, в 1948 г. средний урожай картофеля с гектара по округу равнялся 10,4 т, капусты — 12,5 т. Отдельные звенья колхоза «Заря» Шурышкарского района получили картофеля более 230 ц с гектара; этот колхоз в 1948 г. получил от овощного хозяйства 384 тыс. руб. дохода. На основе успехов, достигнутых в области оленеводства, округ поставил перед собой задачу в ближайшие 3—4 года создать собственную овоще-картофельную базу и этим избавить госу-

дарство от необходимости ежегодно завозить тысячи тонн картофеля и овощей.

Значительные изменения произошли в пушном промысле: сейчас в колхозах строятся зверофермы, и наряду с добычей дикого пушного зверя колхозы выращивают там чернобурых лисиц, получая от этого большие доходы. Поставлена задача к 1952 г. построить зверофермы в половине колхозов округа, причем они ежегодно будут сдавать пушнины почти столько, сколько сейчас добывают все охотники округа. В округе начата акклиматизация новых видов зверей, в частности хорошо размножается ондатра и в Шурышкарском районе она уже занимает значительный удельный вес в заготовках. Решено в 1950—1951 гг. выпустить еще 700 голов ондатры в новые водоемы. Организация охотничьего промысла переводится на научную основу, уже созданы три промыслово-охотничьи станции, в 1950 г. начинается строительство еще двух станций.

Коренным образом изменилась организация рыбного промысла. Раньше рыбу добывали простейшими ловушками и неводами. Ныне широко развит плавной лов, созданы машинно-рыболовецкие станции (МРС), несколько тоней механизировано лебедками и тракторами, во много раз увеличился самоходный флот МРС и рыбозавод. Об объеме работ по техническому оснащению рыбной промышленности можно судить хотя бы по тому, что в 1950 г. создается МРС морского типа для обслуживания колхозов Обской губы. Для очистки тоней создается водолазная станция.

До революции рыбопромышленники ограничивались экспедиционным ловом рыбы в дельте Обской губы, используя для этого на кабальных условиях местное население. Советской властью созданы механизированные рыбные предприятия, консервные заводы, освоены промыслы в таких отдаленных водоемах, как Тазовская губа и Гыданский залив, а все это позволило широко вовлечь на рыбные промыслы местное население, развить колхозный лов рыбы и за этот счет резко увеличить доходы колхозов и заработки колхозников.

Приведенные примеры развития отдельных отраслей хозяйства показывают, что колхозы крепнут и развиваются при огромной помощи Советского государства.

И. В. Сталин указывал, что для подъема экономики и культуры отсталых народностей, для перехода их на стадию социалистического хозяйства, нужна помощь пролетарского государства. Это указание последовательно выполняется. Государство не только оказывает народностям Крайнего севера и, в частности, Ямало-Ненецкому национальному округу помощь в хозяйственном строительстве, о чем кратко сказано выше, но и предоставило населению округа много других льгот: население освобождено от всех видов налогов, за исключением налога с заработной платы; в округе нет обязательных поставок государству сельскохозяйственных продуктов; дети коренного населения на полном иждивении государства обучаются в школах-интернатах; местному населению выдаются бесплатно медикаменты и т. д.

Переход от патриархальных форм хозяйства к формам социалистическим, естественно, внес коренные изменения в быт населения, в весь уклад жизни народа. На основе колхозного строя удалось преодолеть многие отрицательные пережитки родовых отношений, многие предрассудки. Изменилась роль женщины. Ненки и хантыйки вовлечены в колхозное производство. Сейчас уже повсеместно женщины наравне с мужчинами участвуют в рыбодобыче, причем в некоторых колхозах существуют отдельные женские рыболовецкие бригады, которые успешно соревнуются с другими бригадами. Например, в числе знатных рыбаков была награждена медалью «За трудовое отличие» бригадир женской рыболовецкой бригады Тазовского района Айваседа. Часть жен-

щин занялась даже охотничьим промыслом. В Ямальском районе вую осеннюю пушнину в 1949 г. сдала ненка Мария Худи.

В тундре нет больше шамана. Медицинским и ветеринарным ботникам удалось полностью вытеснить его. Обращение больных нцев и хантов к медицинским работникам стало обычным явлением. До революции на огромную территорию округа был один медицинский пункт, а сейчас в округе, в том числе и в самой отдаленной тундре, работает около 400 врачей и фельдшеров. Если первое время население недоверчиво относилось к школе и неохотно отдавало детей учиться, сейчас сами ненцы везут детей в школу-интернат и в тундре стало много грамотных.

Торговые пункты созданы в самых отдаленных местах тундры, местное население всегда имеет возможность приобрести продовольствие и промышленные товары в своих поселках или по соседству местами своих кочевий. Резко увеличился спрос на промышленные продовольственные товары. До революции ненцы не пользовались хлебом и верхней одеждой, они одевались только в одежду из оленьих шкур. Сейчас в округе нет уже ни одного ненца или ненки, который бы не носил рубахи и платья. До революции ненцы очень мало употребляли хлеба и жили в основном на рыбе и мясе, сейчас хлеб вошел в быт ненцев. До революции ненцы покупали соль, табак, жижи, топоры, чайники, посуду, в незначительных количествах хлеб, масло, сахар; в настоящее время, помимо этих товаров, ненцы покупают одежду, кожаную обувь, железные печки, в больших размерах сахар, масло, хлеб, мыло. В чумах и домах местного населения появились умывальники, полотенца и другие предметы культурного обихода. Многие ненцы стали покупать и употреблять в пищу овощи, молоко. За последние годы товарооборот резко увеличился: если товарооборот 1940 г. принять за 100%, то в 1945 г. он составил 113%, в 1948 г. 210%.

Большая работа проведена по оседанию колхозов, треть колхозов являются оседлыми. Это позволило ненцам и хантам, которые вели кочевой образ жизни, перейти к более культурным условиям быта. Только за последние три года в колхозах построено более 20 тыс. жилых строений и производственных зданий. Оседание проводится на основе оседлых форм хозяйства: домашнего животноводства, овощеводства и звероводства.

Партией и правительством уделено большое внимание подготовке кадров из местных коренных национальностей. В г. Салехарде работают: педагогическое училище, семилетняя школа, зооветеринарный техникум, школа подготовки колхозных кадров, культпросветшкола, торговая школа, фельдшерско-акушерская школа и т. д.

Важнейшим итогом перечисленных экономических и социально-культурных мероприятий является тот факт, что не только прекратилось наблюдавшееся в царское время вымирание ненцев и хантов, но и начался ежегодный естественный прирост населения.

Опыт социалистического строительства в Ямало-Ненецком национальном округе, как и в других районах Крайнего севера, является блестящим подтверждением правильности положений Ленина и Сталина о возможности в условиях социализма прямого перехода отсталых народов от примитивного хозяйства и первобытно-общинных отношений к высшим, социалистическим формам хозяйства и культуры.

И. С. ГУРВИЧ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕУСТРОЙСТВО ХОЗЯЙСТВА И БЫТА ЯКУТОВ БАСЕЙНОВ ОЛЕНЕКА И АНАБАРЫ

Беспримерный в истории человечества скачок, совершенный народами Севера за годы советской власти от крайне примитивных, патриархальных форм хозяйства и быта к социалистическим, является ярким показателем величайшей преобразовательной силы ленинско-сталинской национальной политики.

В данной статье мы попытаемся осветить лишь некоторые вопросы социалистического строительства на северо-западе Якутской АССР, в бассейнах рек Оленека и Анабары, в труднодоступных, крайне отдаленных от культурных центров лесотундровых и тундровых районах, населенных якутами-оленьеводами.

Оленекские и анабарские якуты до Октябрьской революции представляли собой обособленную группу якутского народа. В отличие от своих более южных собратьев якутов-скотоводов, они занимались оленеводством, охотой на крупнокопытных (дикий олень, лось) и отчасти рыболовством и пушной охотой. Крайне малочисленные, расселенные на огромном пространстве северо-запада Якутии северные якуты-оленьеводы делились на наслеги (волости) и роды. Однако род не служил хозяйственным объединением для северных якутов, и члены рода не проживали на общей территории. При летних откочевках в тундру население объединялось в группы из 4—10 хозяйств, состоявшие как из родичей, так и из чужеродцев. В сезоны охоты объединения дробились на более мелкие группы, состоявшие из двух-четырех хозяйств.

К концу XIX в. среди оленекских и анабарских якутов существовала значительная имущественная дифференциация. Большинство хозяйств владело крайне незначительным количеством оленей (до 20 штук), в то время как в руках отдельных владельцев находились тысячные стада оленей. Кулак Христофоров (Ырган) имел 4000 оленей, анабарский богач Владимир Николаев — около 10 000 оленей.

Отношения зависимости и эксплуатации среди оленекских и анабарских якутов складывались не на основе владения охотничьими угодьями, а на основе частной собственности на оленей, так как охота и рыболовство, требующие частых перекочевков в бассейнах рек Оленека и Анабары, базируются на оленеводстве.

Слабо обеспеченные оленями хозяйства неизбежно попадали в зависимость к владельцам крупных стад и жестоко эксплуатировались. Однако все формы эксплуатации выступали под оболочкой родственной или родовой «помощи». Маломощные хозяйства брали у богатых родичей оленей на сезоны охоты и за это расплачивались пушниной. Если брали важенок (самок) на год, то должны были отдать также приплод. Не имея возможности реализовать добытую пушнину, малообеспеченные хозяйства сдавали ее тем же крупным оленеводам за чай и табак. Бедняцкие хозяйства, потерявшие своих оленей и не имевшие возможности охотиться самостоятельно, вынуждены были кочевать совместно с круп-

ными оленеводами. При этом вся тяжесть охраны стад падала на немощных. К совместному кочеванию бедняков принуждали и сами владельцы крупных стад, опутав их долгами и «услугами». За окарауливание стада бедняки лишь отдавались мясом и частью совместной добычи дичи. Многие кулаки брали «на воспитание» детей-сирот. За свой труд воспитанники ничего не получали.

Чтобы приобрести бесплатного работника, в кулацких семьях иногда женили малолетнего сына хозяев на взрослой девушке. Батраков в полном смысле этого слова имели только крупные кулацкие хозяйства. Работали батраки за пищу, одежду и одного-двух оленей в год, но и это вознаграждение обычно не выплачивалось. Большинство местных кулаков, старост (князцов) и старшин занимались посреднической торговлей, скупая у населения за бесценок пушнину и перепродавая ее в вилюйские центры.

Население эксплуатировалось также и купцами — скупщиками пушнины из Вилюйска, Якутска и Туруханска.

Хотя местные князцы и старшины, а также кулаки для перепродажи пушнины посещали Вилюйск, Нюрбу, Верхне-Вилюйск, население бассейнов рек Оленека и Анабары было фактически изолировано бездорожьем, сотнями верст лесов и болот от таких «городских» центров, как Якутск, Вилюйск и Туруханск. О событиях в остальном мире северные якуты не имели никакого понятия и не интересовались ими. Изолированность и культурная обособленность населения, несомненно, облегчали его закабаление и эксплуатацию со стороны скупщиков пушнины и местных кулацких элементов.

Отсталая застойная техника ведения хозяйства не давала возможности населению должным образом использовать природные богатства — пушные и рыбные. В 1890—1900-х гг. в бассейнах рек Оленека и Анабары еще бытовали кремневые ружья, с луком и стрелами охотились на водоплавающую дичь, хотя проникало и более совершенное оружие.

Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции в бассейнах Оленека и Анабары не существовало ни одной школы, ни одной больницы. Эпидемии оспы, кори, гриппа время от времени производили чудовищные опустошения. Не меньшие бедствия вызывали длительные отсутствие промыслового зверя, эпизоотии, сокращавшие оленью популяцию.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция преодолела вымирание северных якутов-оленеководов и поставила их на путь экономического и культурного возрождения.

Провозглашение советской власти в Якутии (1 июля 1918 г.), завершившееся декретом ВЦИК за подписью М. И. Калинина о создании Якутской Автономной Советской Социалистической республики, открыло новую эпоху в жизни якутов.

Впервые в истории якуты получили собственное государство и стали подлинными хозяевами своей страны. С установлением советской власти дружеский союз якутов с великим русским народом и союз народов Якутии друг с другом стал реальным фактом.

Экспедиция по изучению судоходности рек Лены и Оленека, осуществленная в 1920—1921 гг., непосредственно после разгрома контрреволюции и интервенции, в годы величайших хозяйственных трудностей, — свидетельство того, какое огромное значение придавало правительство молодой советской республики, оживлению заброшенных северных окраин Якутии.

Мероприятием, сыгравшим особую роль в развитии северо-западной ЯАССР, явилась перепись 1926—1927 гг. Она доставила необходимые сведения о численности и состоянии хозяйства оленекских и анабарских якутов, хотя и не дала правильных сведений об их национальной принадлежности, назвав их эвенками. Материалы переписи позволили пе-

рейты к практическим мероприятиям по национально-территориальному районированию. В 1928—1931 гг. на северо-западе ЯАССР были выделены Булунский, Анабарский и Жиганский районы. Спорным оставался лишь вопрос об организации в верховьях Оленека и Анабары, в труднодоступных и неизученных районах лесотундры, Оленекского района.

В 1932 г. уполномоченным из Якутска была сделана попытка, без достаточной подготовки, организовать Оленекский районный совет, но избранные органы власти к работе не приступили. Пользуясь бесконтрольностью, плохо работали открытые в 1932—1933 гг. в верховьях Оленека фабрики Интеграл-союза и Госторга.

Социалистическое строительство в верховьях Оленека и Анабары начало осуществляться широким фронтом лишь с 1934 г., после основания Оленекской культурной базы.

Если вся Якутия к этому времени совершила гигантский переход от отсталого натурального хозяйства к советскому хозяйству, минуя стадию промышленного капитализма, то отдельным северным группам якутского народа в 30-х годах XX в. предстояло совершить еще более значительный скачок от первобытного хозяйства к социалистическому. В докладе на X съезде РКП(б) в 1921 г. товарищ Сталин отметил сложность, но осуществимость такого перехода:

«Дело в том, что целый ряд главным образом тюркских народностей — их около 25 миллионов — не прошли, не успели пройти периода промышленного капитализма, не имеют поэтому или почти не имеют промышленного пролетариата, ввиду чего им приходится из первобытных форм хозяйства перейти в стадию советского хозяйства, минуя промышленный капитализм. Для того, чтобы эту тяжелую, но отнюдь не невозможную операцию произвести, необходимо учесть все особенности экономического состояния, даже исторического прошлого, быта и культуры этих народностей»¹.

Организация комплексных культурных баз как опорных точек для социалистического переустройства хозяйства малых народов Севера была реализацией этого указания товарища Сталина в специфических условиях Крайнего Севера.

В 1934 г. Комитет Севера при Президиуме ВЦИК командировал в верховья Оленека своего представителя для определения места постройки культбазы, организации строительных работ и руководства первоначальной деятельностью учреждений культбазы. На строительство Оленекской культбазы было отпущено 500 тыс. руб.² От ЯЦИК на строительство Оленекской культбазы был командирован уполномоченный И. Е. Винокуров, в дальнейшем первый председатель Оленекского районного совета депутатов трудящихся³.

Под руководством И. М. Суслова была проведена экспедиция по изучению судоходности р. Оленек. Экспедиция выявила также наслеги, тяготеющие к верховьям р. Оленек, определила территорию будущего Оленекского района и наметила пути снабжения районного и наслезных центров.

Из Якутска на строительство Оленекской культбазы в 1934—1935 гг. были посланы партии строительных рабочих, так как местное население не владело плотничьим искусством. В Вилюйске и Нюрбе были основаны перевалочные базы. В поселке Сухана (среднее течение Оленека, бывшая фабрика Госторга) была оборудована пристань. Строительство культбазы потребовало мобилизации всех местных сил, в первую очередь транспорта. Несмотря на враждебную агитацию кулацких элементов, местное население приняло активное участие в

¹ И. Сталин, Соч., т. 5, стр. 40—41.

² И. М. Суслов, Река Оленек, Л., 1937, стр. 3.

³ И. Е. Винокуров в настоящее время секретарь Якутского Обкома ВКП(б).

строительстве культбазы. В первый же год были выстроены временные дома для школы и интерната, столовой и пекарни. В 1936—1939 были отстроены типовые здания для школы и интерната, помещения для больницы, метеостанция, радиостанция, клуб, здание для общепита — четырехквартирные и восьмиквартирные дома. Строителям Оленекской культурной базы пришлось преодолеть большие трудности. Караваны грузов (стройматериалы и продукты) застревали на пути. В летнее время года переброска грузов на оленях фактически прекращалась. Строительные работы в зимний период в связи с морозами резко свертывались. Нехватало рабочих, но строители с честью преодолели все трудности. Одновременно шло строительство населенных пунктов. Строители культбазы оказали большую помощь в поселках, в особенности Кирбею и Джелинде. Большая работа была проделана по преодолению оторванности северо-запада ЯАССР культурных центров. Усилиями гидрологов, метеорологов, командирских судов Оленек и Анабара стали судоходными. В 1936—1938 гг. по ним направились первые потоки грузов. По Оленеку мелкие речные суда с караваном барж весной и осенью (по «большой воде») могут доходить до пос. Сухана, по Анабаре и М. Канавке до пос. Джелинды. В Джессейский наслег Анабарского района грузы завозятся по р. Удже. Освоение рек вызвало значительное строительство. Возникли ремонтные мастерские, затоны, пристани (Дорож Тюмети, Сухана, Усть-Оленек, Анабар).

В освоении рек приняло участие и местное население в качестве матросов, рабочих и лоцманов.

В 1938 г. на территории Оленекского района приземлился первый самолет.

Социалистическое строительство, реконструкция промыслового хозяйства потребовали привлечения значительных кадров квалифицированных специалистов. Строители, зоотехники, ветеринарные врачи, землеустроители, фельдшеры, охотоведы, счетные работники, направленные на Оленекскую культбазу и в пос. Сасыклах Анабарского района, оказали огромную практическую помощь в переустройстве хозяйства и быта оленекских и анабарских якутов. Образ жизни, культурные и производственные навыки и поведение этих работников, преимущественно русских, оказали своим примером огромное воздействие на население. Пастухи оленей, каюры, строители культбазы из местного населения, более общавшиеся с завезенными специалистами и партиями строительных рабочих, первые восприняли элементы гигиены: стирку белья, мытье в бане, подметание полов, стрижку волос, а также употребление и способы приготовления русских блюд. Они в свою очередь явились проводниками культурного влияния на остальное население.

От русских рабочих оленекские и анабарские якуты заимствовали технику увязки плотов, технику продольной распиловки бревен, рубку домов в угол, строительство печей из кирпича, обжиг извести и т. д.

В 1935—1936 гг. в Оленекском районе были организованы первые товарищества по совместному выпасу оленей. Таким образом, были сделаны первые шаги на пути к коллективизации.

Постановления ЦК ВКП(б) от 22 июня 1932 г. и от 3 сентября 1932 г. позволили в Оленекском районе избежать перегибов в колхозном строительстве, допущенных в Эвенкийском национальном округе. В этих постановлениях ЦК ВКП(б) указал на недопустимость проведения сплошной коллективизации хозяйств отсталых народностей Севера и предложил основное и главное внимание сосредоточить на организации лишь первичных форм производственного кооперирования. Таким образом, основной задачей на первом этапе коллективиза-

ции в условиях Крайнего Севера являлась организация простейших производственных объединений. В верховьях Оленека наиболее целесообразным было объединение по совместному выпасу оленей.

Организации товариществ предшествовала большая разъяснительная и обследовательская работа. В 1934 г. в Кирбейском, Оленекском и Джелиндинском наслегах (первоначально Оленекский район состоял из этих трех наслегов) было учтено 351 хозяйство, из них 150 хозяйств, владевших менее чем 20 оленями каждое. Большинство оленьего поголовья района находилось в руках нескольких крупных кулацких хозяйств. Так, кулак Семенов Христофор Ырган имел 1500 оленей, его сын Нестор — 1000 оленей, сын Онуфрий — 1200 оленей, сын Гаврил, — 350 оленей. Кулак Федор Кюрей имел 800 оленей, Прасковья Кюрей — 800 оленей, Николаев Савва (Дочие) — 1400 оленей и т. д. Основная масса населения быстро осознала необходимость борьбы с кулачеством. Уже в период организации товариществ кулаки, применявшие наемный труд, на общих собраниях населения были лишены избирательных прав, остальным были даны твердые задания по поставке оленей на строительство культбазы.

Организация производственных товариществ по совместному выпасу оленей вызвала разнообразные формы сопротивления кулаков. Одной из главных форм явилась агитация за убой оленей и разбазаривание своих стад. Уже в 1934 г. количество оленей у ряда середняков, не говоря о кулаках, резко уменьшилось. Христофор Маймага имел 311 оленей, осталось 55, Ефрем Маймага имел 306 оленей, осталось 35, Егор Осогостох имел 67 оленей, осталось 26, Роман Чорду имел 101 оленя, осталось 24.

Хотя товарищества сыграли положительную роль на пути к более высокой форме организации — колхозам, не все товарищества были организованы правильно. Главным пороком многих товариществ по совместному выпасу оленей было то, что они строились по родственному принципу. Во главе товариществ оказывались почетные родичи, иногда из бывших кулаков, укрывавшиеся за своими родственниками и нередко пытавшиеся использовать товарищества в своих личных интересах. Несмотря на это, даже простейшая форма кооперации дала в условиях Севера значительный эффект — освободилась рабочая сила, занятая выпасом распыленных стад⁴. Представилась возможность обеспечить рабочей силой такие заброшенные или недоразвитые отрасли хозяйства, как рыболовство, пушной промысел, дровозаготовки.

В 1937 г. было начато колхозное строительство. В 1940 г. 96,5% всех хозяйств было охвачено коллективизацией. В Кирбейском наслеге был создан колхоз «Путь Ленина», в Джелиндинском — имени Сталина⁵, в Оленекском — имени Кирова и имени Чкалова, в Суханском наслеге — имени Папанина, в Шелогонском — «Красная заря». Одним из первых результатов коллективизации явился резкий подъем добычи пушнины. Пушной промысел из второстепенного, дополнительного занятия, практиковавшегося населением для удовлетворения своих потребностей в заводных товарах (табак и чай), стал ведущей отраслью хозяйства.

Быстрыми темпами стало развиваться оленеводство. Оленье поголовье к 1944 г. по сравнению с поголовьем 1939 г. фактически удвоилось.

Несмотря на то, что все основные отрасли хозяйства оленекских и анабарских якутов — оленеводство, охота и рыболовство — требуют периодических перекочевок, каждый колхоз выстроил для себя посе-

⁴ О противоречиях в комплексе северного промыслового хозяйства — см. Н. М. Ковязин, Оленеводство в Эвенкийском национальном округе, стр. 33—37; Н. П. Никольский, Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков, Л., 1935, стр. 23—25.

⁵ Колхоз имени Сталина был создан на базе двух небольших колхозов.

лок — колхозный центр. Здесь помещаются правление колхоза, склад, торговая точка, школа, медицинский пункт, баня, дома для приезжих колхозников. В поселках живут колхозники в свободные от промыслов промежуток года.

В условиях колхозного строя буквально за несколько лет primitive отсталое комплексное промысловое хозяйство оленеких и анабарских якутов превратилось в высокотоварное, правильно организованное производство по эксплуатации пушных, рыбных и ягельных богатств веро-запада ЯАССР.

К 1939—1940 гг. колхозы Оленекого района настолько хозяйственно окрепли, что смогли показать на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке свои достижения. Имена оленеких колхозников охотников стахановцев Е. С. Иванова, В. С. Николаева, Н. Н. Убоякова, В. С. Сафронова, С. А. Иванова из колхозов «Красная заря», имени Чкалова, имени Сталина стали известны по всей Якутской АССР⁶.

Хозяйственные достижения явились результатом не только технического перевооружения (появились новые типы ружей, вместо кремневых и шомпольных, распространились охотничьи палатки, железные пешки вошли в употребление капканы, были реконструированы песчовые ловушки, завезены крупные неводы, переносные коррали и медикаменты для лечения оленей), но прежде всего результатом разрешения противоречия между комплексностью северного хозяйства и индивидуальным способом его ведения, из-за чего оленеводство, охота и рыболовство развивались в ущерб друг другу.

Обобществление оленей и создание крупных колхозных стад освободили рабочие руки для охоты и рыболовства. С другой стороны, это позволило осуществить широкие ветеринарно-зоотехнические мероприятия, невозможные в мелких распыленных стадах: правильно организованные перекочевки в обход зараженных участков, разделение стад по половозрастным группам, своевременные профилактические прививки, круглосуточное окарауливание оленей. Пушной промысел как наиболее товарная отрасль хозяйства стал доминировать над прочими видами промысловой деятельности. Это стало возможным благодаря регулярному завозу продуктов потребления. Мясная потребительская охота стала практиковаться в определенные, наиболее благоприятные этого сезоны.

Таким образом, произошли изменения и внутри самого комплекса северного промыслового хозяйства.

Резко поднялась товарность хозяйства. В 1941 г. в Оленеком районе было сдано пушнины на один миллион рублей. Если вспомнить, что колхозы Оленекого района могут выставить максимально 400 охотников, то можно оценить это достижение.

Не только продукция пушной охоты, но и оленеводство стало товарным.

Партии оленей ежегодно покупаются оленеводческими совхозами южных районов Якутии и перегоняются туда для грузоперевосков и прииски. От продажи живых оленей колхозы Оленекого района в 1944—1945 гг. получили более 500 тыс. рублей. На вывоз идут также оленьи лапы — камусы, оленьи шкуры, изделия из оленьих шкур. Менее товарным остается рыболовство, но и продукция рыболовства реализуется через местную торговую сеть. В 1943 г. было продано 251 рыбы, в 1944 г. — 104 ц, в 1945 — 122,5 центнера.

В связи с товарностью колхозного производства следует коснуться вопроса о развитии новых отраслей сельского хозяйства в колхозах Оленекого и Анабарского районов. В 1936—1937 гг. колхозы имени Чкалова, «Путь Ленина» завели у себя молочные фермы на 10—15 г

⁶ Газ. «Социалистическая Якутия» от 16 марта 1941 г.

лов, а колхоз имени Кирова свиноводческую ферму. Однако попытка разведения крупного рогатого скота и свиней не дала желательных результатов. Фермы оторвали от охоты и оленеводства значительное число людей. Для ежедневного обслуживания к фермам были прикреплены по два-три хозяйства, в летние месяцы для заготовки сена приходилось выделять значительное число колхозников. Но так как местное население не владело техникой сенокосения, то в помощь своим бригадам колхозы были вынуждены приглашать рабочих и служащих из поселков — выходцев из южных скотоводческих районов. Из Вилюйских районов на оленях через торговую сеть приходилось завозить концентраты. Еще сложнее обстояло дело с подкормкой скота, а также свиней сочными кормами зимой и весной. Пытаясь выйти из затруднения, в колхозе имени Кирова стали подкармливать свиней рыбой, что ухудшило качество мяса. При всех этих трудностях мелкие животноводческие фермы не могли себя оправдать. Не имея свободных рабочих рук, так как большинство колхозников занято обслуживанием основных отраслей хозяйства — охоты и оленеводства, колхозы Оленекского, Кирейского, Джелидинского наслегов не имеют возможности перейти к созданию более крупных ферм. В настоящее время колхозы этих наслегов пришли к выводу о нерентабельности сохранения мелких животноводческих ферм. Колхозы имени Кирова, имени Чкалова их ликвидировали и сосредоточили свое внимание на основных товарных отраслях производства, что благоприятно сказалось на их бюджете. Несколько иначе был решен вопрос о разведении рогатого скота в Шелогонском наслеге. поголовье оленей в этом наслеге значительно меньше, чем в остальных оленекских колхозах. Стадо оленей шелогонцев не откочевывает в тундру, охота развита главным образом пушная. Наконец, у части шелогонцев имеется опыт разведения рогатого скота и заготовки сена. В связи с этим животноводческая ферма при колхозе «Красная заря» на 100 голов не является балластом в колхозном производстве, хотя свой основной доход колхоз получает от охоты и оленеводства.

Более удачен опыт применения в колхозном производстве в Оленекском и Анабарском районах лошадей. Выше уже говорилось, что летние перевозки на оленях крайне невыгодны. В поселках летом перевозят на оленях в бочках волоком воду, дрова, кирпичи, бревна. Оленей, использованных летом на таких работах, обычно выбраковывают. При наличии двух-трех лошадей каждый колхоз может избежать невыгодного использования оленей в поселках в летнее время, отчасти заменить оленей на летней перевозке почты. Следует отметить, что использование оленей в поселках становится все более затруднительным, так как моховища около поселков быстро истощаются.

Лошади используются в настоящее время в пос. Оленек, Саскылах, центре колхоза имени Кирова. Заводят лошадей как колхозы, так и районные организации.

Изменения в хозяйстве оленекских и анабарских якутов привели к появлению среди них совершенно новых профессий. В каждом колхозе появились свои пильщики, плотники, столяры. Строительство поселков, колхозных хозяйственных построек, потребность в усовершенствованных песцовых ловушках, больших лодках привели к выделению этих профессий. В колхозах появились и новые производства. Каждый колхоз в настоящее время изготавливает для своих нужд кирпичи, колхозы имени Чкалова, имени Папанова выделяют специальные бригады для лесосплава в низовья рек. Колхозом имени Сталина производится и более выгодный сплав разобранных готовых домов.

В новых условиях изменились и привычные занятия. Введение сроков для пушной охоты потребовало от охотников собранности, дисциплины, всемерного использования времени для выполнения планов. Вы-

соко ответственным стало окарауливание оленей. Охрана стад производится круглосуточно, по сменам.

Говоря о хозяйстве, нельзя обойти молчанием почтовую связь и радио. Почтовые тракты пересекали Оленек и Анабару и в XIX в., местное население обслуживало почтовые станки, но почтой само население не пользовалось и не чувствовало в этом никакой потребности. В настоящее время почта широко используется колхозами для связи районными организациями, с удаленными бригадами. Почтой пользуются и сами колхозники. Столь же широко в условиях огромных пространств Оленекского и Анабарского районов используется радио-телеграфная связь.

Большинство анабарских и оленекских якутов никогда не видели паровозов и поездов, автомашин, но авиатранспорт не является для них редкостью. На самолетах во время распутицы, а также летнего бездорожья перевозят в Якутск невывезенную из районов пушнину, заготовленные срочные грузы (медикаменты, чай, табак, охот-боеприпасы), почту и литературу.

За годы советской власти установились прочные связи между якутами в прошлом потребительским хозяйством оленекских и анабарских якутов и народным хозяйством Якутской АССР. Свою борьбу за выполнение планов пушнозаготовок, планов развития общественного животноводства население не отделяет от общей борьбы всей Якутской республики за выполнение государственных планов. Социалистическое соревнование между бригадами, колхозами, наслежными советами и районами способствует укреплению ответственности за свой труд, осознанию как части созидательной работы всего советского народа. На митинге посвященном вручению Оленекскому району переходящего Красного Знамени республики за перевыполнение плана пушнозаготовок (1942 г.) в своих выступлениях лучшие охотники — В. Николаев, Н. Убояков заявили, что они понимают, что трудятся на благо своего социалистического государства.

Осознание связи своего существования с существованием Советского государства, чувство патриотизма ярко проявились в годы Великой отечественной войны. Лозунг ЦК ВКП(б) «Отдадим все силы на поддержку фронта, на разгром врага. Все для фронта» нашел горячий отклик в сердцах населения даже самых далеких окраин Якутской АССР. Развернувшимся социалистическим соревнованием за перевыполнение плана пушнозаготовок уже летом 1941 г. были охвачены все 5 наслежных советов, все 6 колхозов Оленекского района. В соревновании включились все бригады и охотники. За лето колхозники построили 360 новых пастей и отремонтировали 2070 старых⁷.

Развернулось движение по сдаче оленей, денег, ценностей и облигаций в фонд обороны. Колхозники отчисляли трудовые на строительство колонны танков «Советская Якутия», эскадрилий самолетов.

За октябрь, ноябрь, декабрь 1941 г. планы добычи пушнины были перевыполнены и в Оленекском и в Жиганском районах, 7 бригад Усть-Оленекского наслега Булунского района выполнили план за эти три месяца на 150%⁸. В I квартале 1942 г. Оленекский район добился наилучших показателей по пушнозаготовкам по всей Якутской республике. Оленекский район выполнил план на 227,9%⁹. Молодежная бригада В. Н. Иванова выполнила четыре промысловые нормы. Знаменитый охотник Лука Христофорович Христофоров выполнил шесть норм. Бригада молодежи во главе с комсомолкой М. Д. Ивановой выполнила четыре нормы. Комсомольцы-охотники Оленекского района стали ведущим отрядом пушнозаготовителей Якутской АССР. По их почи-

⁷ Газ. «Социалистическая Якутия» от 29 января 1942 г.

⁸ Газ. «Социалистическая Якутия» от 2 декабря 1941 г.

⁹ Газ. «Социалистическая Якутия» от 29 января 1942 г.

ноябрь 1942 г. был объявлен фронтовым месяцем пушнозаготовок по Якутии¹⁰. За 1942 г. Оленекский район по пушнозаготовкам занял первое место в республике и получил переходящее Красное знамя СНК ЯАССР.

Быстрыми темпами развивалось и оленеводство. План поголовья оленей по Оленекскому району (17 430 голов) на 1 января 1943 г. был перевыполнен. По размерам поголовья Оленекский район занял третье место в Якутской республике после Нижне-Колымского и Булунского районов. Следует отметить, что в Оленекском районе преобладают рослые таежные олени, пригодные к использованию в южных районах Якутии.

В 1944—1945 гг. Оленекский район помог организации оленесовхозов в Джугжуре и по Алдану.

Население далекого Оленекского района в период Отечественной войны ни на минуту не забывало о фронте. Особенно широкий размах в Оленекском районе принял сбор теплой одежды для Красной Армии. Колхозники и служащие сдавали целые комплекты теплых вещей (кухлянки, шапки, ватные брюки, торбоза, меховые чулки, рукавицы). Активное участие в сборе теплых вещей для фронта приняли школьники, они развернули также сбор лома, агитировали за сдачу ценностей, серебряных украшений.

Субботники с последующей сдачей заработанных средств в фонд обороны, воскресники по добыче пушнины в этот же фонд дополнялись многочисленными подарками и посылками бойцам и офицерам героической Красной Армии.

С глубоким волнением слушали оленекские колхозники в январе 1943 г. текст телеграммы товарища Сталина трудящимся Якутии, чувствуя, что и к ним относятся приветственные слова вождя.

«Передайте трудящимся Якутской Автономной Советской Социалистической республики,— писал товарищ Сталин,— собравшим, кроме внесенных ранее 32 151 тыс. рублей, 42 334 тыс. рублей облигациями, золотом и серебром, дополнительно 5006 тыс. рублей на строительство танковой колонны «Советская Якутия»,— мой братский привет и благодарность Красной Армии»¹¹.

Одним из важнейших рычагов социалистической реконструкции культуры и быта якутов является школьное образование. В условиях северо-запада Якутской АССР роль школы не исчерпывается учебно-воспитательной работой, школы не только дают основы грамотности, прививают нормы общественного и личного поведения в духе социализма, но во многом выполняют роль семьи. Так как родители, занятые на промысле, обычно кочуют в значительном отдалении от поселков, то большинство учащихся живет в интернате. Интернаты имеются при всех школах. Поступая в школу семи лет, дети уже в интернате получают навыки элементарной гигиены, научаются чисто умываться, пользоваться постельным бельем, следить за своим внешним видом. Следует отметить, что всего еще десять-пятнадцать лет назад семья не могла дать им таких навыков.

В 1934 г. на Оленекскую культбазу приехали три учителя. Около полугода они провели в стойбищах, разъясняя родителям пользу ученья и учитывая детей школьного возраста. В конце 1934 г. были открыты три начальные школы в Усть-Джелинде (29 учащихся), в Кибрее (16 человек), на Оленекской культбазе (20 человек). При всех школах были основаны интернаты.

Первые годы школы работали в малоприспособленных для этого помещениях. Джелидинская школа, например, помещалась в юрте. Уча-

¹⁰ Газ. «Социалистическая Якутия» от 3 ноября 1942 г.

¹¹ Газ. «Социалистическая Якутия» от 26 января 1943 г.

щиеся сидели за столом, так как не было парт. Учебники и карандаши для учащихся были привезены лишь в середине первого учебного года. В интернатах не хватало кроватей. Однако к 1936 г. положение изменилось. Типовая школа с интернатом была построена в пос. Оленек. Третий интернат был построен в пос. Джелинда. В здании этого интерната разместились и классы. В пос. Кирбей школе было предоставлено лучшее помещение — дом наследного совета. По образцам завезенных парт и классных досок была изготовлена школьная мебель для школ района. Школьные библиотеки пополнились необходимой учебной литературой. В 1946 г. в Оленекском районе работали школа-детский лагерь в пос. Оленек (220 учащихся, из них в интернате жило 150 человек), начальные школы в пос. Джелинда, Сухана, Кирбей, Шелом. В Анабарском районе в 1946 г. в пос. Саскылах работала семилетняя школа, в поселках Анабар и Джесей работали начальные школы. И в Оленекском районе, большинство учащихся здесь жило в интернатах.

Значительно увеличилось и число учителей. Если в 1934 г. в Оленекском районе работали три учителя, то в 1946 г. их было уже 22. Значительно сократился процент учителей без педагогического и законченного среднего образования. В 1946 г. в Оленекском районе работали два учителя без среднего образования, три — с высшим образованием, остальные закончили Вилюйское или Якутское педагогическое училище. Быстрый рост школьной сети позволил уже в 1939 г. охватить обучением всех детей школьного возраста и многих переростков, запоздавших с поступлением в школу, так как школ в районе до 1934 г. не было.

Съезд детей в школы и сейчас значительное событие в районе. В середине августа уполномоченные наследных советов и правлений колхозов объезжают дальние бригады и стада и доставляют детей на сборные пункты. Отсюда в сопровождении проводника дети направляются в школы. Несмотря на организованный сбор учащихся, нередко случается, когда дети запаздывают к началу занятий на полтора-два месяца, так как не могут выехать из дальних бригад.

Осуществление всеобщего обучения и открытие VIII—X классов (1943) потребовали от педагогического коллектива Оленекской школы значительного напряжения в работе. Помещение школы оказалось недостаточным даже при двусменном обучении (два класса были размещены в клубе). Под интернаты было выстроено дополнительно три дома (1943, 1944 гг.). Оленекская школа была достроена по инициативе колхозов своими средствами. Колхозы «Красная заря», «Путь Ленина», имени Чкалова, имени Сталина выслали на строительство своих плотников, обеспечили стройку транспортом. В 1944 г. школа была достроена.

Несмотря на хозяйственные и учебные затруднения (перегрузка учителей, отсутствие у учащихся старших классов учебников, затрудненность освещения), в 1946 г. в Оленекской школе состоялся первый выпуск учащихся, окончивших полную среднюю школу. Следует отметить, что не все предметы усваиваются учащимися легко. Учащиеся никогда не видели овощей, фруктов, домашней птицы, баранов, коз. Представления о южной природе, современном транспорте, городских зданиях и т. д. остались бы у них весьма смутными, если бы не кино. То, что удалось с трудом разъяснить в течение нескольких уроков географии, прекрасно усваивалось в течение одного сеанса в кино.

Переход от преподавания на родном языке в I—VII классах к преподаванию на русском языке в VIII—X классах оказался затруднительным только в первое время. Успешному усвоению программы начальными и средними школами учащимися бесспорно содействуют благоприятные условия, созданные в большинстве интернатов для занятий, режим, выделение определенных часов для приготовления уроков под руководством воспитателей — обычно педагогов.

Наличием интернатов, где дети находятся на полном государственном обеспечении, объясняется относительно более высокая успеваемость учащихся в северных районах в сравнении с якутскими школами центральных районов, где интернатов нет.

Во всех виденных нами школах Оленекского и Анабарского районов большую работу по воспитанию навыков общественного и личного поведения учащихся в духе социалистической этики, по развитию самостоятельности проводили пионерские и комсомольские организации. Пионерские сборы, сопровождаемые выступлениями художественной самостоятельности, проходят обычно в присутствии зрителей со всего поселка.

Школы заняли прочное место в жизни оленекских и анабарских якутов. Любопытно отметить, что многие наследные центры населения в разговоре просто именуют «школа», так как школа — самое многолюдное и значительное учреждение в таких поселках. Польза школ ясно осознается большинством населения¹². «Почему вы меня не отдали в школу? — обратился при нас В. Кириллов к своим приемным родителям, — ведь любили, уши проткнули, от чорта берегли, а образования получить не дали»¹³.

В условиях Крайнего Севера школы оказывали и продолжают оказывать немалое влияние и на взрослых. Через интернаты распространились навыки употребления городской одежды, представления о необходимости стирать одежду, употреблять индивидуальную посуду¹⁴. Через учащихся до старшего поколения стали доходить основы наук, преподаваемые в школах, ломая первобытные анимистические представления населения об окружающей природе.

Однако распространение просвещения среди взрослых шло в основном по другим каналам. Вместе с организацией школ для детей в 1934—1935 гг. в поселках Оленекского района были созданы 4 вечерние школы ликбеза. Летом, во время школьных каникул, учителя выезжали в тундру и здесь организовывали кочевые школы ликбеза, работавшие в две-три смены. К ликвидации неграмотности был привлечен весь районный актив, вся наследная интеллигенция. Напряженная систематическая работа в этой области дала свои результаты. В 1941 г. Оленекский район первым в Якутской АССР закончил ликвидацию неграмотности. VI сессия Оленекского райисполкома с гордостью засвидетельствовала, что Оленекский район стал районом сплошной грамотности. В период с 1935 по 1942 г. было обучено грамоте 704 человека взрослых. С научившимися читать и писать началась более углубленная работа в школах для малограмотных. Навыки чтения, письма, устного счета не остались мертвым грузом. Отъезжающие в стада, направляющиеся в дальние бригады уполномоченные везут не только продовольствие и боеприпасы, но и письма, записки, газеты, книги и брошюры. Газеты и книги на якутском языке вошли в быт населения. Газету «Кыым» можно найти не только в районном центре, выписывают ее и колхозы и отдельные колхозники. Интерес к газете объясняется не только умением читать, но и расширившимся кругозором населения. Нам лично приходилось наблюдать, как сообщения о событиях на фронте, вести о трудовых успехах строителей, колхозников встречали горячий отклик в среде населения.

Успехи просвещения позволили осуществить указание товарища Сталина: «Приблизить Советы к массам, сделать их национальными по

¹² Помощь школе и учителям дровами, субботники по обледенению снегом школьных зданий в начале зимы стали традицией.

¹³ В. Кириллов (Васильев) был усыновлен бездетными супругами Кирилловыми. Уши ему проткнули в детстве. Делалось это для того, чтобы чорт подумал, что перед ним девочка и не мог отыскать ребенка-мальчика.

¹⁴ Большую роль на первых этапах проведения культурно-просветительной работы среди населения сыграло показательное комплексное учреждение — Оленекская культбаза.

составу и насадить, таким образом, национально-советскую государственность, близкую и понятную трудящимся массам»¹⁵.

На руководящие должности в районные и наслежные советы выдвинуты лица из местного населения.

Так, в прошлом неграмотный охотник М. Харитонов был избран председателем Кирбейского наслежного совета и депутатом Верховного Совета ЯАССР первого созыва. Знатный колхозник-стахановец В. Николаев был избран председателем крупнейшего в Оленекском районе колхоза имени Кирова. В Анабарском районе председателем Джардальского наслежного совета был избран И. З. Дьяконов. Уже работавшие учителя из местного населения, окончившие педагогическое училище в г. Вилюйске. Подготовка местных кадров из оленекских и анабарских якутов ведется в фельдшерско-акушерской школе, сельскохозяйственной техникуме, горном, финансовом техникумах и других специальных средних учебных заведениях Якутска. В Якутском педагогическом институте и в высших учебных заведениях Иркутска обучаются первые выпускники Оленекской средней школы — Христофор Николаев, Христина Семенова, Алексей Тимофеев. И в самих Оленекском, Анабарском, Булунском районах функционируют курсы бригадиров-оленьеводов, межрайонные курсы для руководителей колхозов и счетоводов, курсы ветеринарных санитаров. Периодически организуются курсы для распространения стахановского опыта лучших охотников. Значительный подъем грамотности, расширение общего и политического кругозора среди руководящего актива колхозов позволили организовать в поселках Оленекской Саскылах школы партийного просвещения по изучению «Краткого курса истории ВКП(б)», переведенного на якутский язык. Несомненным свидетельством значительной политической зрелости населения является тот факт, что многие колхозники М. Харитонов, В. Батага, В. Н. Николаев, В. Софронов, Е. Иванов, А. Григорьев и другие вошли в члены ВКП(б).

Строительный рабочий Оленекской культбазы С. Боескоров (уроженец Вилюйского района), избранный членом райисполкома, работал в аппарате Оленекского райисполкома, а затем был избран председателем Оленекского наслежного совета, председателем колхоза имени Чкалова в 1945 г. выдвинут в заведующие районным земельным отделом.

Неотъемлемой частью социалистической культуры населения в бассейне рек Оленека и Анабары являются политико-просветительные учреждения: дома культуры, выросшие в районных центрах пос. Оленек, Саскылах, клубы и избы-читальни в наслежных и колхозных поселках Кирбей, Шелогоны, Кёх-Булун, Сухана. Для обслуживания населения во время летних перекочевов и отдаленных охотничьих бригад в Оленекском районе имеется красный чум с кинопередвижкой. В этом же районе работает шесть библиотек. Большой выбор книг имеется в Оленекской и Саскылахской районных библиотеках. Все эти учреждения способствуют повышению политического и культурного уровня населения, помогают ему с пользой организовать свой досуг. В клубах и избы-читальнях не только регулярно организуются беседы и доклады на актуальные политические темы, но проводятся беседы по объяснению природных явлений, лекции по медицинским, санитарно-бытовым и сельскохозяйственным вопросам. Большое значение для организации политико-просветительной работы имеет то обстоятельство, что большинство избачей является учителями, т. е. наиболее грамотными и подготовленными для ведения культурной работы людьми. Деятельность политико-просветительных учреждений особенно оживляется после окончания зимнего сезона и в темное время года (полярная ночь — декабрь-январь), когда охота временно прекращается и население съезжается

¹⁵ И. Сталин, Соч., т. 7, стр. 136.

поселки. К этому же времени приурочиваются открытие курсов, проведение общих собраний колхозников с отчетом правления и т. д.

Большие трудности приходится преодолевать культурно-просветительным организациям по развитию художественной самодеятельности населения. Большинство колхозников никогда не видели профессионального театра (Якутский областной театр обслуживает только центральные районы), не была среди населения развита и музыкальная культура. Организаторами самодеятельных драматических и хоровых кружков обычно являются учителя и школьники. Ставятся якутские одноактные пьесы, посвященные современной тематике или эпизодам из гражданской войны. В помещении «Дома социалистической культуры» в пос. Оленек существует хорошо приспособленная для постановок сцена с занавесью, суфлерской будкой, помещением для оркестра. В пос. Саскылах и наслежных поселках постановки и конкурсы происходят в школах. Костюмы и декорации готовят сами кружковцы. К концертам обязательным номером является выступление хора. Успехом у зрителей пользуются танцевальные номера. Творцами танцев являются обычно сами исполнители. Танцы представляют собой ритмические движения, заимствованные из русской пляски и матросских танцев („яблочко“). Несмотря на любительский характер спектаклей и концертов, они неизменно проходят при стечении всего населения, имеющегося в поселках. Огромный интерес вызывают у населения кинокартины¹⁶. Весть о привозе новых кинокартин быстро разносится по поселкам и бригадам. Заслуженной любовью у населения пользовались картины «Чапаев», «Юность Максима», «Валерий Чкалов». Многие смотрели их по нескольку раз. К сожалению, лишь на немногих кинокартинах сделаны якутские пояснительные надписи. Поэтому зрители вынуждены пользоваться переводом учителей или районных работников, владеющих русским и якутским языками. Нужно видеть, с каким восторгом население наблюдает мчащиеся поезда, автомашины, шумные городские улицы, высокие здания, стройки, работу тракторов. Можно с уверенностью сказать, что кино прочно вошло в быт населения.

Клубы, дома культуры способствуют распространению и музыкальной культуры. На балалайках, гитарах играют школьники, молодежь, учителя. Под оркестр из нескольких балалаек на вечерах в клубах и школах устраиваются танцы. Йоخر — якутский национальный танец — организуется только на открытом воздухе, летом.

Получило распространение и хоровое пение, ранее, по словам населения, не известное им. В песенный репертуар молодежи проникло в настоящее время много советских песен: «Катюша», «Широка страна моя родная», песни из советских кинофильмов. Исполняются эти песни несколько монотонно, слова поются по-русски. Большую роль в распространении новых песен играют школы. Молодые колхозники, колхозный актив, заезжая в поселки, переписывают понравившиеся песни со слов учителя или учащихся старших классов в тетради-песенники. Большой популярностью пользуются якутские колхозные частушки. Как правило, современные песни проникают к северным якутам со значительным запозданием. Наряду с новыми песнями молодежь поет и старые песни: «Во саду ли, в огороде девица гуляла», песни первых лет советской власти.

Важнейшим составным элементом социалистической культуры населения является письменность и литература на родном языке. Широкой известностью пользуются произведения национальных якутских поэтов и писателей — Кулаковского, Кюндэ, Абагинского, Элля, Васильева и

¹⁶ В пос. Оленек и Саскылах имеются звуковые киноустановки и звуковые кинопередвижки, для обслуживания населения в тундре при красном чуме имеется немая кинопередвижка.

других. Получили известность и произведения русских классиков Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова в переводах на якутский язык. Особой любовью пользуются романы Горького «Мать» и Н. Островск «Как закалялась сталь». Посредством газет, книг, журналов¹⁷ литературный якутский язык проникает в быт населения, вытесняя местные особенности говора. Этому же способствует школа, вырабатывая у учащихся литературный якутский разговорный язык.

В поселках, на собраниях, в учреждениях даже малограмотные стараются говорить, не употребляя местных оборотов речи, считающих нелитературными.

Нельзя не указать, что словарный запас населения обогатился значительным числом новых слов и понятий, главным образом социальными, политическими, техническими и бытовыми. Такие термины-понятия, как социализм, коммунизм, коллективизация, социальное соревнование, колхоз, совхоз, совет, бригада, ферма, фронт, мотор, радио, электричество и многие другие вошли в язык населения в своей русской форме.

Население осознает огромное значение русского языка как средства связи с русскими. Через школу (преподавание русского языка начинается в первом классе) и главным образом посредством живого общения с русскими рабочими, специалистами, учителями русский язык усваивается населением.

Вместе с русским языком более глубоко усваиваются кино-картинки, русские песни, богатое литературное наследие русского народа и советская русская литература.

Несомненным прогрессом является реалистическое восприятие окружающей природы, распространившееся понимание ее законов и пробудивший интерес к этим вопросам. «Отец меня спрашивал, почему разные люди, бывают белые и желтые, говорят, и черные. Как это объяснить?» — задал мне вопрос Д. Бенчик после летних каникул. «Откуда первые животные взялись, меня в тундре спрашивали» (Н. Иван, VII класс). Во время экспедиции в Кирбейском наслеге к нам обратилась группа колхозников с достаточно замысловатым вопросом: «В школах учат, дети говорят, что людей раньше мало было и производили люди от обезьяны, а ты подумай, ведь у каждого человека есть отец и мать, у тех тоже были и т. д., значит, больше было людей когда-то»¹⁸.

Следует отметить, что распространение положительных знаний и укрепление атеистических представлений в некоторой степени было облегчено тем, что поверхностно усвоенные христианские представления (вернее, внешняя обрядность) стали забываться уже в 20—30-х гг., шаманские верования, во всей своей полноте известные лишь незначительному числу лиц, также стали быстро исчезать после того, как прекратилось воздействие шаманов на население.

Большое значение в современной жизни населения имеют медицинские учреждения. До 1934 г. во всем бассейне Оленека и Анабары не было ни одного медицинского пункта¹⁹.

В 1933—1934 гг. при строительстве больниц некоторые лица из местного населения под влиянием шаманов высказывали опасение, как бы от этого не распространились заболевания. На собрании населения Джелиндинского наслега, обсуждавшем вопрос о строительстве больницы и школы, двое из присутствовавших высказались против строительства, мотивируя это тем, что скопление больных приведет к распространению

¹⁷ На якутском языке издаются журналы «Хотугу сулус», «Ленин суола».

¹⁸ Если бы я не встречался с этим вопросом раньше, то доступно ответить на него было бы не легко. Большой интерес проявляет население к истории якутов. На нашу лекцию, посвященную этому вопросу, в пос. Оленек пришло много колхозников, весьма слабо знавших русский язык.

¹⁹ В пос. Усть-Оленек заезжали фельдшеры с парходами.

болезней. Тем не менее большинство собрания одобрило строительство²⁰.

В настоящее время в пос. Оленек и Саскылах основаны врачебные пункты — больницы на 10—12 коек и амбулатории при них. Во всех населенных центрах основаны фельдшерские пункты (они же родильные дома). На время откочевок стад в тундру организуются передвижные фельдшерские пункты. В тяжелых экстренных случаях из Якутска высылается санитарный самолет.

Примером отношения населения к лечебным заведениям может служить следующий эпизод. В наследном центре — пос. Кирбей, расположенном относительно близко от пос. Оленек (150 км), до 1944 г. не было фельдшерского пункта. На открытии его настояло само население, посылая через наследный совет и колхоз многочисленные просьбы в райздрав и райсовет. Для медицинского пункта правление кирбейского колхоза «Путь Ленина» предоставило помещение и топливо.

Больницы и фельдшерские пункты завоевали доверие населения, преодолели шаманские представления о болезнях²¹.

Ни у молодого, ни у старшего поколения в настоящее время нет предубеждений против медицины.

Характерно, что бывший знахарь Христофоров Чомпо, бывший шаман М. Григорьев, считавший себя сведущим в медицине брат шамана Спиридона — Федор Герасимов — сами обращались к врачу и следовали его советам.

Нам неоднократно приходилось видеть, как женщины специально приезжали в поселки, чтобы родить под наблюдением врача или фельдшера.

Следует также упомянуть о санитарных мероприятиях. До основания Оленекской культбазы население не имело понятия о банях. И хотя мытье в банях и стрижка волос — новое явление в быту анабарских и оленекских якутов, не только в наследных, но и во всех колхозных поселках завершено строительство бань и дезкамер. В них моются, хотя некоторые старики и старухи и не преодолели неприязни к этой процедуре. Регулярно посещают бани школьники, молодежь, колхозный актив. Для того чтобы бани вошли в быт, фельдшеры, учителя и госсанэпидемстанции провели большую разъяснительную работу. В обязанности обслуживающего персонала бани вменяется обход и приглашение в бани всех проживающих в поселках. Рассылались и письменные приглашения и повестки.

Средством проведения культурного досуга молодежи стал также спорт. Весной по всем наследам проводятся спортивные соревнования по лыжам, ко «дню оленевода» приурочиваются оленьи бега, летом проводятся соревнования по стрельбе. Получила широкое распространение среди взрослых игра в волейбол. В поселке Оленек молодежь обогатилась физкультурной площадкой и стадион.

Социалистическое строительство, новые материальные условия существования, огромная культурно-просветительная работа разрушили бытовавшие веками архаические представления населения об окружающей природе, рассеяли страхи, внушенные шаманами.

Из того нового, что появилось в мировоззрении населения, следует прежде всего отметить расширение умственного кругозора, осознание связи своего нового существования с существованием Советского госу-

²⁰ По устному сообщению секретаря Оленекского РК ВКП(б) С. В. Данилова. По его данным, аналогичные «опасения» высказывались кулацкими элементами и при строительстве радиостанции. «Если будем слушать, что говорят во всех поселках до утра, то все болезни, какие там есть, к нам придут».

²¹ Рабочий школы Лабысахов рассказывал нам как анекдот, что, когда он собирался ехать на лечение, один из стариков посоветовал ему испытать «дьябылы» — гонимые злого духа криком без шаманского обряда. Рассказ об этом вызвал смех окружающих.

дарства. Бесспорно новыми являются и понятие о государстве и представление о гражданском долге перед социалистическим отечеством. Появился новый взгляд на женщину, признающий за ней права, равные с мужчиной. Это выразилось прежде всего в появлении женщин-охотников и даже бригадиров. Успехи молодежной бригады охотников колхоза за «Красная заря», руководимой М. Д. Ивановой, получили известность и за пределами Оленекского района. Однако всего 10—15 лет назад охотники не только прятали от женщин орудия лова, но и избегали разговаривать при женщинах об охоте. Ряд традиционных женских работ перестал женщинами признаваться таковыми. Так, при нагуживании каравана оленей (навьючивание считалось женским делом) мне пришлось слышать, как женщины прикрикнули на сопровождавшего караван Арсена Давыдова, лишь наблюдавшего погрузку: «Ну, работай! Почему сидишь? Ведь в колхозе все равны, не правда ли?».

Хотя в семье женщины выполняют все те же работы, которые выполняли и раньше, но положение женщины в семье изменилось. Отошли в область преданий ранние браки, принуждение к замужеству калымом. Весьма характерно ответил на наш вопрос И. Дмитриев (длиндинский колхозник) о том, что предполагает делать его дочь, окончившая семь классов. «Она теперь себе начальник. Ведь дети теперь больше нас знают. Судьбу свою сами устраивают. Сулу и курума (часть калыма) теперь не платят. Меня почему спрашиваешь?»

Культурный прогресс оленекских и анабарских якутов не является изолированным явлением. На основе укрепления политических, экономических и языковых связей между замкнутыми в прошлом группами якутского народа складывается якутская национальная культура, социалистическая по содержанию.

Образование этой культуры идет по пути обогащения общезакутского литературного языка, расширения хозяйственных взаимоотношений, обмена культурным наследием, выработанным отдельными локальными группами якутского народа. Так, хозяйственный опыт северных якутов в области оленеводства и охоты, вместе с продвижением оленеводства на юг, распространяется и среди якутов центральных районов. Накопленный якутами центральных районов богатейший опыт разведения рогатого скота в условиях севера проникает в ряд районов обитания якутов-оленьеводов, где по климатическим условиям возможно разведение рогатого скота. Прекрасный фольклор якутов-скотоводов (оленьеводов) и литературные произведения писателей якутов, выходцев из центральных улусов, усваиваются периферийными оленеводческими группами якутов, в том числе оленекскими и анабарскими якутами. Интенсивный процесс формирования прочной культурной общности на огромной территории расселения якутов определяет дальнейшую судьбу мелких этнографических групп якутов-оленьеводов на севере, северо-западе и северо-востоке Якутии.

Всестороннее культурное и экономическое сближение якутов-оленьеводов с основной массой якутов так же, как и сближение между собой прочих групп якутского народа, знаменует собой процесс консолидации якутской социалистической нации.

Это стало возможно лишь благодаря победе социализма в нашей стране. Именно «этот период,— как указал товарищ Сталин,— создал благоприятную обстановку для возрождения и расцвета наций, ранее угнетавшихся царским империализмом, а ныне освобожденных социалистической революцией от национального гнета»²².

Подъем материального благосостояния северных якутов-оленьеводов, столь стремительное движение от отсталости к прогрессу, от темноты и невежества к культуре, стали возможны только благодаря длитель-

²² И. Сталин, Соч., т. 11, стр. 345.

ной, бескорыстной помощи русского народа. «Ряд республик и народов,— говорил товарищ Сталин,— не прошедших или почти не прошедших капитализма, не имеющих или почти не имеющих своего пролетариата, отставших ввиду этого в хозяйственном и культурном отношении, не в состоянии полностью использовать права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне»²³.

Социалистическое строительство на северо-западе ЯАССР, возрождение отсталых окраинных групп якутского народа, приобщение их к социалистической культуре, к строительству коммунистического общества — один из примеров разрешения национального вопроса советской властью, пример применения в условиях Крайнего Севера принципов национальной политики, разработанной И. В. Сталиным.

²³ И. Сталин, Соч., т. 5, стр. 188

Г. М. ВАСИЛЕВИЧ

ЭВЕНКИ — ПОЭТЫ И ПЕРЕВОДЧИКИ

Великая Октябрьская социалистическая революция и национальная политика партии и правительства открыли широкую дорогу развитию национальной по форме и социалистической по содержанию культур народов нашего Союза, в том числе и наиболее отсталых народов Севера.

Вслед за ликвидацией белых колчаковских банд в тайге началось советское строительство. Государственная и кооперативная торговля освободила эвенков от многолетней кабалы купцов и торговцев «тунгусников». Почти одновременно с этим началось и культурное строительство: открылись школы-интернаты, культурные базы. В 1925 г. в Ленинград на северном отделении рабфака Ленинградского государственного университета впервые начали учиться представители разных народов Севера, в том числе и эвенки. Годом позже открылся техникум народов Севера в Хабаровске. Поток представителей северных народов, направляемых на учебу из разных уголков тайги и тундры, рос ежегодно. Северное отделение, начавшее с рабфака, в 1930 г. превратилось в Институт народов Севера. Эвенки, никогда не мечтавшие о письменности на родном языке, в 1928 г. во время каникул развезли по тайге первую азбуку на родном языке¹, а с 1931 г. широким потоком начала регулярно выпускаться различная литература (учебная, переводная, политико-просветительная и художественная). В 1935 г. появилось первое оригинальное произведение эвенка-поэта Алексея Салаткина-Лонтоги. Это было толчком к развитию оригинальной литературы. Создателей национальной литературы были эвенки — учащиеся Ленинграда и других городов (Якутск, Хабаровск).

Путь становления национальной литературы был нелегким, но, преодолевая все трудности, эвенки, не останавливаясь, шли вперед. Некоторые моменты становления поэтов и переводчиков представляют интерес и в общем плане развития национальной культуры. Появление поэтов, которые до Ленинграда не выезжали из тайги дальше поселка со школой и большую часть жизни провели в тесном общении с природой, кочуя за зверем одной-двумя семьями, представляет особый интерес.

Базой для творчества послужили: социалистическое строительство, в корне меняющее окружающую действительность, знание своего фольклора, ознакомление с русской классической и советской литературой (Пушкиным, Горьким, Некрасовым и др.) и углубляющаяся любовь к ней, любовь и знание природы, картины которой изображались в импровизациях, свидетельствовавших об остром чувстве ритма и поэтичности восприятия ее.

Известно, что для эвенкийского песенного фольклора характерна импровизация, передающая картины быта, природы — окружающую человека жизнь. Мотив, на который импровизируется песня, состоит из двух-трех слов, не переводимых из современного языка и уходящих своим

¹ Азбука. Сост. Г. М. Василевич, Л., 1928. Стеклогр. отпечаток на правах рукописи.

происхождением в глубокую древность². Эти мотивы (так же, как и определенный мотив орнамента, гамма цветов), не говоря о других признаках, были характерны для древних племен. Они пережиточно сохранились и теперь: эвенки четко различают «свой язык» (диалект), «свои мотивы» — мотивы песни-импровизации, орнаменты и любимые цвета, противопоставляя себя соседним группам; например, на востоке Бута противопоставляют свой комплекс Мокогирскому (восточные соседи), Буягирскому (южные соседи) и Чакигирскому (западные соседи)³.

Тонкое чувство ритма у эвенков проявляется не только в песне, оно видно и в орнаменте и в других элементах народной культуры. Еще в 1925—1927 гг., когда разговоров о письменности не было, лично мне в моих поездках пришлось столкнуться с таким фактом: мои проводники дорогого «сочиняли» песни на свой мотив, но с новым содержанием. Некоторые из них были помещены в первых учебниках. Эти песни понравились и начали жить: их пели, изменяли, записывали, и уже в 1935—1936 и 1947—1948 гг. первые песни, которые мне сообщали эвенки, были вариантами песен, попавших к ним через книгу. Эти же песни были образцом для сочинения первых песен-стихов в студенческой среде. Приведу пример одной из любимых песен о женщине. Это первый вариант, сочиненный группой моих тунгирских проводников по инициативе С. Герасимова в 1929 г:

Ноноптылду тар аннганилду
Экуна-кат энгкив сарэ
Дялавдуви, дялавдуви.
Окин-кат энгкив улгучэнэ,
Бээнги хававан хавалдянгкив
Ургэмкурэ, ургэмкурэ.
Эткэн советнги власть очалан
Асинги турэн улталлан
Урэлдули, урэлдули.

В прежние те годы,
Ничего не понимала
В уме своем, в уме своем.
Никогда не разговаривая,
Мужскую работу выполняла
Тяжелую, трудную.
Теперь советская власть настала,
Слово женщины раздалось
По тайге, по тайге.

Вариант, записанный от учурско-алгоминских эвенков в 1947 г., в исполнении А. Лехановой-Буягир:

Дэвэр дэгэ дэвэхэйдэ!
Дэвэйдэвэр икэдегэт!
Ноноптыял аннганилду
Экуды-да урувсие⁴
Энгкив садекурэ.
Эткэптыел аннганилду
Эвикэрбэр эвилгэт!
Дэвэр дэгэ дэвэхэйдэ!
Икээнгэлду икэдегэт,
Дюлэсикир кунгакар,
Эдугукин дюлэскэки
Бинниевэр аянгускат!
Ленин, Сталин гуннфэлвэн

Дэвор дэго дэвохойдо!
Давайте петь свою дэво!
В прежние годы
Никакой радости
Я совсем не знала.
В теперешнее время
Мы в игру-хоровод давайте играть!
Дэвор дэго дэвохойдо!
На распадках петь давайте!
Передовые ребята,
Сейчас и в будущем
Мы свою жизнь украсим!
Заветы Ленина и Сталина

² См. музыкальные строки, записанные на ноты: Е. И. Титов, Материалы по устному народному творчеству эвенков Прибайкалья. Сборник «Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору», Л., 1936, стр. 214; Е. Н. Широкогорова, Народная музыка в Китае, там же, стр. 284—285; В. Стещенко-Куфтина, Элементы музыкальной культуры палеоазиатов и тунгусов, «Этнография», 1930, 3, стр. 88—90.

³ См. записи разных мотивов одной песни, Фонограммархив Института истории русской литературы АН СССР, колл. 4044, 2—3.

⁴ Слово *урувсие* образовано от корня *урун* — радоваться: *урувси* — 1) радость; 2) радостный. Его не следует путать с корнесловом *эру* — зло, печаль, плохой, и производным *эрупчу* — печальный, плохой. Это корнеслово (*эру*) в говорах, имеющих губное притяжение (изменение негубного гласного в губногубной), звучит *уру*, *урупчу*.

Аямамат дялудягат!
Дялакая кунгакая,
Дялардувар илилгат!

Давайте выполним хорошенько!
Молодые ребята,
Давайте встанем в круг!

Вариант, записанный от тындинско-зейских эвенков в 1947 г.,
исполнении А. Федотовой-Буллэ:

Ноноптыял аннганилду
Экуна-кат энгкив сарэ.
Амтыялби, энтыелби
Энгэхидитын нгэнэденгкив.
Кунгакая аннганилду
Элэкэсмэ татыгалчав
Таркукунду Тындаяду
Араснэй догосолюн
Эвиденэ, икэденэ,
Хунгтумэлчэлвэ салингкив.

В прежние годы
Ничего не знала.
Отцовской, материнской
Силой замуж выходила.
Б детские годы
Впервые начала учиться
В большом поселке Тынде.
С разными товарищами
Играя и поя,
Я многому научилась.

Колхосъяду колбодёнол,
Хунтутэнэл хаваалду
Хавалдынал бидедерэв.
Колхосъявар хаваяван
Иллэдувэр дялудянал,
Дяландувар хавалдынал.
Дюлэскэки нгэнэдерэв.
Догосоёл, догосоёл,
Дюлэскэки нгэнэдегэт!

В колхоз объединившись,
На разных работах
Работая, мы живем.
Колхозными работами
Мы целиком прониклись,
Бригадами работая,
Вперед идем.
Товарищи, товарищи,
Вперед пойдем!

Вариант песни-стихотворения, сочиненный поэтом А. Платоновым в
1938 г.⁵:

Тэгэмэрфе энгэсиен
Тэкэндукин ачин оран
Тэдемэкэн биниелты
Тэрэнгевэ будечэн.
Ноноптылду аннганилду
Долборъёнгил асангилин,
Тэрэнгевэ биниевэ
Энэл сарэ, бидечэвун.
Кутучива биниевэ
Кутуявар дядадягат!
Хактырапчува биниевэ
Нянгняду тэкэрдегэт!
Аяду биниеду
Умунупнэл, гиркудягат!
Эсиптыду биниеду
Этэемнил одягат!
Ноноптылду аннганилду
Долборъёнгил асангилин,
Тэрэнгевэ биниевэ
Энэл сарэ, бидечэвун.

Царская власть
С корнем исчезла.
Настоящая жизнь
Равенство дала.
В прежние годы
Женщины Севера,
Равноправной жизни
Не зная, мы жили
Счастлиую жизнь,
Счастье свое мы удержим!
Темную жизнь
С грязью порвем!
По отличной жизни
Мы, объединившись, пойдем!
Современной жизни
Сторожами мы станем!
В прежние годы
Женщины Севера,
Равноправной жизни
Не зная, жили.

Песня-стихотворение, сочиненное поэтом Г. Чинковым-Эдян в 1939 г.⁶:

⁵ А. Платонов, Учэлэ. Тыкин, Литературады альманах, № 1, Л., 1938, стр. 9—10.

⁶ Г. Чинков, Стихил, Л., 1939, стр. 30—31.

Ургэпчуду биниеду
 Тэгэмэрдү тырэвденгкивун.
 Баясал бингэситын
 Бэингэсэлди тангивдянгкивун.
 Ноноптылду аннганилду,
 Аси бэе биниевэн
 Нгинадыят ичэтчэнэл,
 Эденгкитын муландерэ.
 Илэтэнчэлду аняганилду
 Баясал бингэситын
 Амиялви, эниелви
 Энгэситвэр буденгкитын.
 Амиялви, эниелви
 Кунгаядув буденэл,
 Ургэпчулвэ биниелвэв
 Эденгкитын муландерэ.
 Амиялви, эниелви,
 Эденэл муландерэ,
 Орордули буденэл,
 Аракиялви гадянгкитын.
 Амиялви, эниелви,
 Аракиялва умдянал,
 Баясалду тырэвденэл,
 Ургэпчулди биденгкитын.
 Сонгоётын сонгодёно,
 Инамукталви авлидяна,
 Дюлэскэки мэргэденэ,
 Ангнакилви бододёнгкив.
 Ангнакилнун биденэ,
 Амиялви, эниелви
 Амидуви толкитчана,
 Эденгкив омногодёрo.

В тяжелое время
 Царем мы угнетались.
 При богачах
 Мы за зверей считались.
 В прежние годы
 Жизнь женщины — человека,
 Как собачью рассматривая,
 Совсем не жалели.
 В прошедшие годы,
 При богачах
 Отец и мать
 Силой замуж выдавали.
 Отец и мать,
 В детстве отдавая,
 О тяжелой жизни
 Совсем не беспокоились.
 Отец и мать,
 Не жалея,
 За оленей отдав,
 Вино себе покупали.
 Отец и мать,
 Вино распивая,
 Богачами угнетались
 И жили тяжело.
 Плачем плача,
 Слезы утирая,
 О будущем печалась,
 За чужеродцем я шла.
 С чужеродцем живя,
 Отца и мать,
 Видя во сне,
 Не могла я забыть.

Песням о старой тяжелой жизни противопоставлялись песни и стихотворения о новой радостной, счастливой жизни. Все они заканчиваются обращением к творцам этой жизни — Ленину и Сталину.

Таким образом, сочинение песен-стихотворений о советской действительности нашло место еще в дописьменный период. В города приезжали, уже зная некоторые «новые песни». Группа студентов Института народов Севера в 30-х гг. организовалась в своеобразный кружок: они сочиняли песни и сразу же их пели. Из этого кружка довольно скоро выделились наиболее одаренные индивидуальности. Но способ сочинения продолжал оставаться старым — автор всегда пел. Можно припомнить следующий факт: талантливый эвен (ламут) Тарабукин, встретив меня на улице или где-нибудь в коридоре Института, отводил в сторону и тихо пел мне свое новое стихотворение, ожидая одобрения или порицания.

Эвенкийские песни обычно слагались четырех- и восьмистопным хореем, вероятно, обусловленным наличием долгих и недолгих гласных (от одной до нескольких в слове). Приведу примеры.

Старинная песня symских — западных — эвенков:

Эпкэрэгил гинилкэшун!
 Ирэвэгил ширгилкэшун!
 Эгэденэ, едалэнэ:
 Делэнг, делэнг делэнэй!

Сухие деревья, вы покачиваетесь!
 Лиственницы, вы дрожите!
 Напевая песенку:
 Дёлонг, дёлонг, дёлоной!

Тактыкагил конгрилкошун!
Чалбукагил эвилкэшун!
Эгэденэ, едаланэ,
Делэнг, делэнг, делэнэй!

Кедрачи, вы чернеетесь!
Березняки, вы играете!
Напевая песенку:
Дёлонг, дёлонг, дёлоной!

┌ ─ ┌ ˙ ─ ┌ ˙ ─ ┌ ˙ ─
┌ ─ ┌ ˙ ─ ┌ ˙ ─ ┌ ˙ ─
┌ ─ ┌ ˙ ─ ┌ ˙ ─ ┌ ˙ ─
┌ ─ ┌ ˙ ─ ┌ ˙ ─ ┌ ˙ ─

Из сказания сахалинских эвенков:

Дулин дуннэ дулкакиндун,
Умун енэ буркачандун
Умуснинде сонинг бирэн

На самой середине средней земли,
На островке одной реки
Жил Умуснинде богатырь.

┌ ─ ┌ ˙ ─ ┌ ˙ ─ ┌ ˙ ─
┌ ─ ┌ ˙ ─ ┌ ˙ ─ ┌ ˙ ─
┌ ─ ┌ ˙ ─ ┌ ˙ ─ ┌ ˙ ─

Этот ритм и был образцом для первых произведений. Такова, например, поэма А. Салаткина-Лонтогир «Гегдаллукун, Улгэриккэн»:

Икэндэе оллокондун,
Бираяду Икэкэндү
Кэвэркэчэн дыгидэдун
Уриkitкэн нядиканду...

На краю горы Икбнды,
На речушке Йкоконде
На возвышенности луга
Было стойбище роднбе...

Большое чувство ритма позволяло первым поэтам запоминать десятки стихотворений русских классиков. Читая вслух, они действительно наслаждались чудесной музыкой русского стиха. Передавая свои впечатления от стихов, Чинков, например, уверял меня, что одни похожи на журчание ручейка, другие на вой ветра в горах, третьи на шелест листьев. Как Салаткин, так и Чинков не раз выражали желание передать эту музыку природы в своих первых произведениях, но фонетическая структура слова затрудняла выполнение этого желания. Выход из этого частично удалось найти в четверостишии.

Первые стихотворения были лирическими. Приведу примеры:

Аги эвидерэн

Тайга играет?

Би умнэкэн тэгэтчэчэв
Бираякан дяпкакандун.
Му эвинмэн долчатчав
Ненгненикун тырганидун.
Бираякан эендерэн
Энэнэкун дэрүдерэ.
Пэнгикэтиви эвидерэн,
Увэкэрин турэтчэрэ.
Бираякун баргидадун
Чипичакун чомбидяран.
Асиктакун гаракандун
Икэмникун тэгэтчэрэн.
Сектакакун сомнадяран,
Арпулдяран гаралдиви,
Эдынмунэ инедерэн
Самналбуна авданналви.
Дылачакан ичэтчэрэн

Как-то раз сидел я
На берегу речушки.
Игру воды я слушал
В весенний день.
Речушка течет,
Совсем не устаяя,
Играет на варгане,
Гай волны подпевают.
А за речкой
Поет птичка.
На ветке елки
Сидит певунья.
Колышется тальник,
Машет он ветвями,
Ветру улыбаясь,
Шелестит листьями.
Смотрит солнышко

Элэниэ урэлдули.
Упкаттыки нунгнитчэрэн:
«Аят бикэл ненгненили».

На всех в тайге
И всем говорит:
«Весной живи ты хорошо».

Начало сказки в стихах Г. Чинкова ⁸.

Мэнгункэн

Биракачан дэрэедун,
Гугдаркунду дяпкаядун
Гороптыкан дюкчаякан
Эдыеду лангивдяран.
Дюкчакаян сонаялин
Чутумакаан сангняякан
Мугдылдяна ювэндэрэн
Эдыеду иктэвдерэн.
Дюкчакаян тулгидэдун
Ирэктэкэн тэкээдун
Дылачакан наксаядун
Мэнгункэн уллидерэн.
Дылачакан гапаядун
Эвиденэ сэрэдерэн.
Мугдыриял гарпаялин
Дуннэевэ онёдэро.
Авданнаял ханаялтын
Дуннэлэ бурудерэ
Мэримээл авданналтын
Мэнгункэнмэ онёдэро.

Монгункон

На речном высоком кряже
Возле самого верховья
Полог юрты обветшалой
Чуть колыхнется от ветра.
Из отверстия в крышке
Синий дым стремится к небу,
Изгибается и, плавно
Расползаясь, исчезает.
Перед юртой обветшалой
Тенью лиственниц укрыта
От дневного солнцепека
Монгункон за вышиваньем.
Шьет она, иглой играя,
Вместе с яркими лучами.
Ведь, лучи, упав на землю,
Свой узор рисуют пестрый
И у юрты обветшалой,
Проникая через ветви,
Монгункон нарисовали
На земле в тени дрожащей.

Жизнь в большом городе была полной противоположностью жизни в тайге. Картины тайги вспоминались с теплым чувством любви. Этот момент также оказал влияние на содержание первых стихотворений. Яркость и четкость воспоминаний о родной природе приводили к тому, что эвенки, идя по улице, иногда за уличным потоком как бы видели бурную реку, за рядами высоких домов — горный хребет, за узкой улицей между ними — ущелье. Это было характерно для всех северников, и об этом они разговаривали в поздние часы. Ощущения первых лет пребывания в городе нашли свое место в творчестве Чинкова. Приведу выдержки из стихотворения «Ленинград» ⁹:

Ичэткэр-дэ биденэ
Эркэн-дэ тагилдялим.
«Аги урэлин, гунчэчэв,—
Дёломанкур дюл олла».
Эркэн-дэ илитчана,
Адуласкан-да одячав —
Иринэк дюгачинин,
Бээкэкур хуюдечэтын.
Эркэн-дэ илитчана,
Тэринтыкикэн ичэтчэчэв
Тулисли угэвденэл,
Бээкэкур улгэнивдечэтын.

Стою и смотрю,
И кажется мне:
«Горами тайги,— думаю,—
Стали ряды камня — домов».
Стою и смотрю,
Смотрю и люблюсь:
Словно муравейник,
Люди кипят.
Стою и смотрю,
Вправо и влево
По улице волнами
Люди текут.

⁸ Г. Чинков - Эдян, Стихил, Л., 1939, стр. 32. Подстрочный перевод, обработан литературно В. Наумовой (Сборник «Север поет», Л., 1939, стр. 19) и приведен здесь.

⁹ Г. Чинков, Балдыяк-бугав, Л., 1938, стр. 20—21.

Онкан-да ичэтчэми,
Эчэмэв-дэ тылдерэ.
Дылача гарпагачинин,
Тогол сээлбутчэчэтын.

Как ни смотрю я,
Понять не могу,
Словно солнца лучи,
Огни светятся всюду.

Простота и ясность языка, доступность содержания произведений Пушкина и других классиков, использовавших народное творчество, толкнули на мысль писать свои сказки в стихах. Так, Алексей Салаткин первым написал стихами поэму «Гегдаллукун, Улгэриkkэн»¹⁰, используя сказание о столкновении двух родов. Чинков обработал стих сказание «Гарпаниндя» о движении эвенков на восток и о столкновении с племенами иной культуры, сказку в стихах «Сулакичан», представляющую собою эпопею походов лисы, и сказку о нападении на девушку Монгункон¹¹. Третьим талантливым поэтом Алексей Платонов. Он работал только три года, во время которых писал две книжечки стихов; вторая вышла уже после его смерти¹².

В послевоенный период первой книгой вышло произведение Анисии Салаткиной-Вакувагир — сказка в стихах о похождениях советника В издательстве находится новая книга стихов Чинкова «Сахалин» («С Сахалина»).

Многие стихотворения посвящены Ленину и Сталину и их соратникам, давшим народам советского Севера новую жизнь, сталинским пятилеткам и Конституции, Великой отечественной войне, Советской Армии. Творчество эвенков воспекает героиню наших дней. Приведем некоторые выдержки из отдельных произведений:

Ленин хоктолин

По пути Ленина

Стихотворение А. Платонова¹⁴

Гэлэвдери биниелты
Нгигтэлэвен, тэкэръялэвен
Ленинун тэгэвдечэн
Элэ упкат долборъяду.
Нгэриекун коммуна,
Ненгдэлэе инэнгиге
Нгэриденэ эмэдерэн
Ленинун хоктоёлин.
Ленинун амиянгит
Гуннээлэвен, турээлэвен
Уллэдувэр намараннал,
Сэксэдувэр соливдярап.
Илмактаял гиркикэккур,
Ленинде амакандя
Нгэримэкэн хоктоёвон
Бинидувэр ивдегэт!

Желанной нашей жизни
Корни и основы
Ленин великий насадил
По всему Северу.
Светлый коммунизм,
Безоблачный день
Озаряя, подходит
По пути великого Ленина.
Ленина — нашего отца
Слова и заветы
Организмом впитывая,
С кровью смешиваем.
Молодые товарищи,
Великого Ленина отца
По светлому пути
Свою жизнь поведем!

¹⁰ А. Салаткин, Гегдаллукун, Улгэриkkэн, Л., 1940, изд. 2-е (литературно обработанный подстрочный перевод был напечатан в русском журнале и в сборнике «Север поет», Л., 1939).

¹¹ Г. Чинков, Гарпаниндя, Л., 1939, его же, Сулакичан, Л., 1940 (в этом году для русских детей была выпущена литературная обработка подстрочного перевода, русское издание в первые дни продажи было распродано); его же, Стихи, Л., 1939 (здесь помещена сказка «Монгункэн»; обработанный подстрочник вошел в сборник «Север поет»). Стихи Чинкова в обработанном переводе печатались в русских журналах «Литературный современник», 1938, «Молодость», 1938, «Красная реня», 1938.

¹² А. Платонов, Эвенки давлавурин (Песни эвенка), Л., 1938; его же, Стихи, Л., 1940 (Обработанные подстрочники переводов были опубликованы в сборнике «Север поет»).

¹³ А. Салаткина-Вакувагир, Итылгучан, Л., 1947.

¹⁴ А. Платонов, Учэлэ. Тыкин, Альманах, стр. 6, 7.

Сталин нунгнинэлин

По указаниям Сталина

Стихотворение А. Платонова

Долборъёнгил тэгэелин
 Ичэвденэл эмэдерэп,
 Гилбэйдэденэл кэтэнгдерэп,
 Савриядит балдыдярап.
 Сингниели нунгниелис!
 Сингниели гуннэелис!
 Гуде, гуде, гудеймэди!
 Чалбуг, сиги дуннээлдун
 Тракторил хавалдыра.
 Болгиг, сиги дуннээлдун
 Бурдукилты балдыдыра.
 Сингниели гуннэелис!
 Сингниели нунгниелис!
 Гуде, гуде, гудеймэди!
 Асиг, сиги дуннээлдун
 Авдуялты балдыдыра.
 Албир антагал дуннээлдун
 Артелилты кэтэлилэ.
 Сингниели нунгниелис!
 Сингниели гуннэелис!
 Гуде, гуде, гудеймэди!
 Кирагисал оёдутын
 Колхозникил кэтэлилэ.
 Илмактаял, дялавсаял,
 Икэнденэл эвидерэ.
 Сингниели нунгниелис!
 Сингниели гуннэелис!
 Гуде, гуде, гудеймэди!

Народы Севера,
 Заметно мы идем,
 Дружно мы множимся,
 Знанием растем.
 По твоим указаниям!
 По твоим словам!
 Гуде, гуде, гудеймэди!
 В березняках, в чаще
 Тракторы работают.
 В сланниках, в чаще
 Хлеба у нас растут.
 По твоим указаниям!
 По твоим словам!
 Гуде, гуде, гудеймэди!
 В тайге и чаще
 Растут у нас стада.
 На широких солнцепеках
 Множатся артели.
 По твоим указаниям!
 По твоим словам!
 Гуде, гуде, гудеймэди!
 На берегах речных
 Множатся колхозники.
 Молодые, юные
 Поют песни, играют.
 По твоим указаниям!
 По твоим словам!
 Гуде, гуде, гудеймэди!

Сталинский закон

Стихотворение Г. Чинкова 15

Амтынгилду аннганилду,
 Ургэпчулду кирээлду
 Кэтээлвэ законилва
 Биниелду саденгкиг.
 Гороптылдук законилдук
 Инамукталты чургидячатын
 Гороптылдук законилдук
 Мирэлты энудечэтын.
 Гороптылдук законилдук
 Кунгадувар сагдачат.
 Гороптылдук законилдук
 Биниелты мудардячатын.
 Тарил законилди
 Бээлвэ вангкитын.
 Хунилвэ буденэл,
 Идэгэгдэт униенгкитын.
 Тарил законилди
 Амтылты, энтылты
 Бинилду тырэвденэл
 Бэйнгэсэлди тагивчатын.
 Тарил законилди

В дедовские годы,
 В тяжелые времена
 Много законов
 В жизни мы знали.
 От прежних законов
 Слезы текли.
 От прежних законов
 Плечи болели.
 От прежних законов
 В детстве старели.
 От прежних законов
 Наша жизнь коротела.
 По этим законам
 Людей убивали.
 Дочерей выдавая,
 На вещи меняли.
 По этим законам
 Отцы, наши деды,
 В жизни угнетаясь,
 За зверей считались.
 По этим законам

Кусиел балдычатын.
Тарил законилди
Баясал бургучэтын.
Миннгивэ давлавунмав
Упакачилду онгасалду,
Бираял дэрэрдутын
Бикичилду долдыдяктын!

Сэвдепчуел биниелты,
Сэвдепчуел аннганилты
Сталин закондун
Самэлкит дукувчал.
Эр закон дяридин
Аннганилты нгэридерэ.
Эр закон дяридин
Меваялты урундерэ.
Эр закон дяридин
Урунипчул кэтэлдерэ.
Эр закон дяридин
Дуннэ чулиндяран.
Сталиннги законин,
Мэнгунди дукувча,
Упкаттули дуннэли
Няннгяли ултадягин!

Войны рождались.
По этим законам
Купцы богатели.
Мою песню слушайте
Во всех углах,
На истоках рек,
На стойбищах пусть услышат!

Веселая жизнь,
Радостные годы
В Сталинском законе
Знаками записаны.
По этому закону
Время нам светит.
По этому закону
Наши сердца радуются.
По этому закону
Множатся радости.
По этому закону
Земля расцветает.
Сталинский закон
Золотом записан.
По всей стране,
По небу пусть эхом раздается!

Некоторые стихотворения созданы под непосредственным впечатлением произведений Пушкина, Лермонтова, Некрасова и являются как бы поэтическими откликами на их творчество.

Из прозаиков в довоенной эвенкийской литературе выделилось два (оба погибли в боях за Родину). Н. Сахаров написал книгу «Детство Никиты», дающую яркую картину жизни сироты-эвенка в условиях революционной России. Вторая его книга «Красный съезд» рисует картину жизни народов Севера в начале советского периода¹⁶. В ней автор искренне, правдиво и очень тонко обрисовал жизнь, типы и характеры эвенков. С этнографической точки зрения они представляют значительный интерес.

Второй писатель, Г. Марков, написал рассказы из жизни охотников, задумал написать роман «Андрей Лазарев» о партизане-эвенке и партизанском движении на Зее. Часть конспекта этой книги он успел опубликовать¹⁷.

Молодая эвенкийская литература пробудила таланты и на местах. В разных районах поступают произведения колхозников и местной интеллигенции и лучшие из них публикуются в учебной литературе. Есть уже опыты создания национальной драматургии; известны пьесы, поставленные в колхозных клубах. Они, несмотря на свои явные недостатки, своим появлением свидетельствуют о том, что «тайга проснулась», что расцветает культура социалистическая по содержанию, национальная по форме.

Развернулась и переводческая работа. Вначале переводились небольшие брошюры политико-просветительного характера, а с 1934 стали осуществляться и переводы отдельных небольших художественных произведений А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, И. А. Крылова¹⁸.

¹⁶ Отдельные главы книги «Детство Никиты» вошли в Литературный альманах «Учэлэ. Тыкин». Н. Сахаров, Хукуун Никита (Маленький Никита), стр. 70—80. Его же, Хулама суглан («Красный съезд»), Л., 1938.

¹⁷ Г. Марков, Андрей Лазарев, Альманах «Учэлэ. Тыкин», стр. 16—27.

¹⁸ А. С. Пушкин, Олломимни, оллокоя, Нимигаган (Сказка о рыбаке и рыбке), Л., 1935, 1938 г. (переиздание на основе русской графики). И. А. Крылов, Дыпбаснял (Четыре басни), Л., 1935; Л. Н. Толстой, Бэйнгэлвэ улгурил (Рассказы животных), Л., 1935.

Переводы постепенно усложнялись, и уже в 1937 г. стало возможным переводить такие классические работы, как доклад И. В. Сталина о проекте Конституции СССР и Конституция СССР, доклад М. И. Калинина о проекте Конституции РСФСР и Конституция РСФСР, отчетный доклад И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б), статья М. И. Калинина, «Что дала трудящимся советская власть».

Одновременно осваивались переводы и сложных произведений художественной литературы¹⁹. В переводческой работе, естественно, встретилось немало трудностей. Если вопрос о литературном диалекте, о нормах орфографии и правописания заимствованных слов разрешался относительно просто, то труднее разрешались вопросы точности смысла перевода и связанных с ним: точного перевода длинных абзацев со сложными предложениями, различных значений русских слов, сравнений, метафор, идиом и др. Длинные абзацы в некоторых случаях делились на несколько предложений. Перевод сложноподчиненных предложений облегчался исключительным богатством специальных суффиксов, выражающих самые тонкие оттенки подчинения. Но нужно было их выявить и привыкнуть к их соответствиям в русском языке. Переводчикам все время приходилось думать на двух языках, различных по своей структуре. Эта тренировка двойного мышления держала переводчика в постоянном напряжении, и лишь только оно ослабевало, как он скатывался «на кальку» с русского (в способах построения предложений, в глагольном управлении, в увязке перевода с наличием притяжательных суффиксов в эвенкийском языке и в ряде других моментов).

Различные значения русских слов и выражений заставляли переводчиков обращаться к русским толковым словарям и через них находить соответствующее выражение в эвенкийском. Многие выражения заставляли подыскивать эвенкийское выражение, соответствующее содержанию русского, например: «застывшие от ужаса глаза» в эвенкийском переводилось «от ужаса не моргающие глаза»; «лица стали напряженными» — «лица стали как каменные»; «выдают с головой» — «показывают все зло, сделанное ими», и т. д. Приходилось в отдельных случаях подыскивать и определения; например: «железная дисциплина» переводилось «твердая дисциплина»; «ледяной сквозняк» — «холодное (определение для льда) дуновение»; «малокровный цвет» — «словно без крови»; «невинный лесок» — «маленький лесок» и т. д. Ряд определений, выражающих субъективное отношение, переводился специальными суффиксами. Поговорки заставляли искать аналогии в эвенкийском языке, например: «двум смертям не бывать, одной не миновать» в эвенкийском имеет такое соответствие (буквальный перевод) — «одно яйцо все равно» или «одна смерть все равно»; «какова бы ни была, а мать» в эвенкийском — «мать, плохая будучи, хороша». Труднее было с такими поговорками, которые не имеют аналогичных.

Переводы ввели в эвенкийский язык много русских слов, преимущественно из терминологии, которую для всех северных языков писали так же, как и в русском языке, исключая сложные термины (типа «автономная республика» — «автономной республика», что вызвано отсутствием категории рода в эвенкийском языке). Некоторые определения переводились по смыслу, например: «предвыборная агитация» переводилась как «агитация перед тем, как настанут выборы» (синматкит олдьаракин агитация).

¹⁹ М. Горький, 9 январь. Перевод Н. Салаткина, Л., 1936; А. С. Пушкин, Поп, талук хазанни Балда (Сказка о попе и его работнике Балде). Перевод группы студентов, Л., 1936; А. С. Пушкин, Станцияду хэричэмни (Станционный смотритель). Перевод Н. Салаткина, Л., 1937; его же, Дубровский. Перевод Н. Салаткина, Л., 1938; Сборник произведений современных писателей переводился группой студентов (Алексеев, Архипов, Монахов, Муктэ, Н. Салаткин и др.), «Ленин, Сталин художественнаиду литератураду», Л., 1939, и многие другие.

У переводчиков определились склонности к тому или иному виду перевода, например, В. Увочан специализировался на переводах политической литературы. После войны он окончил Высшую партийную школу и сейчас работает первым секретарем окружного комитета ВКП(б) Эвенкийского округа. Н. Салаткин больше любил переводить художественную литературу.

Война временно приостановила работу над созданием литературы. И сразу же после открытия северного отделения, ныне факультета, при университете в Ленинграде работа продолжилась. Новым положительным явлением послевоенного периода было включение женщин в творческую литературную работу: появились женщины-переводчицы, а одна из них (А. Салаткина) попробовала свои силы в создании оригинальных произведений. Из послевоенных изданий следует отметить переводы Пушкина, Кассиля, Маршака, Катаева²⁰.

Расцвет эвенкийской культуры не ограничился созданием литературы. Участники художественной группы Института народов Севера дали не мало скульптур, акварелей, рисунков, своевременно и высоко оцененных на выставках. На местах работали кружки самодеятельности. В ряде случаев они занимали на олимпиадах первые места (например, кружок тындинского колхоза).

Эвенки, получившие образование и работающие на местах, составляют передовую группу в развитии национальной эвенкийской культуры. Они растут на работе. Характерным примером жизненного пути оленячего мальчика до майора Советской Армии может служить приложенная автобиография М. Савина²¹.

Автобиография М. Савина

Я принадлежу роду Эдян немногочисленного эвенкийского народа, населяющего просторы тайги от Оби до Охотского моря. Приток Амура, река Бира,— моя родина. В глухой деревушке Котон, вдали от железной дороги, родился я в семье эвен охотника-рыболова. То было накануне Октябрьской революции, в 1915 г. Мои соотечественники вели кочевой образ жизни: зимою промышляя зверя, летом ловя рыбу. О своем хозяйстве и понятии не имели. Их судьба зависела от охоты. Дети тайги они умели брать от нее все необходимое для жизни. Богата и обильна была дикая дальневосточная тайга. Но зверь не легко давался. Только смелые и ловкие, сильные и быстроногие добывали зверя. Мне вспоминается рассказ отца об одном случае. Дело было зимою. Отец с товарищем — русским — был на охоте. Рано утром, осматривая расставленные с колокольчиками соболиные сети, отец увидел след соболя. Нужно было выследивать. До обеда гнались охотники за зверьком, не догнали. Поскольку русский не выдержал и отказался гнать дальше. Отец продолжал погоню в одиночку. Не один хребет и долину, лесные заросли и чащи пробежал он в этот день. Только поздно вечером ему удалось загнать соболя в норку на каменистой горе. Отыскав норку, растянул сетку вокруг норы и всю ночь сторожил зверька. Только на рассвете звонил колокольчик — зверек попался в сетку. На обратном пути отец осматривал другие сетки. Что это за труд,— я не раз убеждался, бывая с отцом на охоте. Пушнину, с таким трудом добытая, шла за безделушки, за водку к купцам. Купцы, плетельщики, становой и приставы — все, жадные до наживы, спешили на ярмарки, снабжая в долг охотников припасами и товарами и забавляя на долгие годы «инородцев». Сопровождением ярмарок были пьянки, дикие драки и картежная игра. Во всем нашем крае — по рекам Бира, Тырми, Бурей и Урми — русскую грамоту знали только два эвенки: Давыд Афанасьев и его племянник Павел Афанасьев. Обучаясь в начальной школе, я как-то обнаружил у дяди фамильную печать. Он был неграмотным, но всеми уважаемым человеком. До революции он был назначен старостой поселка, и, так как он не мог расписываться, ему была заказана печать. Мать и отец также были неграмотными, последний ликвидировал свою неграмотность только после революции. Когда отец был еще юношей, в наши края приехала экспедиция. Отец работал у них проводником. Начальнику понравился умелый лодочник, пре-

²⁰ А. С. Пушкин, Нимнгакан тэгэмэрдули Салтандули (Сказка о царе Салтане), Перевод И. Монаховой, Л., 1948; С. Маршак, Дядюшка бегал (Двенадцать месяцев), Перевод ее же, Л. 1947, В. Катаев, Полк хутэлин (Сын полка), Перевод М. Савина, Л., 1949, и др.

²¹ Автобиографии других эвенков см. в нашей статье «Автобиографии эвенков», «Советская этнография», 1938; автобиография А. Платонова приложена к его книге «Стихил».

красный и смелый охотник, и он стал уговаривать дядю отпустить юношу поехать с ним в город на учебу. Но дядя побоялся отдать племянника, заявил, что «он все равно убежит в тайгу».

Эвенки в делях амурской тайги чувствовали себя как дома, зная ее вдоль и поперек. И, конечно, никакого представления о городе не имели. Но бывали случаи, когда отдельные эвенки попадали в Благовещенск или Хабаровск. Здесь привычка к наблюдениям иногда приводила и к забавным инцидентам. Приведу один пример. Мой дядя однажды должен был ехать из Благовещенска на пароходе вниз по Амуру. Ему продали билет в каюту первого класса. Когда же он пошел туда, его не пустили. Тогда он сошел на берег и стал наблюдать. Ему бросилось в глаза, что все, кто проходил на верхнюю палубу, держит в руках газету. Он тоже купил газету и, держа ее перед собою, сумел попасть на пароход. Вышел на палубу, видит люди держат газеты перед глазами. Он сел и тоже развернул газету. И когда один из пассажиров, проходя мимо, спросил его: «Ну, что нового?», дядя не растерялся и сказал: «Да ничего нового».

У меня была бабушка, которая уже на старости лет стала удивлять всех своей «ученостью». Женщина, никогда не имевшая понятия о бумаге и карандаше, с 1910 г. вдруг стала покупать от торговцев бумагу, тушь, карандаши, кисточки и, запершись в своем чулане, целыми днями что-то рисовала и писала какие-то знаки. Дети ее ругали, что старуха сошла с ума. Но она ворчала: «Вы дураки, ничего не понимаете. Вот настанет время, когда люди будут летать по воздуху на железных птицах, когда эвенки будут читать и писать, когда люди будут убивать друг друга». В ее заморке после смерти осталось много листов с тонкими орнаментами, с какими-то рисунками и непонятными знаками.

Гражданская война внесла новую струю в тихую, беспросветную жизнь эвенков. Японские оккупанты появились и в нашем поселке и рыскали по домам, разыскивая «барсуков» (большевиков). Эвенки не остались в стороне от борьбы с японцами. Многие ушли в тайгу вместе с партизанами. Трое из нашей семьи участвовали в Воинских боях.

С первых же лет советской власти жизнь резко изменилась: все дети пошли в школу, а с 1926 г. эвенки нашего района отправились впервые учиться в Хабаровск и Ленинград. Я же, окончив в 1928 г. начальную школу на станции Бира, направился в Хабаровский техникум народов Севера. Лишившись рано матери, мы жили с отцом очень бедно, я прибыл в город в трусах и рубашонке.

Через четыре года учебы в техникуме, где я жил на полном государственном обеспечении, я получил возможность стать учителем. Вместе со мною училось еще 26 человек от разных народностей Севера. В техникуме я узнал о многом: о нашей великой, богатой, с замечательным героическим прошлым стране, о том, что мы имеем равное право жить и учиться. Имена Ленина и Сталина стали для нас символом счастья и надежды.

Но после окончания техникума я, вместо тайги, был направлен для продолжения обучения в Ленинградский институт народов Севера. Я был в Москве и учился в Ленинграде, разве это могло быть когда-нибудь до советской власти?

Три года напряженной учебы отточили наши знания. Партия, комсомол и профсоюз привили нам вкус к активному участию в общественно-политической жизни и сделали из нас проводников политики партии и советской власти среди народов Севера. С дипломом учителя средней школы я был направлен в Томмотский район Якутии. Будучи учителем, я совершенствовал свои знания. Через год я был выдвинут на работу заведующим районным отделом народного образования. За это время в районе был осуществлен всеобщий для кочевого эвенкийского населения, построены начальная (в Угояне) и средняя (в райцентре) школы, открыты детский сад и районная библиотека. Ликвидация неграмотности среди кочевого населения тайги помогал комсомольский актив, учителя. Они, кочуя и охотясь вместе с бригадами охотников, по вечерам занимались ликвидацией неграмотности на родном языке.

Многие ученики наших школ поступили в Ленинградский институт народов Севера, окончив который продолжали работу у себя, а во время Великой отечественной войны храбро сражались, не жалея своей жизни.

В 1939 г. я переехал работать на свою родину и стал директором неполной средней школы. Моя педагогическая работа тесно увязывалась с общественной работой: я был депутатом местного Совета, помогал организационной работе колхоза и принимал участие в агитационно-пропагандистской работе.

Вероломное нападение немецких фашистов прервало наш мирный труд. Моем долгом было отправиться защищать Родину. Семь лет я достойно носил мундир советского воина. Пришел в армию рядовым, демобилизовался в чине майора Советской Армии. В самую трудную минуту наше соединение было брошено под Сталинград. Суровые бои, разгром сталинградской группировки немцев, освобождение Украины, Бессарабии, походы за границы. Вместе с войсками я дошел до Вены. В самом начале войны, когда я был партийно-политическим работником, мне пришлось редактировать дивизионную газету, затем возглавлять комсомольскую организацию полка, быть заместителем командира батальона по политчасти и, наконец, с 1943 г. работать агитатором, пропагандистом и лектором политотдела соединения. Эта работа многому научила меня, расширила мой кругозор. Мне приходилось очень много работать над собою. До революции «инородцев» в армию не пускали. В совет-

скую эпоху наша Советская Армия многонациональна, и офицерский корпус комплектуется независимо от национальной принадлежности. В моей семье три брата, все прошли всю войну и закончили ее с офицерскими званиями.

По окончании войны меня опять потянуло к своей работе. И в 1948 г. меня демобилизовали из армии. Теперь я опять работаю у себя на родине в школе, преподаю в русской, но я от своего народа не отгорожен. Я одновременно работаю над созданием переводной литературы.

Я рос и воспитывался вместе с ростом и становлением советской власти. Моя биография можно было бы назвать биографией малого народа, который из отсталого и дикого превратился в культурно и экономически равноправного члена многонациональной семьи народов СССР. За это эвенки благодарны советской власти, коммунистической партии и товарищу Сталину.

Старая темная жизнь канула в вечность, и новое поколение, в том числе и мои дети, увидят и будут жить в подлинном коммунистическом обществе.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

С. А. ТОКАРЕВ

РЕЛИГИИ, ЦЕРКВИ И СЕКТЫ В США

В пресловутом «американском образе жизни», который так широко рекламируют сейчас империалисты США, особенно в странах маршализированной Европы, видное место занимает религия. Это один из важнейших столпов и устоев современного буржуазного общества, и нигде эта роль религии так не очевидна, как именно в стране доллара.

1

Из всех стран мира США отличаются наиболее пестрым по вероисповедной принадлежности составом населения. Там насчитывается 265 одних только зарегистрированных религиозных «denominations», т. е. вероисповеданий, сект, толков (1945) ¹. В Соединенных Штатах нет государственной религии или государственной церкви: конституция устанавливает полную свободу вероисповедания для всех граждан (1-я поправка к конституции — «Билль о правах», — вступившая в силу с 1791 г.). Это и понятно, если вспомнить, что основателями заокеанской республики были выходцы из стран Европы, бежавшие как раз от религиозных преследований. Однако большой ошибкой было бы думать, что эта гарантированная конституцией свобода вероисповедания означает действительно свободу убеждений, свободу совести.

В некотором противоречии с указанным положением конституции Соединенные Штаты называют часто «протестантской» страной. И в самом деле, — хотя из отдельных вероисповеданий наибольшее число последователей насчитывает в США католичество, — однако, во-первых, все протестантские толки и секты, вместе взятые, охватывают абсолютное большинство населения (41,9 млн. верующих из общего числа учтенных членов религиозных общин в 72,5 млн. т. е. 57,9%) ²; во-вторых, подлинными основателями республики были именно протестанты; в-третьих, наконец, как заявляют некоторые американские ученые, США — страна протестантская по самому своему духу. В этом последнем заявлении, как будет показано дальше, есть много верного.

Среди существующих «denominations» есть и крупные и мелкие по числу последователей. Есть секты, насчитывающие всего по несколько десятков членов (например, секта «Первобытных друзей» — «Primitive

¹ «American Handbook». Prepared by the Office of War information. Washington, 1945, стр. 417—418.

² См. таблицу.

Численность религиозных общин в США (по данным 1936—1944 гг.)

	Число (в тыс.)
Всего учтено	
Из них:	
1. Протестантские церкви и секты	
2. Римско-католическая церковь	
3. Еврейские общины	
4. Восточно-православные церкви	
5. Прочие	
В том числе (1 + 5):	
1) Баптисты	
а) Севернобаптистская конвенция	1 555,9
б) Южнобаптистская	5 667,9
в) Национальная баптистская конвенция США	4 021,6
г) Америки	2 352,3
д) Американская баптистская ассоциация	115,0
е) Баптисты свободной воли	118,9
2) Методисты	
а) Методистская церковь	8 046,1
б) Африканская методистская епископальная церковь	868,7
в) сионская церковь	489,2
г) Цветная методистская епископальная церковь	382,0
3) Лютеране	
А. Американская лютеранская конференция:	
а) Американская лютеранская церковь	584,5
б) Евангелический лютеранский августинский синод Сев. Америки	373,2
в) Норвежская лютеранская церковь Америки	595,0
Б. Лютеранская синодальная конференция Сев. Америки:	
а) Евангелический лютеранский синод Миссури, Огайо и др. штатов	1 356,7
б) Евангелический лютеранский соединенный синод Висконсина и др. штатов	324,5
в) Объединенная лютеранская церковь Америки	1 690,2
4) Пресвитериане	
а) Пресвитерианская церковь в США	565,1
б) в США	2 040,2
в) Объединенная пресвитерианская церковь Сев. Америки	193,0
5) Протестантская епископальная церковь	
6) Ученики Христа	
7) Конгрегационалистские христианские церкви	
8) Святые последнего дня (мормоны)	
(в том числе Реорганизованная церковь Иисуса Христа святых последнего дня — 113,1)	
9) Евангелическая и реформатская церковь	
10) Объединенные братья во Христе	
11) Церкви Христа	
12) Церковь бога во Христе	
13) Научная церковь Христа	
14) Евангелическая церковь	
15) Армия спасения	
16) Ассамблеи бога	
17) Адвентисты 7-го дня	
18) Церковь Назарея	
19) Церковь братьев	
20) Реформатская церковь Америки	
21) Христианская реформатская церковь	
22) Интернациональная генеральная ассамблея спиритуалистов	
23) Федерированные церкви	
24) Прочие организации (с числом членов менее 85 тыс.)	

³ По данным «Yearbook of American Churches»; см. «Statistical abstract of the U. S.», 1947, стр. 61.

Friends» — состоит из 14 человек); мелких сект всего насчитывается 204, а членов в них — 1,7 млн. в общей сложности⁴. Но огромное большинство верующих (95%) состоит в крупных и крупнейших религиозных организациях, которых насчитывается всего 52. Наиболее многочисленны по числу приверженцев: протестантизм с его разнообразными разветвлениями и сектами, далее католицизм и иудаизм. Эти три основных направления оказывают наибольшее влияние на политическую, экономическую и культурную жизнь страны.

О численности этих, а также других вероисповеданий и сект в США дает понятие таблица на стр. 138.

2

Итак, ни одно в отдельности взятое вероисповедание или секта не охватывает абсолютного большинства населения США. Эта дробность конфессионального состава — характерная черта населения этой страны.

Можно заметить некоторые закономерности в распределении вероисповеданий в географическом, классово-профессиональном и национальном отношениях, — хотя в этом распределении далеко нет такой четкости, как в некоторых странах Европы.

В географическом отношении отмечается большее преобладание протестантизма на Юге. Из южных штатов только в трех католики численно преобладают: в Луизиане (потомки французских колонистов), Техасе (мексиканцы) и Кентукки. В остальных протестантизм не только господствует количественно, но он принял наиболее агрессивные, воинствующие формы и католики подвергаются нередко преследованиям (Ку-клукс-клан и пр.). Почти во всех северных и западных штатах католики составляют относительное большинство. При этом замечается вполне определенная концентрация католического населения в крупных городах, тогда как мелкие городки и сельские местности и на Севере и на Западе обнаруживают преобладание протестантского элемента. Самые крупные католические общины находятся в Чикаго (1,6 млн.), Нью-Йорке (1,1 млн.), Бостоне (1,09 млн.). Иудаизм распространен главным образом в больших городах восточных штатов⁵.

В социальном отношении в США нет такого резкого размежевания между аристократическими и демократическими церковными организациями, как например, в Англии, где епископальная «High Church» объединяет главным образом аристократию и крупную буржуазию, тогда как трудящиеся массы тяготеют к «Low Church» и к разным сектам. Однако некоторые различия по социальному составу между отдельными вероисповеданиями имеются и в Америке: основной социальной базой протестантских сект считаются средние классы населения, средняя и мелкая буржуазия, фермеры; католическая же церковь более широко охватывает рабочих. Некоторые из протестантских сект выделяются своим сугубо фешенебельным характером: такова, например, епископальная церковь, принадлежность к которой всюду рассматривается как признак хорошего тона и высокого общественного положения. В штатах Новой Англии ту же роль играет унитарийская и конгрегационалистская секты, в штате Нью-Йорк — голландская реформатская церковь, в штатах Среднего Запада — пресвитерианство⁶.

Наиболее тесно связано распределение вероисповеданий в США с национальным и расовым составом населения. Потомки «старых американцев» англо-саксонского происхождения распределяются почти целиком

⁴ «American Handbook», стр. 418.

⁵ D. W. Brogan, U. S. A., an outline of its country, its people and institutions, Oxford, 1941 (1942), стр. 59 и др.

⁶ Там же, стр. 61 и др.

между протестантскими толками: это в основном епископалы, пресвитериане, баптисты, методисты и пр. Негры в подавляющем большинстве тоже протестанты, — но у них свои особые толки, хотя и одновременно совершенно отделенные от «белых» толков и сект⁷. Объединение белых и негров в одной и той же церкви — вещь в Соединенных Штатах почти невозможная: потомки белых плантаторов, особенно в южных штатах, так же не допускают негров, хотя бы единоверцев, молиться с ними в одной церкви, как не допускают их в свои рестораны, кинотеатры и железнодорожные вагоны.

Католицизм — это в основном религия иммигрантов из католических стран Европы и их потомков. Католики в США — это прежде всего ирландцы, далее итальянцы, поляки, франко-канадцы (и потомки ранее французских колонистов Луизианы), мексиканцы. Эти национальности медленнее ассимилируются, держатся более обособленно и больше подвергаются дискриминации, причем именно католическая религия усиливает их обособленность в значительной мере поддерживает. В южных штатах католицизм до сих пор считается «неамериканской» религией.⁸ Но именно католицизм пользуется сейчас наибольшим вниманием реакционных империалистических кругов США, имеющих в виду использование Ватикана для осуществления своих преступных агрессивных намерений. Развертывая более энергичную миссионерскую деятельность, католики привлекают к себе и индейцев: в настоящее время около 1/3 всех индейцев США — католики. Неудивительно, что относительная численность католической церкви в США растет с необычайной быстротой, что отражает прежде всего приток иммигрантов из стран Восточной, Центральной и Южной Европы и из Ирландии: так, еще в 1830 г. католики составляли не больше 2% всего населения США, в 1925 же году было около 15%, а по последним данным численность их составила свыше 32% всех верующих.

Лютеранские церкви охватывают прежде всего выходцев из Северной Германии и Скандинавских стран. Они составлены главным образом по национальному признаку: норвежская лютеранская церковь, американский лютеранский синод, лютеранский синод Северной Америки и т. д.

Иудаизм — религия иммигрантов еврейской национальности и потомков.

Восточноправославные церковные организации объединяют иммигрантов русского, украинского, южнославянского, греческого происхождения.

3

Интересно остановиться вкратце на истории русской православной церкви в Северной Америке и на ее положении в настоящее время.

Начало этой церкви было положено миссионерами, обосновавшимися в бывших российско-американских владениях. Первые миссионеры — монахи Валаамского монастыря — поселились на острове Кадьяк в 1794 г. и в течение нескольких лет крестили в православие около 12 тысяч туземцев, построив несколько церквей. Миссионеры продолжали успешно действовать во все время управления Российско-Американской компанией. Центром миссии был город Ситка. Самой видной фигурой был там известный Иоанн Вениаминов, миссионер-ученый, проводивший 15 лет в Российской Америке (1824—1839) и сделавший много для этнографического изучения края. В 1840 г. в Ситке была открыта епископия. При продаже российско-американских владений Соединенным Штатам (1867) права русской церкви были оговорены специальной статьей. Но уже через несколько лет, в 1872 г., резиденция православного епископа

⁷ «One America. The history ... of our racial and national minorities», ed. by F. Brown and J. Roucek, N. Y., 1945, стр. 509.

⁸ D. W. Brogan, Указ. раб., стр. 64 и др.

на была перенесена с далекой Ситки в Сан-Франциско; там она оставалась до 1905 г., когда управление русской православной церкви было перенесено в Нью-Йорк.

Быстрый рост православной церкви в Америке происходил в конце XIX в. и в начале XX в. в связи с усилением иммиграции из славянских стран Европы. Помимо православных общин, в США возникли также униатские; но так как католическое духовенство не разрешало строить униатские церкви и совершать униатское богослужение, — то униаты начали массами переходить (с 1891 г.) в православие. Особенных успехов добилась православная церковь при епископе Николае (1891—1898) и архиепископе Тихоне (1898—1905) — впоследствии российском патриархе (1918—1925)⁹.

После революции 1917 г. в России иерархия американской православной церкви объявила последнюю независимой. Стали созываться поместные соборы, на которых избирались архиепископы (с 1924 г. митрополиты) «всех Америки и Канады». Такие соборы имели место в 1919 г. в Питтсбурге, в 1924 г. в Детройте, в 1934 г. в Кливленде, в 1937 г. в Нью-Йорке. В 1924—1934 гг. митрополитом «всех Америки и Канады» был Платон (Рождественский), с 1934 г. — Феофил (Пашовский)¹⁰.

Власть русского митрополита в Америке признают и православные общины других национальностей: сербские, греческие, сиро-арабские.

Политическая физиономия иерархов русской православной церкви в США после 1917 г. была все время резко антисоветской. Лишь в годы первой мировой войны стихийное тяготение значительной части русских эмигрантов к Советскому Союзу, ведшему героическую борьбу против германского фашизма в союзе с США, заставило часть церковников переменить свое отношение к православной церкви в СССР и в известной мере к Советскому правительству. В настоящее время православная церковь в Америке раскололась: часть духовенства и верующих попрежнему поддерживает митрополита Феофила, отказывающегося признать главенство Московской патриархии, но другая часть признает это главенство.

4

Таким образом, за исключением католической церкви, ни одно другое вероисповедание или секта в США не охватывает широко верующих разных национальностей, а тем более разного цвета кожи. В такой пестрой по национальному составу стране, как США, религия отражает эту пестроту, она подчеркивает и углубляет национальную, а еще более расовую разобщенность. В этом — одно из проявлений вредной, реакционной роли религии, разъединяющей силы трудящихся, тормозящей сплочение демократических масс в их борьбе с империализмом.

Американские церковные и сектантские организации входят, как правило, в соответствующие международные церкви и религиозные объединения. Эти объединения: Всемирный лютеранский конвент, Баптистский всемирный альянс, Альянс реформированных пресвитерианских церквей, Интернациональный конгрегационалистский совет и ряд других. В этих международных объединениях именно американские секции обычно играют доминирующую роль¹¹. Даже католическая церковь Америки, вопреки строгому централизму всей системы и иерархии католицизма, подчиненной Ватикану, занимает в этой системе несколько обособлен-

⁹ Basil Bensin, *History of the Russian Orthodox Greek Catholic church of N. America*. N. Y., 1941; Аф. Васильев, *Зарубежная Русь*, П., 1905; Анатолий, архим., *Американские очерки*, Одесса, б. г.

¹⁰ B. Bensin, *Указ. раб.*

¹¹ «*American Handbook*», 1945, стр. 422—423.

ное и самостоятельное положение. Еще до второй мировой войны сам католические деятели в США отчетливо и откровенно выражали эту свою обособленность от «Святейшего престола». Католический журнал «Конгрегационалист» писал, что «здесь, в Америке, теория и практика католической церкви глубочайшим образом расходятся с европейской практикой, так что католицизм у нас более американский, нежели римский». Особенности этого «американского католицизма» определялись в значительной степени тем, что ему приходилось вести, в условиях не подства протестантских традиций и буржуазно-демократического режима, более гибкую политику. Католический писатель Поль Сабатье отмечал тогда, что «американский католицизм многое берет из окружающей протестантской среды и все католики здесь более или менее проникнуты либерализмом». Теперь, после окончания второй мировой войны, когда американский империализм почувствовал себя хозяином и в самой Европе, когда и Ватикан фактически превратился в его агентуру, когда 80% всех денежных пожертвований Ватикан получает, по данным Авраама Мэнхэттена, прогрессивного британского публициста, из Соединенных Штатов, — теперь «американский католицизм» стал не только самостоятельной, но и наиболее мощной силой в католической церкви. Фактически главой этой церкви сейчас можно считать скорее нью-йоркского кардинала Франца Spellмана, чем папу Пия XII¹². Недаром Spellman пользуется такой поддержкой Государственного департамента США.

5

Церковная организация и управление различны у разных вероисповеданий и сект. Католическая церковь отличается наибольшим централизмом. На 23 млн. верующих католиков в США имеется около 19 тыс. приходов (церквей), т. е. несколько более одной тысячи прихожан в среднем на одну церковь (у протестантов одна церковь приходится в среднем на 235 верующих, т. е. отправление культа в этом смысле почти в четыре раза более децентрализовано). Это соответствует указанному выше преимущественному сосредоточению католического населения в больших городах. В этих 19 тыс. (точнее 18 976) приходах насчитывается 36 970 священников. Католических епископов, ведающих епархиями, считается 129, архиепископов — 21. Из них до недавнего времени только двое были удостоены кардинальской шапки: архиепископ Бостонский У. О. Коннелли и архиепископ Филадельфийский Д. Догерти¹³. Такая скупость Римской курии на предоставление кардинальского достоинства американским иерархам объяснялась традиционным недоверием Ватикана к самостоятельности «американского католицизма» (в Италии кардиналами числилось 38 прелатов). После проведенной в феврале 1946 г. Ватиканом реорганизации кардинальской коллегии — уступку американскому империализму — число американских кардиналов возросло до 5: кардинальское достоинство получили, кроме упомянутых двух, также архиепископ Нью-Йоркский Ф. Spellman, архиепископ Чикагский Самуэль Стрич и архиепископ Детройтский Эдуард Муни¹⁴.

Протестантские религиозные организации, как уже сказано, менее централизованы, они более мелки и автономны. Около 37 млн. верующих объединены в 204 579 церковных и сектантских общинах, так называемых конгрегациях¹⁵. Каждая из них управляет своими делами самостоятельно, а общие вопросы решаются на областных или федеральных «конвентах» (Севернобаптистский конвент, Южнобаптистский конвент или «синаодах» (Евангелический лютеранский августинский синг

¹² А. Мэнхэттен, Ватикан, М., 1948, стр. 17 и др.

¹³ «American Handbook», 1945, стр. 418.

¹⁴ «Almanacco Italiano», 1947, стр. 525—527.

¹⁵ «American Handbook», 1945, стр. 418.

Сев. Америки и т. п.) и на периодически созываемых «генеральных ассамблеях» — церковных съездах, где дебатировались, между прочим, и вопросы догматики.

Верующие восточноправославного вероисповедания (их около 1,2 млн.) объединены вокруг 777 церковных общин (приходов), т. е. на один приход оказывается около полутора тысячи прихожан, — цифра, более высокая, чем даже у католиков¹⁶; но это свидетельствует не о большом централизме православной церкви, а о большей ее бедности.

Верующие иудаисты (их 4641 тыс.) объединены в 3728 конгрегаций (синагог). Раввинов насчитывается около 3 тысяч¹⁷.

6

С точки зрения догматики и культа американские религиозные общины не заключают в себе чего-либо своеобразного по сравнению с теми вероисповеданиями, сложившимися в европейских странах, от которых они ответвились. Общими чертами всех протестантских сект в Америке, как и в Европе, являются: признание библии единственным высшим авторитетом в вопросах не только догматики, но и морали и всех светских дел; учение об «оправдании верой», значительно понижающее роль церковной иерархии и повышающее ответственность отдельной личности; упрощение культа, отмена его наиболее пышных и показных форм; отрицание или сокращение культа святых, богородицы, почитания икон и разных церковных символов; строго аскетический взгляд на «мирские» удовольствия и развлечения, осуждение танцев, светской музыки, театра и пр. — особенно запрещается предаваться этим «греховным» и «суетным» занятиям в воскресенье; в воскресенье строго запрещается также работать. Эти «пуританские» взгляды действовали во всей строгости в первые времена колонизации Америки, когда фанатики-пуритане, едва освободившись от религиозных преследований на своей европейской родине, со всей непреклонной прямолинейностью подчиняли всю жизнь в новооснованных колониях своим библейским идеалам и с беспощадной жестокостью расправлялись с их нарушителями и вообще со всеми инакомыслящими. Впоследствии времена переменились, и ныне лишь немногие старозаветные ханжи придерживаются указанных взглядов во всей их строгости; однако в той или иной форме «пуританские традиции» оказывают влияние до сих пор — и на быт, и на экономику, и даже на политическую жизнь США.

«Протестантская этика» сыграла в свое время очень крупную роль как идеология растущего капитализма, — роль эта сказалась еще в европейских странах в годы сложения протестантизма, но особенно ярко проявилась именно в Америке. Догматической основой этой этики послужило учение о «предопределении», наиболее последовательно развитое Кальвином и его сторонниками и укрепившееся в пресвитерианской, реформатской и других церквях. Согласно этому учению, бог заранее предопределил судьбу всех людей — одних к вечному спасению, других — к вечному осуждению. Человек бессилен изменить это божественное предопределение, но он может и должен идти по стезе, указанной ему богом. Никто не может знать при жизни, предназначен ли он богом к спасению или к осуждению. Но внешним признаком благодати божией над человеком является его ж и з н е н н ы й у с п е х. К успеху в деловой жизни, в земледелии, промышленности и торговле и должен стремиться благочестивый человек, выполняя этим заповедь бога. Погоня за прибылью, за богатством, с точки зрения протестантского мировоззрения, не только не греховна (как учил средневековый католицизм),

¹⁶ «American Handbook», 1945, стр. 418.

¹⁷ Там же.

но, напротив, угодна богу. Греховно лишь пользование богатством для мирских удовольствий. Надо накапливать богатство, сохраняя аскетическую умеренность жизни (полная противоположность средневековым понятиям), накапливать его ради накопления, выполняя божью заповедь. Такова была идеология пуритан, этих суровых праведников-накопителей этих аскетических скопидомов, закладывавших основы капиталистического развития заокеанских колоний¹⁸.

Центральная идея этой протестантской этики — отождествление делового успеха с «божьей благодатью» — и по сейчас осталась краеугольным камнем мировоззрения протестантизма в разных его толках. С этой точки зрения, открыто или завуалированно проповедуемой всеми протестантскими сектами, капиталист, фабрикант, миллионер — это божий избранник, а его богатство и успех в области бизнеса — внешний знак его праведности. Напротив, тот, кто не имеет успеха в жизни, низкооплачиваемый рабочий, разорившийся фермер, безработный — это грешник, отмеченный перстом Божиим. Нигде с такой обнаженностью, как в Соединенных Штатах, не выступает эксплуататорская роль этой религиозной морали.

Между отдельными протестантскими толками различия по существу очень невелики. Они касаются маловажных деталей догматики, богословского обоснования этики, мелких особенностей культа. Более существенные различия между ними касаются, как уже было сказано, самого состава последователей.

Наиболее influentialными и крупными по числу приверженцев считаются в США четыре протестантские церкви (секты): епископальная, пресвитерианская, методистская и баптистская; каждая из них распадается на целый ряд местных, национальных и тому подобных церковных организаций. Хотя история каждой из этих сект своеобразна и первоначально, по крайней мере в Европе, они сильно отличались друг от друга (епископальная церковь представляла собой форму господства королевского абсолютизма в Англии и позже сохранилась там как аристократическая церковь; пресвитерианская церковь отражала интересы шотландской буржуазии; методисты и баптисты были выразителями настроения широких трудящихся масс, недовольных официальной, недоступной народу, «дорогой» церковью), — на почве Америки с течением времени различия между этими толками стерлись. Сейчас служители и проповедники отдельных сект отличаются друг от друга гораздо больше своими индивидуальными взглядами или политическими убеждениями, чем принадлежностью к той или к другой секте.

7

Особо следует сказать лишь о тех немногих религиозных течениях, которые создались в самой Америке из чисто местных условий. Таких чисто американских по происхождению сект всего две (если не считать мелких, не играющих заметной роли): это «Христианская наука» и секта мормонов.

Секта «Христианской науки» («Christian Science») была основана в 1892 г. Марией Бэкер Эдди из Бостона (Массачусетс). Идеи, положенные в основу новой секты, были изложены этой дамой еще ранее, в 1875 г., в ее книге «Science and health, with Key to the Scriptures», ставшей своего рода евангелием и основным руководством к учению.

¹⁸ Max Weber, *Protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus* (Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie), 2 Aufl., Bd. 1, Tübingen, 1922.

¹⁹ D. W. Brogan, Указ. раб.

секты. В настоящее время секта насчитывает около 300 тыс. последователей, имеет около 11 тыс. должностных лиц и священнослужителей, около 3 тыс. церквей, собственный орган «Christian Science Monitor».

Суть учения «Христианской науки» сводится к идее вечности и реальности духа, иллюзорности и эфемерности материи. Зло, с точки зрения «Христианской науки», — нереально, и человек, усвоивший истинное учение, должен его игнорировать. Секта «Христианской науки» ведет усиленную пропаганду во всех странах.²⁰

Другая чисто американская секта — мормонов — особенно интересна, как специфически американское явление, едва ли возможное в какой-либо другой стране. Вся история этой секты состоит из сплошного нагромождения грубых обманов, насилий, террора и преступлений; ее вероучение — причудливо-фантастический бред. Христианского в этой секте, кстати, почти ничего нет.

Официальное название секты «Church of Jesus Christ of Latter-Day Saints», т. е. «Церковь Иисуса Христа святых последнего дня». Она основана была около 1830 г. полупомешанным мошенником Джозефом Смитом, который объявил о найденной будто бы им «Книге Мормона», книге, написанной на золотых пластинках и поддававшейся чтению только с помощью таинственного оптического снаряда. В этой фантастической книге повествовалось об истории «американских израильтян», появившихся за много веков до хр. э. в Америку и ставших там христианами; этой благочестивой колонии являлся будто бы возродившийся Христос, который избрал из ее среды 12 апостолов, обративших в христианство всю Америку, и т. д. Весь этот горячечный бред оказался в действительности изложением неизданного романа одного полусумасшедшего пастора (1812). Однако это не помешало Дж. Смит собрать вокруг себя группу приверженцев и наэлектризовать их своими проповедями до экстаза. Смит ввел строгую дисциплину в свою секту. Центром ее стал гор. Индепенденс в штате Миссури. Творившиеся там приверженцами Смита безобразия вынудили жителей изгнать их. Сектанты переселились в штат Иллинойс (гор. Нову, 1838). Однако и там начались столкновения. После убийства Смита секта, реорганизованная Брайамом Юнгом, переселилась в штат Юта, на берега Соленого озера, тогда почти пустынные (1846—1848). Здесь мормонская колония достигла больших успехов, центр ее — Город Соленого Озера — стал большим цветущим городом. Но порядки в секте были варварскими и деспотическими. Слепое повиновение главе секты было объявлено высшей добродетелью, послушание — единственным непременным грехом. Строгая иерархия (священники чина Мельхиседека и чина Аарона) осуществляет абсолютную власть над общиной, малейшее неповиновение карается смертью от рук тайных отрядов «ангелов-мстителей». В секте было введено многоженство (до 1870-х гг.). Главари секты безнаказанно творили всякие преступления (например, истребление каравана переселенцев в 1857 г.). Впоследствии правительство США обуздало беззастенчивые действия мормонов, но замкнутость секты, ее нетерпимое отношение к окружающему «языческому» миру — остались.

Эта секта, лишь номинально связанная с христианством, имеет свою, совершенно особую догматику, состоящую из фантастических и путаных космологических представлений и полубандитской этики. Чисто американское явление (ведь основа учения — идея, что «христианство» в Америке появилось гораздо раньше, чем в Европе), секта мормонов, однако, имеет последователей и вне США (например, в Канаде, в Океании). В самих США сейчас есть две главные мормонские организации: в

²⁰ «American Handbook», 1945, стр. 418. А. J., Eddy, Mary Morse Baker (Dictionary of American Biography, vol. VI, 1931, стр. 7—14).

Солтлейк-Сити и в штате Миссури; друг друга они считают еретика. Общая численность мормонов — 983 тысячи ²¹.

8

Обострение противоречий империалистической системы, рост сознательности рабочего класса, его революционизирование, появление трещин в стенах царства доллара — все это вынуждает церковников и руководителей сект, верных слуг капитала, искать более сильных и более гибких способов сохранить господство религиозного дурмана над массами. Все церкви и секты в США, как и в других странах, всецело оправдывали и освящали капиталистическое рабство, все виды классового и национального гнета. Теперь для этой цели пускаются в ход частью более грубые и наглые, частью более тонкие методы.

Симптомы кризиса и поиски новых методов оболванивания масс начались в годы первой мировой войны и после ее окончания. Одним из характерных явлений в этом отношении был раскол целого ряда протестантских сект на два лагеря: консервативное, откровенно черносотенное течение мракобесов — так называемый фундаментализм — и течение сторонников необходимости приспособливаться к новым веяниям в политике и науке — так называемый модернизм. Раскол между фундаменталистами и модернистами начался в 1920 г. в баптистской секте, но он почти сразу перекинулся на организации методистов, пресвитериан и другие протестантские толки. Этот раскол оказался гораздо более существенным, чем все прежде имевшиеся различия между отдельными протестантскими сектами. «Через несколько месяцев (после появления фундаментализма как определенного течения) новое разделение прошло через всю страну, — писал один из либерально настроенных церковных авторов Альберт Диффенбах, — вместо прежних вертикальных линий, разделявших многочисленные церкви подобно барам, прошла одна горизонтальная линия раздела через все церкви фундаменталисты и модернисты» ²².

В чем заключалась сущность спора? В чем различались точки зрения фундаменталистов и модернистов?

Фундаменталисты пытались противопоставить угрозе растущего вольномыслия незыблемый авторитет библии, точное и безусловное понимание основных религиозных догматов, даже самых непонятных с точки зрения науки и здравого смысла; без слепого и буквального принятия на веру этих догматов не может, по их мнению, сохраниться авторитет библии, а следовательно, не удержится и христианство. Сельский баптистский конвент сформулировал в 1920 г. следующие 5 пунктов, по которым требовалась такая слепая и безоговорочная вера: абсолютный авторитет и непогрешимость библии; догмат девственного зачатия как основа учения о божественности Иисуса Христа; искупительная жертва сына божия за грехи всех людей; плотское воскресение в день Страшного суда тех самых тел всех людей, которые похоронены в могилах; второе пришествие Христа во плоти для суда над миром ²³.

Опубликование мракобесных решений Баптистского конвента вызвало большой шум в печати, удивление и возмущение всей мало-мальски свободомыслящей части общества. Церковный журнал «Christian Sentinel» выступил на первых порах с осуждением проповеди новых религиозных изуверов. Однако в начавшейся борьбе матерые фундамента-

²¹ «American Handbook», 419; Вл. С., Мормоны (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, полутом 38).

²² A. Dieffenbach, Religious liberty, N. Y., 1927, стр. 75 и др.

²³ Там же, стр. 38—39.

сты — сначала среди баптистов, потом и в других сектах — скороержали полную победу над своими противниками — модернистами, тавшимися затушевать контраст между нелепыми догматами и данми науки и разума. Против модернистов начались гонения, и большинство духовных деятелей побоялось итти против течения. На генельной ассамблее пресвитерианцев в Принстоне (1925) только 1½ % х священников осмелились выступить с просьбой разрешить более беральное толкование некоторых религиозных догматов. На такой же амблее 1927 г. в Сан-Франциско по поводу высказанного кем-то ко сомнения в истине догмата непорочного зачатия один из лидеров ккви торжественно заявил среди всеобщего одобрения: «Мы верим в ».

Более смелые и совестливые из церковных деятелей разных толков тались бороться против этого возрождения средневекового богосло- я. Такими были среди баптистов Фосдик, Фаунс, Веддер и др., в епи- пальной церкви — епископ Лауренс. Однако фундаменталисты уста- вили такой режим террора и инквизиции в своих организациях, о вольнодумцы вскоре были вынуждены один за другим замолчать. ждик, смело выступавший в 1922 г. против мракобесов, впоследствии ался и на допросе в 1925 г. отрекся от всех своих «ересей». То же оизошло с Генри Коффином, Уильямом Меррилем, с журналом hristian Century». Епископальная церковь в 1923 г. при помощи юз и репрессий принудила к молчанию группу священников, сомне- зшихся в буквальном понимании некоторых догматов. В баптистских анизациях 85 % деятелей оказались фундаменталистами (особенно в ных штатах), в пресвитерианских — 95 %. В методистской церкви, тее гибкой, мракобесие не сказалось так резко, но преследования ьнодумства имели место и в ней: так, около 1927 г. в штате Небраска . Аврора проповедник Бэкнер, любимый всеми прихожанами, был олен за то, что выражал сомнения по поводу утверждений библии, то бог утопил в воде всех людей, кроме Ноя, будто он погубил тысяч ни в чем неповинных людей, будто он велел евреям избивать х хананеев и пр. Таких фактов террора и преследования вольнодум-) было очень много ²⁴.

Мракобесы, одержав победу в церкви, перешли в наступление и на школу и просвещение. Именно тогда начали издаваться в южных шта- тах, где фундаменталисты располагали монопольной властью, законы против преподавания эволюционного учения в школах — учения, проти- воречащего непогрешимой библии. Такие законы были приняты в шта- тах Теннесси, Техас, Сев. Каролина и внесены в законодательные па- латы целого ряда других южных штатов. В гор. Дейтоне (штат Теннес- си) летом 1925 г. разыгрался и знаменитый «обезьяний процесс», когда олодого учителя Джона Скопса осудили за то, что он осмелился изла- гать на уроках учение Дарвина. Главным обвинителем на процессе вы- ступил виднейший лидер фундаментализма Уильям Брайан, мракобес, обнаруживший на суде свое полнейшее невежество во всех науках; из 12 присяжных на этом суде 11 человек заявили себя убежденными фун- даменталистами (почти поголовно баптисты или методисты), и большин- ство их созналось, что, кроме библии, ни одной книги они никогда не читали ²⁵.

Шум, поднятый борьбой между фундаментализмом и модернизмом, перез несколько лет (в 1930-х гг.) стал стихать, острота спора понемно- у сгладилась. Но фундаментализм сохранил по существу все свои по- зиции, хотя и не всегда считает необходимым выставять их на вид.

²⁴ А. Dieffenbach, Указ. раб., стр. 57—58 и др.

²⁵ Н. Полетика, Обезьяний процесс, ГИЗ, 1926.

В отличие от твердолобых фундаменталистов, идущих напролом, дернисты ищут более гибких и тонких способов сохранить и усилить свое влияние на массы. Порой ими пускается в ход социальная демагогия. Многие стараются модернизировать религию и культ, подделываясь под вкус публики, любящей зрелища, сенсацию, развлечения. меняется беззастенчивая реклама чисто капиталистического типа с новыми трюками.

Самый яркий пример этого рода — деятельность методистского священника Кристиана Рейснера, который сам опубликовал описание использованных им рекламно-цирковых приемов привлечения и гипнотизирования верующих. В церкви Рейснера выступали известные чемпионы спорта, популярные кинозвезды, цирковые артисты, при церкви был крытый бильярд, молящихся угощали фруктами и булками (все это доставлялось бесплатно фирмами в целях рекламы); религиозные гимны у него не пели, а насвистывали. Защитники благочестивой старины, конечно, критиковали Рейснера за эти экстравагантные новшества, но популярный поп отвечал на это указанием на то, что посещаемость церкви возросла вдвое и что в общем и сам бог показал пример рекламы (например, радуга — первая в мире реклама в облаках). Постепенно идеи Рейснера перестали казаться столь уж странными, и у него нашлись последователи. Его книги «Церковная реклама или как звать их войти», «Практические планы пробуждения верующих» — разошлись среди своих читателей. Методы рекламы с 1920-х гг. начали все шире и все разнообразнее применяться в религиозной жизни США²⁶.

Одним из таких методов является постройка рекламных храмов-небоскребов вполне в стиле капиталистической Америки. В начале 1930-х гг. началась постройка в центре Нью-Йорка, на Бродвее, капитального 24-этажного методистского храма. Постройка началась по инициативе того же Рейснера, при щедром финансировании миллионером Рокфеллером; она неоднократно горела и с трудом и большими затратами была достроена. 55-этажный храм, он же богословский институт, строили в те же годы в Питтсбурге²⁷.

Разнообразны методы сбора пожертвований на церковь, меняющиеся то с вымогательством, то с коммерческой рекламой. Организаторы сборов и для церковных деятелей это нередко способ обогащения.

Приемы зазывания в церковь ничем не отличаются от методов рекламы ресторана, кино, магазина. По улицам шествуют люди-сэндвичи, плакатами на груди и спине: «Приготовьтесь встретить бога!», «Не забывайте ли вы про церковь? Вставайте скорее и идите в храм!» «Ступайте в церковь методистов! Всегда необыкновенные аттракционы! Сегодня у нас счастливое воскресенье!» и т. п. Рекламными плакатами обвешаны специальные автомобили, на некоторых из них — целые макеты церкви, сам священник с супругой и помощником разъезжают по городу и дают импровизированные концерты для привлечения внимания толпы.

Более серьезные формы церковной пропаганды — устройство в церквях лекций на общеобразовательные, социальные или спортивные темы, доклады, диспуты, литературные вечера, концерты.

Все бесконечно разнообразные формы поповской пропаганды и рекламы, применяющиеся в современной капиталистической Америке, невозможно даже перечислить. Цель же их одна — оглушить, загипнотизировать верующего, не дать ему опомниться, заманить, затащить

²⁶ Arth. Holitscher, Wiederschen mit Amerika; ср. М. Жураковский, Бог в стране доллара, М., 1930.

²⁷ В. Г. Тан-Богораз. Технизация церкви в Америке, М., 1931, стр. 26.

жков любым способом и там обрушить на него все запасы религиозной агитации, а заодно вытянуть сколько возможно денег.

10

Религия в Америке широко пользуется и всеми другими средствами действия на массы. Одно из самых сильных — школа и воспитание молодежи. Хотя США считаются страной, где церковь отделена от государства, но фактически в большинстве штатов религия преподается и в государственных школах. В 38 штатах есть правило отпускать детей из государственных школ на определенное число часов для обучения религии²⁸. Но церковные организации имеют и свои собственные учебные заведения, от низших до высших.

Самая многочисленная и разветвленная сеть учебных заведений принадлежит католической церкви. Она имеет (начало 1940-х гг.) 7647 начальных приходских школ с 2 млн. учащихся, 1522 школы повышенного типа — так называемые «high schools», 638 колледжей и «академий» для девушек, 131 колледж, в том числе университеты, для юношей. Кроме того имеется 195 духовных католических семинарий для подготовки духовенства (в них 16 838 учащихся). В католических учебных заведениях допускается обучение и детей других вероисповеданий, — в этом сказывается гибкость и умелость католической религиозной пропаганды.

Сеть протестантских учебных заведений гораздо уже (что понятно, о гражданские школы достаточно проникнуты духом протестантизма). Считывается 106 «junior colleges», 3 «нормальные школы», 65 профессиональных школ, 1 учительский колледж, 251 колледж, в том числе университеты. Общее число учащихся — 800 тысяч.

Отдельные протестантские учебные заведения существуют для негров. Их числе — 17 «junior colleges», 3 «нормальные школы», 2 профессиональные школы, 37 колледжей и университетов.

Еврейские религиозные учебные заведения: 49 «yeshivas» (ишибот) — начальные и средние, 1 колледж (в Нью-Йорке), 5 высших богословских семинарий, не считая нескольких мелких. Учащихся насчитывается около 11 тысяч²⁹.

Существенную роль играют, в качестве метода религиозной пропаганды, воскресные школы, в частности школы для рабочих на предприятиях. Они содержатся обычно хозяевами, и в них видное место отводится проповедям и обучению религии. Известны случаи, когда в качестве споведника выступает кто-нибудь из хозяев или администрации завода.

К средствам религиозной пропаганды надо отнести и церковно-сектантскую печать, которая в США очень обильна. Всего насчитывается около одной тысячи печатных периодических органов религиозного характера, с общим 13-миллионным разовым тиражом. Из них католикам принадлежит 332 органа (главным образом журналы и еженедельные газеты), протестантам — 400 (главным образом ежесеманники), иудеям — 185.

Непериодические издания религиозного характера появляются сотнями ежегодно. В 1941 г. было издано 664 религиозные книги, в 1942 г. — 656, дальше наметился некоторый рост. В годы войны повысился спрос на Библию. В одном 1941 г. было продано или распределено 8 млн. экземпляров Библии³⁰.

Широко используется церковью и радио как способ пропаганды. В 1942 г. в США еженедельно имело место 19 радиопередач религиоз-

²⁸ «American Handbook», 1945, стр. 419—420.

²⁹ Там же, стр. 419.

³⁰ Там же, стр. 421, 422.

ного содержания через национальную радиосеть (не считая мест передач)³¹.

Очень важным средством укрепления авторитета церковных организаций является благотворительная деятельность. Сеть благотворительных и благотворительно-воспитательных учреждений в США достаточна велика как у католиков, так и у протестантов. Католическая церковь контролирует 316 благотворительных организаций, содержит на их иждивении 38,5 тыс. детей, под своей опекой имеет 22 тыс. детей; и 689 госпиталей на 92 тыс. коек и т. д. Протестантские организации держат 374 госпиталя с 40 тыс. коек и т. д. Ясно, каким мощным средством пропаганды служат в руках попов и сектантских главари благотворительная деятельность³².

Далее, важную роль играют молодежные организации, находящиеся под контролем церкви. Самые крупные из них две — Христианская ассоциация молодых людей (Young Men's Christian Association — YMCA) и Христианская ассоциация молодых женщин (Young Women's Christian Association — YWCA). Первая из них насчитывает 1817 местных ячеек, вторая — 550³³.

Наряду со всем изложенным религиозные организации в США прибегают и к чисто террористическим приемам поддержания своего авторитета. Ни для кого не секрет, что в южных штатах фашистско-бандитская организация Ку-клукс-клан (возродившаяся, после большого перерыва, в 1915 г.) тесно связана с местными протестантскими сектами, — хотя, конечно, связь эта неофициальна. Подобная неофициальная связь с католической церковью имеется у другой по фашистской организации, так называемой «Рыцари Колумба»³⁴.

Влияние американских церковно-сектантских организаций распространяется и далеко за пределы страны. Об этом заботится многочисленная рать миссионеров, работающих, не покладая рук, во всех частях света. В 1938 г. числилось 33 тыс. католических миссионеров, 27,5 тыс. протестантских, которые действовали за пределами США. Деятельность их координировалась «Североамериканской конференцией заграничных миссионеров» («The Foreign Missions Conference North America»)³⁵.

11

Успеху поповской пропаганды всегда сильно мешала взаимная конкуренция и грызня между отдельными толками. Конкуренция эта доходила неоднократно до прямых религиозных преследований. Преследуемыми в прошлом чаще оказывались в Соединенных Штатах католики, иудеи. Но более дальновидные из церковных деятелей разных толков уже давно заметили тот вред, который происходит от этой взаимной грызни для общего их дела, т. е. для интересов империализма в целом. Отсюда как один из способов усиления религиозной пропаганды еще после первой мировой войны наметились формы сотрудничества между отдельными, самыми крупными религиозными организациями США. В 1928 г. по почину ряда видных церковных деятелей была создана «Национальная конференция христиан и евреев», своего рода межцерковный совет протестантов, католиков и иудаистов; в задачи «Конференции» входило добиваться дружбы и взаимопонимания между евреями, католиками и протестантами. Конференция развила энергичную деятельность в направлении сближения вероисповеданий

³¹ «American Handbook», 1945, стр. 422.

³² Там же, стр. 420—421.

³³ Там же, стр. 421.

³⁴ Фр. Грант, Религия на службе американского капитала, М., 1928, стр. 304, 83—85.

³⁵ «American Handbook», стр. 423

В разных частях страны было организовано в общей сложности более 300 тыс. встреч представителей этих вероисповеданий³⁶. Отдельные церкви идут еще дальше и устраивают — скорее, конечно, в целях рекламы и аттракциона — братание самых различных религий, включая ислам, индуизм и конфуцианство. С другой стороны, проводится слияние некоторых особенно близких между собой протестантских толков. Так, уже слились разные ветви методистской секты. Большая часть протестантских общин примкнула к новосозданному «Федеральному совету церквей Христа в Америке», объединившему около 25 млн. протестантов и создавшему целый ряд местных объединительных церковных советов³⁷.

Во время второй мировой войны отдельные вероисповедания не раз выступали совместно. Так, в декабре 1940 г. по инициативе около ста церковных деятелей была создана «Комиссия изучения основ справедливого и длительного мира». 7 октября 1943 г. 146 представителей протестантских сект, католической церкви и иудейства подписали Декларацию о мире во всем мире и о принципах послевоенной политики, где говорилось немало красивых слов против расовой и религиозной дискриминации и т. д.³⁸ Американские попы пытались использовать в своих целях благородное стремление простых людей к миру и демократии.

Все эти факты говорят о гибкости и изворотливости поповской пропаганды, использующей все средства для сохранения и расширения своего влияния на массы.

12

Помимо официальной церковности, сознание широких слоев американского населения густо опутано сетью разнообразных суеверий. Люди верят в приметы, в колдовство, в порчу, в предсказания будущего, в счастливые дни и пр. Очень многие верят в спиритические явления, в вызывание душ. Эти дикарские верования разделяются, как ни странно, и многими интеллигентами, образованными людьми.

Некоторые факты недавних и даже наших дней, о которых сообщает время от времени печать США, как будто переносят нас в мрачное средневековье с его ведовскими процессами. В 1928 г. в штате Пенсильвания был убит старик Регмейер, которого соседи обвиняли в колдовстве: он якобы отнимал у коров молоко (как средневековые ведьмы), портил людей; на суде по этому поводу выяснилось, что в том же округе были и другие «колдуны». В 1929 г. в штате Мичиган таким же образом была убита старуха Этта Ферчайльдз, обвиненная в колдовстве и порче; по словам соседей, Этта испортила на своем веку более 100 человек. «Дошло до того, — говорил на суде один из ее убийц, — что пришлось выбирать, кому из нас жить: ей или нам»³⁹. В 1936 г. в Чикаго подвизался некто Финкель, обладавший «дурным глазом» и извлекавший из этого немалый доход: его нанимали спортсмены, боксеры, борцы, чтобы он во время состязаний околдовывал их противников: «колдун» садился в первом ряду во время состязания и пристально смотрел на противника своего нанимателя; тот, заранее предупрежденный, смущался, терялся и проигрывал, что, конечно, еще более поднимало репутацию «колдуна».

В «деловой» жизни Америки широко применяются разные магические средства, амулеты, талисманы. Во время известного кризиса

³⁶ «American Handbook», стр. 422; «One America», стр. 512.

³⁷ «One America», стр. 511.

³⁸ «American Handbook», стр. 425.

³⁹ В. Г. Тан-Богораз, Указ. раб., стр. 6.

1930 г. бизнесмены на нью-йоркской бирже носили на пиджаках белые значки с надписью «Дела идут хорошо». Им это, правда, не могло, кризис разорил многих, но продавцы подобных значков нажили на суеверии своих сограждан.

Есть данные о суеверности американских студентов: многие из них верят в разные амулеты, счастливые предметы, магические камни и пр., иногда полученные от какого-нибудь индейского племени. Культурный уровень таких студентов не намного выше культурного уровня полустрабеленных и презираемых колонизаторами индейцев.

По некоторым данным в США и сейчас есть до 75 тыс. спиритов объединенных в 700 специальных спиритических союзов.

Корни этих диких суеверий среди «культурного» населения США те же, что и корни церковной религиозности, — придавленность целого века слепой и жестокой силой капитала.

13

Однако, вопреки всем усилиям поповщины, неуклонно растет сознательность трудящихся масс, усиливается их отход от религии. Конечно для скованного крепкими традициями «среднего американца», не могущего даже представить себе человека, который бы не принадлежал к какой-либо религиозной общине, это очень трудно. Процесс идет неравномерно и по-разному в различных религиях.

Повидимому, быстрее всего падает обаяние такой религии, как иудаизм, с его сотнями мелочных обрядовых предписаний и запретов не совместимых с условиями жизни в капиталистической стране. Попадая в Америку, еврейский иммигрант, особенно трудящийся, очень скоро убеждается в том, что соблюдение религиозных обычаев, субботы, многочисленных пищевых и прочих запретов совершенно невозможно, если не хочешь умереть с голоду: ни один фабрикант не станет держать рабочего, прогуливающего каждую субботу, а стремительный темп жизни и стандартизация питания не позволяют быть особенно разборчивым в «кошерной» и «трефной» пище. Поэтому еще в конце XIX в. многими наблюдателями отмечался отход евреев-иммигрантов в Америке от соблюдения правил религии. Как правило, лишь старшее поколение их (переселившиеся в Америку уже в зрелом возрасте) еще придерживается в известной мере религиозных предписаний, а молодежь обнаруживает к ним равнодушие или пренебрежение. По данным обследования одного из городов Новой Англии (условное название «Янки-Сити»), не более 15% еврейской общины посещает синагогу по субботам, подавляющее большинство бывает там лишь по важнейшим годовым праздникам — Йом-Кипур и Рош-Гашана⁴⁰. На ослаблении влияния иудаистской религии сказывается и преобладание христианского окружения, обязательная светская школа, отсутствие той национальной замкнутости евреев, какая была характерна для некоторых стран Европы, в особенности для царской России, откуда приезжало как раз большинство иммигрантов-евреев.

Но ни крупная еврейская буржуазия — заправилы синагогальных общин, ни американский империализм в целом не заинтересованы в массовом освобождении трудящихся-евреев от духовного гнета религии. Поэтому пускаются в ход все меры, чтобы не допустить разрыва их с общиной. Религиозные руководители — раввины и другие — идут на все уступки, освобождают верующих от соблюдения почти всех, обязательных с точки зрения строгой ортодоксии, предписаний и запретов, от соблюдения субботы, еженедельного посещения синагоги,

⁴⁰ W. Lloyd Warner and L. Srole, The social systems of American ethnic groups (Yankee-City series, vol. 3), New Haven, 1945, стр. 195.

лишних правил,— только чтобы верующий не терял связи с общиной. Для закрепления такой связи служат и религиозные еврейские школы, и печать, и благотворительные учреждения, и многое другое. Для этой же цели еврейские общины стараются, подобно христианским, строить величественные, красивые храмы, а иногда устраивают при них разные аттракционы не хуже, чем у «биллиардного попа» Рейснера.

Интересный факт находим мы в тех же данных о городе «Янки-Сити». Старая синагога еврейской общины этого города была тесной, темной, неудобной; еврейская молодежь плохо ее посещала. Руководители общины задумали построить новую. Сбор средств был произведен в 1932 г.— в тот самый год тяжелой депрессии, когда та же община заявила местному учителю, что она не сможет более выплачивать ему прежнюю заработную плату. Сэкономив на бедном учителе, община, однако, собрала в короткое время по подписке 10 000 долларов на постройку новой синагоги. Синагога была построена, и она действительно привлекала гораздо больше молящихся⁴¹. Для увеличения посещаемости при синагоге стали устраивать развлечения для молодежи — например танцы. Старые верующие евреи смотрели на это неодобрительно.

Еврей, даже охладевшие к религии, вынуждены держаться за свою общину. К этому принуждает общественное мнение, даже со стороны христианского окружения. В стране, где религия — свидетельство гражданской благонадежности и кредитоспособности, христиане косо смотрят на еврея, отказавшегося от своей религии, и евреи это видят. «Молодые люди поняли,— говорил один еврей-буржуа,— что мы должны ходить в синагогу хотя бы для того, чтобы христиане лучше к нам относились... Один христианин, мой заказчик, сказал мне, что он скорее поверит религиозному еврею, чем такому, который отверг свою религию»⁴².

14

По тем же причинам еще медленнее идет освобождение от религиозного дурмана членов христианских церквей и сект. Форма и дух этих церквей и сект гораздо лучше приспособлены к условиям жизни капиталистической страны, и ничто не мешает члену религиозной общины точно соблюдать все предписания религии,— не в пример членам еврейских общин. Поэтому здесь отход трудящихся от религии, выход их из общин — обусловливается, повидимому, исключительно ростом сознательности, свободомыслием, пониманием классовой эксплуататорской роли религии.

Имеющиеся очень отрывочные данные говорят о неуклонном процессе отхода от религии со 2-й половины XIX в. В 1876 г. в Нью-Йорке был основан Американский светский союз (American Secular Union) для борьбы против влияния церкви на государство. В 1873 г. начал выходить орган группы свободомыслящих «The Truth Seeker» («Искатель истины»), издающийся до сих пор. Журнал этот, как и все почти свободомыслие в США, носит до сих пор преобладающий буржуазно-просветительный характер, выдвигая весьма скромные лозунги (прекращение влияния религии и церкви на общественно-политическую и культурную жизнь).

В 1924 г. была создана Американская ассоциация рационалистов. Существует также Американская ассоциация содействия атеизму (American Association for the advancement of atheism), ставящая себе целью не более и не менее как «уничтожение религии», «Свободомыслящие Америки» («Freethinkers of America») — и др. Но в последнее время,

⁴¹ W. Lloyd Warner and L. Srole, Указ. раб., стр. 205—206 и др.

⁴² Там же, стр. 216.

рядом с этим буржуазно-атеистическим направлением, можно замечать и более правильное понимание роли религии трудящимися.

В середине 1920-х гг. было подсчитано, что протестантские церкви США ежегодно теряют около $1\frac{1}{2}$ млн. своих членов, выходя из общин. Отдельные церковные организации пытаются объяснить эту убыль «передвижениями» своих членов, но дело, видимо, далеко не в этом. Протестантская епископальная церковь теряла в этот период ежегодно около 22 тыс. членов, реформатская церковь США — около 11 тысяч, пресвитерианская церковь «терпела ужасающий урон» примерно на 50 тыс. членов в год и т. д.⁴³

К сожалению, более полных и точных данных о росте свободомыслия и атеизма в США, в особенности для наших дней, не имеется.

⁴³ Фр. Грант, Указ. раб., стр. 110—113.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

И. ДМИТРАКОВ

ТЕОРИЯ АРИСТОКРАТИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА И ЕЕ РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ

Богаты и плодотворны традиции русской прогрессивной демократической науки о народном творчестве, представленной именами Ломоносова и Радищева, декабристов и Пушкина, Белинского и Чернышевского, Добролюбова и Салтыкова-Щедрина. Немало потрудились для развития отечественной науки о фольклоре Худяков, Прыжов и другие последователи великих русских революционных демократов. Огромный и еще не учтенный труд, труд-подвиг выполнили русские революционные ученые, угнанные в ссылку на далекие окраины дореволюционной России. В тюрьме и ссылке продолжали большую работу такие исследователи народного творчества, как академик Пекарский, проф. Богораз-Тан, Викторин Арефьев (о нем, как о талантливом фольклористе, в молодом возрасте замученном царским самодержавием, с сердечной теплотой писали А. М. Горький, Л. Я. Штернберг и многие другие). В ссылке занимались проблемами народного творчества и краеведения Ф. Кон, В. Бонч-Бруевич, Ем. Ярославский и другие большевики.

Представители демократической фольклористики являются ее действительными и ведущими творцами. М. Горький с глубоким уважением отзывался о благородном, подвижническом труде русских прогрессивных ученых. Он с удовлетворением напоминал «о героизме, о мужестве, о непоколебимой преданности русских ученых своему делу — делу обновения, облагорожения мира и России»¹.

Эти слова М. Горького в полной мере применимы к лучшим представителям русской демократической фольклористики, создававшим науку в упорной и непрерывной борьбе с реакционными концепциями буржуазных ученых, — в борьбе против охранительных теорий в фольклористике, в борьбе с идеями так называемой исторической школы, «школы» заимствования (компаративистов), формалистов и др. Реакционные концепции буржуазной фольклористики эпохи империализма разбиты. Их научная несостоятельность и реакционность вскрыты русской революционной фольклористикой. Но эпигоны антинародных концепций еще действуют в наши дни, особенно в странах капиталистической Европы и в США. Гнилые теории реакционной фольклористики используются в интересах империализма, проявляются в его идеологии — космополитизме, буржуазном национализме, фашизме всех толков. Отголоски этих реакционных теорий имеют место и в отдельных работах некоторых советских ученых. Так, например, порочные построения Карла Бюхера все еще пропагандируются на страницах наших учебных и специальных книг, его научные заслуги преувеличиваются.

¹ Из письма М. Горького к академику А. П. Карпинскому (1927), Вестник Академии Наук СССР, 1942, № 7—8, стр. 8—9.

Еще имеют место отголоски чуждых нам традиций безидеальной антипатриотической буржуазной фольклористики. В работах отдельных советских фольклористов и литературоведов еще сказывается влияние бесплодных формалистических схем А. Веселовского. Примером тому может служить вышедшая в 1949 г. книга А. Я. Кайева «Русская литература. Учебник для учительских институтов». А Кайев не делает прямых ссылок на труды Веселовского. Однако, в соответствии с традициями буржуазной науки, истоки народного творчества он видит в пресловутом так называемом «первобытном синкретизме» искусства, в первобытных верованиях, анимизме, магии и т. д. А. Кайев преувеличивает роль обрядового и религиозного искусства на ранних стадиях общественного развития. Вместе с тем в этой книге скороговоркой и малубедительно показано и дейное — эстетическое и этическое значение фольклора как важного средства коммунистического воспитания советского народа.

В деле борьбы против пережитков реакционной буржуазной фольклористики конца XIX — начала XX в. велики заслуги М. Горького — гениального пропагандиста идей большевистской партии по вопросам народного творчества, основоположника советской фольклористики.

Окончательное преодоление пережитков враждебных народу антинаучных концепций реакционной фольклористики — актуальная задача советской науки о народном творчестве.

*

Период конца XIX и начала XX в. ознаменовался бурным ростом революционного рабочего движения в России, ростом боевой, наступательной энергии трудящихся. «С развитием капитализма в России рабочий класс становился могучей передовой силой, способной к организованной революционной борьбе»². Освободительная борьба русского рабочего класса приобрела международное значение. Центр мирового революционного движения переместился с Запада на Восток. Вполне закономерно, что родиной ленинизма стала Россия.

С другой стороны, империалистические группы в России становятся все более реакционными. Вместе с царским правительством капиталисты усиливают контрреволюционное наступление на рабочих, а помещики на крестьян. Расширяются и крепнут антирабочие союзы и организации, направленные на борьбу с поднимающимся рабочим классом.

Экономический кризис 1900—1903 гг. резко ухудшил положение масс. «В России вообще действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране, — писал Ленин. — К застою в промышленности присоединяется у нас голодовка крестьян... Рабочих и крестьян сближает теперь не только безработица и голод, но также и тот полицейский пнет, который отнимает у рабочих возможность соединения и защиты, отнимает у крестьян даже приходящую к ним от доброхотных жертвователей помощь. Тяжелая полицейская лапа становится во сто раз тяжелее для миллионов народа, потерявшего всякие средства к жизни»³.

Кровавый террор полицейско-самодержавного строя особенно усилился после революции 1905 г. В. И. Ленин так определяет действия правящей империалистической клики этого времени:

«Царское самодержавие, только надломанное, но не уничтоженное в 1905 году, собралось с силами, соединилось с помещиками и капиталистами в III Думе и снова ввело в России старые порядки. Еще сильнее стал гнет капиталистов над рабочими, еще наглее беззакония и произвол чиновников в городе и особенно в деревне, еще свирепее расправа с борцами за свободу, еще чаще смертные казни. Царское правитель-

² История ВКП(б). Краткий курс, стр. 12.

³ В. И. Ленин, Соч., т. IV, изд. 3-е, стр. 167.

ство, помещики и капиталисты бешено *мстили* революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию,— точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов»⁴.

В годы реакции острейшая классовая борьба вызвала переход подавляющего большинства буржуазных ученых на службу интересам капиталистов. Реакция пыталась вытравить из сознания народа в России великие революционные традиции и отвлечь массы от революции. Служа интересам империализма, буржуазно-либеральная интеллигенция тех лет начала яростный поход против всего революционного и демократического. Примером ренегатства буржуазных ученых был сборник «Вехи» (1909 г.), в котором предавалось поруганию русское освободительное движение с его героическими революционными традициями, с его материализмом, и проповедывалось «мирное социальное сотрудничество». «Веховцы» холопски выражали господствующей клике свои верноподданные чувства и призывали «благословлять эту власть, которая,— писали они,— со своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

В. И. Ленин заклеил веховцев как прислужников денежного мешка. В статье «Наши упразднители» (1911) он писал, что веховцы служат капиталистам и землевладельцам, снабжая теоретическим оружием арсенал империалистов для идейно-теоретической борьбы против демократии и социализма.

Капиталисты не без успеха стремились заставить науку, литературу и искусство служить хищническим империалистическим целям. Буржуазными учеными и писателями усиленно проповедывался антидемократизм, крайний индивидуализм, принимавший все более агрессивный характер. В соответствии с интересами империалистической буржуазии поэтизировались «героические эгоисты», аморалисты, люди-хищники, «аристократические личности», коим «все дозволено» (декаденты З. Гиппиус, Минский, Игорь Северянин, Бальмонт и многие другие). Империалистическая буржуазия обретает своих апологетов в лице различных представителей декаданса (в его многих проявлениях): символизма, урбанизма, натурализма, акмеизма, формализма и др. В угоду империалистам буржуазные художники и ученые отвернулись от народа и народного творчества, отрицали общественные идеалы, хулили устную поэзию трудового народа, восхваляли демона, сатану, Люцифера, Иуду Искариота, зло (Ф. Сологуб, А. Ремизов, Л. Андреев и др.).

В буржуазной литературе насаждался культ провокатора. «Почти две тысячи лет люди полагали, что Иуда — человек, вовсе не заслуживающий ни подражания, ни похвал,— писал Горький.— Так думали Данте, Мильтон, Камюэнс, Гете, Гюго, Толстой, дерзкий Вольтер, Кардуччи и сотни других великих людей, коими гордится мир, но родился в России храбрый нигилист, и оказалось, что величайшие мыслители мира ошиблись в оценке Иуды... Он (т. е. писатель империалистической буржуазии.— И. Д.) вдруг Иуду начал славить и самоубийство предателя именует «царственным закатом»⁵.

За 7 лет до того, еще в 1905 г., Горький писал о декадентских изоляциях Ремизова — ранних проявлениях отказа от общественного долга писателя: «...Противно читать — так это грубо, нездорово, уродливо, и — намеренно уродливо... Входите в литературу точно в цирк, — с фокусами, а не как на трибуну с упреком, мстостью... Вы предпочитаете баловаться, как гимназист, который бьет мух Библией»⁶.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 16, изд. 4-е, стр. 325.

⁵ М. Горький, «О современности» (1912). Литературно-критические статьи, М., 1937, стр. 132.

⁶ М. Горький, Письмо к А. М. Ремизову от 22 июня 1905 г., «Литературный современник», Л., 1933, № 1, стр. 151—152.

Эти правдивые слова Горького применимы ко многим буржуазным художникам и ученым данного периода.

Буржуазная наука старалась дать теоретическое обоснование и оправдание империализма. Она отстаивала «идеи» неизменности, вечности капиталистических отношений. Ученые апологеты империализма фабрикуют и пропагандируют «научное», «философское», «историческое» обоснование исключительных прав господ. Они приукрашивают и непомерно возвеличивают историко-культурную роль эксплуататорских классов и одновременно всячески принижают великое культурное значение деятельности «низов», т. е. трудовых эксплуатируемых масс, «маленьких великих людей» труда, как называет их Горький. Такова политическая позиция ряда буржуазных ученых того времени, таков выполняемый ими социальный заказ их хозяев империалистов. В этом кроется и одна из особенностей буржуазной фольклористики эпохи империализма.

Теории реакционных ученых, в том числе и фольклористов, становятся воинствующими, начиная с конца 80-х гг. Буржуазная «академическая» наука о фольклоре всячески возвеличивала исторические «заслуги» господствующих классов, заодно принижая великую роль трудового народа в деле создания устной поэзии. Тем самым осуществлялась грубейшая фальсификация русской истории вообще и истории русской народной поэзии и литературы в частности.

Трудовому народу отказывали в создании многовековой русской поэтической культуры. Авторство древних художественных произведений, как письменных, так и устных, приписывается аристократии: то «родовой аристократии» (В. А. Келтуяла, В. Ф. Миллер, Е. В. Аничков, Н. Халанский, И. Дашкевич и др.), то «аристократам духа» (Д. Н. Овсянко-Куликовский и др.), то — вообще господствующим классам.

То была фальсификация исторического прошлого русского народа коллективного художественного творчества масс, чинимая в угоду интересам капиталистических заправил. То была попытка ради корыстных интересов «верхов» унижить трудовой народ, отказать ему в художественном творчестве, в праве на наследование и развитие веками созданной культуры.

«Конец 80-х и начало 90-х годов, — писал Горький, — можно назвать годами оправдания бессилия и утешения обреченных на гибель. Литература выбрала героем своим «не героя», одна из повестей того времени так и была озаглавлена: «Не герой». ...Было много утешителей, примирителей и проповедников на тему: «Придите ко мне все страждущие обремененные, и аз упокою вы». Философскую паутину на эту тему усердно ткал и человек такого высокого давления, как автор книги «Исповедь», «В чем моя вера?» «Царство божие внутри нас» и т. д.

«Утешали», в сущности обманывали, угнетенных. А с другой стороны по-иному утешали «обреченных на гибель» аристократов пропагандист «теории» аристократического происхождения фольклора. В своих реакционных взглядах на народное творчество они стояли на тех же позициях, что и представители буржуазной западноевропейской фольклористики. И те и другие отрицали творческую роль народа, возвеличивая роль господствующих классов и отдельных просвещенных личностей. Они выступали против фольклористических взглядов русских революционных демократов, учивших видеть в фольклоре отражение социальной жизни, общественных идеалов и освободительной борьбы народа. Понятия народной поэзии, народной словесности, народной мудрости квалифицировались как сомнительные в научном отношении, а то и вовсе как антинаучные. Утверждалось, что народ сплошь заимствует устные произведения, подхватывает и усваивает их в готовом виде у образованных

правлящих «верхов» и что, «заимствуя», он снижает, портит, обедняет, разрушает, коверкает.

Реакционная сущность буржуазной фольклористики нашла свое характерное выражение в трудах Вс. Ф. Миллера и его учеников, соратников и последователей: А. М. Лободы, Н. Дашкевича, академика Владимирцева и др., а также в работах А. Н. Веселовского и его последователей (Е. В. Аничков, проф. Бороздин и др.). Работы эти общеизвестны; часть их еще и сейчас расценивается как «авторитетное слово науки». При наличии некоторых расхождений между «историческим», компаративистским и формалистическим направлениями в фольклористике у них не было принципиальных разногласий по вопросам происхождения и классовой сущности фольклора. Так, у одного из видных представителей формалистического направления в фольклористике В. Н. Перетца, у основоположника «исторической школы» В. Ф. Миллера и у главы компаративистов А. Н. Веселовского наблюдается удивительное единство взглядов на этот вопрос. Все они, если отвлечься от оговорок, так или иначе недооценивали, а часто и откровенно отрицали значение трудового народа в создании устной поэзии и чудовищно преувеличивали «творческую миссию» господствующих классов.

Изучение народного реалистического творчества в его историческом развитии подменялось изучением реакционной религиозно-мистической словесности. В ретроспективных изысканиях сказывалась нарочитая архаизация, установка на «уход в прошлое». Исследование идейно-эстетических и этических богатств устной народной поэзии подменялось формалистическими штудиями по истории религии, особенно ее ранних стадий (А. Н. Веселовский, Е. В. Аничков; на Западе — Фрэзер, Ланг и многие другие). Формализм, вытесняющий идейную проблематику, уход в мелочи, в скрупулезное исследование третьестепенных вопросов сочетались у них с пренебрежением к острым актуальным проблемам современности.

В связи с этим нельзя не вспомнить редакционную статью в газете «Культура и жизнь» — «Против буржуазного либерализма в литературоведении». В ней совершенно справедливо отмечено, что «при рассмотрении вопроса о традиции Веселовского необходимо учитывать еще одно обстоятельство. До второй мировой войны буржуазная реакция в науке о литературе была представлена в первую очередь немецким литературоведением, которое в лице различных своих представителей от Ганса Наумана до Бертрама пришло к открытой поддержке гитлеризма и реакционному мифотворчеству. ...Все мировоззрение А. Веселовского враждебно нам. Литература теряет у Веселовского свое великое человеческое, общественное значение. Она становится собранием внешних фактов письменности... предметом формальной эволюции и культурной техники. В целом Веселовский вполне примыкает к западно-европейской буржуазной социологии и теории культуры. Он полностью расходится с революционно-демократической традицией русской критики XIX века»⁸.

Сказанное здесь о Веселовском применимо и к правому, реакционному крылу «исторической школы» в фольклористике конца XIX — начала XX в., против концепции которой выступал и Максим Горький.

А. Веселовский, Вс. Миллер, его младший современник В. Келтуяла и их единомышленники были не оригинальны в своих исходных теоретических построениях. Раньше их несколькими десятилетиями теорию аристократического происхождения фольклора развивал в Германии не кто иной, как Ф. Ницше. В 1872 г. в работе «Происхождение трагедии»... Ницше утверждал, будто устно-эпические произведения древности отнюдь не являются творениями трудового народа. Еще более опреде-

⁸ «Культура и жизнь», 11 марта 1948, стр. 3.

ленно и последовательно этот тезис он проводил в книге «Веселая наука» (1882 г.) и в последующих книгах, где этот провозвестник фашизма прямо выступает против основных положений материалистической науки о фольклоре, провозглашая наукообразные основы для так называемой теории сниженной культуры, теории аристократического происхождения искусства, музыки, поэзии.

С «теорией» Ницше в ряде пунктов смыкался К. Бюхер, известными своими исследованиями о ступенях развития народнохозяйственных форм. Возникновение народной поэзии К. Бюхер обуславливал не общественно-полезной трудовой деятельностью человека как таковой, прежде всего ритмом трудового процесса. Бюхер догматизирует понятие «ритма», пытается доказать, будто предметная деятельность человека основана главным образом на ритме и что она есть появление биологического инстинкта, а отнюдь не социального начала, что «животные грудятся тоже». Закон ритма Бюхер возводит в некий абсолют, в догму неизменное и вечное начало. Он пишет о «мировом значении ритма», о том, что «в отдаленные времена детства человечества, благодаря ритму, экономический принцип, заключающийся (по Шэффли) в стремлении получить максимум жизни и наслаждения при минимальной затрате жизненных сил, был понят совершенно инстинктивно»⁹. По Бюхеру, народная поэзия древности есть нечто неэстетическое, досоциальное, неизменное и часто бессмысленное. Биологизирование фактически развивает человека в его общественно-полезной художественной деятельности, является разновидностью фрейдизма. К. Бюхер первобытного человека наделяет крайне индивидуалистическими чертами, «разобщает» его. В своих схематических построениях Бюхер основывается мысли о неизменности психо-физиологической сущности индивидуального человеческого труда.

Антиисторизм и реакционность воззрений К. Бюхера¹⁰ проявляются и в его взгляде на народное творчество как на сырой продукт «низших классов», якобы неспособных создавать подлинные художественные ценности.

В России последних лет XIX — начала XX в. Бюхер нашел своих пропагандистов среди людей, чуждых марксизму. Перед дутым авторитетом Бюхера раболепствовали легальные марксисты вроде Струве, а также вехисты, особенно С. Н. Булгаков (проделавший путь от легального марксизма до монархизма и религиозного мракобесия). Переводили и публиковали произведения Бюхера легальный марксист и мальтузианец Н. В. Водовозов, а также М. Н. Водовозова. Такие буржуазные ученые, как Вл. Динзо, Л. С. Зак, П. М. Кулишер, также популяризировали работы Бюхера, получившие в России шумное признание в 90-х и 1900-х гг.

Признанию «научных заслуг» Бюхера усердно способствовал упомянутый выше идейный враг Горького Е. В. Аничков. Выученик А. Веселовского, идеалист, после 1917 г. белоэмигрант Аничков в своих многочисленных работах о фольклоре опирался на концепцию Бюхера, превознося заслуги последнего. Более того, Аничков старался продвигать и развивать «теорию» Бюхера. «Выводы Бюхера о зарождении поэзии нам особенно важны, — писал Аничков. — Предложенная мною здесь теория зарождения песни из приемов... заклинания не только не противоречит теории Бюхера, но является ее дальнейшим развитием»¹¹.

⁹ К. Бюхер, Работа и ритм, перевод с немецкого С. С. Заяицкого, изд. «Новая Москва», 1923, стр. 296.

¹⁰ На враждебность взглядов К. Бюхера теоретическим положениям Маркса и на позицию Бюхера как представителя либеральной экономической науки указывал В. И. Ленин в примечании ко 2-му изданию книги «Развитие капитализма в России» (В. И. Ленин, Соч., т. III, изд. 3-е, стр. 431).

¹¹ Е. В. Аничков, Весенняя обрядовая песня на Западе и у Славян, ч. I, СПб. 1905, стр. 313. — Характерно, что эту работу Аничков посвятил А. Н. Веселовскому.

Бюхера превозносили те же буржуазные круги, которые поклонялись Ницше. Об «ученых» заслугах Бюхера неумеренно говорится во многих учебных курсах и учебных пособиях для средней и высшей школы, а также в энциклопедических словарях и справочниках. К его голосу прислушивались многие буржуазные фольклористы и этнографы. «Ученые открытия» Бюхера и Ницше получили особое значение в годы реакции и были использованы для обоснования антидемократических концепций реакционных фольклористов рассматриваемого периода.

В буржуазной фольклористике тех лет наибольшее влияние и авторитет приобретает так называемая «историческая» школа, внесшая столько антиисторизма и идеализма в изучение основных проблем народного творчества. Главой и основоположником ее по праву считается Вс. Ф. Миллер (1848—1913). Начиная с середины 80-х гг., он опубликовал серию статей о русском народном эпосе. Собранные и изданные вместе статьи об отдельных былинах составили три тома «Очерков русской народной словесности», последний из которых был издан уже после революции¹². В 1892 г. Миллер публикует монографию «Экскурсы в область русского народного эпоса», которую он с полным основанием посвятил А. Н. Веселовскому.

И для самых ранних¹³, и для последующих работ Миллера характерна их антидемократическая направленность. В течение десятилетий Миллер твердил, что коллективное творчество трудового народа есть пустой вымысел, фикция. Он старался доказать, будто народа — автора великих поэтических произведений — в истории не было и «такого народа этнография, а тем менее история не может указать». Далее, продолжал Миллер, — «окажется такую же научной фикцией поэт — певец этого предполагаемого народа... Как же представить нам себе вообще появление многочисленных сюжетов? Кем они были измышлены? Коллективом, творчеством массы? Но ведь и это фикция, так как человеческий опыт такого творчества никогда не наблюдал»¹⁴.

А пятью годами раньше, в 1892 г. — в год выхода в свет первых горьковских сказок, созданных на основе устной поэзии трудового народа, — Вс. Миллер в своей книге «Экскурсы в область русского народного эпоса» утверждал, что основной жанр устной поэзии, героический эпос, есть не более чем ветхие развалины сооружения, созданного родовой и феодальной аристократией. Миллер отрицал народное происхождение Ильи Муромца и других героев русских былин. «Наш былевой эпос, — писал в своем методологическом «Предисловии» Миллер, — представляется мне грандиозной развалиной, обширным многовековым сооружением, полным таинственных ходов и переходов, с пристройками и надстройками от разных времен. В этом здании жили некогда князья, пристраивая к нему терема и вышки, украшая его византийской мусией и восточными коврами. В свое время пограбили в нем половцы и татары; в свое время проживали в нем московские бояре, ночевали казаки (Миллер имеет в виду казачью верхушку, ее правящую часть. — И. Д.), и наконец, в кое-каких еще обитаемых закутах устроился неприхотливый олонекский крестьянин. И вот, бродя по загадочной руине, археолог

¹² Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности. Былины, т. I, М., 1887; т. II, М., 1910; т. III, М., 1924.

¹³ Такой ранней работой является, например, исследование Миллера «О лютом звере народных песен» (М., изд. Синод. типографии, 1877). В этой работе Миллер опирается на известную идеалистическую теорию Бенфея и компаративистские схемы молодого Александра Веселовского. См. также его статью «Отголоски иранских сказаний на Кавказе» («Этнографическое обозрение», 1889, кн. II, стр. 1—36).

¹⁴ Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности. Былины, М., изд. Сытина, 1897, стр. 23—24.

открывает следы разных эпох, разных наслоений: то перед ним византийская фреска, то восточный орнамент...»¹⁵

Не приходится после этого особенно удивляться, если и великое творение древнерусского эпоса — «Слово о полку Игореве» Миллер выводит из иностранных образов, главным образом из Византии.

В многочисленных статьях и книгах, а также с университетских кафедр, на протяжении многих десятилетий Вс. Миллер, в согласии с западноевропейскими буржуазными учеными, пропагандировал аристократическую «теорию» фольклора, реакционный смысл которой был разоблачен партийной печатью в 1936 г., но пережитки которой сохраняются в фольклористике и по сей час; это заставляет вновь напомнить том, чьи интересы защищала и как их обосновывала «школа» Вс. Миллера. «Народ не создает, он только воспринимает готовое и искажает его», — вот один из основных тезисов в работах Миллера; творят «дельные личности, профессионалы», а народ как коллективный творец не более чем «фикция». Так, в согласии с Бюхером, учил Миллер.

Вряд ли можно согласиться с утверждением акад. Ю. М. Соколов, будто «крупным пороком» исторической школы было сначала недостаточное внимание к вопросу социальной, классовой природы произведений устной поэзии...» и что «в первых своих «Очерках», писанных в 90-е годы (см. т. I), Вс. Миллер почти не касался данной проблемы»¹⁶. В самом деле В. Миллер и другие представители «исторической школы» усердно и много занимались классовой природой фольклора¹⁷; но приходили они к выводам научно несостоятельным и реакционным.

Нельзя забывать, что на работах Миллера «учились» такие буржуазные «теоретики», как Келтуяла, М. Сперанский, Е. Аничков, А. Сонин и др. Названные ученые не являются столь крупными фигурами буржуазного литературоведения, как Буслаев, Миллер, Веселовский; но их работы — типичное явление своего времени, и, так как сущность их остается до сих пор нераскрытой, эти работы продолжают иметь хождение и даже безоговорочно рекомендуются некоторыми преподавателями вузов студентам для изучения курсов фольклора и литературы. Установление связи работ названных исследователей с реакционными концепциями «исторической школы» покажет недопустимость некритического отношения к ним.

В соответствии с отправными положениями Вс. Миллера, в начале XX в. писал о происхождении народной поэзии П. Н. Сакулин. И для Сакулина коллективность народной поэзии в то время была крайне сомнительной.

В 1905 г. он уверял читателя, будто «устную» поэзию первобытных племен нельзя считать исключительным продуктом общенародного творчества. И тут же добавлял: «Такое творчество (т. е. творчество простого народа — И. Д.) есть *фикция*, созданная романтическим понятием

¹⁵ В. Ф. Миллер, *Экскурсы в область русского народного эпоса*, М., 1899, стр. VI. В отправных положениях Вс. Миллер был близок многим буржуазным фольклористам начала XX в. В связи с этим становится совершенно ясным и то, почему В. А. Келтуяла многое перенимает у Вс. Миллера, а в своем предисловии ко 2-й книге полного «Курса» прямо ссылается на авторитет Вс. Миллера и с великим одобрением приводит из «Экскурсов» последнего указанные нами выше строки, ссылаясь на следующую ремарку: «Эти слова, сказанные Вс. Миллером лет 2 тому назад, могли бы послужить исходным пунктом для установления подлинного творца былевого эпоса. Но, — с сокрушением, добавляет Келтуяла, — ...творцом были упорно считается «народ». Советский фольклорист А. И. Никифоров как бы переключается на Келтуялой, и приведенное выше уродливое утверждение Миллера находится «в изысканной по форме» (см. его во многом ошибочную, неудачную статью в т. «Истории русской литературы», изд. АН СССР, 1941, стр. 238).

¹⁶ Ю. М. Соколов, *Русский фольклор*, Учпедгиз, 1941, стр. 92.

¹⁷ Уже в первый период своей научной деятельности Вс. Миллер рассматривал русский эпос с классовой точки зрения. Его «Экскурсы в область русского народного эпоса» (1892) имеют определенный социальный заказ: доказать, что эпос создан господствующими классами, а не трудовыми массами.

анием народной души. Изучение первобытной поэзии приводит нас к более простому и верному заключению, что *активная роль во всем творческом процессе принадлежит отдельным личностям...*¹⁸

Однако самым ревностным соратником и последователем К. Бюхера Вс. Миллера был не Сакулин, а Келтуяла, верный своим антиисторическим взглядам до самой смерти. Его работы получили еще большее распространение, чем исследования Вс. Миллера, и до самого недавнего времени рекомендовались как учебные пособия по курсам фольклора и высшей русской литературы. В своих учебных «курсах» проф. Келтуяла создает концепцию Миллера и схему Бюхера, хотя при этом и не делает прямых ссылок на работы последнего¹⁹. Рабски следуя в ряде случаев за Бюхером, Келтуяла заимствует у него тезис о происхождении народной поэзии и музыки из элемента повторяемости — из ритма, а в точности — из физиологических факторов.

Но не в этом главный порок «Курсов» Келтуялы. Утверждения Бюхера о происхождении поэзии из ритма нужны Келтуяле для обоснования его излюбленного «главного» тезиса об аристократическом происхождении народного творчества. Не народ — труженик первобытной эпохи — создавал поэзию и ритм исполнявшей им работы: «создатель поэзии является высшая власть». В полном согласии со своими соратниками Бюхером, Миллером, А. Н. Веселовским Келтуяла писал: «...Участие отдельных лиц в создании первобытных песен было не одинаково: главная и активная роль в их создании принадлежала руководителю общественного труда — патриарху-старейшине; простепенная и пассивная роль принадлежала подчиненной части патриархально-родового общества, которая лишь повторяла за своим руководителем напевы и слова песни.

С увеличением патриархально-родового общества из группы патриархов-старейшин постепенно выделяются жрецы, волхвы, певцы, специальность которых состоит, между прочим, в том, чтобы создавать новые поэтические произведения и хранить древние»²⁰.

Тут все ясно и все неверно: древняя родовая аристократия, а затем жрецы, волхвы, потом церковники — вот кто, по Келтуяле, заложили основу устной поэзии; только «образованные верхи» способны организовывать и творить новое и гениальное, удел «низов» — грубая мускульная работа да повторение чужих напевов.

Несколькокими годами раньше Келтуяла выдвинул и резко подчеркнул тезис о том, будто не только устный эпос, но и фольклор в целом — продукт не трудового народа, а высшей знати, правящих кругов. «Все формы и виды устного творчества, — изрекал Келтуяла, — зародились не в народной массе, а в ее верхах. На этом основании я в своем «Курсе» избегаю выражений «народная словесность», «народная поэзия», «народное творчество...»²¹.

¹⁸ П. Н. Сакулин. Первобытная поэзия (в связи с вопросом о процессе народно-поэтического творчества), изд. Педагогического общества при Московском университете, М., 1905, стр. 26 (Курсив Сакулина. — И. Д.)

¹⁹ В историографии не отмечено влияние работ К. Бюхера на книги В. Келтуялы. Им не известно, во всяком случае, ни одного такого указания.

²⁰ В. А. Келтуяла, Краткий курс истории русской литературы для средних учебных заведений, ч. I, кн. I, изд. 2-е, СПб., 1912, стр. 115—116. Следует отметить, что в педагогической и научной работе Келтуяла вынужден был делать отступления от отстаиваемой им бесплодной схемы. Все работы его, как и других исследователей «исторической» школы, полны кричащих противоречий. Таких же противоречий полны труды Вс. Миллера. В них порочные исходные конструкции сочетаются с действительными интересными наблюдениями и правильными положениями. Не утратили ценности научной ценности работы Миллера по фольклору северных осетин. Нельзя забывать, что русскими буржуазными фольклористами и этнографами собрано, учтено, систематизировано и отчасти опубликовано огромное количество фольклорных материалов, но вместе с тем методология их остается антидемократической.

²¹ В. А. Келтуяла, Курс истории русской литературы, ч. I, кн. 2, СПб., 1911, р. VIII.

Высокохудожественные песни, сказки, пословицы и былины русского народа рассматривались Келтуялой в искаженном виде как про «верхов», как создание всего лишь «одного процента населения». О временно Келтуяла пользовался приемами школы заимствования (паративистов) в объяснении происхождения тех или иных поэтических мотивов, сюжетов, образов. Так, в образе русского богатыря Муромца автор видит... иноземца-норманна.

Концепция Келтуялы была реакционной и антидемократической, была одним из проявлений буржуазной реакции на укрепление марксизма в России. Это может быть подтверждено и следующим забытым фактом. Когда в некоторых отзывах на «Курс» Келтуялы были высказаны предположения о близости его взглядов к учению Маркса, Келтуяла разразился злопахательским по отношению к марксизму ответом, где показал себя апологетом имущих классов, врагом революции, типичным буржуазным позитивистом и эклектиком. Келтуяла подчеркивал свое принципиальное расхождение с «экономическими материалистами» (как он называет марксистов) в следующих пунктах: 1) эконо-мику он ставит на третье место, а не на первое; 2) публицистический момент в исследовании он целиком отбрасывает; 3) методом своим провозглашает чистый объективизм. Чтобы у читателя не оставалось никакого сомнения в его политической позиции, Келтуяла уточнял свое расхождение с материализмом. Материалисты, изображая прошлое, писал он, — «подвергают отношения между древними классами такой страстной оценке, как и отношения между современными: они не скрывают своих враждебных чувств к «феодальному» классу и симпатии «народу» и соответственными красками рисуют роль первого и последнего второго»²².

Принижая значение народа в деле создания устной поэзии, Келтуяла чудовищно преувеличивал роль имущих классов. «Из аристократии деляются наиболее выдающиеся мыслители, поэты, писатели, носители высшей древней нравственности. Национальная культура всякого народа, да, в том числе и русского, национальное мировоззрение, устные и письменные произведения создаются в древности не «народной массой», а представителями аристократии, и уже отсюда переносятся в сознание низших классов, где подвергаются соответственным переработкам простонародно-демократический лад». «Таковы основные положения, писал Келтуяла, — которыми проникнуты мои «Курсы» и которые я знатительно противопоставляю общепринятым в современной русской литературе положениям»²³.

Гнусный, контрреволюционный смысл этих «положений» не требует комментариев.

«Отрицание за народом его культурно-исторической работы», «антинародный эгоизм», — так определял Горький смысл концепции Келтуялы. Буржуазная же печать, в противоположность оценке А. М. Горького, превозносила «работу» Келтуялы. Его полный «Курс» (свыше 1700 страниц), вышедший в свет в годы реакции (1906—1911), был одобрен печатью правых общественных кругов России. О «Курсе» писали как об «очень отрадном событии в научном мире». Подавляющее большинство литературных журналов также приветствовало его выход. При всем «различии во мнениях и «своеобразии» рецензентов, в основных положениях их оценки сходились. Методологические основы «Курса» ими преподносились как «последнее слово научной мысли».

В журнале «Вестник воспитания» прив.-доц. П. Н. Сакулин поместил восторженную статью о «Курсе» Келтуялы. Отмечая лишь отдельные частные пробелы в «Курсе», П. Сакулин в его общей оценке наш

²² В. А. Келтуяла, Краткий курс истории русской литературы для средних учебных заведений, ч. I, кн. I, изд. 2-е, 1912, стр. VII—VIII.

²³ Там же, стр. VIII—IX.

озможным заявить: «Редко рецензенту приходилось испытывать такое уство полного удовлетворения, какое выносишь из чтения книги Келтуялы». Ибо, продолжал Сакулин, «...в своем анализе историко-литературных явлений он свободен от односторонностей марксизма»²⁴. И. Н. Сакулину вторили прив.-доц. Московского университета Н. Виноградов, известный буржуазный литературовед и библиограф И. В. Влаиславлев и ряд других. Откликнулся редакционной статьей и журнал *Русское богатство*, который, усердно излагая концепцию Келтуялы, эм не менее давал хвалебную оценку книге²⁵.

Даже Плеханов, не свободный от влияния буржуазно-либеральных ченых и в силу своих меньшевистских взглядов, тоже не вскрыл весь акционный смысл методологии Келтуялы, как прежде не вскрыл всю рочность построений Бюхера — одного из духовных учителей Кел-ялы»²⁶.

Антипатриотическая направленность концепции Келтуялы сказалась в его работах послереволюционного времени. Он до конца дней остальным верным антидемократической методологии²⁷.

Рассмотренные особенности концепции Келтуялы свидетельствуют о том, что в ней нашли отражение идеи ренегатства, сменовеховства, контрреволюции, справлявшей свое гнусное торжество после поражения революции 1905 г. Это была воинствующая реакционная концепция, направленная против революционной демократии, против принципов русского прогрессивного литературоведения, против революционного марксизма в России. Именно так понял книгу Келтуялы А. М. Горький, активно борющийся с вредной антимарксистской концепцией «ненародности» народного творчества²⁸.

Не приемлемы были для Горького и вызывали его решительный пор построения и другого столпа буржуазной фольклористики — Н. Овсяннико-Куликовского (1853—1920), в своих работах часто трагивавшего те же вопросы, которые глубоко волновали и Горького: происхождение фольклора, вопросы идейной, эстетической и этической

²⁴ «Вестник воспитания», 1906, № 7, стр. 1.— В годы советской власти П. Н. Сакулин сделал своей научной работой немало полезного и важного и многое пересмотрел в своих взглядах и от многого неверного отказался. Тем не менее он до конца дней своих не смог стать марксистом.

²⁵ «Русское богатство», 1906, ноябрь, стр. 150—152.— «В основу своего изложения,— писалось в статье,— Келтуяла кладет идею о классовом происхождении и характере всей древнерусской литературы первого периода... Ни смерды, ни рабы и закупы литературы не имеют; литература поэтому делится на княжеско-дружинную и церковную. Княжеско-дружинное творчество распадается на устное (былины) и письменное...». Но это не помешало журналу похвалить книгу: «Книга Келтуялы написана хорошо. Она... разбивает множество патриотических легенд...»

²⁶ В статьях Плеханова «Курс» Келтуялы рассматривается в плане абстрактно-логическом и оценивается с объективистских позиций. Неудивительно поэтому, что Плеханов пишет хвалебные строки об «ученых заслугах» Келтуялы, «труд которого,— по его мнению,— несмотря на некоторые частные заблуждения, все-таки поистине замечателен...» (Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, кн. 1, Соч., т. XX, М.—Л., 1925, стр. 41). Вместо того, чтобы дать принципиальную марксистскую оценку концепции Келтуялы, Плеханов выясняет узкий и отнюдь не главный вопрос о соотношении исторических взглядов В. О. Ключевского и автора «Курса».

²⁷ То, что Келтуяла и в советское время оставался далеким от марксизма, явствует из его последних работ. Теорию аристократического происхождения фольклора он неизменно проповедывал в своих книгах, вышедших в свет в 20-х гг. XX в. (см. его книгу «Метод истории литературы. Схема историко-литературного познания», М., 1928, изд. «Академия»; «Былины», Дешевая б-ка классиков, школьная серия, ГИЗ, М.—Л., 1929 и др.). Здесь аристократическая теория фольклора сочетается с пошлым социологизированием под марксизм: чего, например, стоят его вредные и убогие домыслы о хвостовстве как «источнике» древнерусского эпоса («Былины», стр. 166—167). Эту порочность келтуяловской схемы хорошо выявлял П. И. Лебедев-Полянский в статье «Историко-материалистический метод проф. Келтуялы» («Печать и революция», кн. 8, М., 1926, стр. 94—101).

²⁸ См. статьи и переписку А. М. Горького 1900-х гг.

значимости творений древнего эпоса, народность устной поэзии и т. Но решал их Овсяннико-Куликовский совсем иначе, чем Горький.

Сын крупнейшего украинского помещика, в молодости увлекавшийся легальным марксизмом, Овсяннико-Куликовский никогда не был активным участником той или иной партии, но его симпатии, как и у В. Миллера, были на стороне кадетства. К началу 90-х гг. у Овсяннико-Куликовского не осталось и следа от той оппозиционной настроенности, которая была в какой-то мере свойственна ему раньше. Он особенно поправел после революции 1905 г. Народнические и социалистические идеи и даже столь пленивший его культ науки теперь представлялись ему «шаблонными идеями», «истинами», принятыми на веру. Овсяннико-Куликовский стал представителем так называемого «психологизма» и «панпсихологизма».

Философскую позицию Овсяннико-Куликовского следует признавать махистской, субъективно-идеалистической. Наука определялась Овсяннико-Куликовским как «познание и разработка идеи бесконечного в естественных формах», а искусство — как дающее нам то же самое в формах «человеческого выражения».

Овсяннико-Куликовский, работавший над проблемами психологии творчества, явился пропагандистом искусства, «свободного» от политических тенденций. «Всякая доктрина, — писал он, — хотя бы самая гуманная и демократическая, вредна для поэзии, еще не окрепшей. Поэзия по самой сути своей, требует свободы творчества, широких вдохновлений, и ей нельзя — под опасением исказить ее — указывать: воспевай то или другое, пой так, а не иначе, твори в этом, а не в том направлении»²⁹.

В вопросах фольклористики Овсяннико-Куликовский выражал идеи, противоположные взглядам революционных демократов, взглядам Горького. Для Овсяннико-Куликовского русский народный эпос — нечто сонное, смутное, обманчивое и аморфное. Он пишет о «неясных очертаниях нашей эпической поэзии, наших былин, в которых народные крестьянские «миросозерцание» проявилось как-то обманчиво, двусмысленно и загадочно». Одну из самых поэтических русских былин — былин о Святогоре, о которой с восхищением высказывался Горький как о бессмертном создании русского народа, — Овсяннико-Куликовский не может признать за продукт народного творчества; для него это «как раз одна из темных былин»³⁰.

Что же удивительного, если Овсяннико-Куликовский, как и Келтуяла, не признавал народные устные произведения — песни, сказки, былин и т. д. — за творчество трудового народа. «В настоящее время, — писал Овсяннико-Куликовский, — можно считать установленным положение, что героический эпос (в том числе и такой, как поэмы Гомера. — О.-К.) — не народного, не крестьянского происхождения, а «господского». Он возникал всегда в среде привилегированных классов, при дворах князей и феодалов, в кругу дружинников и т. д.; это был некогда эпос «господский», а не мужицкий, и для характеристики народного миросозерцания он не представляет надежного материала»³¹.

В этих утверждениях Овсяннико-Куликовский менее всего оригинален. Перенимая многое у Э. Маха, Штейнталя, Бюхера, В. Миллера, Веселовского и других буржуазных ученых, он на этот раз переключается с предшественником фашистов — Ф. Ницше. В самом деле, именно Ницше «доказывал», что эпос вообще и древнегреческий эпос Гомера, в частности, не имеет ничего общего с народным творчеством, с поэзией

²⁹ «Одесские новости», 1886, № 589, стр. 2, ст. «Литературно-общественные заметки» (подпись Д. Куликовский).

³⁰ Д. Овсяннико-Куликовский, История русской интеллигенции, т. VIII, ч. II, изд. 5-е, СПб., 1914, стр. 156.

³¹ Там же, стр. 157.

рудовых масс. Как известно, Ницше неоднократно старался представить поэмы гомеровского цикла как продукт гениального одиночки, ротивостоящего коллективу. Наиболее разительна в этом отношении его гатя «Гомер и классическая философия»³².

С «идеями» Ницше Овсяннико-Куликовского сближало и отрицание ародного, трудового происхождения устной поэзии всех времен и на-
двов.

Если Келтуяла приукрашивал, в уголу буржуазии, заслуги древней истократии, то Овсяннико-Куликовский возвеличивает «аристократов /ха». В отрицании роли простого народа в создании фольклора оба оявляли «трогательное единство». Народное поэтическое творчество,— верждал в «Истории русской интеллигенции» Овсяннико-Куликовский,— овсе не коллективное, а почти то же личное творчество, как и то, которое принадлежит образованным классам. Песня, былины, сказки и т. д. создаются не массой, а отдельными лицами, отдельными умами и талантами, обособившимися и вышедшими из рамок «сплошной» народной психологии и воспринявшими продукты чужого творчества (чужого в классовом, так же и в племенном смысле), созданные раньше»³³. Выступая против демократической фольклористики, он пишет: «Можно еще указать на ошибочность мнения, будто народ «сплошным творчеством» создал быль, сказку, песню, пословицу, нравоучительную повесть и т. д. Все это — продукты личного, а не коллективного творчества...»³⁴.

«Как в философии и науке,— утверждал Овсяннико-Куликовский,— так и в религии мы имеем результаты многовековой умственной деятельности не масс, а представителей высшей мысли, с их школами, направлениями, борьбой мнений и учений, наконец, с проявлениями таланта и гениальности»³⁵.

Итак, по Овсяннико-Куликовскому творцом духовной культуры является не народ, а «представители высшей мысли». Овсяннико-Куликовский вряд ли мог иначе относиться к народному творчеству, оставаясь на порочных исходных основах и придерживаясь «пункта» о том, что трудовые массы «всегда пассивны» и что «каратаевщина и обломовщина являются национальными чертами народа»³⁶.

Исследование народного творчества Овсяннико-Куликовский подменял подчас исследованием «народных верований», считая религию основой (если не системой) народного мировоззрения. Касаясь своего эстетического кредо, он на склоне лет утверждал, что залог лучшего будущего скрывается в религиозной самодеятельности. «Признаки же народной самодеятельности,— писал он,— я усматривал исключительно в расколе и сектантстве... Раскольники и сектанты — настоящие *культурные пионеры* среди обнищавшей косной и темной народной массы.»³⁷

Перепуганный размахом революции 1905 г. Овсяннико-Куликовский все больше чуждался передовых интересов народа, не прислушивался к его запросам, чаяниям, замыкался в узком мирке «панпсихологизма»,

³² Предшественник фашизма Ницше в названной статье отбрасывает «с порога» положение о том, что народ творит поэзию. Он характеризует это исходное положение как «суеверие» (Фр. Ницше, Полн. собр. соч., под ред. проф. Ф. Зелинского, изд. «Моск. книгоиздательство», т. I, 1912, стр. 13—14).

³³ Д. Овсяннико-Куликовский, Соч., т. VIII, 1909, стр. 163.

³⁴ Там же, стр. 158.

³⁵ Д. Овсяннико-Куликовский, Соч., т. VI, изд. 2-е, СПб., 1911, стр. 36.

³⁶ Овсяннико-Куликовский пытался провести прямо-таки чудовищную параллель между великим русским полководцем Кутузовым и... Обломовым и Каратаевым. См. Д. Овсяннико-Куликовский, Собр. соч., т. III, изд. «Общ. польза», СПб., 1909, стр. 67—70, 71 и др.

³⁷ Д. Овсяннико-Куликовский. Воспоминания, П., 1923, стр. 27—28. (Курсив О. К.).— В этом отношении у Овсяннико-Куликовского было трогательное единолучие с Е. Аничковым

уходил в «науку для науки», в ряде своих исследований давая «теоретические обоснования» декаданса. «Моя жизнь,— признавался он на старости лет,— неудержимо тянется ко всему болезненному, психопатическому, безумному и преступному, и в сложном чувстве, вызываемом во всем этим порядком явлений, я различаю, с одной стороны, любопытство, с другой — отвращение»³⁸. Исповедь эта говорит сама за себя. Ведь даже в свою «лучшую пору» Овсяннико-Куликовский не пошел далее легального марксизма, с помощью которого, по словам Горького, «слишком ропливо натягивали европейский костюм марксизма на русский вид народничества»³⁹.

О том, насколько фольклористическая концепция Овсяннико-Куликовского враждебна взглядам Горького, свидетельствует их переписка. В ней, кроме проблем фольклористики, затронут и вопрос о роли буржуазной интеллигенции в создании культуры, непосредственным поводом для обсуждения которого послужил выход в свет работы Овсяннико-Куликовского «История русской интеллигенции».

Горький свидетельствовал, что концепция Овсяннико-Куликовского сродни проповеди Келтуялы и что они враждебны материалистическому пониманию истории культуры.

К Овсяннико-Куликовскому, как и к Келтуяле и к В. Миллеру, применимы слова Ленина, характеризующие буржуазно-либеральную интеллигенцию в годы «вех», в годы реакции. В. И. Ленин говорит: «Вехи — *«только»* против демократии... Русский либерализм оказался достаточно ловким политиканом, чтобы назвать себя «демократическим» в период борьбы с демократией и подавления ее самостоятельности. Таков обычный и нормальный способ действия всякой либеральной буржуазии...»

Такие фольклористы, как А. Веселовский, В. Миллер, Келтуяла, Овсяннико-Куликовский, Е. Аничков и другие, доказывали зависимость русской поэзии от иностранных образцов. Они извращали истинное художественное творчество народов России, стремясь представить его подражательным; вместе с тем о богатствах русской поэзии они говорили невразумительно, скупо, на что обратили внимание даже современные им иностранные ученые⁴².

Реакционные построения исторической школы фольклористики, на более откровенно и ярко выраженные в книгах В. Келтуялы, отразившие всю глубину падения буржуазной науки в мрачные годы реакции после первой русской революции 1905 г., характерны для последнего этапа капиталистического строя — для империализма. Традиции этих концепций еще полностью не преодолены. Их отзвуки слышатся в фольклорной серии «Библиотеки поэта», изданной «Советским писателем», учебных пособиях для вузов Ю. М. Соколова и Н. П. Андреева, по которым и сейчас еще работают студенты, в курсе древней русской литературы, изданном АН СССР, в «Трудах Отдела древней русской литературы».

³⁸ Там же, стр. 8.

³⁹ М. Горький, Н. Ф. Анненский. Соч., изд. 2-е, т. XXII, М., 1933, стр. 172.

⁴⁰ Переписка А. М. Горького с Овсяннико-Куликовским хранится в Архиве Горького. Часть этих материалов опубликована в т. III «Материалов и исследований» изд. АН СССР, 1941.

⁴¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVI, изд. 3-е, стр. 125.

⁴² См., например, В. I. Guerneu. — A Treasury of Russian Literature, N. Y., 1919, стр. IX—X. «Ни одна другая страна,— писал Герни,— не обнаруживает такой курьезной склонности к самоуничижению в своей критике. Словом, положение таково, что Россия не может назвать былины своею собственностью потому, что Скандинавия имела свои саги, Исландия свои Эдды, Германия свою Песню о Нибелунгах. Однако достоверно известно, что немецкий фольклор и норвежская сага заимствовали русское Илью Муромца». Герни проболтался о том мутном, отравленном источнике, которого «заимствуют» современные реакционеры от науки в США, Англии и капиталистических странах. Одним из таких источников являются работы представителей «теории» аристократического происхождения фольклора. Из этого источника «заимствует» и сам Б. Герни.

ратуры» Пушкинского Дома и других работах. Приходится констатировать, что борьба с «теорией» «исторической школы» в советской фольклористике и литературоведении продолжается. Вместе с тем следует сказать, что в Советском Союзе вульгарно-социологическая «историческая школа» сохранилась только в пережитках, в основном она у нас разгромлена. Зато в условиях капиталистических стран Запада она еще живет полной жизнью и имеет своих многочисленных адептов. Советская фольклористика должна повести решительную борьбу за подлинную науку о народном творчестве и оказать необходимую помощь зарубежным ученым в преодолении вредных концепций. Это — одна из важнейших задач в наше время. Антидемократические и псевдо-научные концепции народного творчества должны быть до конца преодолены; наука должна окончательно освободиться от пут, сковывающих ее мешающих свободно идти вперед.

М. Горький был глубоко прав, когда говорил на I съезде советских писателей в 1934 г.: «Имеется полное основание надеяться, что, когда история культуры будет написана марксистами, мы убедимся, что роль буржуазии в процессе культурного творчества сильно преувеличена, а области литературы особенно сильно».

Трудящиеся массы являются создателями немеркнущих материальных и духовных ценностей. «Народ не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры»⁴³.

⁴³ М. Горький, Разрушение личности, 1908.

А. В. СТЕНИНА

У ИСТОКОВ РУССКОГО И МИРОВОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ

(Россохин и Леонтьев и их труд «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего»)

XVIII век характеризуется в России сравнительно высоким развитием всех областей науки. Однако, когда дело идет о первоначальном развитии научного востоковедения, для XVIII в. обычно называют имена западноевропейских авторов, писавших о Китае и переведивших китайскую литературу. Началом же русского востоковедения принято считать труд Иакинфа Бичурина. Совершенно незаслуженно забывается при этом деятельность в XVIII в. двух крупных русских востоковедов — Илларио Россохина и Алексея Леонтьева, знатоков китайского языка, всю свою жизнь посвятивших изучению Китая.

Что же представляли собой эти пионеры русского востоковедения?

В 1945 г. в сборнике «Советское востоковедение» появилась статья В. Тарановича, посвященная описанию жизни и деятельности Илларио Россохина, «первого русского самородка-синолога, начавшего свою научную и педагогическую работу свыше 200 лет тому назад»¹. В самом деле, Илларион Россохин написал свыше 30 работ по китайской истории и языку, но лишь пять из них увидели свет.

Основной работой Иллариона Россохина, выдвинувшей его в число крупных востоковедов, бесспорно, следует считать его капитальный труд созданный совместно с Алексеем Леонтьевым, 16-томное «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска в осьми знаменах состоящего»².

Его соавтор А. Леонтьев — не менее крупный деятель русского востоковедения XVIII в., чем Россохин. Однако о его личности и деятельности писалось очень мало. В XIX и в начале XX в. имя его встречалось в некоторых биографических словарях, а затем было незаслуженно забыто. Да и сам труд Леонтьева и Россохина «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа...» был почти забыт, и о нем мало знают даже теперь.

В настоящей статье автор хочет напомнить об этих мало известных но славных страницах истории русской науки, а также показать, как много ценного для этнографии содержится в себе названный капитальный труд.

* * *

Алексей Леонтьевич Леонтьев родился в 1716 г. в семье церковнослужителя³. Первоначальное образование он получил в школе Заикон

¹ В. П. Таранович, Илларион Россохин и его труды по Китаеведению, «Советское востоковедение», III, 1945.

² И. Россохин и А. Леонтьев, Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего, тт. I—X, СПб., 1784.

³ Биографические сведения об А. Леонтьеве имеются в следующих книгах: Б. Бантыш-Каменский, Словарь достопамятных людей русской земли, ч. I, М., 1836; Митрополит Евгений, Словарь русских святских писателей, т. 2, М., 1845; Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон, т. XVII, СПб., 1896; Г. Геннадий, Справочный словарь о русских писателях и ученых, М., 1903; Русский биографический словарь, СПб., 1914.

пасского монастыря, а затем в Славяно-греко-латинской академии в Москве. Двадцати двух лет он начал изучать китайский язык; в 1742 г. был направлен в Пекин для основательного изучения языка. 20 лет Леонтьев оставался в Пекине, обучаясь маньчжурскому и китайскому языкам, получая ежегодно по 10 р. жалованья и по 50 р. на платье. По возвращении в Петербург Леонтьев был назначен переводчиком коллегии иностранных дел и занимался переводами китайских книг. В 1767 г. он был снова послан в Пекин «для исправления канцелярских дел и для переводов секретарем при полковнике Иване Кропотове», который был направлен в Китай Екатериной II с дипломатической миссией. Умер Леонтьев 12 мая 1786 г. в Петербурге.

Алексей Леонтьев много работал над переводами маньчжурских и китайских текстов. Количество его работ было очень велико; в течение 15 лет (1771—1786 гг.) он издал не менее 16 книг, некоторые из них выдержали два и три издания. Им переведено и издано в общей сложности свыше 5 тыс. страниц различных китайских и маньчжурских текстов. Очень разнообразны были интересы Леонтьева. Его переводы относятся к китайской истории («Уведомление о бывшей с 1667 до 1689 гг. войне у китайцев с зенгорцами», 1777), философии («Умные речи», 1779; Сы-шу-гей, т. е. четыре книги с толкованиями философа Конфуциуса», 1780; «Деней-Китаец», 1771), законодательству («Китайское уложение», тома, 1778—1779; «Тайцингурунь и Ухери-Коли, т. е. все законы и установления Китайского (а ныне Маньчжурского) правительства», 3 тома, 1781—1783), географии («Кратчайшее описание городов, доходам и протчему Китайского государства, а притом и всем государствам, королевствам и княжествам, кои китайцам сведомы», 1778), различным сторонам китайской быта («Уведомление о чае и шелке», 1775; «Описание китайской шахматной игры», 1775) и т. д. Все свои переводы Леонтьев снабжал большим числом примечаний, которые свидетельствуют о его превосходном знании китайской жизни во всех ее проявлениях и которые помогают читателю разобраться в сложном материале.

Для этнографа труды Леонтьева могут явиться ценным источником при изучении истории и этнографии Китая и Маньчжурии; этнографические сведения разбросаны по всем его произведениям. Так, в маленькой нижечке «Уведомление о чае и шелке», помимо того, что дается первое описание возделывания культур, в то время почти неизвестных в России, подробнейшим образом описываются сельскохозяйственные процессы при оздывании хлебов в Китае с заключительным актом жертвоприношения. В трехтомнике «Все законы и установления Китайского (а ныне Маньчжурского) правительства» приводятся разнообразные этнографические материалы. Таковы например: описание свадебных и похоронных обрядов, описание одежд чиновников и императора, детальное описание обряда вспахивания императором земли, обряда поклонения бабушке императора в день зимнего солнцеворота, в новый год и в день ее рождения и т. д. Но наиболее богат этнографическим и историческим содержанием капитальный труд, переведенный А. Леонтьевым совместно с Илларионом Россохиным, — «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего». Оба переводчика начали работу над данной книгой по предложению коллегии иностранных дел в 1756 г. Россохин перевел до 1761 г. (год его смерти) I, II, III, VI, VII, VIII томы работы, Леонтьев перевел остальные 10 томов сочинения и закончил работу в 1762 г. Лишь в 1784 г. «изданием» императорской Академии Наук вышел в свет этот капитальный труд. Как известно, литература о маньчжурах, особенно о раннем периоде их истории, и до сих пор чрезвычайно скудна; тем более заслуживает внимания этот основательный труд, вышедший еще в XVIII в.

Рассматриваемая книга, чрезвычайно полно и всесторонне характеризующая маньчжурское войско и содержащая большой этнографический и исторический материал, была издана в Пекине по указу маньчжурского императора от 7 июня 1727 г. и имела целью «прославление славных деяний и мудрой организации восьмизнаменного войска». Указ поручал группе маньчжурских вельмож составить большой коллектив, долженствовавший собрать все имеющиеся о маньчжурах и главным образом о маньчжурском войске сведения. Работа над книгой велась около 12 лет. Книга вышла 23 мая 1739 г. на маньчжурском языке, затем была переведена на китайский. В русском переводе книга состоит из 16 томов, 250 глав. Более 250 страниц XVI тома занимают «Примечания», сделанные Илларионом Россохиным; А. Леонтьев составил примечания к IV, V, IX — XVI томам, им переведенным (в том же XVI томе).

Помимо описания устройства и деятельности восьмизнаменного войска, здесь имеется много данных, которые позволяют судить о быте маньчжур XVII — начала XVIII в., об их религиозных верованиях, обычаях (свадьбы, похороны), об их материальной культуре (жилище, одежда, хозяйство). Вопрос о происхождении маньчжур, и в наши дни еще окончательно не решенный, чрезвычайно интересовал уже в то время русских авторов этой работы. Россохин посвятил этому вопросу специальную статью, помещенную в «Примечаниях». Для написания этой статьи он использовал, согласно его собственному заявлению, данные маньчжурской истории о племенном составе маньчжур.

Известно, что главным объединителем разрозненных племен, живших в XVI в. на территории от Амура до Ляодунского полуострова включительно и от Монголии до «Восточного» моря, был Нурхаци. До Нурхаци известны имена четырех «первоначальных владельцев маньчжурских», которые имели своей резиденцией города Еньдень (Хету-Ала) и Одо и которые создали на юге данной территории небольшое объединение племен, развитых экономически, занимавшихся земледелием и ведших посредническую торговлю между Китаем и остальными маньчжурскими племенами. Нурхаци, опираясь на это объединение, созданное его предшественниками, объединил и подчинил своей власти разрозненные племена всей Маньчжурии.

В книге об этих племенах говорится следующее (из «Примечаний Россохина»): «Маньчжу есть оный народ, который 1583 года при горах Гольминь-Шань-Инь-Алинь основал некоторую форму правительствования, учинил многие завоевания; а потом не только всем государством Китайским, но и всеми кочевными Мунгалами, также и другими многими странами овладел. Оные Маньчжу разделяются на Фо-маньчжу, т. е. старых маньчжур, и на Иче-маньчжу, т. е. новых маньчжур». Дал автор примечания приводит целый перечень родов, вошедших в состав маньчжурского объединения. Из них 17 родов (Саксху Аиман, Сар Гямуху, Суан и др.) составили основное ядро маньчжурского народа, перечисленные далее 49 родов были, по словам Россохина, покорены «первым ханом маньчжурским». В этом списке покоренных и присоединенных родов фигурируют такие названия, как Джечени-Аимань — горные, Олхонь — сухое место, Дун — пещера, Хада — сопка, низменная гора, Мурень — река, Иньтань — народ, который на собаках ездил и др.

«Сверх сего, — пишет Россохин, — прибавляют к своему обществу еще и другие народы разных названий, а именно: Магя Джарут, Шадзи, Сацiku Халминь, Хуалча, Калка, Орос, т. е. россиян, коих они во время бывших ссор о реке Амуре пленили и сделали у себя из них одну нуюр

⁴ Вот эти имена: 1 — Дерибухе-Мафа, 2 — Еньдембухе-Мафа, 3 — Мукдембухе-Мафа, 4 — Илетуглехе-Мафа.

юту.— А. С.); Дахур, Али-Чашань, Мача, Вань-Янь, Чоухань или ко-йцев, Абахай, Чахар, Солонь, Мингань-Мафа, т. е. тысяча дедов; рут, Баяра-Голо, Хото-Мухальянь, Баюг, Хупча, Гиринь-Ула, Фяланча, нге, Варкаси, Гахари, Курулунь-Бур, Муки, Хайлено, Хангя, Вань-Цинь, кули, Тун-Янь, Дорги-Бира и Холхонь»⁵.

О расселении всех перечисленных племен или родов Ил. Россохин сообщает, что все они находились в различных местах «страны Ляу-Дун», считая этой «страной» ту землю, в которой протекают реки Сахалинь-Ула (Амур), Усури-Ула, Гириинь-Ула и другие и которая от России отделена «великим хребтом до самого Восточного моря» — Хинганским. Более подробных сведений о расселении племен в книге нет.

Обращают на себя внимание названия ряда «исконных» и присоединенных маньчжурских племен; часть из них носит, видимо, тотемистический характер (Фодохо — ветла, тальник; Хада — сопка; Суан — птица баклан и др.). Часть маньчжурских племен имеет монгольское происхождение, например Ехе («первый основатель ехесского владения родом был из мунгальского народа») ⁶; вероятно также Калка (Халха), Дахур, Сибе, Солонь, Чахар. Правда, Россохин отделяет эту последнюю группу монгольских племен (за исключением Ехе), равно как и часть корейцев, от исконно маньчжурских. Однако, если присмотреться к названиям «исконных» маньчжурских племен, то нужно отметить, что названия ряда племен по породам и мастям лошадей также свидетельствуют о прямом влиянии на эти племена степных скотоводческих элементов. Это подтверждается и материалами маньчжурского языка, в котором имеется чрезвычайно много названий для различных пород и мастей лошадей, о чем свидетельствует «Маньчжурско-русский словарь» Захарова.

О древнем расселении многих маньчжурских племен свидетельствуют названия рек и местечек: Хурха, Суйфунь, Нингута, Усури, Хингань, Сахалинь-Ула (Амур).

Таким образом, в состав маньчжур вошли и амурские племена: Сахалинь-Аимань (народ, живший на Амуре) и Нимача. В другом месте об этом последнем народе говорится: «Нимача или Нимацн. Сего имени народ сперва имел свои жилища около р. Амура, а потом, переселившись на р. Хуйфа, построил крепость и назвал ее по имени оной реки. Хуй-хан маньчжурский оную крепость взял и народ оной включил в нюру» (роту) ⁷.

Чрезвычайно интересно наличие среди маньчжур племени «Инь-таннь — народа, который на собаках ездит». Без сомнения, здесь речь идет также об амурских племенах. В подтверждение этого можно привести сообщение иезуита Жербилюна, относящееся почти к тому же времени: «От Иаксы считают 150 миль до Нингуты, откуда доходят до такого народа, который собак так, как мы лошадей и быков, в езду употребляет, и маньчжурам, которых земля поныне до сего народа простиралась, ни под каким другим именем не известен, как под таким народом, который ездит на собаках». «Сверх того, сей народ занимает до 200 миль к той реке, хотя оной не весьма многочисленен» ⁸. Далее автор пишет, что у устья Сагалин-Улы (Амура) живет иное племя, отличное от описанного по языку и называемое фиатта.

Нивхи (гиляки), обитающие в низовьях Амура и на его лимане и называвшиеся в китайской литературе «фияка», «фейяка», действительно отличаются по языку от соседящих с ними, живущих по Амуру народов, говорящих на тунгусо-маньчжурских языках, т. е. ульчей и нанайцев (гольдов). Очевидно, следует предположить, что под народом, «который

⁵ И. Россохин и А. Леонтьев, Указ. раб., т. XVI, стр. 150—155.

⁶ Там же, стр. 253.

⁷ Там же, стр. 162.

⁸ «О Великой Татарии», см. «Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов», ч. I, СПб., 1785, стр. 245—246.

на собаках ездит», включенным в начале XVII в. в состав маньчжурского народа, следует понимать тунгусо-маньчжур — предков современных нанайцев и, может быть, отчасти ульчей, которые еще в XIX в. занимали территорию, простиравшуюся значительно южнее, чем их временные места обитания.

На реке Хурха (Курха), впадающей в Сунгари, жило в XVI в. племя о котором говорится в книге следующее: «На сей реке при первых маньчжурских владельцах обитал такой народ, который платил ясак маньчжуром соболями и тюленьими кожами; а жительство свое имел в сел. Яньджу-Гашань и потом причтен в маньчжуры»⁹. Наличие морского промысла у группы маньчжур, живущей на востоке Маньчжурии, может показаться чрезвычайно странным и вызвать сомнение, не является ли это просто ошибкой или опiskой автора. Но в I томе на стр. 13—имеется подтверждение вышесказанного: 1640 г. «прежде покорившие и в присылке бывшие куркайцы 149 чел., да недавно вновь сысканные 292 чел. оставлены для поселения в сел. Яньджу-Гашань с тем, чтобы они надлежащий с них ясак соболями и нерпами платили».

Восточной границей расселения маньчжурских племен было «Восточное» море. Названия племен по именам рек Уссури, Суйфунь свидетельствуют о том, что племена или роды современного Уссурийского края входили в состав маньчжур. Племена Варха, Воцзи и Хурха жили в Крайнем Востоке. Часть племени Воцзи составляли Удэ (Куялэ Кэ-и-кэ-лэ)¹⁰.

Такова та пестрая племенная масса, с которой имел дело Нурхачи при объединении. Эти племена имели неоднородное происхождение (тунгусо-маньчжуры, монголы, и, возможно, некоторая часть «палеоазиатских» племен) и стояли на разных уровнях развития. В основном это были охотники и рыболовы; на юго-западе и юге жили племена наряду с охотой и рыболовством занимавшиеся земледелием. Они, видимо, испытывали влияние Китая. У этих племен, очевидно, складывались феодальные отношения. В работе В. Горского «Начало и первые дела маньчжурского дома»¹¹ описываются сложившиеся на территории Маньчжурии к концу XVI в. племенные союзы; их было четыре. Нурхачи первоначально боролся с наиболее сильным — хулуньским. Слабое племя подчинялось даже незначительным военным силам без боя, и многие племена вели борьбу за свою независимость. В «Обстоятельном описании...» дается детальная картина этой борьбы племен; она описывается во всех 16 томах книги. Людей из покоренных племен вводили в плен, из них создавались воинские соединения, которые использовались для дальнейших военных действий. Небольшая часть племен особенно на окраинах, оставалась жить на своих местах, только формально входя в маньчжурское войско. Эти племена и составляли «новоманьчжуров», лишь незначительная часть которых переселялась со своими мест и служила в войске; в основном же «ново-маньчжуры» платили маньчжурскому правительству незначительный ясак.

Нурхачи, объединяя разрозненные племена, создавал войско, в котором стремился уничтожить родовой и племенной сепаратизм. Организация восьмизнаменной маньчжурской армии, в которую входили и китайские и монгольские знамена, детальнейшим образом изображенная в «Обстоятельном описании...», достаточно хорошо известна, и здесь не имеет смысла ее рассматривать. Мы коснемся только вопроса о судьбе объединенных родов и племен.

«...При первых наших государях как походы на войны, так и ловитвы

⁹ И. Россохин и А. Леонтьев, Указ. раб., т. XVI, стр. 142.

¹⁰ А. Рудаков, Материалы по истории китайской культуры в Гириньской провинции, т. I, Владивосток, 1903, стр. 7—9.

¹¹ В. Горский, Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. I, СПб., 1852, стр. 39—48 и др.

зверей отправлялись не по количеству многого или малого числа народа, но каждая фамилия и деревня со своим родом выезжали на ловитву»¹².

Первоначально родами включались отдельные группы в состав войска, образуя роты. Главы родов или лица, принадлежавшие к ведущим родам племен, даже получали эти роты «во владение» и передавали затем роты по наследству детям и внукам или братьям, детям разьев и т. д. Однако позже стали делать смешанные роты, происходила еретасовка людей, и прежних рот, образованных по родоплеменному принципу, становилось все меньше. Маньчжурское правительство провело систематически политику раздробления больших родовственных групп. Члены больших племен никогда не составляли одну военную единицу. Например, люди из Ехе были размещены по 11 полкам шести намен. Не было создано ни одного полка из одноплеменников. В походы никогда не выступали целиком знамена, полки и даже роты, но только части их, так что в войнах и облавах принимали участие люди из разных воинских соединений.

В книге показана борьба маньчжурских императоров со старыми родовыми традициями. Когда, например, старики не хотели подчиняться более молодым членам их рода, занимавшим высокие административные должности, то был издан специальный указ императора, подтверждавший власть этих молодых командиров; отразилась здесь и борьба императора со своими сородичами. Постепенно такие вспышки затухают. От прежних родов и племен остались только имена; армия превратилась в монолитную массу, судьба которой в Китае достаточно хорошо известна.

В разбираемой книге показано, какую упорную борьбу вели маньчжурские императоры за сохранение национальной культуры маньчжур, маньчжурского языка и т. д. от стихийной китаизации.

В книге много этнографических материалов, которые дают довольно полное представление о материальной и духовной культуре маньчжур. Очень интересным представляется сохранение старых охотничьих традиций в быту маньчжурского войска в XVII и XVIII вв. Помимо несения военной службы, всем маньчжурским солдатам вменялось в обязанность частновать в регулярных облавах и охотах на зверей, птиц и т. д. Это не было чем-то случайным. Ежегодно на охоту отправлялось 12 тысяч человек по определенному расписанию. Указ 1682 г. гласил: «звериную овлю в каждой год отправлять три краты: весною третьего, осеню евятого, а зимою второго на десять месяцев»¹³. Горы и реки, на которых рымьшляли зверей, птиц, рыб, распределялись между знаменами; на территории чужого знамени охотиться запрещалось. Во время облав соблюдалось много правил, поддерживалась строгая дисциплина.

Большое значение придавалось также добыче драгоценного корня хень-шень (орхода), что также являлось обязанностью знаменных маньчжурских солдат. Все это подробно освещается во II и III томах книги¹⁴.

¹² И. Россохин и А. Леонтьев, Указ. раб., т. I, стр. 9.

¹³ Там же, т. III, стр. 90.

¹⁴ В другом произведении XVIII в. приводится очень подробное описание облав наменного войска. В книге «Китайские, японские, сиамские и точквинские анекдоты» ч. 1, М., 1791, (пер. с франц.) приводится стихотворение императора Цянь-Лунь, в котором изображается это во всех деталях: торжественный выезд колесниц и войска, вооружение воинов, облавная тактика; охотились на зайцев, кабанов, оленей, оз, тигров, медведей; начинал охоту император, заканчивали все родовые воины. Охота прекращалась по знаку императора. Вся добыча делилась на три части. Звери, павшие под первым ударом, полагаются вместе с теми, кои получили одну только рану в левый бок, и они вместе составляют первой порядок. Их отлагают в стороне, чтобы повесить в зале предков, и чтоб потом быть там жертвами, когда мясо их будет изжарено» (Назв. соч., стр. 26). Две другие части шли для нужд императорского двора и на награды солдатам и офицерам. Облава и гоньба животных, заключительный акт жертвоприношения — все это свидетельствует о большой значимости этих проводившихся правительством в XVII и XVIII вв. мероприятий.

Там же имеются сведения по материальной культуре маньчжур: подробно описана столбовая конструкция маньчжурских домов и хозяйственных построек¹⁵. Одежда маньчжурских солдат и высших офицерских и гражданских чинов описана в V томе, на пятидесяти страницах.

Духовной культуре маньчжур в книге уделяется особенно много места. У маньчжур были храмы, указывающие на предметы поклонения маньчжур: храмы, посвященные небу (абкай-тань), земле (най-тань) прародителям (таймьяу), праотцам (тань-зе), богу земли и плодородия. Для жертвоприношения небу и земле, прародителям и богу плодов употреблялось еще в XVIII в. большое число животных. «Учрежденное в храме всевышнему небу посвященном Хи-Шын-шо есть такое место где на все жертвоприношения употребляющиеся олени, быки, овцы, верблюды и прочие содержатся и приготавливаются на всеожжение». Обряд жертвоприношения небу совершался в день зимнего солнцестояния и в день нового года и в день летнего равноденствия.

Подробно описывается в книге ритуал поклонения и жертвоприношения в храмах предкам и праотцам¹⁷. «Оное жертвоприношение, отправляемое бывает небу и земле... или прародителям... называется ликое; второго рода жертвоприношение, которое отправляется солнцу, луне, духам ветров, облаков, громов, дождей, знаменитых гор и морей и великих рек, также древним великим царям, первоначальным учителям (т. е. Кун-Фу-Дзыю), первому человеку земледельства... и называется средним; а третьего рода жертвоприношение называется малым, которое отправляется только тем богам или духам, коим по указу жертвоприношения древним великим царям, так же и философу Кун-Фу-Дзыю отправляются по именным указам самих ханов»¹⁸.

Анимистические представления были отражены в некоторых народных обрядах, закрепленных императорскими указами. Согласно этим указам, изданным еще до 1644 г., после смерти цинь-вана (высший чин, который давался только особам императорской фамилии) совершались жертвоприношения в первую надань и в великую надань («надань — значит семья, а здесь разумеется первую надань, что минуло покойнику 7 дней, т. е. первые поминки, а великую надань, что покойнику минуло пять недель, т. е. великие поминки»). «Для тех двух жертвоприношений, которое по прошествии семи дней и которое в день великого надань бывают, от двора давать в жертву по одному двухлетнему теленку, по 8 баранов, по 9 куфшинов вина, по 30 000 хоушань (бумажные деньги)»¹⁹. «Тело цинь-вана не выносить из дома до того времени, когда могила сделана будет, а не класть в вечное место целый год». «Тело Бейзы, ...не выносить из дома 3 месяца; а в вечное место не класть до 5 месяцев»²⁰.

Указ 1723 г. гласил: «Когда кто, какого-б звания не был, умрет, положить в гроб с телом его класть платья 5 пар. При погребении употреблять бумажных колясок, лошадей, носилок, башенок умеренное число»²¹.

Таким образом, «Обстоятельное описание...», изданное еще в XVIII в., дает нам и до сих пор интересное изображение древней религии маньчжур, которая с XVII в. подверглась интенсивному воздействию религии китайцев. Правда, религия маньчжур описана здесь не полностью, имеющиеся сведения представляются чрезвычайно интересными и ценными.

В данной статье невозможно, конечно, коснуться всех богатых этнографических материалов, имеющихся в рассматриваемой работе. В книге

¹⁵ И. Россохин и А. Леонтьев, Указ. раб., т. II, стр. 301—352.

¹⁶ Там же, т. III, стр. 230.

¹⁷ Там же, т. IV, стр. 230—253.

¹⁸ Там же, т. XVI, стр. 190.

¹⁹ Там же, т. V, стр. 71.

²⁰ Там же, стр. 185.

²¹ Там же, стр. 110.

приводится также громадное количество исторических материалов; показаны социальные группировки среди маньчжур в XVII—XVIII вв. В ней содержатся и интересные сведения о некоторых других народах, соседях маньчжур и китайцев: например, в XVI томе есть первое краткое этнографическое описание тибетцев, их материальной и духовной культуры.

Для людей, занимающихся Китаем и Маньчжурией, «Обстоятельное описание...» должно стать объектом внимательного изучения. Тем более странно, что ни один из китаеведов и маньчжуроведов XIX и XX вв. эту работу не использовал. Нельзя не оценить самым высоким образом заслугу И. Россохина и А. Леонтьева, открывших науке такое ценное произведение. Даже работы над одной этой книгой было бы достаточно, чтобы увековечить имена пионеров русского востоковедения. Но, как уже указано, Россохин и Леонтьев создали еще много интересных произведений, увеличивающих ценность того вклада, который они сделали в русскую востоковедческую науку.

Н. Н. СТЕПАНОВ

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АМУРЕ И ГОЛЬДАХ

Первой русской экспедицией на Амур, как известно, была экспедиция под начальством Вас. Пояркова. В 1643 г. Вас. Поярков вышел из Якутска, с верховьев притока Алдана Учуря перевалил на реку Зею, впадающую в Амур, и по Зее спустился на Амур. В дальнейшем Поярков выплыл по Амуру в море, весной 1645 г. пошел вдоль морского берега до устья реки Ульи и Ульей и Маей в 1646 г. вернулся в Якутск. Вслед за этой первой экспедицией на Амур последовал в 40-х годах XVII в. и ряд других, в том числе и знаменитая экспедиция Хабарова.

Этим экспедициям на Амур предшествовали сведения, полученные русскими об Амуре и его населении. Получены они были от тунгусов и юкагиров и представляют значительный интерес именно как первые сведения об Амуре и его населении.

Во II томе «Дополнений к Актам Историческим» был напечатан документ, вызвавший и вызывающий до настоящего времени большой интерес и вместе с тем значительные недоумения и породивший самые различные толкования исследователей,— «Наказная память десяти Елисею Бузе, отправленному на реку Индигирку для открытия реки Нероги, впадающей в Северный океан»¹. Ометим, что заголовок документа дан редактором II тома ДАИ, исходя из его понимания текста документа.

Приведем нужное нам место из документа полностью.

«В нынешнем во 150 году енисейской служивый человек десяти Елеса Буза привез в Якутской острог трех аманатов юкагирских, шамана Балганча, да Игмону, да Далгуна; а в Якутском остроге в съезжей избе те аманаты в роспросе сказывали: есть де река именем Нерога, прилегла де та река Нерога вершиною близко Индигирской реке, ходит де с той реки Индигирской на Нерогу на оленях безо вьюков недель и к Янской де вершине та же река Нерога вершиною прилегла, а на Янской де вершины до той реки Нероги оленного ходу месяц, а паде де та Нерога река в море своим устьем; а на той де реке Нероге, устья морского недалече, в горе, в утесе над рекою, серебряная руда, а повыше де той серебряной руды немного на той же реке живут люди на яру, род Наттыла, юрты де деланы у них в земле, и у тех де людей серебра много, а люди те пешие, оленей у них и лошадей нет, а река рыбна добре, и те люди кормятся рыбобою». Такие показания дали юкагирские аманаты в Якутске в 1641—1642 гг. про реку Нерогу и проживающих на ней пеших людей.

Московская администрация внимательно отнеслась к этим показаниям — основное значение здесь имели показания о серебряной руде — и дала наказ якутскому воеводе: «про ту реку Нерогу проведавать, и накрепко у всех иноземцов» и «роспрашивать, есть ли такова река Нерога? и будет есть и прямо ль на ней есть серебряная руда, и много ли на той реке люди у руды есть ли, и каковы люди, и далече ли ходят».

¹ «Дополнения к Актам Историческим» (в дальнейшем ДАИ), т. II, № 98.

реки до Индигирской вершины?» Наказ заканчивался обычным для того времени предписанием «государю служба и радение свое показать» в пути походом на реку Нерогу.

В показаниях юкагирских аманатов, бесспорно, перемешаны вместе реальные данные и фантастические слухи. То, что индигирские юкагиры, а также и индигирские ламуты, знакомы были с серебром, не подлежит никакому сомнению. Документальные данные прямо указывают на наличие у них серебряных изделий в виде украшений. Так, в 1672 г. на «огроме» индигирских юкагиров Григ. Пушным у одного из юкагиров был захвачен «нагрудник юкагирской з двумя кружками серебряными, а кружки де были один в две гривны, а другой в гривну»². В это же время у индигирских ламутов был взят «нагрудник ламутцкой женской с кругами серебряными»³. О наличии серебряных изделий у юкагиров рассказывал и Посничко Иванов, руководитель одной из первых русских экспедиций на Яну и Индигирку. В 1640 г. он сообщил в Якутск: «да у юкагирских же де... людей серебро есть, а где они серебро имеют, того он, Посничко, не ведает»⁴.

Источник серебра юкагирские аманаты в 1642 г. показывали на реке Нероге, текущей в море, — там «в горе, в утесе над рекою серебряная гора». Сведения о горе с серебряной рудой являются, без сомнения, фантастическими, так же, как в свое время фантастическими оказались слухи о такой же горе на реке Верхней Тунгуске, владельцами которой якобы являлись тунгусские князцы Окунь и Келтя; посланная на Верхнюю Тунгуску специальная экспедиция Я. Хрипунова (1628—1629 гг.) обнаружила никакой серебряной горы⁵. Реальным зерном во всех этих слухах о серебряной горе на В. Тунгуске оказалось лишь то, что тунгусов были серебряные изделия в виде украшений, которые они получали от бурят и монголов; к последним серебро в свою очередь шло из Китая⁶. Реальным зерном и в рассказах юкагирских аманатов в 1642 г. является, без сомнения, тот факт, что юкагиры получали серебряные изделия откуда-то с юга, а всего скорее с Охотского побережья охотских тунгусов и ламутов. На Охотском побережье русские люди местного населения наблюдали серебряные украшения в самой различной форме: в виде слитков, «прутьев», и колец, и кругов. Недаром Е. Крыжановский, приказчик Охотского острога, человек, прославившийся своим лихоимством, в конце 80-х годов XVII в. в весьма широких размерах «имал в почесть» от охотских тунгусов и ламутов «круги и кольца серебряные»⁷.

Но что это за река Нерога и род Наттыла? Редактор II тома ДАИ, давший заголовок документу — «Наказная память десятнику Елисею Пушному, отправленному на реку Индигирку для открытия реки Нероги, впадающей в Северный океан», — считал, таким образом, реку Нерогу одной из рек, впадающих в Ледовитый (Северный) океан. Позднейшие исследователи давали иные толкования. В. И. Огородников предполагал, что Нерога — «одна из рек, впадающих с севера в Охотское море», а род Наттыла — «тунгусский (ламутский) род»⁸. Вслед за ним и А. М. Зотарев видел в показаниях о роде Наттыла «первое упоминание о пе-

² Архив Ленингр. отделения Института истории АН СССР (в дальнейшем ЛОИИ), Якутский фонд., карт. 208, стб. 6.

³ Там же, карт. 213, стб. 5.

⁴ ДАИ, т. II, № 88; ЛОИИ, Якутский фонд, карт. 185, сст. 985, 986.

⁵ См. А. П. Окладников, Очерки по истории западных бурят-монголов, Л., 1937, стр. 45—49.

⁶ Н. Н. Степанов, Межплеменной обмен в Восточной Сибири, на Амуре и на Охотском побережье в XVII веке, «Ученые записки Ленингр. гос. ун-та, Серия исторических наук», вып. 5, Л., 1939.

⁷ ЛОИИ, Якутский фонд, карт. 223, стб. 1.

⁸ В. И. Огородников, Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли, Чита, 1922, стр. 38.

ших тунгусах Охотского берега»⁹. Позже он же усматривал в Наттыла юкагиров¹⁰. Гипотезы редактора II тома ДАИ о реке Нероге и роде Наттыла не могут быть, однако, приняты. Мы не знаем реки Нероги, впадающей в Ледовитый океан или Охотское море, а в списке родов пеших тунгусов или юкагиров в XVII в. рода Наттыла нет.

В настоящее время представляется возможным дать иную расшифровку этого любопытного документа. Документ этот напечатан в «Дополнениях к Актам Историческим» по неисправной миллеровской копии. В архиве Ленинградского отделения Института истории я обнаружил оригинал документа. В нем читаем не «род Наттыла», а «род Натты».

В названии Натты, видимо, можно видеть один из вариантов племенного названия, каким тунгусы называли гольдов. В русской документации XVII в. оно фигурирует в вариантах Натки, Натка, А. Ф. Миддендорф дает его как Ньгатку¹³.

Итак, «род Наттыла», столь загадочный раньше, расшифровывается как тунгусское название гольдов. Подчеркнем, что описание образа жизни рода «Натты» (землянки, оленей и лошадей нет, кормятся рыбой) полностью согласуется со всем тем, что нам известно об образе жизни гольдов в XVII—XVIII вв.

Таким образом, в этих показаниях юкагиров следует видеть одни из первых упоминаний в документах XVII в. о народах Амура, в частности о гольдах. Обменные отношения между охотскими тунгусами и амурскими гольдами давали свои боковые ответвления, в частности на Игирку, куда доходили смутные сведения о «роде Натты», кормящемся рыбой и имеющем серебро,— сведения, обраставшие фантастическими слухами о серебряной руде.

Укажем, что анализ источников этих слухов о серебряной руде приводит нас также к народностям Амура. В 1669 г. в том же Якутске записал Степан Щербаков следующие показания: «слышал де он, Степан Щербаков, про серебряную руду Тугурского зимовья от ясачных тунгусов Ишаки да от Паргауля, а они де Ишаки и Паргауль слыхали от оленеводов своих и от братьев впрямь и сами видали, что де серебряная руда есть на усть Амура реки, и отцы де их серебряную руду и серебро продавали к себе; а как де то место называют, где то серебро родитца, тово де они не упомянут». Тунгусы, о которых говорил Щербаков, жили в Якутске и сидели в аманатах. Допрошенные в тот же год Ишаки и Паргауль дали следующие любопытные сведения: «сами де они не видали, где серебряная руда есть, а слыхали де они от оленеводов своих и от братьев своих, что серебряная руда есть на усть Амура реки, а плавают де истое серебряной руды серебро иноземцев разных родов — Куви да Лонки да Голдики да Натки и иных родов, а те де люди живут на усть Амура реки по обе стороны. Да сами де слыхали от брата своего, от Гургокта, что де он сам видал и был где то серебро родитца, и он де, Гургокта, серебро плавленное с места принашивал к себе. И отцы де их и родники у тех иноземцев — у Кувей, и у Лонок, и у Гольдик, и у Натък покупают на соболи и лисицы серебро слитками и прутьями и кольцами и кругами, а как де большие и малые носят они на грудях, а кольца на шее. А итти де до тех мест, где серебро родитца, морем в судах скорым ходом м...

⁹ А. М. Золотарев, Новые данные о ламутах и тунгусах XVIII века, «Историко-марксист», 1938, № 2, стр. 70.

¹⁰ См. А. М. Золотарев, Первые сведения о юкагирах и чукчах, «Историко-марксист», 1939, № 2, стр. 188.

¹¹ ЛОИИ, Якутский фонд, карт. 189, стб. 20, сст. 45.

¹² Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. I, СПб., 1883, стр. 116.

¹³ См. А. Ф. Миддендорф, Путешествие на север и восток Сибири, стр. 757.

тихим ходом полтора месяца или два месяца»¹⁴. В этих показаниях русских тунгусов фигурируют почти все амурские народности. Кроме гольдов (голки и натки), здесь налицо и айны (куви)¹⁵ и ульчи (лонки)¹⁶. От них тунгусы получают различные серебряные украшения. Именно здесь и серебряная руда, так же как и в показаниях 1642 г. индигирских юкагиров, столь же отдаленная и таинственная («морем в два скорым ходом месяц, а тихим ходом полтора месяца или два месяца»).

Показания индигирских юкагиров 1642 г. о роде Натты — одни из первых сведений в документах XVII в. о народах Амуре, но не самые первые.

Первые сведения об Амуре и народностях Амуре связаны с экспедицией Копылова — Москвитина, отправленной в 1636 г. из Томска на север¹⁷. Один из отрядов этой экспедиции под начальством Ив. Москвитина в 1639 г. достиг Охотского побережья и позже, получив сведения охотских тунгусов об Амуре, сделал первую попытку в истории продвижения русских в XVII в. в Амурский бассейн пробиться к Амуру, — попытку, окончившуюся, однако, неудачей. Наступивший голод и потеря проводников-тунгусов не дали возможности выйти далеко на юг. Ив. Ивашка Юрьев и Семейка толмач и служивые люди, не доходя до реки, назад воротились для того, что оголодали и вожей не стало, тунгусы отбили»¹⁸. Вполне понятно желание немногочисленного русского отряда разведать сразу же по получении первых известий Амурский край. Охотские тунгусы сообщили толмачу отряда о богатствах нового, неизведанного края. «Да те же тунгусы сказывают про реку Омуть, и та река великая, а по ней живут тунгусы Шамагири, оленные люди, а водятся те люди с иными людьми, с Натканы, а язык у тех людей иной, а не тунгуской, продают тем людям соболи, а у тех людей емлют серебро и чаши большие медные и в тех чашах есть варят, и одекуй берет от тех же людей и кумачи, и те Нятканы живут у Ламы промежу рек в стрелке. А те товары идут с иной реки, серебро и медь и одекуй и кумачи. Река есть Амур от конных людей, те люди хлеб сеют и вино варят по русски кубами медными и трубами, да в тех же людях водятся свиньи и свиньи, и кросна ткут по русскому, и от тех людей возят к Натканом муку по Амуре, в стругах плавают»¹⁹.

Охотские тунгусы рассказали толмачу отряда Москвитина о нескольких народностях Амурского края — тунгусах, гольдах и даурах («конные люди»). В омутих тунгусах (Шамагири) вряд ли можно видеть негидальцев, как то делал Л. Шренк²⁰. В составе негидальцев нет рода Шамагир. Как было выяснено в наше время, в гарино-амгунских самарах нужно видеть тунгусский род, подвергшийся в последнее время значительному влиянию гольдов²¹. Натканы, нятканы, как мы видели

¹⁴ «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.», Сборник архивных документов, Л., 1936, стр. 147—148.

¹⁵ Куви — амурское название айнов (см. А. М. Золотарев, Из истории народов Амуре, «Исторический журнал», 1937, № 7).

¹⁶ Лонки — один из родов ульчей (см. Т. И. Петрова, Ульчский диалект на- айского языка, М.—Л., 1936, стр. 7, 9).

¹⁷ Об истории экспедиции см. нашу статью «Первая экспедиция русских на Тихий океан», «Изв. Всесоюзного географического об-ва», т. LXXV, вып. 2, 1943.

¹⁸ Чия-Зяя, приток Амуре (Архив Академии Наук СССР (АН), ф. 21, оп. 4, № 30, л. 80).

¹⁹ Архив Академии Наук, ф. 21, оп. 4, № 30, л. 80. В пересказе эти данные дал еще Г. Ф. Миллер, видевший в реке Омуть реку Амгунь («Новые ежемесячные сообщения», 1796, ч. CXXI, стр. 7). Эту расшифровку принимал позже и Л. Шренк («Об инородцах Амурского края», т. I, СПб., 1883, стр. 116). Текст документа впервые опубликован мной в «Известиях Всесоюзного географического об-ва», т. LXXV, вып. 2, 1943.

²⁰ См. Л. Шренк, Об инородцах Амурского края, т. I, СПб., 1883, стр. 116.

²¹ См. «Тунгусский сборник», 1, Л., 1931; «Гарино-Амгунская экспедиция. 1926 г.», 1, 1929.

выше, — гольды. Наконец, описание населения на Амуре, занимавшее земледелием, дает первые штрихи о даурах.

Рассказы охотских тунгусов рисуют также картину экономических связей народностей Амурского края и Охотского побережья, — картину оживленных обменных отношений, покоившихся на различном характере производства у различных народов. Тунгусы-охотники сбывали на пушнину — соболей, от дауров шла мука, ткани (кумачи), медные изделия (чаши для изготовления пищи), одекуй и серебряные изделия украшений. Гольды в известной мере являлись посредниками в тунгусо-даурском обмене.

Интересной иллюстрацией — комментарием — к этим данным XVI является любопытное предание самагиров с реки Горина (левый приток Амура), данное в пересказе в свое время В. И. Огородниковым. Самагиры с товарами (в том числе и серебро) отправлялись на север «к тунгусам и к другим людям, что живут еще дальше тунгусов», для обмена на пушнину. По счету поколений, фигурирующих в предании, факты, сообщаемые в последнем, относятся к концу XVII в. Берестяная самагирская карта, имевшаяся в распоряжении Огородникова, изображала путь самагиров на север. Путь этот шел с реки Горина на Амгунь, далее к верховьям реки Тугура и к нижнему течению реки Уды. По пересечении реки Уды и горного хребта Джугдшур путь выходил или к верховьям реки Учур, или к одному из южных притоков реки Май (один из притоков Алдана)²².

Так проникали на север к тунгусам и юкагирам сведения об Амуре и его населении. От охотских тунгусов и индигирских юкагиров эти сведения получили и русские в конце 30-х и начале 40-х гг. XVII века.

²² См. В. И. Огородников, *Покорение Юкагирской земли*, стр. 39, 40.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

Л. Н. ПУШКАРЕВ

РУКОПИСНЫЙ ФОНД И. Г. ПРЫЖОВА, СЧИТАВШИЙСЯ УТЕРЯННЫМ

Научное и литературное творчество революционера-шестидесятника И. Г. Прыжова (1827—1885) давно уже привлекало внимание советских ученых. Работы Прыжова интересовали этнографов, историков, публицистов, литературоведов и фольклористов, и все находили богатый и интересный материал в его статьях и очерках, крупных исследовательских работах и мелких заметках. Многогранность и широта творческих интересов Прыжова особенно ярко выступают в плане его научной работы, который он дважды излагал¹. Вспоминая о своей работе, Прыжов писал: «Тогда мне страшно хотелось написать три вещи: а) Поп и монах, как первые враги культуры человека, б) Историю крепостного права, преимущественно по свидетельству народа и в) Историю свободы в России». Эти три большие проблемы, поставленные им перед самим собою, раскрывались с разных сторон в предполагаемых шести томах его сочинений: 1. Народные верования (в первые дни культуры, в средних веках и теперь); 2. Социальный быт (хлеб и вино, община и братство, поэзия, музыка и драма); 3. История русской женщины; 4. История нищенства в России; 5. Секты, ереси, расколы; 6. Малороссия.

М. С. Альтманом уже сделан обзор напечатанных работ Прыжова в плане перечисленных тем². Исследователь показывает, что по каждой теме Прыжов опубликовал довольно большое количество материалов. Однако еще большее число работ осталось в рукописи. Судьба этого рукописного наследства ученого-революционера 60-х гг. показательна. Наиболее значительная и по объему, и по содержанию часть всего написанного им в 60-е гг. была им же самим уничтожена в ожидании ареста. Так, Прыжов сжег «целые тысячи» сказок про попов и монахов, собранные им в Московской, Тверской и Владимирской губерниях. Он сжег первую тетрадь «Истории свободы в России», с выразительной виньеткой, нарисованной его братом: «бордюр из цепей, а по четырем углам были нарисованы виселица, топор и плаха, кандалы и плети и... Петропавловская крепость».

Другая часть его рукописного наследства была им отдана различным издателям и коммерсантам. Так, «дорогие сведения о кулаках, завладевших народом вместо господ» (взятые, повидимому, из «Истории крепостного права») были отосланы Прыжовым известному русскому кооператору Н. П. Баллину в Берлин. М. М. Стасюлевичу, редактору «Вестника Европы», Прыжов отдал статью «Поэтические воззрения славян на природу» и две главы из «Истории русской женщины», — в печати они не появились. Половину монографии о «пьяных жителях» в доисторическом быту славян Прыжов продал лубочному издателю Преснову (письмо к М. М. Стасюлевичу от октября 1867 г.). М. И. Семевскому, редактору «Русской старины», Прыжов отдал статью «Киев» и т. д. Ряд статей Прыжова был задержан цензурой. Так, в 1922 г. Ю. Г. Оксман изшел в материалах С.-Петербургского цензурного комитета работу «Смутное время и воры в Московском университете». В цитированном письме к Стасюлевичу Прыжов упоминает, что работа «История мещан» запрещена и удержана московской цензурой, — ее судьба нам до сих пор неизвестна.

Довольно значительная часть рукописного наследия Прыжова погибла при подготовке работ к печати (надо сказать, что черновики Прыжов, как правило, не

¹ В своем письме к Стасюлевичу в октябре 1867 г. и в «Исповеди», написанной в Петропавловской крепости накануне суда.

² М. С. Альтман, И. Г. Прыжов и его литературное наследие (вступит. статья к сборнику «И. Г. Прыжов. Очерки, статьи, письма»). М.—Л., 1934, стр. XX—XXI.

сохранял, см. свидетельство об этом в его письме Стасюлевичу от 26/X 1867 г.). Из трех томов «Истории кабаков» Прыжов сделал один и издал его у Вольфа; остальные двух томов пропали. Так же были изданы и книги «Нищие на святой Руси» и «26 московских лжепророков, лжеюродивых, дур и дураков». Прыжову приходилось нещадно сокращать свои произведения, чтобы хоть что-нибудь опубликовать.

Неполнота дошедшего до нас наследия И. Г. Прыжова ощущалась уже первыми его исследователями. Отсутствие рукописных вариантов помешало разработке ряда вопросов, в частности, анализу последнего периода его творчества, о котором Альтман сообщал, что «вероятно, дальше предварительного собрания материалов Прыжов здесь не пошел». Наконец, отсутствие рукописного наследства не давало исследователям возможности полно и верно раскрыть весь облик Прыжова, его общественно-политические и научные, в частности, этнографические и фольклорные, взгляды.

Из писем И. Г. Прыжова к Н. И. Стороженко явствовало, что он усиленно работал во время ссылки на Петровском заводе и что у него имеется большое число незаконченных или уже оформленных для сдачи в редакцию статей; об этом же писал в письме к Стороженко и управляющий Петровским заводом инженер И. Я. Анкин: «Имущество его (И. Г. Прыжова.—Л. П.) все описано полицейей, и не знаю, какой будет ему исход; книги же и бумаги теперь все у меня, но я не имею времени в них разобраться и сделать опись»³. М. С. Альтман добавляет к этому: «Судьба этих «бумаг» нам неизвестна, и, вероятно, как полагает Б. П. Козьмин, они затерялись так же, как затерялась могила Прыжова»⁴.

Однако бумаги Прыжова оказались целы. Сейчас пока еще трудно установить подробную историю фонда И. Г. Прыжова. Известно только, что этот фонд, в конце концов, попал в музейное собрание известного коллекционера и исследователя русского быта П. И. Шукина, который еще в 1905 г. передал в дар Историческому музею все свои собрания, в частности, рукописные материалы (см. опись собрания П. И. Шукина № 378, хранящуюся в Гос. Историч. музее). Весь фонд Прыжова был принят в Исторический музей и занесен там под именем «Благовещенского» (псевдоним Прыжова, которым он подписывался под своими сибирскими статьями). Долгое время этот фонд хранился в Музее, пока в 1941 г., в связи с эвакуацией части архивных фондов, он не был передан в Центральный государственный литературный архив Министерства внутренних дел, где он и был обнаружен мною в 1948 г. во время моих занятий над темой «Фольклористика 60-х годов XIX в.».

Такова краткая историческая справка о рукописном наследии одного из замечательных ученых и революционеров-шестидесятников—И. Г. Прыжова⁵.

Весь фонд в целом состоит в основном из черновых и беловых автографов самого Прыжова, нескольких копий и массы газетных и журнальных вырезок. При своем поступлении в Гос. Историч. музей фонд получил валовую нумерацию всех страниц подряд, без разделения на отдельные работы и без соблюдения порядка следования листов внутри работ. Позже фонд был разбит на отдельные единицы, которых в настоящее время насчитывается 23. Поводом для выделения отдельных единиц послужило то, что сам Прыжов собрал часть своих материалов по папкам и кратко озаглавил эти папки. Внутри отдельных работ нумерация листов зачастую не соответствует содержанию; разбор фонда Прыжова затрудняет и то, что Прыжов писал со многими вставками, поправками, черновыми вариантами и зачеркиваниями. Лишь в тех работах, которые он подготовил к печати, эти вставки подклеены к листам и указаны места вставок. В большей же части работ установление истинного порядка листов должно быть проделано исследователями.

Статьи и книги Прыжова написаны на листах формата канторской бухгалтерской книги на обеих сторонах листа. Вставки написаны на клочках той же бумаги; иногда вставка состоит из газетной вырезки. Почерк Прыжова разбирается с трудом тем более, что в последнее время он принципиально писал без твердого знака, без ять и без знаков препинания и заглавных букв, мотивируя это желанием сократить процесс письма. Так, в частности, написан основной труд Прыжова, создавший его в течение 20 лет—«Граждане на Руси» (более ранний вариант заглавия—«Русский народ»). В тексте встречается большое число сокращений и ссылок на различные журналы, газеты и книги; в смысле комментирования текст Прыжова—один из самых трудоемких. В фонде явственно различаются два почерка: работы, написанные в 60-х гг., и те, которые написаны им в 80-х гг., когда он вышел на поселение.

По своему содержанию фонд Прыжова повторяет в основном те основные темы, которые были намечены им самим еще в 60-х гг. По первой теме—«народные верования»—в фонде Прыжова сохранились такие работы, как «Ведьма»,—статья о средневековых предрассудках и народных верованиях, связанных с ведьмами, на Западе и у нас на Руси. Объем статьи—45 л. К этому же разделу относятся работы

³ См. И. Г. Прыжов, Очерки, статьи, письма, стр. 361.

⁴ См. М. С. Альтман, И. Г. Прыжов, М., 1932, стр. 111.

⁵ Не имея возможности в краткой заметке о найденных материалах раскрыть общественно-политические и научные взгляды Прыжова, его роль и место в общественной и научной жизни 60-х гг. и, в частности, в этнографии и фольклористике, автор сознательно ограничивает себя кратким описанием фонда в целом и отдельных единиц этого фонда. Работа научно-исследовательского характера готовится автором к печати.

33 л. «Светлая сторона поэтических отношений природы и человека. Лирическая зияя». Это — автограф и чья-то копия. Основное содержание статьи — исследование о голубе и верованиях, связанных с ним, и об отражении образа голубя в народной поэзии. Наконец, последняя работа из этой области — «Собака в истории юговечества. Исследование И. Благовещенского». Автор изучает роль собаки в истории культуры — на Востоке, в греко-римском мире, в германо-кельтском мире, у славян и на Руси.

Все это — не новые работы Прыжова; следы их мы можем обнаружить в его ранних письмах. Так, в письме к А. А. Краевскому, относящемуся к 1864 г., он пишет: «Дама, которая передаст Вам это письмо, желает поместить в «Отчественных» [ищках] сочинение о колдуньях в средних веках, составленное по Шеру (4-я глава из его «Истории немецких женщин») и Кеппену — «История колдуний», — всего листов 7—8 печатных»⁶. Именно эти источники указаны Прыжовым в примечаниях к его работе; содержание статьи также соответствует сообщению в письме, и есть все основания предполагать, что сочинение о колдуньях неизвестной дамы принадлежало самому Прыжову.

Монография о голубе упоминается в письме к Стасюлевичу от октября 1867 г. Она названа в нем «Поэтические воззрения славян на природу». Что это идентично работе, находящейся в фонде Прыжова, подтверждается письмом к Стасюлевичу от 6/X — 1867 г., где Прыжов пишет: «Вы без всякого сомнения можете заимствовать из «Поэтических воззрений» все, что подойдет под размер вашего журнала... Вы желаетесь на славянские памятники, которые читатель будет пропускать; но они почти все с подстрочным переводом..., а славянство в моде»⁷. В работе же Прыжова «Светлая сторона поэтических отношений природы и человека» большое место занимают примеры из славянских фольклорных памятников с параллельным переводом их на русский язык; это — единственная сохранившаяся рукопись Прыжова с привлечением славянского фольклорного материала.

Наконец, статья о собаке многократно упоминается в письмах Прыжова. Она была в 1867 г. у Стасюлевича⁸. 21 марта эта статья уже была у К. Н. Бестужева-Рюмина, профессора Петербургского университета («Если вам не удалось сунуть уда-нибудь мою «Собаку», хоть за какую-нибудь цену, только за наличные деньги — 0, сделайте милость, вышлите ее мне поскорее — я ее продам здесь...»⁹). Но в 0-х гг. «Собака» напечатана не была. 18 ноября 1882 г. Прыжов пишет в письме

Стороженко, что «брата просил бы отыскать брошенный мною где-то труд «Быт [русского] наро[да]». Коли получу, брошу все и займусь «Собакой в истории верований человека»¹⁰. Видимо, брат прислал статью Прыжову, тот ее переделал и еловый вариант отослал Стороженко. В письме от 12 апреля 1883 г. Прыжов писал Стороженко: «Если моя «Собака» попала в Главное управление цензуры или даже духовную цензуру, то бога ради примите все меры... вырвать ее оттуда, иначе — смерть моя. Труд этот — одна лишь глава из обширного труда о домашних животных, которому я посвятил целых 20 лет»¹¹. Прошел год, но судьба «Собаки» не изменилась: «Собака попадает в Географическое Общество, «где и увязла», т. е. застряла»¹². «Съели, — писал я брату, — съели мою бедную собачку! Вымою, вычищу эту страдальницу (в течение почти 20 лет) собачку и тотчас ее в Питер с эпиграфом «съешьте ее! съешьте!»¹³. Смерть помешала Прыжову выполнить задуманное.

Итак, все эти три работы представляют собою дальнейшее продолжение и развитие давно задуманных Прыжовым исследований. Такого же рода и две другие его работы, относящиеся ко второй теме его творчества — к социальному быту. Это прежде всего частично сохранившиеся материалы по «Истории кабаков» — без особого названия и стрычочного содержания, но довольно значительного объема — 125 л. В работе 3 раздела — 8-й, 9-й и 10-й, все без названий. Другая работа Прыжова составляла когда-то 2-ю главу его неизвестного труда и озаглавлена «Первые следы социальной жизни на Руси». Это автограф на 75 л., вполне готовый к печати и содержащий разделы: 1. Появление напитков, 2. Вино, 3. Ячные и медвяные славян (брага, пиво, квас, мед, хмель), 4. Напитки, как один из деятелей социальной жизни народа; 5. Вино в свадебном обряде. Работа имеет этнографически-фольклорный характер и очень типична для первого периода научной деятельности Прыжова (60-е гг.).

В дошедшем до нас фонде Прыжова совсем нет работ, посвященных специально третьей теме его творчества — «Истории русской женщины». Правда, материалы по характеристике женщины-сибирячки часто встречаются в его статьях о Сибири, но они там играют служебную роль и непосредственно к теме «История русской женщины» не относятся. Не дошли, — а возможно, их и не было совсем, — исследования и

⁶ И. Г. Прыжов. Очерки, статьи, письма, стр. 365.

⁷ Там же, стр. 372.

⁸ Там же, стр. 370.

⁹ Там же, стр. 368.

¹⁰ Там же, стр. 377.

¹¹ Там же, стр. 378.

¹² Там же, стр. 379.

¹³ Там же, стр. 380.

по четвертой теме — «История нищенства в России». Зато интересный и богатый фактами и непосредственными живыми наблюдениями материал мы находим в работах Прыжова, посвященных пятой теме — «Секты, ереси, расколы». Все они относятся к 80-м гг. и по большей части представляют собою варианты к опубликованной статье «Староверы». Одна из работ Прыжова названа им самим «Выговская староверческая община». В этой работе раскрывается история возникновения общины, гонений на нее. Кроме этого специального труда в фонде Прыжова имеется много сведений о сибирских староверах; эти сведения разбросаны по другим его работам, посвященным истории и этнографии Сибири.

Наконец, по шестой теме — «Малороссия» в фонде Прыжова находится изданная статья «Быт Малороссии по памятникам ее литературы с XI по XVIII века». Она гораздо более полная, чем тот вариант, который опубликован в «Филологических записках», и содержит многочисленные позднейшие поправки, относящиеся к 80-м гг. Подобно монографиям о голубе, собаке и о кабаках, эта работа Прыжова принадлежит к числу тех, над которыми он трудился всю жизнь.

Но рукописное наследие Прыжова не исчерпывается этими шестью темами. Поздние работы Прыжова, не известные доселе исследователям, содержат исторические материалы большой общественной значимости. Можно даже сказать, что исторические работы Прыжова составляют основной костяк его фонда и имеют первостепенное значение для характеристики его исторических и общественно-политических взглядов. Это прежде всего самая большая работа из дошедших до нас — «Граждане России. Исследование И. Благовещенского», объемом около 500 л. Капитальное исследование это ставит большие и принципиальные вопросы гражданственности и толкования в XIX в. Прыжов исследует, как понимали гражданственность декабристы (посвящая специальную главу Мордвинову), западники, славянофилы, как отражение получила тема гражданственности в русской литературе (особенно у Некрасова), говорит о разном понимании гражданственности передовыми людьми русского общества и придворной кликой (в частности, Катковым). К этой работе тесно примыкает другая, являющаяся частью одной из ее глав, отброшенных при окончательной обработке; Прыжов назвал ее «Славянофилы и Катков». В ней он раскрывает истинную суть «халдействующей секты славянофилов» с точки зрения последователя революционных демократов и дает яркий и запоминающийся образ Каткова-ретрограда и реакционера, врага всего прогрессивного, что было в русском обществе.

Если обе эти исторические работы представляют собою очерки о современниках Прыжова, то две другие, наоборот, обращены в прошлое. В одной папке у Прыжова хранились «Записки по истории русского народа» — разрозненные заметки без начала и конца, обрывки его исследований. Другая работа названа Прыжовым очень выразительно: «Москва — царство татарщины» (первоначальный вариант заглавия — «Часть II. № 7. Москва — царство византизма и татарщины»). Эта работа отражает ложное понимание Прыжовым исторического процесса и роли Москвы в образовании русского государства. Несмотря на явную порочность своей основной предпосылки, эта работа Прыжова интересна для нас своей боевой полемической заостренностью, своеобразием того «областничества», которое было характерно для многих общественно-политических, научных и литературных деятелей конца 60-х и 70-х гг. XIX в.

К работам исторического характера тесно примыкают еще две статьи, составленные, однако, особую группу; это заметки Прыжова о декабристах. Обращение Прыжова к теме декабризма закономерно. Сосланный на каторжные работы, а впоследствии вышедший на поселение, Прыжов естественно заинтересовался судьбой своих предшественников, и вот в результате этого перед нами его статья «Декабристы на Петровском заводе», неоконченная и незавершенная, литературно мало обработанная, как и другая — «История тюрьмы» (другой вариант заглавия — «И повесть тюрьмы»), в которой содержатся разрозненные заметки о декабристах, Петеле, Сперанском и т. д. Обе работы интересны той идейной перекличкой, какую можно было наблюдать между декабристами и революционерами 60-х гг., своеобразием понимания роли и значения декабризма у революционеров-шестидесятников.

Последнюю группу работ Прыжова составляют его небольшие по объему очерки, которые он собирался объединить под общим заголовком «Записки о Сибири». Часть из этого материала была им опубликована в «Вестнике Европы» и в газете «Порядок», и в фонде имеются черновые варианты посланных им статей («Сибирский Николай» — автограф на 39 л.). «Записки о Сибири» должны были, видимо, состоять из ряда самостоятельных очерков, среди которых в фонде Прыжова сохранились следующие: 1) Естественные богатства Сибири; 2) Сибирь, вымирающая от заразы; 3) Сибирская интеллигенция; 4) Мачеха-Сибирь, ее прошлое и настоящее; 5) Могила. Первобытная история Сибири; 6) Вырождение языка. Инородцы; 7) Забайкальская природа; 8) Колонизация Сибири; 9) Крестьяне, Сахалин; 10) Сибирский Николай; 11) Эпизоды из сибирской жизни. Наконец, сюда же относятся: этнографический очерк о китайцах — чья-то работа со следами правки Прыжова или, возможно — чья-то копия его собственной работы, и уже упоминавшаяся выше статья «Выговская староверческая община».

Работы на сибирские темы интересны для нас особенно потому, что в ряде из них Прыжов выступает как полевой этнограф. Его исследование «Забайкальская природа»

да», например, представляет собой описание различных трав со сведениями из народной медицины, собранными им от населения. Значительная часть сибирских работ Прыжова основана на личных наблюдениях и представляет для нас значительный интерес именно как добросовестные зарисовки народного быта, сделанные ученым-разночинцем.

Однако следует сразу же оговориться, что элемент личного, субъективного очень сильно дает себя чувствовать в этих статьях. «Записки о Сибири» Прыжова — это не «ума холодные наблюдения», а скорее «сердца горестные заметы». Прыжов объективен лишь тогда, когда он излагает историю Сибири или же описывает ее естественные богатства, но как только он переходит к людям, тои его исследования резко меняется. Это понятно. Судьба Прыжова повторила судьбу Шапова и многих других, затравленных тупым сибирским мещанством, самодурами-администраторами, светскими и духовными властями. Замученный до предела, Прыжов разражается гневными филиппиками по поводу сибирского общества, ставит его во всех отношениях ниже тунгусов, якутов и монголов, предрекает ему самое скорое вырождение.

Уже краткий обзор фонда Прыжова показывает, какой большой интерес для восстановления подлинной истории науки, в частности для этнографии, имеют эти неизвестные до сих пор материалы. Ясно прежде всего, что без них наше представление о самом И. Г. Прыжове неполно, а потому недостаточно верно. Прыжов и в ссылке остался революционером-шестидесятником. Показательно, что в своем письме к Стороженко Прыжов спрашивал: «Что Котляревский? Сломился?»¹⁴. Фонд Прыжова говорит нам, что сам Прыжов не сломился, что он остался все тем же ученым и революционером в тяжелых условиях ссыльно-поселенческой жизни 80-х гг.; он — один из тех, кого это двадцатилетие не сломало окончательно, кто пронес через все ужасы реакции, через катковщину светлые идеалы революционного демократизма.

Поэтому и фонд Прыжова, кроме своего узкого значения для характеристики самого Прыжова, имеет и более общее, более широкое значение. Мы располагаем слишком небольшим числом работ революционных демократов и их последователей, которые не прошли хотя бы предварительной — редакторской — цензуры. Этот фонд помогает нам полнее раскрыть смысл и значение идей революционного демократизма в преломлении сознания их прямых последователей — ученых-разночинцев 60-х гг. Он дает также богатый материал для характеристики общественно-политической мысли той эпохи.

¹⁴ И. Г. Прыжов, Очерки, статьи, письма, стр. 374.

М. И. ИХИЛОВ

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ И ПАТРОНИМИЯ У ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

До Великой Октябрьской социалистической революции у народов Дагестана сохранялись различные формы социального строя. Патриархально-родовые и феодальные порядки изолировали каждую народность Дагестана в отдельную группу. Сохранению этой изоляции отдельных народностей способствовали также духовенство и буржуазные националисты — враги трудящихся горцев. Одной из причин раздробленности Дагестана была культурная отсталость населяющих его народов, обусловленная главным образом отсутствием национальных школ и органов управления на местных языках. Царское правительство намеренно способствовало сохранению этой отсталости. «Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве»¹. Ко времени установления советской власти в Дагестане горцы не успели пройти капиталистической стадии развития и почти не имели своего промышленного пролетариата. Господство в горах натурального хозяйства с низким уровнем техники способствовало значительному сохранению пережитков первобытно-общинного строя.

Одним из отсталых племен дореволюционного Дагестана были горские евреи. Религия (иудаизм) пропитывала все стороны их быта. Большинство горских евреев проживало до революции в нагорной части Дагестана, в аулах, изолированных от других горцев географическими условиями. Во время интервенции и гражданской войны 1918—1920 гг. ряд аулов горских евреев был разрушен и население рассеялось по плоскости Дагестана и другим районам Северного Кавказа. Отсталые в культурном и экономическом отношении, горские евреи принесли с собой и на плоскость свои архаические, устарелые обычаи и традиции: жизнь родственными коллективами, многоженство, калым, кровную месть, религиозность. Эти исторически сложившиеся отсталые черты быта и нравов подверглись коренным изменениям лишь в нашей социалистической действительности.

Одним из пережитков первобытно-общинного строя, сохранявшихся у горских евреев и поддающихся изучению еще в наше время, является большая семья.

Во 2-й половине XIX в. и в начале XX в. большие семьи у горских евреев сохранялись еще в значительной степени, но уже претерпевали постепенный упадок и разложение. Этому способствовало начавшееся проникновение в горы и на плоскость Дагестана товарно-денежных отношений, рост ремесла и торговли, вследствие чего происходила ломка натурального хозяйства, на котором прежде зиждилось существование больших семей.

Большая семья является исторической общественной формой, играющей крупную экономическую и общественную роль в период патриархата. «Форма эта свойственна прошлому всех народов, она исторически универсальна. Большая семья сохраняется в том или ином виде и при классовом строе в условиях сохраняющегося в нем первобытно-общинного уклада. У некоторых народов она удерживалась в этих условиях с особенной стойкостью и у ряда народов доживала до нашего времени»².

Большая семья выступает у горских евреев под названием «келекифлет» (келе — большой, кифлет — семья). Большие семьи включали в свой состав три-четыре поколения близких родственников по мужской линии: родных братьев, дядей, племянников, двоюродных братьев и т. д., с их женами и детьми. Численность горско-еврейской большой семьи в дореволюционное время достигала 30—70 и более человек. Большая семья сохранялась в пережиточной форме у горских евреев до Великой Октябрьской социалистической революции и местами до победы колхозного строя. Экономической основой существования у горских евреев в прошлом большой семьи являлось общее ведение хозяйства и коллективное потребление, отсюда и выражение горских евреев для обозначения большой семьи «жофо кеширени эмме эри е хуне, чире зурдени эз е гажгу», т. е. «все трудятся для одного дома и еду получают из одного котла».

¹ И. Сталин, Соч., т. 4, стр. 356.

² М. О. Косвен. Семейная община, «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 3.

Большие семьи были зарегистрированы нами в Маджалисе (Кайтагском районе), в Ханжал-Кала и в Мамраче (Магарям-кентском районе), на плоскости — в Дербенте, Буйнакске и Махач-Кала. В условиях горной местности 3—5 таких больших семей составляли селение, одновременно — религиозную общину, в городах — горско-еврейские кварталы (махале).

В Маджалисе до недавнего времени сохранялась большая семья Ашуровых, состоявшая из главы семьи, его жены, трех женатых сыновей, двух дочерей и двух семей братьев главы семьи — всего 32 человека³. В Дербенте до 1926 г. сохранялись большие семьи Пинхасовых, Ильягуевых, Даниловых, Гилядовых, Рувиновых (42 человека), Агаруновых (34 человека). Наиболее многочисленной из них была семья Пинхасовых: до революции эта семья насчитывала 76 человек. Она состояла из главы семьи, 4 семей его родных братьев, 7 женатых его сыновей, 4 дочерей, одной из них с мужем, и семей двух племянников. По рассказам 80-летней дочери главы этой ныне распавшейся семьи, учительницы Шушене Ильягуевны Пинхасовой, вся семья жила в одном доме; большинство ее членов трудилось на собственном винограднике, другая часть занималась земледелием и рыбным промыслом⁴. Такие же семьи отмечены нами в Махач-Кала; так, например, семья Исроиловых насчитывала 32 человека, Бироровых — 25 человек.

В селениях каждая большая семья помещалась внутри одного замкнутого со всех сторон двора, обнесенного каменным забором. Жилые помещения большой семьи обычно бывали расположены в глубине двора, у стены, противоположной воротам.

В Дербенте большая семья Агаруновых располагалась в 8 *хуне* (домах) внутри одного двора, причем дом главы семьи (Аарю с женой и младшими детьми) находился в глубине двора, напротив ворот; налево и направо от него, у противоположных боковых стен, располагались *хуне* его женатых сыновей и братьев. *Хуне* старшего поколения большой семьи (братьев главы семьи) строились вдоль одной из стен двора, в то время как *хуне* младшего поколения (племянников и сыновей главы семьи) строились у противоположной стены, напротив *хуне* их родителей⁵. Такая форма планировки двора большой семьи является наиболее распространенной. В других случаях братья главы семьи со своими женатыми сыновьями занимали определенную часть двора; при этом дом главы большой семьи всегда находился в центральном месте двора. Вышеупомянутая большая семья Пинхасовых до 1926 г. занимала в Дербенте двухэтажное большое каменное строение.

Глава горско-еврейской большой семьи, как правило, не выбирался, его права переходили по старшинству от одного члена большой семьи к другому. Воля отца — «бебе», — говорил 105-летний Рахмил Гуршум, всегда была для большой семьи законом, и никто не смел его ослушаться⁶. Он был правомочен наказывать и поощрять любого члена семьи, будь то племянник, брат или сын. Второе место в большой семье занимала мать — «дедей» — жена главы семьи. В ее распоряжении находилось все домашнее хозяйство, и никто не имел права вмешиваться в ее дела. Если глава большой семьи распределял труд мужской половины большой семьи, владел казной, то мать управляла домашним хозяйством.

Основными занятиями больших горско-еврейских семей были земледелие, виноградарство, рисоводство, табаководство и кустарничество. Все трудоспособные члены большой семьи были обязаны принимать участие в общем труде. Старики, старики, дети младшего возраста, примерно до 12 лет, были освобождены от физического труда. Вся тяжелая работа была делом мужчин. За исключением вспахивания поля, женщины участвовали почти во всех остальных полевых работах и всегда были прямыми помощниками мужей и братьев. Они принимали активное участие в сборе урожая, молотье и веянии. Удобрение и прополка также были делом женщин. В домашнем хозяйстве на обязанности женщин лежал уход за скотом, доение коров, обработка молочных продуктов (сыр, кислое молоко, масло, творог).

Большая семья, существование которой было обусловлено преобладанием натурального хозяйства, почти целиком обеспечивала себя всеми видами продуктов, отчасти одеждой и различным инвентарем. Все предметы домашнего обихода изготовлялись по мере возможности руками членов большой семьи самым простым способом. В свободное от уборки поля и виноградника время женщины занимались ткачеством, прядением шерсти и вышиванием. Они ткали хурджуны (переметные сумы), чучалы для зерна, ковры, паласы для пола; вязали носки, жакеты, платки; шили верхнюю одежду для членов большой семьи. Лучшим качеством девушки в большой семье считалось умение ткать ковры и вышивать золотом. Такая девушка очень ценилась и была любимницей большой семьи⁷.

Не все большие семьи находились в одинаковом имущественном положении. В аулах, не говоря о городе, в прошлом земли для большой семьи нехватало. Поэтому не всегда в большой семье все мужчины были заняты одним родом труда.

³ Записано летом 1947 г. в Кайтаге.

⁴ Записано в Дербенте летом 1947 г.

⁵ Записано в Дербенте со слов члена семьи Агаруновых — Ишеягуева в 1947 г.

⁶ Записано в Дербенте летом 1947 г.

⁷ Записано со слов 90-летней горской еврейки Сарро в Дербенте летом 1947 г.

В основном, как было сказано, профиль занятий большой семьи был сельскохозяйственный, но некоторые из ее членов были кустрями-кожевниками, мастерами красильного дела (мургорочи), другие уходили на охотские промыслы в город (на рыбные промыслы и на виноградные плантации местных богачей). Жены и дети уходивших на заработки находились на попечении главы большой семьи. Заработанные деньги присылались главе семьи. Некоторые большие семьи имели значительное имущественное накопление, которое находилось в общем пользовании. Сюда относится главным образом скот, драгоценные ковры, разнообразная медная посуда, украшения из золота и серебра, часть которых попадала в большую семью в виде приданого, принесенного невестками.

Все имущество большой семьи, за исключением личной одежды и украшений, находилось в общем пользовании всех членов. Некоторыми видами одежды, например, зимними шальями, шубами, бурками, обувью, которых нехватало для всех членов, пользовались поочередно или по мере надобности. Жилые и хозяйственные постройки (хлев, амбар, сеновал) были в общем пользовании всей семьи.

Большие семьи питались в прошлом из одного котла, отсюда и народное определение большой семьи как людей, получающих пищу из одной разливательной ложки: «эз е лага чи хурдегор». Но в последний период существования больших семей пищу готовили уже не в одном котле, а в двух-трех котлах, из которых получали пищу несколько семей — обычно семьи сыновей во главе со своим отцом. Продукты питания хранились в общем складе, откуда их брали по мере надобности с ведома женской главы большой семьи⁸. Во время праздников и в торжественных случаях придерживались старого порядка, т. е. все члены семьи садились за один стол и ели из одного котла.

В условиях проникновения капиталистических отношений большие семьи начали разлагаться, что особенно сказывалось в местностях, расположенных на плоскости: здесь экономическое развитие было более интенсивным, нежели в горных частях Дагестана. В горах же до революции дольше сохранялся первобытно-общинный родовой уклад, поэтому процесс распада больших семей происходил там гораздо медленнее. Процесс распада больших семей у горских евреев был ускорен гражданской войной и интервенцией в горах Дагестана. В этот период положение горских евреев, как и других, соседних горцев, было крайне тяжелым. Высокая арендная плата за землю, с одной стороны, а с другой, — бесчинство и разбой интервентов, разрушивших ряд аулов горских евреев (Орог, Ньюди, Горчог, Мамрач и др.), послужили, как было сказано, причиной массового спуска горско-еврейского населения с гор на плоскость. Здесь в городских условиях не было никаких оснований для сохранения больших семей, — ремесла, торговли и поденщина подрывали экономическую основу существования больших семей.

С ростом производительных сил «семейная община начинает распадаться, начала, на которых она зиждется, постепенно разрушаются, и в конечном счете окончательно распадается и прекращает свое существование сама семейная община»⁹. То же самое происходило с горско-еврейской большой семьей. Она сохранялась обычно до тех пор, пока был жив ее глава, вскоре после его смерти происходил распад большой семьи. Вместе с тем обычно старший член семьи, ставший ее главой, старался удержать большую семью от распада, но в силу изменившихся экономических условий это ему не удавалось. В результате происходил поколенный раздел большой семьи, т. е. братья главы семьи получали свою долю вместе со своими женатыми сыновьями и обосновались. При этом либо общий двор разгромаживался на несколько частей, либо покупалась свободная усадьба поблизости. Такие семьи, возникшие в результате распада одной большой семьи, образовывали новую родственную ячейку — патронимию, которая у горских евреев называется *хуней бирори* — «братские дома», т. е. дома близких родственников, считающих себя разошедшимися из одного дома: «эз е хуне лов бирогоро». Эти родственные семьи старались расположиться вблизи или по соседству с тем гнездом, из которого они происходили. Это удавалось в условиях аулов, но в условиях городов и экономически развитых сел концентрация таких семей вместе или по соседству была затруднительной. Однако и позднее, после Октябрьской революции, члены патронимии всегда стремились поселиться в одном квартале или на одной улице. Идеологическое и некоторое хозяйственное единство патронимии у горских евреев еще довольно выпукло выступает не только в аулах, но и в городах Дагестана. «Общность патронимии, — пишет М. О. Косвен, — выражается в частности в том, что некоторыми видами земли и некоторыми угодьями патронимия владеет и пользуется коллективно. Единство патронимии выражается и в том, что дворы составляющих патронимию семей расположены в селении смежно, образуя особый квартал. Патронимия хранит память о своем общем предке, все люди патронимии одного «отца дети», и эта память сохраняется дотоле, доколе сама патронимия сохраняет общность и известное единство»¹⁰. Рассмотренные нами выше большие

⁸ Записано со слов 100-летнего Юсуфа в Махач-Кала.

⁹ М. О. Косвен, Семейная община, «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 3.

¹⁰ М. О. Косвен, Очерки по этнографии Кавказа, «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 119.

семьи Пинхасовых, Ильягуевых и Рувиновых в Дербенте, распадаясь на отдельные боковые ветви, образовывали патронимии Пинхасовых, Ильягуевых, Рувиновых. Браки внутри этих патронимий запрещены. Все Пинхасовы, Ильягуевы и Рувиновы в одинаковой степени принимают живейшее участие в судьбе своего однофамильца — породича, участвуют в свадьбах, похоронах, поминках, в некоторых случаях оказывают материальную поддержку друг другу.

В Дербенте нами отмечена патронимия Гавриловых, состоящая из 7 семей. Численность этого родственного коллектива доходит до 30 человек. Все члены данной патронимии носят одну фамилию, работают в горско-еврейском колхозе-миллионере имени товарища Молотова. Каждая семья патронимии Гавриловых имеет свой двор и свое хозяйство. Дома всех семей патронимии расположены вблизи друг друга, в одном квартале, концентрируясь вокруг семьи старшего брата. Члены этой патронимии называют друг друга дядями, братьями и сестрами в пределах своего поколения. Единство этой патронимии проявляется также во время праздников¹¹.

Патронимия Бироровых в Махач-Кала насчитывает 28 человек, включая в свой состав 6 семей. 30 лет назад большая семья, положившая начало этой патронимии, переехала из Ньюдги в город. Отдельные семьи этой патронимии в настоящее время располагаются на одной улице недалеко от дома старшего брата. Члены патронимии прочно сохраняют идеологическое единство и некоторую экономическую взаимопомощь. Так, например, один из братьев — обувщик-кожевник, как правило, шьет и чинит обувь всем членам патронимии безвозмездно. Другой брат — портной — шьет всем одежду, третий брат снабжает всех топливом и т. д. Каждый член этой патронимии, заботясь о своей семье, не забывает и семей своих братьев. Свадьба и другие торжества происходят в доме старшего брата, куда собираются все члены патронимии¹². Подобные же патронимии отмечены нами в Буйнакске, Хасов-Юрте и в Грозном.

Гораздо лучше сохраняется экономическое единство патронимии в горах. В Маджалиссе патронимия Шаулова состоит из трех самостоятельных семей и насчитывает 18 человек. Жилища этой патронимии соприкасаются друг с другом общей стеной. В прошлом это был один двор, затем, при распаде большой семьи, участок семьи был разгорожен на три равные части. Каждая из этих семей может пользоваться сельскохозяйственными орудиями, скотом, лошады, подводой, посудой другой семьи. Между семьями происходит обмен пищей и продуктами. Трудоспособные члены патронимии объединяются для уборки урожая на приусадебных участках, при постройке жилья или рубке и доставке дров. Семья старшего брата (Шоула) пользуется значительным авторитетом во всей патронимии¹³. То же самое мы нашли в патронимии Юсуфовых в Маджалиссе, где 100-летний старик является фактически главой своей патронимии. Эта патронимия состоит из 5 женатых братьев, всего 24 человека.

Как мы говорили выше, власть в больших семьях всегда переходила от главы семьи к следующему старшему члену семьи, поэтому авторитет старшего брата сохраняется и в патронимии.

Все серьезные или спорные вопросы, как покупка одной из семей недвижимого имущества, строительство дома, выдача дочери замуж или женитьба сына одного из братьев, обсуждались на совете патронимии, куда входили главы семей с их женами и старшими детьми. Патронимия общими усилиями всех членов справляла праздники и отмечала другие торжественные случаи (свадьба, похороны, поминки, обрезание новорожденного). Трапеза или обряд в таких случаях происходил преимущественно в доме старшего брата. Так, например, во время пасхи (нисону) приготовление ритуального блюда — *мацо* — производилось с участием всех членом патронимии. Пшеницу для праздничной муки собирали вместе и вместе мололи на одной мельнице. Во время приготовления *мацо* мужчины патронимии месили тесто, женщины раскатывали его, самая почитаемая старуха сидела у печи. Младшие члены приносили воду, муку, дрова и т. д. Заготовленное *мацо* делилось по числу людей в каждой семье патронимии. То же происходило с мясом, так же поступали с вином, рисом и т. д. В первые два дня праздника каждая семья патронимии вносила свою часть продуктов и справляла праздник вместе с другими семьями за одним столом в доме старшего. Во время трапезы за столом располагались не по семьям, а по возрасту.

В случае смерти одного из членов патронимии о его похоронах заботятся все остальные семьи. В качестве плакальщиц выступают все женщины патронимии. Мужчины всей семей патронимии находятся в трауре (ясс), срок несения которого зависит от родственной близости к умершему. Умершего члена патронимии хоронят на фамильном участке кладбища.

В наше время хотя патронимия и существует у горских евреев, но уже не представляет собой распространенного явления. Теперь, в наших условиях, прочное место занимала малая семья, состоящая в основном из родителей и их детей.

¹¹ Записано в Дербенте летом 1947 г.

¹² Записано в Махач-Кала летом 1948 г. со слов старшего члена патронимии Бироровых.

¹³ Записано в Маджалиссе со слов 120-летней Саро Шауловой летом 1947 г.

Несколько слов о термине «тухум» у горских евреев. «Тухум», как у азербайджанцев «насыл», употребляется для обозначения более или менее обширного родственного коллектива. В прошлом под наименованием «тухум» у горских евреев выпало несколько родственных больших семей, ведущих свое происхождение от одного предка. Теперь этот термин означает однофамильцев. Например, такая фамилия, как Ханукаев в Дербенте, ныне насчитывает более 200 человек, которые составляют «тухум», причем эти люди считают себя находящимися в близких или дальних отношениях родства друг к другу. «Тухум» в настоящее время служит для обозначения широкой родственной группы, сохраняющей только воспоминание о единстве своего происхождения от одного, ставшего легендарным, предка. Таким образом, термин «тухум» соответствует тому, что у других народов Кавказа называется «фамилией».

Е. М. ЗАЛКИНД

О ВРЕМЕНИ РАССЕЛЕНИЯ ЭВЕНКОВ В БАССЕЙНЕ ЕНИСЕЯ

(По поводу статьи Г. М. Василевич «К вопросу о киданях и тунгусах»)

Моя статья «Кидане и их этнические связи», опубликованная в № 1 «Советской этнографии» за 1948 г., вызвала отклик в печати. Г. М. Василевич, полемизируя с одним из частных положений моего очерка, а именно с датировкой переселения эвенков в бассейн Енисея, изложила в своей статье «К вопросу о киданях и тунгусах» («Советская этнография», № 1 за 1949 г.) собственные соображения по этому вопросу.

Являясь крупнейшим знатоком эвенкийского языка, Г. М. Василевич подвергает упрямой критике те немногие лингвистические соображения, которые были выдвинуты мною в защиту гипотезы о переселении эвенков на запад в XII—XIV вв. Поскольку, ознавая недостаточность собранных мною фактов, я считал эту дату носящей «весьма приблизительный характер» и «гипотетически допустимой» (стр. 61), то мог бы лишь приветствовать появление иной концепции, основанной на убедительных аргументах. Но, к сожалению, в статье Г. М. Василевич содержится столько спорных положений, что, на мой взгляд, она более запутывает вопрос, чем разъясняет его.

Основной тезис Г. М. Василевич заключается в том, что расселение эвенков в бассейн Енисея следует относить к первым векам нашей эры (стр. 158). Стремясь обосновать эту точку зрения, автор пишет: «Приведу несколько случаев, помогающих отнести это расселение к какому-то времени» (стр. 157).

Рассмотрим внимательно все четыре приведенных Г. М. Василевич «случая».

1. «Древние тунгусы на бассейне Енисея уже вполне оформились как самостоятельная группа с шекающим диалектом в тот период, когда началось первое передвижение саянских самоедов на север» (стр. 157). Этот тезис подкрепляется ссылкой на фольклор и на взаимное влияние языков. Поскольку Г. М. Василевич следует за Д. Прокофьевой, относящей «первое передвижение саянских самоедов на север к первым векам н. э.», то в заимствовании отдельных слов она видит доказательство того, что уже в это время эвенки жили в бассейне Енисея.

Взаимные заимствования, безусловно, имели место, хотя и не все примеры, приведенные Г. М. Василевич, являются убедительными (например, *сангикса* — «иней» и *инюй* — «сырой воздух»; *серанг* — «жердь чума» и *сея* — «часть чума» и др.). Но ведь нет решительно никаких оснований утверждать, что словарные заимствования совершались обязательно при первой встрече саянских самоедов с эвенками. И значительно позднее был возможен контакт между эвенками и самоедоязычными племенами. Следовательно, факт лексического взаимовлияния, сам по себе чрезвычайно интересный, для датировки заселения эвенками бассейна Енисея является бесполезным.

2. В говорах к югу от Нижней Тунгуски зарегистрирована оригинальная форма образования числительных второго десятка, обнаруженная только в орхонских надписях и у монголоязычных хара-егуров на тибетской границе. Отсюда Г. Василевич делает вывод: «Если эта форма была в диалектах орхонских тюрков VII—VIII вв. н. э., то допустимо, что она попала в западные диалекты эвенкийского языка в те века» (стр. 158).

Этих аргументов, конечно, недостаточно для того, чтобы утверждать, что эвенки явились на Енисей в первых веках н. э. По этому поводу достаточно ограничиться указанием на то, что Орхон не Нижняя Тунгуска, а VII век — не I век н. э.

3. Некоторые шаманские обряды сымских эвенков «позволяют предполагать, что жилище древних тунгусов к Енисеюшло по Ангаре, может быть, и по Подкамен-ной Тунгуске» (стр. 158). Какое это имеет отношение к датировке переселения, остается созершенной загадкой.

4. Название Енисея происходит от эвенкийского слова *јэнэ*, одно из значений которого — «большая река». Из того, что в записях Мессершмидта 1723 г. уже употребляется это название, рискованно делать вывод, что «самоедские племена пришли на Енисей, когда уже существовало это название» (стр. 158).

Вот собственно и вся аргументация, позволяющая Г. М. Василевич прийти к следующему заключению: «Эти факты говорят о том, что древние тунгусы расселились по рекам Енисея (?) не в XII—XIV вв., а в первых веках н. э.» (стр. 158).

Переходя к истории забайкальско-амурских эвенков, автор вполне основательно отмечает их связи со скотоводческими племенами. Но, не довольствуясь этим, он погружается в рассуждения об этнической принадлежности таргачинов, заключаем предположением, что они «были такой же тунгусоязычной группой, как и маньчжуряне, они были родом даурского племени».

Считать таргачинов группой тунгусоязычной нет никаких оснований. У Брандта на которого ссылается Г. М. Василевич, сказано вполне ясно, что таргачины именовались иначе даурами¹. На это же указывают и архивные документы XVII в. Кроме того, следует учитывать, что основным занятием таргачинов было земледелие, которым тунгусы, насколько известно, не занимались. Отнесение этой земледельческой народности к числу тунгусских вполне в духе пресловутой теории этноимической и социальной деградации эвенков, которая была еще недавно модной в зарубежной этнографии.

Нельзя решать вопрос об этнической принадлежности той или иной народности только по данным фольклора, тем более — когда имеются противоречащие этим последним показания очевидцев и исторических документов.

Очень интересны соображения об исторических судьбах рода Эдян и его связи с киданями. Но и здесь возникает ряд сомнений. Прежде всего смущает категорическое утверждение автора: «Эдяны — эдженги, по китайским источникам, в XII в. были расселены к северу от низовьев Амура» (стр. 160). К сожалению, не указано, какие именно китайские источники имеются в виду, но давно уже известно, что отождествление названий народов китайских хроник с современными родами или племенами, основанное только на созвучии имен, обычно оказывается ошибочным.

Пытаясь по современному фольклору установить отношения эдянов с киданями Г. М. Василевич упустила из внимания, что после крушения Ляо сибирские и среднеазиатские народности сохранили термин Кидан (у бурят-монголов хитат) для обозначения Срединной империи, и отсюда произошло и русское ее название — Китай.

И напрасно Г. М. Василевич в своей «Кидан-земле» пытается отыскать древнее киданское государство. «Кидан-земля, — пишет она, — упоминается вместе с Онон-землей и Сивир-землей» (стр. 160). Ведь это современная географическая номенклатура: Китай, Монголия и Сибирь. Вполне естественно, что Китай нашел отражение в восточно-эвенкийском фольклоре.

Позволю себе в заключение еще одно критическое замечание. Несколько слов сказанных мною об исчезновении начального *h* в монгольском языке и в некоторых эвенкийских диалектах, сводившихся к констатации факта и отнюдь не претендовавших на объяснение этого явления, превращены Г. М. Василевич в «теорию Пелльо» (стр. 156), которой она не желает следовать. Пользуясь случаем заявить, что я тоже не придерживаюсь этой несуществующей в природе теории.

Статья Г. М. Василевич построена на случайных сопоставлениях и едва ли способна убедить читателей, но в ней содержится очень интересная мысль о самостоятельном формировании двух древних эвенкийских групп (территория Приангарья-Прибайкалья и Забайкалья — Приамурья). В том виде, как он дан в статье, этот тезис противоречит всему остальному ее содержанию, поскольку, указывая на приход эвенков в бассейн Енисея с востока и в низовья Амура с запада, Г. М. Василевич невольно солидаризируется «с уже известной всем», как она пишет, точкой зрения о амурском (я бы сказал: забайкальско-амурском) происхождении тунгусов, лишь отодвигая датировку переселений.

Можно думать, не предвещая результатов исследования, что идея о самостоятельном формировании двух эвенкийских племенных групп окажется весьма плодотворной для дальнейших изысканий в области этногенеза эвенков и позволит отойти от малообоснованных гипотез, примерами которых служат и моя предположительная датировка переселения эвенков XII—XIV веками, и другая дата (первые века н. э.) предлагаемая Г. М. Василевич.

Хотелось бы видеть серьезное научное исследование на эту тему, основанное на большом материале, которым, безусловно, располагает мой критик.

¹ Recueil de voyages au Nord, t. VIII, Amsterdam, MDCC XVII, стр. 200.

Х Р О Н И К А

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР

В 1948 г. Музей после семилетнего перерыва был снова открыт для посетителей. 5 июля 1948 г. во вновь восстановленных залах открылась экспозиция «Народное искусство и национальная одежда славянских народов». Руководящие положения, пределившие идейное направление экспозиции, были почерпнуты из слов товарища Сталина, сказанных им на приеме финляндской правительственной делегации: «Советские люди считают, что каждая нация,— все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее».

Богатые собрания Музея позволили выставить разнообразные виды народного искусства: русских, белоруссов, украинцев, а также западных и южных славян. На выставленных коллекциях прекрасно иллюстрируются национальные особенности народного искусства.

Первые три зала посвящены русскому народному искусству. Здесь выставлена архитектурная и бытовая резьба, великоустюжская резьба на бересте, среди которых любимый образ вождя народов СССР товарища Сталина, вид Кремля, образы воинов Советской Армии. Среди экспонатов резьбы по дереву выделяется вырезанная из целого куска березы группа «Ходоки у В. И. Ленина». С большим настроением мастер Терентьев передал задуманную беседу великого вождя В. И. Ленина с крестьянами. В богатой коллекции холмогорских резчиков выделяется тончайшая работа советского молодого резчика т. Штанг. Им представлен кубок «Великие полководцы — Александр Невский, Дмитрий Пожарский, Александр Суворов, Михаил Кутузов» — из мамонтового бивня. С большим трудолюбием в течение 13 месяцев Штанг работал над этим кубком. Его тонкая ажурная работа вызывает восхищение у посетителей Музея; они убеждаются, что богатство этого искусства, уходящего корнями в далекое прошлое, в советских условиях поднято на небывалую ранее высоту. Широко представлена в экспозиции русская национальная одежда северных, южных и центральных областей. Наряду со старыми коллекциями Музея выставлена одежда привоза последних лет. В залах выставлены также керамика, кружева, золотое шитье, роспись на дереве. Роспись на лаках представлена различными произведениями из Мстеры, Федоскина, Холуев и Палеха. Палешане представили целый ряд шкатулок с различными сюжетами из сказок Бажова «Каменный цветок» и др. Палехский мастер Д. Н. Буторин в течение года работал над созданием картины, посвященной теме «Товарищ Сталин произносит тост в честь русского народа». В результате был создан замечательный экспонат, отражающий отдельные моменты Великой отечественной войны. В сложной композиции, характерной для палешан, Д. Н. Буторин сумел в яркой и красочной форме передать пафос и простоту советских людей, которые по призыву товарища Сталина героически работали в тылу, героически сражались на фронте для того, чтобы ускорить час победы над озверелыми фашистскими ордами. В центре картины великий Сталин в окружении своих соратников — В. М. Молотова, А. А. Жданова, Л. М. Кагановича, А. И. Микояна, Л. Берия, маршалов Советского Союза, стахановцев, инженеров — в Георгиевском зале кремлевского дворца провозглашает тост в честь русского народа. На левой стороне картины изображен ряд героических моментов, характеризующих беззаветную храбрость и преданность советских людей своей социалистической Родине. Здесь зафиксированы легендарные подвиги Александра Матросова, прикрывшего своей грудью амбразуру вражеского пулемета, славные подвиги севастопольских матросов на Малаховом кургане и партизан в глубоком тылу врага. Советская Армия, вооруженная новейшей техникой — танками, самолетами, «катюшей», направляет свой последний

удар на гнездо немецкого фашизма — Берлин. Под ударами советских войск берлин в страхе немецкие фашисты, горит рейхстаг. Салют победы на фоне Кремля и Ала-райтеевства возвещает народу об исторической победе. Одновременно с этим дается изображение героической работы советского тыла. Заводы, элеваторы, шахты горят об огромном строительстве, которое было развернуто на Урале, в Сибири, Казахстане в период Отечественной войны.

Картина написана на пластине из папье-маше. Как рассказывал Д. Н. Буторин, основанием для пластины послужило 120 листов бурого древесного картона, склеенного клеем из пшеничной муки, а затем спрессованного. Листы спрессованного картона просушивались, промывались в льняном масле, а затем вновь просушивались, после чего в столярном цехе пластина была отполирована. После полировки картон грунтовался филейской глиной, смешанной с жженой костью (сажей), оклеивался наждаком, лакировался и окончательно просушивался; только после этого Д. Н. Буторин приступил к росписи картины. Работа Д. Н. Буторина вызвала большой интерес среди посетителей и высокую оценку.

«Человек по своей натуре художник», — говорил великий русский писатель А. М. Горький. Это положение прекрасно иллюстрируется экспозицией украинского народного искусства. Чудесная настенная роспись народных мастериц и в их числе советских мастериц (Павленко и др.), продолжающих и развивающих традиции этого искусства, широко представлена в экспозиции. С какой любовью руководители Украины вышивали рушники с изображением Кремля — символа великой дружбы народов СССР, чтобы преподнести рушник великому другу украинского народа И. В. Сталину! На представленном в Музее экземпляре рушника вышивка разрешена в традиционных мотивах королевских мастериц. В украинской экспозиции представлено много экспонатов, живо напоминающих бытовой колорит из произведений Н. В. Гоголя. Здесь и богатая плахта, и цветной сичпок (головной убор) и свитка, и серая шапка, и жупан, и сопилка — все, что упоминает Н. В. Гоголь в своих произведениях, в частности в повести «Вечера на хуторе близ Диканьки».

На выставке показано не только разнообразие народного искусства, но и этнографическая общность славянских народов. Этой теме посвящен центральный зал, где расположены коллекции не только русских, украинцев и белорусов, но и болгар, чехов, словаков и других славянских народов. Эта общность в одежде и украшениях не случайна, она наряду с данными археологическими, лингвистическими и историческими подтверждает закономерность сложившегося содружества славянских народов во главе с СССР.

Ленинградцы с большим интересом посещают Музей. Многие из них были свидетелями того времени, когда фашистские варвары сбрасывали авиабомбы и систематически обстреливали Музей. «Я живой свидетель разрушений здания Гос. Музея этнографии, нанесенных рукой гитлеровских бандитов в годы Великой Отечественной войны. Не удалось бандитам разрушить национальное достояние народа, ценности, и снова двери Музея открыты для обозрения народных масс. На выставке поражают новые образцы народного творчества и среди них работа папье-маше мастеров бросается в глаза каждому посетителю, который невольно останавливается у прекрасно оформленного экспоната», — пишет В. Храмова в книге записей Музея. «Спасибо за доставленную творческую радость», — записывает в книге т. Корнилов.

В начале апреля 1949 г. в Музее открылась новая выставка «Ковровые изделия народов Средней Азии».

М. И. Калинин говорил, что «народное искусство одного из народов Советского Союза близко любому другому народу». С большим интересом ленинградцы осматривают выставку и знакомятся с лучшими образцами ковровых изделий, созданных братскими народами. За годы советской власти еще больше расцвело ковровое искусство в среднеазиатских советских республиках. Выставка открывается ковровым портретом великого создателя советского государства Владимира Ильича Ленина. На вводном щите дана также карта республик Средней Азии и Казахстана и краткая историческая характеристика развития ковровых изделий у народов Средней Азии. Затем показано ковровое производство у узбеков (ковры и кошмы, манекены узбеки за разбиванием шерсти и прядением ее), производство ковров, узорных ковриков и циновок (чий) у киргизов, обработка шерсти, валиние кошем у казахов; здесь выставлен казахский ткацкий станок для изготовления ворсовых и безворсовых ковровых изделий и др.; особенно богато представлены ковровые изделия туркмен. На выставке экспонируется туркменская юрта с полным бытовым комплексом (ковры для сидения, ковры для хранения продуктов), войлок, покрывающие юрту, ковровые дорожки, ковровые занавески и т. д. Ковры показаны как обязательная принадлежность быта туркмен. Также и в других сценах — «Туркменский наездник», «После свадьбы невесты в семью мужа» — ковры показаны как составная часть бытового комплекса жизни туркмена.

В советский период ковровое изделие достигло большого искусства и подлинного расцвета, появились новые мотивы. На выставке экспонируется большой ковер-панно «Дружба народов СССР». Вокруг знамени, на котором вытканы портреты Ленина и Сталина, радостно собрались представители народов Советского Союза, символизируя единство и непоколебимую дружбу народов СССР.

Ковры также широко применяются в общественном быту туркмен, в клубе, в

оме колхозника, в читальне, чайхане — всюду они украшают быт народа. На выставке показана «Красная чайхана», убранный коврами.

Современные ковры производятся в мастерских и ковроткацких артелях Ашхабада, Ташкента, Алма-Аты и других городов. Значительно увеличилось количество узлов на один квадратный метр, что указывает на плотность ковра; если раньше на один квадратный метр туркменского ковра производилось 80—120 тыс. узлов, то теперь плотность достигает 400 тысяч узлов. Такого рода ковры представлены на выставке в заключительной части. Здесь ковры-портреты В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, А. И. Микояна. Здесь ковер-портрет И. В. Сталина, сделанный в Ашхабаде в 1948 г.

В 1948 г. вся научно-исследовательская работа Музея была подчинена разработке намечающихся в 1949 г. экспозиций и изучению коллекций Музея; А. Я. Дуисбург разработала тему «Элементы общности в одежде славянских народов»; Т. С. Вязовская — «Изменения в народной русской женской одежде, связанные с развитием капитализма в деревне»; Л. В. Тазикина — «Современное золотое шитье у русских»; Е. Н. Студенецкая — «Современное кабардинское жилище».

С 15 июля 1948 г. по 1 января 1949 г. Музей посетило около 30 000 человек. Научными сотрудниками Музея проводятся экскурсии по темам: «Народное искусство и национальная одежда славянских народов», «Русское народное искусство», Белорусское и украинское народное искусство», «Общие черты в материальной культуре славянских народов» и др.

В 1948 г. велась также и экспедиционная работа, которая является неразрывной астью систематической деятельности Музея. Коллекции Музея нуждаются в постоянном обновлении. В связи с этим в 1948 г. были проведены рядом сотрудников научные командировки в следующие республики и области нашей страны: Т. А. Крюковой — в Мордовскую, Марийскую и Татарскую АССР; С. М. Лейкиной — в Киргизскую ССР; Е. Н. Студенецкой и Л. Ф. Виноградовой — в Кабардинскую и Северо-Осетинскую АССР; Т. С. Вязовской — в Курскую область.

В конце 1948 г. состоялось решение Совета Министров РСФСР о передаче коллекций Московского музея народов СССР Ленинградскому этнографическому музею о переименовании последнего в Государственный музей этнографии народов СССР. В течение второй половины 1948 г. проводилась приемка коллекций Московского музея народов СССР, и в декабре 1948 г. коллекции были перевезены в Ленинград здание Государственного музея этнографии. Таким образом, в Ленинграде создан единственный в СССР этнографический музей по народам СССР. Коллекции Московского музея народов СССР собирались в течение последних 100 лет, сюда входят коллекции Дашковской и Румянцевской галлерей, коллекции, собранные московскими учеными после Великой Октябрьской социалистической революции. Имеется много коллекций, собранных ныне работающими научными сотрудниками Института этнографии Академии Наук ССР: С. П. Толстовым, М. Г. Левиным и другими.

В настоящее время Музей приступил к строительству постоянных этнографических экспозиций. Уже разработаны экспозиционные планы «Народы Поволжья» (чуваша, мордва, удмурты, марийцы) и «Народы Северного Кавказа» (кабардинцы, осетины). Планы намеченных к открытию экспозиций обсуждены Ученым советом Музея с участием представителей из Марийской АССР, Кабардинской АССР и Удмуртской АССР. В 1949 г. эти экспозиции будут развернуты во вновь восстановленных залах.

Летом 1949 г. были проведены экспедиции Музея в Удмуртскую, Чувашскую, Кабардинскую и Северо-Осетинскую АССР. Советские, партийные и научные учреждения приняли активное участие в обсуждении тематико-экспозиционных планов и вынесли ряд решений об участии в готовящихся в Музее экспозициях. На местах были созданы комиссии по подготовке и сбору необходимых экспонатов. Эта тесная связь с партийными и советскими организациями даст возможность более глубоко отразить жизнь народов в Советскую эпоху.

Е. А. Мильштейн

ПОДАРКИ ЖЕНСКИХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЖЕНЩИНАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

(Выставка в Музее этнографии народов СССР)

В Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде 4 июня 1949 г. открылась выставка: «Подарки женских демократических организаций зарубежных стран женщинам Советского Союза». Выставка эта организована по поручению Антифашистского комитета советских женщин. Экспонаты-подарки получены в разное время, начиная с 1945 г. по май 1949 г., от антифашистских женских организаций Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Албании, Триеста, Италии, Франции, демократического Китая, Северной Кореи и других стран.

Выставка показывает огромные симпатии демократической части женщин зарубежных стран к советским женщинам, к Советскому Союзу. Женщины, живущие за рубежом, высказали свои чувства просто и сердечно: в письмах, адресованных совет-

ским женщинам, в текстах, вышитых на знаменах, флагах, полотенцах, скатерти или выгравированных на вазах и других подарках. Трудящиеся женщины зарубежных стран восторгаются советской женщиной, ее патриотизмом, героизмом, трудолюбием и той политической ролью, которую она играет в жизни своей страны и международном женском движении. На одном знамени вышиты на красном шелковом полотнище горящими золотом буквами трогательные слова благодарности: «От женщин из Волковиц и Велеславина женам павших героев, освободивших Прагу, а на другом — слова твердой решимости: «Нашим советским сестрам! Никогда французские матери не отдадут своих сыновей на войну против Советского Союза. Советские женщины».

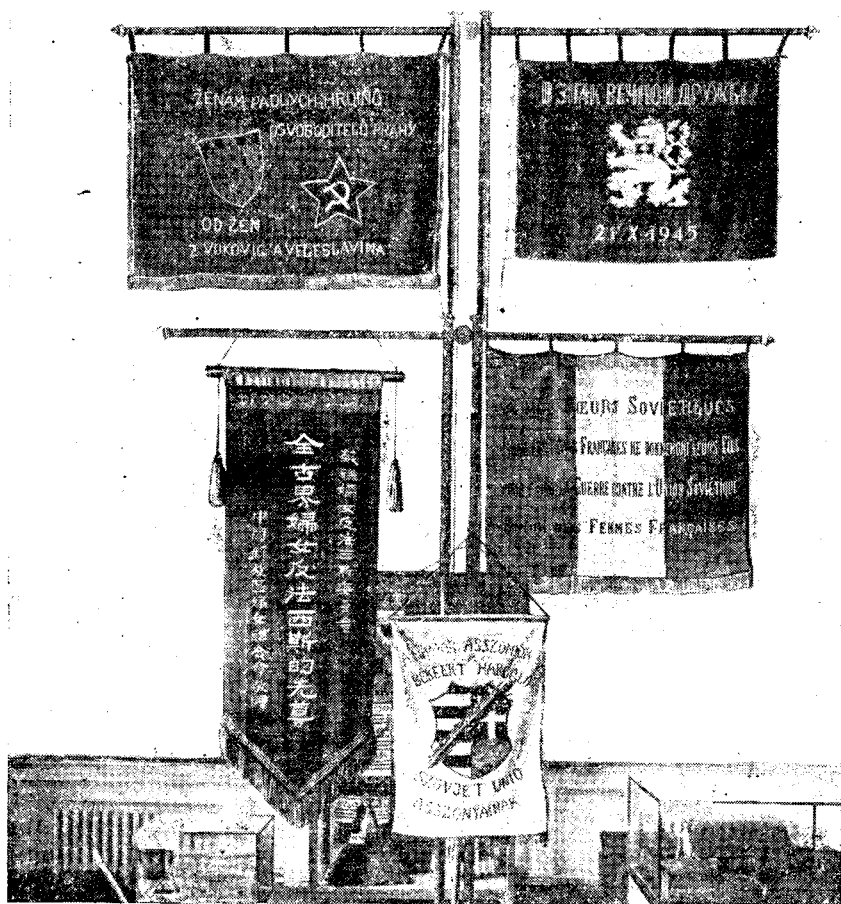

Рис. 1. Знамена — подарки женских демократических организаций женщинам Советского Союза

История подарков самая разнообразная. Тут и подарки антифашистских женских организаций, поднесенные советским женским делегациям на международных конгрессах женщин; тут и подарки женских делегаций зарубежных стран, посетивших СССР и поднесших свой дар Антифашистскому комитету советских женщин, а в его лице — всем советским женщинам. Наконец, здесь подарки, сделанные нашим женским делегациям, посетившим зарубежные страны. Подарки делались не только женскими организациями, но и отдельными женщинами и даже детьми; последние приносили в дар нашим женщинам свои любимые куклы и рисунки.

Изготавливались и подносились эти подарки порой в самой трогательной обстановке. Один такой случай хорошо описан Ольгой Чететкиной в ее книге «Индия без чудес», где рассказано, как поздно вечером, узнав о приезде советской женской делегации в Мадур, пожилая ткачиха за одну ночь изготовила кусок ткани с вытканными на ней золотом серпом и молотом. Этот случай свидетельствует о популярности нашей страны даже среди неграмотных женщин угнетенных колониальных стран.

Выставка начинается небольшой вводной частью. Входя, посетитель читает слова товарища Сталина:

«Ни одно великое движение угнетенных не обходилось в истории человечества без участия трудящихся женщин. Трудящиеся женщины, самые угнетенные из всех угнетенных, никогда не оставались и не могли остаться в стороне от большой дороги освободительного движения.» (И. Сталин, Соч., т. 7, стр. 48).

Этими словами вождя народов определяется содержание выставки.

Вводная часть выставки завершается транспарантом, на котором изображены слова манифеста Всемирного Конгресса сторонников мира, принятого в Париже 27 апреля 1949 г.

Затем посетитель переходит к осмотру экспонатов.

Первыми показаны подарки польских женщин. В центре стенда — их письмо советским женщинам. «Польские женщины, пережившие тяжелые испытания войны и кошмарные годы фашистской оккупации, никогда не забудут самоотверженного труда советских женщин, явившегося огромным вкладом в дело общей победы над гитлеровской Германией, — говорится в письме. — Отстоим же теперь нашу так дорого оплаченную победу, отстоим, вопреки всем проискам реакции, прочный и справедливый мир, право на свободу, трудовую жизнь и равноправие для всех женщин».

Среди экспонатов особый интерес представляет чаша, сделанная из куска угля старейшим шахтером Катовицкого угольного района. Эту чашу польские шахтеры подарили советской женской делегации во время посещения ею шахты, когда после осмотра шахт шахтеры и советские делегаты собрались в столовой за шахтерским обедом; чаша по древнему славянскому обычаю пошла вкруговую, каждый из участников обеда, отпивая из нее, произносил тост за советско-польскую дружбу.

Почти все подарки выставки отражают характер производства, в котором участвуют подносящие подарки.

В центре экспозиции подарков болгарских женщин — письмо председателя болгарского народного женского союза Цолы Драгойчевой.

Из экспонатов достоин особо быть отмеченным «гердан» — старинное, шейное украшение, состоящее из серебряного ободка с навешенными крупными серебряными монетами, обрамленными ювелирными украшениями. По старинному болгарскому обычаю, «гердан» дарит мать своей дочери в день свадьбы. Очень красивы шкатулки для папирос с национальным орнаментом — подарок женщин табачных фабрик.

Разнообразны подарки чехословацких женщин. Кроме уже упомянутого знамени, интересно красное бархатное знамя Праги с вышитой золотом надписью на русском и чешском языках: «В знак вечной дружбы. Коммунистки Праги. 21/X 1945 г.»

Большим вниманием посетителей выставки пользуется художественно вышитое папиро — Градчаны. Это — центральная часть древней Праги, национальная гордость чешской архитектуры XIV столетия; в Градчанах находится резиденция президента и правительства Чехословакии. Над этим экспонатом висит металлический герб Чехословакии с текстом: «Правда побеждает».

Работницы завода художественного хрусталя и фарфора (г. Железный Брод) подарили советским женщинам вазу с выгравированной надписью: «Женщины союза друзей СССР советским героиням. Прага, 9 мая 1946 г.». На вазе изображен значок «Союза друзей СССР». Другая ваза украшена рукопожатием, символизирую-

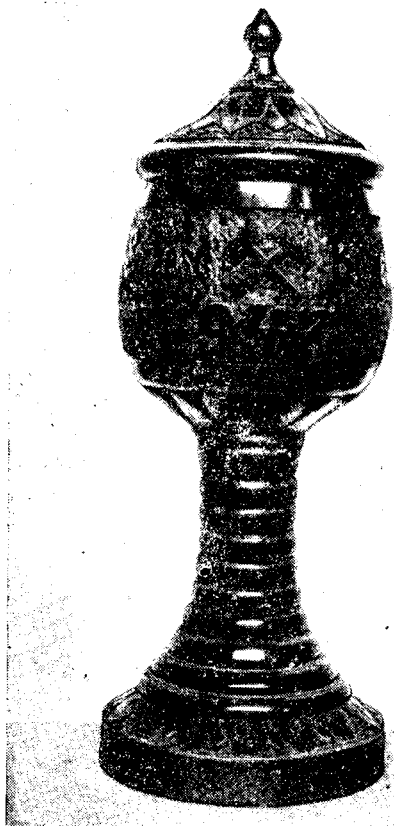

Рис. 2. Кубок, сделанный из угля и подаренный польскими шахтерами делегации советских женщин, посетившей Катовицкий угольный район в 1947 г.

щим чехословацко-советскую дружбу; на ребрах вазы выгравированы Градчаны и собор Василия Блаженного в Москве.

Посетители выставки подолгу стоят перед чудесными детскими куклами в национальных чешских и словацких костюмах. Одна из кукол подарена женщинами села Словаки. К кукле приложена записка: «Привет Вам из Чехословацкой республики. Женотдел компартии, село Словаки, Моравия».

Работницы спичечной фабрики «Соло» подарили коллекцию спичечных коробков самого разнообразного оформления, уложенных в оригинальный ящик.

Раздел подарков румынских женщин начинается письмом Анны Паукер, в котором она от имени женщин Румынии передает советским сестрам горячий привет и поздравление с праздником Великой Октябрьской социалистической революции.

Среди подарков румынских женщин много вышитых предметов. Румынская вышивка «перекидается» с украинскими. Многовековое соседство этих народов оставило глубокие следы их культурного общения. Большой интерес представляет техника вышивки серебряной нитью и гарусом. Таким способом вышит женский костюм, подаренный группой женщин Бухареста.

Рис. 3. Скульптурки, сделанные румынкой Марией Сырбу во время ее заключения в тюрьме в годы диктатуры Антонеску: слева — женщина с ребенком, справа — цыганка гадает на картах

Среди румынских экспонатов большой интерес представляют две небольшие женские скульптурки, вылепленные из хлебного мякиша: одна статуэтка изображает сидящую женщину, бедную, измученную, с истощенным ребенком на коленях, другая — гадалщицу на картах. Обе вещи — работы Марии Сырбу, преподавателя литературы Бухарестского университета, активной участницы борьбы против диктатуры Антонеску, сестры национальной героини Румынии Елены Павель, погибшей в тюрьме в Плоешти. Мария Сырбу — одна из инициаторов создания Демократического союза женщин Румынии. Статуэтки сделаны ею в тюрьме.

Ученицы Тимишварской гимназии подарили большое собрание своих ученических рисунков. В этой коллекции портреты В. И. Ленина, И. В. Сталина, Димитрова, Грозы, портреты революционных деятелей Румынии и стран народной демократии.

Большим вниманием посетителей выставки пользуются альбомы иллюстраций, в которых показаны труд и жизнь современной Румынии. Два альбома иллюстрируют помощь Советского Союза продовольствием румынскому народу, пострадавшему от засухи.

Среди подарков албанских женщин особо выделяется своей оригинальностью и нарядностью национальный костюм невесты. По албанской традиции невеста должна сама сшить свой свадебный костюм. Он состоит из белых маркизетовых шаровар, на которые идет около 20 м ткани, белой шелковой блузы и бархатной безрукавки «джупа», вышитых золотом, белой шелковой шали, бархатных золотойшейных туфель с такими же бархатными, золотом расшитыми краями — «елек». Интересен другой подарок — «лебаде» — верхняя женская плечевая одежда, сшитая из черного сукна и вся расшитая золотом. «Лебаде» носят пожилые и средних лет женщины.

Многочисленные подарки хорватских, сербских и словацких женщин. На словенском флаге вышиты слова: «Живио друг Сталин» и «Живио Красная Армия».

Целый ряд народных костюмов с пышной вышивкой украшают витрины выставки: есть и золотошвейные женские костюмы с особой техникой шитья. Много золотенец узорного тканья и вышитых. На некоторых из них трогательные тексты: «Генералу — другу Малиновскому»; «Подруге Верочке Федоровне Гусевой — члену советской военной миссии». На свадебном полотенце из села Пркос Хорватской Словении вышит такой текст: «Делегации братского Советского Союза»; на атласной скатерти, вышитой крупными, реалистически изображенными цветами, вышит текст: «Подарок женщин из села Свибли и Оток сестрам Советского Союза».

Рис. 4. Шкап с подарками женщин Хорватии

Интересна хорватская кукла в национальном костюме с вышитой бисером пятиконечной звездой на шапочке и вышитыми на ленте словами: «Сестрам СССР».

Женщины маленькой территории свободного Триеста также выразили свои чувства симпатии к советским женщинам. Их подарки украшает национальный флаг — большое красное шелковое полотнище с алебардой в центре (герб Триеста, символ свободного города). Чудесная резьба по дереву (горельеф) изображает заводские дымящиеся трубы и солнце, озаряющее лучами небо; на солнечном диске — серп и молот.

Подарки женщины демократической Венгрии представлены целым рядом знамен, флагов и самых разнообразных вещей. На белом шелковом знамени Всеобщей школы Будапешта вышит венгерский государственный герб и две даты — 1848 г. и 1948 г. Эти даты, дорогие венгерским женщинам, — даты столетия венгерской национальной революции. На чудесной скатерти красного бархата вышиты золотой нитью слова: «За всеобщий мир, работницы ОТИ». Интересны скатерти и полотенца с национальной вышивкой — белой нитью по белой холщевой ткани.

Подарки женщин Марселя женщинам Ленинграда начинаются письмом, в котором работницы Марселя и департамента устья Роны пишут, что они знают и помнят героизм, проявленный мужчинами, женщинами и детьми бессмертного города. «Мы обязуемся все вместе словом и делом бороться против поджигателей войны — за мир».

во всем мире!». К письму приложена большая книга, страницы которой густо испещрены тысячами подписей женщин Марселя. Фарфоровая ваза и прекрасное французское вязание дают представление о мастерстве французских женщин.

Большой интерес вызывают у посетителей подарки китайских женщин. На эмали вышиты иероглифы по алфавиту шелкового полотнища, гласящие: «Антифашистскому Комитету Советских женщин — верному вождю женщин-антифашисток все мира — Женская Ассоциация освобожденного Китая дарит с уважением». Женщины Китая подарили два прекрасно изготовленных макета: макет (50 × 60 см) китайского крестьянского бедняцкого двора при власти буржуазного гоминдана и макет двора того же крестьянина, живущего в освобожденном Китае. Нищенское существование крестьянина при гоминдановском режиме сменяется зажиточной жизнью после освобождения его Народно-освободительной армией.

Следует упомянуть об альбомах — подарках женщин Северной Кореи. В этих больших альбомах на множестве фотоснимков показана борьба корейского народа японскими империалистами, освобождение Северной Кореи Советской Армией и сотрудничество корейцами и корейцами демократической Кореи.

Выставка привлекла всеобщее внимание. На ее открытии присутствовали многочисленные работники заводов и фабрик, депутаты Верховного Совета. Произведена киносъемка открытия выставки и целого ряда отдельных экспонатов.

Многие посетители сделали свои записи в книге отзывов.

А. С. Бажков

КОЛХОЗНЫЙ МУЗЕЙ В ЧЕРНОВИЦКОЙ ОБЛАСТИ УССР

(По материалам экспедиции Института искусствоведения, фольклора и этнографии Академии Наук УССР)

Музей в колхозе им. Н. С. Хрущева (село Витилровка, Черновицкой области) создан по инициативе колхозников с целью наглядного показа тех преобразований в буковинском селе, которые произошли за годы социалистического строительства. Фактами и вещами он дает убийственную характеристику капиталистическому строю буковинского села в прошлом и тут же противопоставляет богатую счастливую колхозную жизнь.

История Буковины известна, — это история, полная горя и страданий украинского народа, насильственный отрыванный от украинской земли. С XIII в. буковинцы испытывали иноземный гнет, из столетия в столетие все более усиливающийся. Иноземные захватчики вели политику уничтожения украинской культуры на Буковине, стремились превратить украинцев в рабов. Особенно страшным был период господства румынских магнатов (XX в.), когда произвол и насилие достигли небывалых размеров и украинцы на Буковине лишались необходимых средств существования. Но никакие притеснения и преследования не могли вытравить у украинцев сознания их национальной принадлежности и заставить отказаться от своей национальной культуры. Буковинцы, насколько это было возможно, отстаивали свои права, ждали прихода с Востока выстраданной веками правды.

28 июня 1940 г. осуществилась многовековая мечта трудящихся. Буковина была воссоединена с Советской Украиной. Буковинцы вошли в единую семью украинского народа, стали хозяевами своего края, стали равными среди равных в великом международном Советском Союзе.

Вероломное нападение немецких фашистских вандалов на нашу Родину прервало мирный труд. Советская Буковина (Черновицкая область УССР) была оккупирована румынско-немецкими захватчиками. Фашисты уничтожили в Черновицкой области около 10 000 ни в чем неповинных советских людей, десятки тысяч были замучены в тюрьмах, многие усланы на каторгу в Германию. Оккупанты уничтожали народное хозяйство, уничтожали культурные ценности края. В те годы лучшие сыны украинского народа Буковины плечом к плечу с другими народами нашей Родины защищали ее независимость.

В результате героической борьбы всего советского народа и его доблестной армии оккупанты были разгромлены. Уже в 1944 г. Буковина стала свободной и приступила к социалистическому строительству. Советская власть не только освободила Буковину от гнета иноземных захватчиков, не только помогла буковинцам восстановить хозяйство и культурно развиваться, но и указала им путь к зажиточной жизни. Коммунистическая партия направила крестьянские массы на путь коллективизации.

Прежде чем приступить к созданию нового коллективного хозяйства, крестьяне области ознакомились с опытом колхозников восточных областей. Знакомясь с их работой, крестьяне Буковины всоочи убеждались в преимуществах коллективного хозяйства и, возвратясь домой, под руководством партийных организаций и органов советской власти создавали свои колхозы, повели решительную борьбу с кулачеством и украинскими националистами. Количественный рост колхозов красноречиво говорит

результатах. Если 1 января 1945 г. был всего 1 колхоз, то 1 января 1946 г. их было уже 36, 1 января 1947 г.—124, 1 января 1948 г.—296 и 1 августа 1949 г.—470. В этих колхозах объединено 77,3% крестьянских хозяйств Буковины и 85% всей посевной площади.

Среди первых сел, вставших на путь колхозного строительства, находится село Витиловка, расположенное в 25 км от Черновид. Окруженное со всех сторон садами, оно вытянулось широкой полосой вдоль небольшой балки. До советской власти население Витиловки влачило полуголодное существование. Из 227 хозяйств бедняков и середняков 178 были без рабочего скота и 121 хозяйство — без коров. Советская власть передала крестьянам всю кулацкую и помещичью землю, выдала ссуду посевным материалом, оказала помощь сельскохозяйственными машинами. Организовав колхоз и назвав его именем Н. С. Хрущева, крестьяне дружно взялись за работу и в короткий срок добились хороших результатов — колхоз стал показательным в области. Работа в колхозе, высокие урожаи и богатая оплата трудодней неизмеримо подняли благосостояние колхозников.

1948 год был годом, когда в колхоз им. Хрущева со всей Буковины приезжали крестьяне смотреть и учиться, как вести колхозное хозяйство, как добиться высоких урожаев. Крестьяне внимательно осматривали колхозное хозяйство, знакомились с работой ферм, пасаки и т. д. Они любовались (колхозной гидроэлектростанцией, родильным домом, школой, клубом, детскими яслями и другими новыми, еще не слышанными в селах Буковины явлениями. Осматривая все уголки, крестьяне Буковины видели, как изменилась жизнь в Витиловке, и, возвращаясь к себе домой, приступали к строительству своих колхозов.

Об этих огромнейших достижениях, о преимуществе коллективного хозяйства, о новых людях советской Витиловки и рассказывает Витиловский колхозный музей.

Витиловцы, охотно рассказывающие о своих достижениях, решили подкрепить слова фактами, вещами, документами. На одном из собраний вынесли решение — создать колхозный музей. Пожеланиям колхозников села Витиловки пришел на помощь Черновицкий историко-краеведческий музей. Он послал своих научных сотрудников, и под их руководством был организован и оформлен музей. Экспонаты музея собирали сами колхозники; помещение выделил и отремонтировал колхоз. Открытие музея было настоящим праздником колхозников села Витиловки.

Музей разместился в трех комнатах небольшого беленького домика в центре села. Первый раздел экспозиции называется: «Наше село у далекому минулому». Здесь показана жизнь первобытного человека, остатки культуры которого были найдены на территории села Витиловки. На стенде размещены орудия труда: грубо оббитые камни, скребки, ножевидные пластинки, резцы, каменный топор, грузила и др. Основным занятием населения того периода, как показывают орудия труда, были охота и рыболовство. Рядом другой стенд — остатки вещей из поселения, которое относится к трипольской культуре. Это поселение было расположено на краю нынешнего села Витиловки, в нескольких метрах выше места, где теперь построены мельница и электростанция. На стенде показаны остатки керамики и даны два рисунка реконструкции трипольского поселения и жилища. Здесь же сообщается о том, что население трипольской культуры занималось в основном мотыжным земледелием и скотоводством. Данные по трипольской культуре и остатки гончарных изделий свидетельствуют о сравнительно высокой культуре населения того времени.

Рядом со стендом трипольской культуры размещен текст: «Історія Київської Русі це не історія України, історія Білорусії, — це історія держави, яка дала можливість визріти і Україні і Білорусії і Великоросії».

Тут же дана карта размещения восточных славян в VIII—IX—X столетиях. На этой карте видно, что территорию современной Буковины занимали племена тиверцев и уличей, которые входили в состав Киевской Руси. Под картой даны различные вещи, характеризующие культуру периода Киевской Руси и показывающие, что население Киевской Руси занималось в основном земледелием. Помимо того, экспонированные материалы показывают высокий уровень развития различных ремесел, среди которых обработка железа и изготовление изделий из него являлись главным и наиболее развитым ремеслом. Выставленные здесь вещи: ножи, ключи, гвозди, топоры, рыболовные крючки, подковы и др., — найдены в славянских поселениях на территории, прилегающей к селу Витиловка, а также в окружающих селах. Здесь же даны кольчуга, наконечники стрел, мечи, кинжалы и другие предметы, которые характеризуют вооружение войск Киевской Руси.

О тяжелой доле населения Буковины в ее далеком прошлом рассказывает текст следующего содержания: «В XII столітті Київську державу поділили на окремі князівства, серед яких своєю могутністю виділялося Галицько-Волинське князівство. До його складу входила і Буковина. В 1241 році її захоплюють татари і на цілих 100 років встановлюють тут режим терору і грабінництва. В XIV ст. Буковина переходить під владу молдавських князів, а в 1514 р. — турецьких султанів-грабінників. В 1774 році наш край захопили австрійські цісари».

Так показано далекое прошлое. В этой же комнате дан второй раздел экспозиции: «Під гнітом капіталізму». В центре раздела находится стенд, на котором размещены старая, изъеденная ржавчиной коса, самодельный выщербленный серп, над-

ломленные вилы, железные части деревянного плуга и др. Тем, кто вырос в условиях советской действительности, перечисленные орудия сельского хозяйства кажутся такими же давно заброшенными, как и каменный топор, нож и скребки первобытного человека. Однако надпись под этими орудиями говорит о другом. Это «Сільсько-господарські знаряддя Марчука Георгія Олексійовича, яким він, будучи одноосібником, увесь час обробляв 5 соток землі». Марчук ныне самый активный член колхоза им. Хрущева. Рядом с экспонатами в рамке жирным шрифтом дан текст о тяжелом положении трудящихся села Витилówki в капиталистическом обществе: «Микитюк Оксентій Дмитрович мав землі 0,5 га. Щоб прохарчувати 8 душ сім'ї, Микитюк працював, батракував у поміщика і куркулів. Худик В. Г. мав землі 0,6 га. Свого хліба ніколи не вистачало до нового врожаю. Щоб не вмерти з голоду, Худик В. Г. завжди був у наймах, працював у поміщиків та капіталістів, а дружина заробляла хліб на жнивах у куркулів, жала за одинадцятий сніп».

Таких, как Микитюк и Худик, в селе Витилówka было большинство. Экспонаты и живые факты подчеркивают основные черты капиталистической системы, при которой на одном полюсе сосредоточиваются богатства в руках небольшой кучки богачей — помещиков и кулаков, а на другом — жалкое полуголодное существование огромнейшей массы безземельного крестьянства. В подтверждение этого рядом с экспонатами помещена диаграмма землепользования в селе Витилówka до установления советской власти. Диаграмма показывает, что из 244 хозяйств села Витилówka в 1940 г. имели земли:

До 0,5 га	62 хозяйства
От 0,5 га до 1 га	37 хозяйств
» 1 » » 2 »	42 хозяйства
» 2 » » 3 »	35 хозяйств
» 4 » » 5 »	13 »
» 5 » » 6 »	9 »
» 6 и больше	19 »

На той же диаграмме показано, что 18 хозяйств никакого скота не имели, 178 хозяйств были без лошадей, а 121 — без коров. В другой диаграмме даны общие показатели землеустройства в селе Витилówka в 1940 г. к моменту воссоединения. Оказывается, 227 хозяйств бедняков и середняков имели 293 га, 17 кулацких хозяйств имели 143 га, 1 помещик (Шерф Макс) — 66 га и церковь — 18 га. Цифры свидетельствуют о том, что основная масса населения села Витилówki — это бедняки и середняки, которые летом от зари до зари гнули спину на землях помещика и кулака, а зимой ухдились в далекие края на заработки.

Из помещенного в этом отделе текста видно, что «на протяжении последних 30-40 лет з. с. Витилówka за роки Австро-Угорського та Румунського панування виїхало на заробітки 67 родин. З них до Канади — 52 родини, до Польщі — 4, Румунії — 9, Німеччини — 2. Там їх спіткала не краща доля».

Для полного представления о положении крестьян Буковины тут же дана таблица распределения земель на Буковине в 1939 г. во время господства румынских оккупантов.

72 543 хозяйства не имели земли
15 845 хозяйств имели по 0,15 га
7 242 хозяйства » » 0,25 »
9 105 хозяйств » » 0,50 »
6 543 хозяйства » » 0,75 »
5 856 хозяйств » » 1,00 »
5 103 хозяйства » » 1,60 »
3 244 хозяйства » » 2,50 »

Остальной частью земли крестьянского землепользования владела малочисленная верхушка села — кулаки, а 250 000 га принадлежали румынским боярам-помещикам. Такова была судьба населения Буковины в период господства румынских бояр.

Рядом с историческими картинами тяжелого прошлого показано, как в Советском государстве успешно выполнялось огромное строительство социалистического общества, в то время как на Буковине еще безнаказанно «хазайнували» румынские бояре. Фотографии, помещенные в этой же комнате, показывают фабрики и заводы — новостройки сталинских пятилеток, показывают победу колхозного строя и огромный рост культуры и благосостояния трудящихся. Здесь помещены фото Краматорского металлургического завода имени Сталина, Днепродзержинского коксохимического завода, Днепрогэса, Харьковского тракторного завода и многих других, рядом с которыми даны фото лучших домов и мартенов. Тут же фото обширных полей, на которых работают могучие сельскохозяйственные машины советского производства. Все эти материалы резко подчеркивают огромный контраст двух систем: социализма и капитализма.

Следующий отдел экспозиции посвящен истории борьбы за создание колхозов в селе Витилówka, начиная с момента воссоединения с Украинской ССР, т. е. с 28 июня

1940 г. Этот день вошел в историю Буковины как самый светлый день в жизни. Об этом дне пела народная поэтесса соседнего села Задубровки Параска Амбросий:

Сьогодні є свято велике у нас,
Бо браття радянські з'явилися до нас.
Ой, довго ми свята такого чекали,
Щоб всі ми зійшлися і вільно співали.

Текст ее песни дан под датой воссоединения, а рядом с ним золотыми буквами слова Указа Верховного Совета СССР о воссоединении Буковины в едином Украинском государстве. С этого дня начинается новая эра в жизни трудящихся Буковины и, в частности, в жизни трудящихся с. Витилówki. После Указа помещены две диаграммы: что дала советская власть Буковине и крестьянам Витилówki. Документы гласят, что бедняки и середняки Витилówki получили бесплатно 127 га земли, принадлежавшей ранее помещикам. Всего по Буковине было передано, кроме земли, 186 лошадей, 267 коров, 754 овцы, 140 свиней, 374 улья и др. Для оказания помощи советская власть выдала 750 000 руб. кредита.

Весной 1941 г. 36 бедняцких хозяйств с. Витилówki объединились в колхоз, но вероломное нападение фашистов уничтожило этот росток новой счастливой жизни. В Витилówку снова вернулся помещик и еще более жестоко эксплуатировал трудящихся. Оккупанты зверски расправились с людьми, активно строившими светлое будущее. Однако 30 марта 1944 г. Советская Армия могучими ударами освободила Буковину и предоставила советским людям возможность продолжать начатое дело социалистического строительства. В год освобождения от фашистских захватчиков советская власть передала трудящимся Буковины 66 тракторов, 133 молотилки, 33 двигателя, 135 сеялок, 154 культиватора и 546 других машин. Наиболее передовая часть села Витилówki во главе с коммунистами сразу начала организовывать колхоз. Обо всем этом красноречиво рассказывают экспонаты музея: фото, рисунки, диаграммы, тексты, документы. Под портретами И. В. Сталина и Н. С. Хрущева помещены портреты организаторов и руководителей местного колхозного движения: портрет секретаря Кицманского РК КП(б)У И. С. Подлубного, председателя Кицманского РК А. С. Кишкан, организатора и первого председателя колхоза им. Хрущева З. П. Крикливца, зверски замученного бандой украинских националистов. Далее портрет одного из первых организаторов колхоза им. Хрущева В. Г. Худик, председателя колхоза Т. С. Кушнирик — одного из организаторов колхоза, коммуниста, депутата районного Совета депутатов трудящихся.

Особенно ценными экспонатами в этом отделе являются собранные здесь документы, относящиеся к первым дням организации колхоза. Среди них протокол первого собрания колхоза, первые заявления крестьян села Витилówki о вступлении в колхоз и т. д. Каждая вещь, каждый экспонат, тесно связанные с организацией колхоза, приобретают здесь большую историческую ценность.

О том, как шла коллективизация, показано на диаграмме: на 7.III.1946 г. в колхозе было 38 хозяйств, 69 членов и 130 га земли; на 1.I.1947 г. — 42 хозяйства, 5 членов и 132 га земли; на 1.I.1948 г. — 155 хозяйств, 295 членов и 179 га земли; а 1.XI.1948 г. — 241 хозяйство, 396 членов и 734,4 га земли. Витилówka полностью стала охотничьим селом. Экспонаты говорят, что колхозный путь — единственный путь к ожиточной и счастливой жизни. Тут же дана диаграмма земельных угодий: на 1.XI.1948 г. колхоз имел 638,74 га пахотной земли, 92,76 га приусадебной и 2,9 га прочей. Советская власть не только предоставила возможность работать на себя, а не на помещиков, она всемерно помогла строить новую жизнь. В течение 1947—1948 гг. советская власть предоставила колхозу им. Хрущева кредит на строительство электростанции в сумме 46 000 р., выдала посевного материала 60 ц, бесплатно передала 4 головы племенного скота и 18 построек. Колхозная жизнь открыла новые перспективы для трудящихся Витилówki — таков смысл экспозиции данного отдела.

Следующий раздел посвящен успехам коллективного хозяйства и занимает наибольшее место во всем музее. Он озаглавлен: «Наші успіхи — це ми з Вами». Под этим текстом размещены портреты лучших людей, диаграммы, таблицы, тексты, вещевые экспонаты (снопы, зерно) и т. д. Интересны данные о посевной площади и урожайности в колхозе им. Хрущева. Зерновых в 1946 г. было 55 га, на которых собран средний урожай по 7,2 ц. В 1947 г. было 118 га со средним урожаем 13,8 ц с одного гектара и в 1948 г. — 251 га дали средний урожай по 14,2 ц с га. О борьбе за повышение урожайности рассказывает ряд фотографий: не деревянным плугом, не ржавой косой и серпом, а новыми мощными машинами возделываются поля колхоза; внедряется передовая агротехника. Результаты применения новых машин и передовой агротехники здесь же представлены в виде мешочков с зерном, снопов пшеницы и др.

Хорошо изображает одна из диаграмм развитие животноводства: в 1946 г. — 40 голов, в 1948 г. — 400 голов.

Но самое большое достижение в жизни колхоза — это его люди, новые советские люди, воспитанные социалистическим обществом. На экспозиции представлены портреты этих замечательных людей. Это передовики колхозного производства, которые

стали знатными людьми благодаря своему честному труду, своей любви к колхозу. Они живут мыслями и заботами о колхозе, о нашем Советском государстве, заботятся об усилении его мощности и культурном развитии. Благодаря заботам и самоотверженному труду этих людей в колхозе в 1947 г. был собран средний урожай зерновых по 13,8 ц с гектара и по 505 ц сахарной свеклы. Такого урожая не только Витиловка, но и вся Буковина еще не знала. Урожай 1947 г. был первым вкладом колхоза им. Хрущева в развитие социалистического хозяйства. За этот вклад 17 колхозников Витиловки получили правительственные награды. Портреты, о которых сказано выше, принадлежат этим людям. Среди них самое почетное место занимает комсомолка Александра Хорбут, которая за высокий урожай сахарной свеклы удостоена звания Героя Социалистического Труда. Под портретом — текст и другие материалы, рассказывающие о героическом труде комсомолки Хорбут. Эта молодая буковинская девушка — первая в своем родном крае стала Героем Социалистического Труда. Александра Хорбут родилась и выросла в семье бедняка села Витиловки. Отец ее Михаил Хорбут имел 5 человек семьи и 1 га земли. С 14 лет Александра работала у помещика и кулаков, а когда в Витиловку пришла Советская власть, она вместе с семьей первая вступила в колхоз. И здесь, в колхозе она впервые узнала счастье человека, до этого она не видела настоящей, радостной жизни. Вступив в комсомол, молодая девушка Александра увидела и поняла, как советская власть ценит труд, который идет на благо Родине. Для нее труд стал делом чести, делом доблести и геройства. В колхозе ее заметили и поставили во главе молодежного звена. В письме к товарищу Сталину Александра взяла обязательство дать на своем участке по 600 ц сахарной свеклы. Комсомолка сдержала свое слово. Она собрала на своем участке по 603,8 ц свеклы, и за это правительство удостоило ее высоким званием Героя Социалистического Труда.

Рядом с портретом Хорбут текст и фотографии со всеми подробностями показывают этот героический труд. Тут же портреты членов ее звена — Куик Домны и Куик Рахили, награжденных орденами Трудового Красного Знамени.

В центре экспозиции, рядом с Героем Социалистического Труда А. Хорбут, помещен портрет молодого колхозника-бригадира Василия Загария. Участник Великой Отечественной войны и штурма Берлина, Загария отличает и на колхозных полях. Как воин он был награжден боевыми орденами и медалями, как бригадир за преданный и честный труд награжден орденом Трудового Красного Знамени. Его бригада вырастила по 505 ц свеклы на всей площади посева. Орденом Трудового Красного Знамени награждены также звеньевые Мария Крикливец и Мария Сорочак, которая всю свою жизнь провела в наймах у помещиков и кулаков. Высокой наградой удостоена и свинарка Елена Андрусик, портрет которой также находится среди фотографий знатных людей.

На соседнем стенде помещены фото и документы о борьбе за высокий урожай. Ряды передовых людей пополняются все новыми и новыми тружениками колхозных полей. О творческом отношении к труду свидетельствуют все материалы. В нижней части стенда даны образцы сельскохозяйственных культур урожая 1948 г. Здесь овес, урожай которого собран по 26,6 ц с гектара, рожь, удивившая по 22 ц, кукуруза, давшая по 35 ц, и т. д.

Рядом со стендом находится витрина, в которой сохраняются почетные грамоты 13 колхозников Витиловки, полученные за честный труд. Колхозники берегут эти грамоты, как святыню.

Над витриной размещены фото, на которых видно, что крестьяне Витиловки, еще не так давно обрабатывавшие землю дедовскими способами, ныне работают тракторами, комбайнами, сенокосами и т. д. В этом деле им прекрасно помогает колхозный агроном П. М. Заика. Хорошо смонтированная диаграмма, рисунки и фото подчеркивают контраст между трудом и формами работы «вчера» и «сегодня».

Иллюстрированный текст, данный на экспозиции, говорит о том, что честный, добросовестный труд и высокие урожаи всегда гарантируют и высокую оплату трудной. На конкретном материале показан небывалый рост благосостояния вчерашних бедняков села Витиловки. Микитюк Оксентий в 1948 г. за 680 трудодней, выращенных вместе с женой, получил 27 ц хлеба, 1360 кг картофеля и 1360 руб. деньгами. Работая в прошлом на своем участке, Микитюк никогда ничего подобного не имел. Аналогичные данные сообщаются о заработке таких колхозников, как Хорбут Михаил и Худик Василий, которые раньше жили в беспросветной нужде.

Весь этот хорошо иллюстрированный раздел экспозиции полностью отвечает заглавию: «В колхозі мы знайшли своє щастя».

В качестве заключения дан текст слов товарища Сталина в переводе на украинский язык: «Щоб стати колгоспниками замощними, для цього потрібно зараз лише одне — працювати в колгоспі чесно, правильно використовувати робочу худобу, правильно обробляти землю, берегти колгоспну власність».

Особым разделом дается показ достижений в области культуры. Тут показана работа школы, клуба, библиотеки, родительного дома, радиоузла, электростанции и др.

Характерные сведения сообщены о распространении советской прессы. Колхозники Витиловки получают 118 экземпляров газет и 12 названий журналов. С этим сопоставляются данные о прошлом: раньше в селе Витиловки получали газету лишь поп и учитель сельской румынской школы.

Музей, созданный по инициативе колхозников,— крупное явление в нашей культурной жизни. В условиях Буковины он приобретает особенно большое значение; он наглядно показывает, что дала трудящимся советская власть. Однако в экспозиции музея есть недостатки. Не может, в частности, удовлетворить раздел, показывающий далекое прошлое. Материалы, показанные в нем, крайне неполны и не дают следовательности развития (например, имеется скачок от Триполья к Киевской Руси, от последней к эпохе капитализма).

Недостаточно в экспозиции использован этнографический материал для показа прошлого. На этнографическом материале, который в селе можно найти с избытком, подлежал показать быт в полном объеме. Например, кроме орудий производства, следовало показать одежду, бедняцкую утварь и обстановку жилища и др. Здесь же можно было использовать бирки («раваш»), которые свидетельствуют о неграмотности в прошлом, и многие другие вещи.

Совершенно в стороне осталось творчество народа в прошлом. Украинский народ создал многочисленные ценности искусства. Замечателен, например, по художественным качествам украинский национальный костюм. Музею нужно было показать этот костюм и многое другое. Но тут же рядом следовало раскрыть, как румынские колонизаторы «каленным железом» вытравили народное искусство во всех формах его проявления.

Учитывая, что колхозный музей имеет свои задачи, следовало бы в исторической части шире показать значение победы Великой Октябрьской социалистической революции, успехи социалистического строительства в СССР и, в частности, на Украине, и на фоне этого общего показа дать материалы о Витилровке в условиях капиталистического общества, особенно в период румынской оккупации с 1918 г. по 1940 г.

Исправление указанных недостатков поможет Витилковскому музею стать еще более действенным в деле коммунистического воспитания масс.

Почин витилковских колхозников нужно всячески поддержать и развивать. Опыт создания колхозного музея должны перенять другие передовые колхозы нашей страны. Колхозные музеи должны наглядно — вещами, документами и т. п. — показать всю силу нового, которое победоносно шествует: они должны показать все преимущества социалистического хозяйства, должны стать популяризаторами работ новаторов сельского хозяйства, борцов за высокие урожаи, Героев Социалистического Труда. Эти музеи явятся научными центрами в селах, будут поднимать культуру, всячески помогать колхозам использовать передовую теорию для достижения еще большего благосостояния и развития культуры трудящихся нашей Родины.

И. Ф. Симоненко, А. Ф. Кузенева

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

РАЗРУШЕНИЕ СЕМЬИ В АНГЛИЙСКОМ ПРОТЕКТОРАТЕ БЕЧУАНАЛЕНД

Английские колониальные власти в Африке держат курс на консервацию родоплеменной организации туземцев и связанных с ней институтов первобытно-общинного строя, лицемерно прикрывая эту реакционную политику «заботами» о сохранении самобытной культуры банту. Конкретные формы проявления этой политики не пагубное влияние на туземное население уже отмечались на страницах «Советской этнографии». Рецензируемая книга дает читателю обильный фактический материал по этому вопросу.

Автор книги — профессор этнографии («социальной антропологии») Кейптаунского университета — Шапера является большим знатоком этнографии южных банту, его перу принадлежит ряд интересных работ, отличающихся фундаментальностью исследования. На всех работах проф. Шапера лежит печать буржуазного объективизма; на рецензируемой книге это сказалось с особой силой. Она является результатом исследования, проведенного им в 1943 г. по поручению английской администрации Бечуаналенда, обеспокоенной катастрофическим ухудшением экономики протектората. Перед проф. Шапера стояла трудная задача: показать фактическое состояние дел в протекторате, вскрыть причины бедственного положения туземного населения протектората, не подвергая критике английскую политику. Выполняя это щепетильное задание, проф. Шапера всячески изворачивается, обходит молчанием наиболее острые вопросы, пытается как-нибудь скрасить неприглядную действительность, запутывается в собственных построениях и ограничивается рекомендациями, которые ничего изменить не могут.

Мы воспользуемся фактическими материалами Шапера, которые он собирал с большой тщательностью, для характеристики лишь одной стороны жизни туземного населения протектората, еще не освещавшейся в нашей печати, — современного состояния туземной семьи.

Протекторат Бечуаналенд превращен английскими колониальными властями в резервуар рабочей силы для горной промышленности Витватерсранда. По данным Шапера, осенью 1943 г. 46% всех налогоплательщиков протектората, т. е. мужчин в возрасте 18 лет и старше, были на отхожих заработках; в резервате Ролонг этот процент поднимается до 60,9, а в резервате Нгвакетсе до 62,8. При этом надо иметь в виду, что на работу в копи принимаются только наиболее здоровые и что состояние здоровья туземцев протектората за последние десятилетия резко ухудшилось. Хроническое недоедание дополняется массовыми заболеваниями малярией и сифилисом; по данным Шапера, 60—80% населения страдают венерическими болезнями. О состоянии здоровья населения неопровержимо свидетельствуют также некоторые цифры. Из числа завербованных на работу в копи из резервата Квена (а вербуют более здоровых) 41,4% медицинскими комиссиями не были допущены к работе вследствие слабого здоровья; горнопромышленники не хотят нести какие-либо расходы на лечение горняков, потерявших свое здоровье на их же шахтах. При наборе в солдаты в 1941 г. туземцев из резервата Нгваго медицинской комиссией были забракованы 34,1% (Квена — 27,9%); при этом Шапера отмечает, что требования к солдатам были ниже тех требований, которые предъявляются к горнякам. Учитывая данные о состоянии здоровья населения, следует признать, что на заработки уходит фактически все здоровое, работоспособное мужское население, а в протекторате остаются женщины, дети, старики и инвалиды.

¹ Migrant labour and tribal life. A study of conditions in the Bechuanaland protectorate. By I. Schapera, Oxford University Press, London, 1947, pp. 248.

Шапера анализирует причины массового отходничества. Он выдвигает на первый план такие мотивы, как поиски приключений у молодежи, желание изменить образ жизни, посмотреть мир, избавиться от семейного контроля и т. п., и лишь в конце того длинного перечня указывает на экономические причины. Из материалов, которые приводит Шапера, не трудно сделать вывод, что этот перечень мотивов надо перевернуть, поставить с головы на ноги.

Из 275 000 квадратных миль территории резервата для туземных племен выделено 9 резерватов общей площадью в 103 110 квадратных миль, что составляет 37% всей территории. Остальные 63% или принадлежат английским помещикам и фермерам, или объявлены собственностью английской короны («коронные земли») и в большей своей части пустыют. Загнав туземное население в резерваты, английские колониальные власти поставили его в условия крайнего малоземелья и даже безземелья.

По данным Шапера, в резервате Тати 19,4% женатых мужчин не имеют надела, в резервате Тлоква этот процент поднимается до 24,9 и в резервате Малете — до 25,3. От одной четвертой до одной пятой крестьян не имеют земли, и единственным источником дохода являются заработки на стороне. Но и большинство из тех, кто имеет земельные наделы, не может свести концы с концами. Многие из имеющих наделы вынуждены из года в год покупать кукурузу. Деньги нужны для уплаты налогов и сборов, на покупку одежды и пр. Шапера подсчитал, по деньгам, вырученные всеми крестьянами протектората от продажи своей сельскохозяйственной продукции, составляют лишь 31,5% всех их денежных расходов. Остальные должны быть заработаны на стороне, вне протектората.

Безысходная нужда гонит бечуана из родной деревни на заработки. Но заработная плата туземных горняков на шахтах Витватерсранда настолько низка, что заработанные ими деньги почти целиком уходят на уплату налогов и сборов. Даже правительственная комиссия по заработной плате туземных горняков, доклад которой критикует Шапера, вынуждена признать, что «очень незначительная часть заработка рабочих уходит» до протектората. Крестьянское хозяйство отходников теряет лучшую рабочую силу, но ничего от отходничества не получает — оно катастрофически деградирует. Создается заколдованный круг: нужда гонит на заработки, а уход на заработки еще больше усиливает нужду.

Чтобы выбраться из этого заколдованного круга, туземцы удлиняют срок пребывания на заработках и сокращают срок пребывания дома. Продолжительность контракта (а отходничество на шахты Витватерсранда возможно только путем контракции) — 9—12 месяцев, после чего туземец возвращается домой, но лишь для того, чтобы через несколько месяцев отправиться вновь на шахты. Горнопромышленниками установлен такой порядок: если туземец возвращается на ту же шахту не позже чем через 6 месяцев по истечении предыдущего контракта, ему выплачивается повышенная зарплата. В связи с этим каждый отходник старается быть дома не больше месяцев. Исследования Шапера установили совершенно определенную тенденцию: срок пребывания отходников на заработках из года в год увеличивается и соответственно сокращается срок пребывания дома.

Из опроса горняков-бечуана, проведенного в 1943 г., выяснилось, что из них 35,2% были дома перед приездом на шахту меньше 2 месяцев, 26,3% — от 3 до 5 месяцев, 9,4% — от 6 до 8 месяцев и т. д. Некоторые перезаключают контракты, не уходя домой, и остаются на шахтах годами. Следующая таблица показывает продолжительность непрерывного отсутствия из дома отходников, находившихся во время обследования Шапера на заработках.

Продолжительность в годах	% отходников
До 1	32,3
1—2	25,7
2—3	16,1
3—4	7,1
4—5	5,0
5—10	7,0
Более 10	6,8

В эту таблицу включены и те туземцы, которые уже порвали связь со своей деревней, с протекторатом и осели где-нибудь в городах или на европейских фермах Южно-Африканского Союза. Они составляют около 6% всего мужского населения протектората.

На заработки уходят как женатые, так и неженатые мужчины. По данным Шапера, среди женатых мужчин отходники составляют 23,4%, но если из общего числа женатых мужчин исключить старшие возрасты (свыше 45 лет), то этот процент поднимется до 40. Среди неженатых мужчин отходники составляют 49,4%, но в возрастной группе от 30 до 44 лет этот процент поднимается до 85.

Первым последствием такой системы отходничества является повышение брачного возраста и сокращение числа браков. Брак считается священной обязанностью каждого члена племени бечуана, и взрослый неженатый мужчина рассматривается как не желающий или не способный содействовать возрастанию численности племени.

Неженатый мужчина, сколько бы ни было ему лет, подчинен отцовскому контролю и не считается полноценным членом общества. «Через брак он получает поэтому общественный статус»². И тем не менее 45% мужчин в возрасте от 15 лет являются, по данным Шапера, неженатыми; даже в возрастной группе 30—44 лет неженатые составляют 25%. Мужчины, пока они ходят на заработки, воздерживаются от брака, так как жить дома с женой они все равно не могут, отделиться от отца и обзавестись хозяйством не на что, получить на жену дополнительный надел земли вследствие острого малоземелья не всегда удается. В те короткие месяцы, которые они бывают дома, они обходятся внебрачными связями.

Девушки не могут выйти замуж. По данным Шапера, среди женщин в возрасте от 15 лет 26% никогда не выходили замуж; в возрастной группе 15—29 лет этот процент равняется 53. Женщины, особенно одинокие, уйти из своего резервата не могут; вожди племен не дают им разрешения, а без такого разрешения нельзя получить пропуск на поездку у европейского чиновника; в города Южно-Африканского Союза одиноких женщин не пускают. Лишь счастливым одиночкам удается выбраться из этой тюрьмы: по данным Шапера, лишь 4,3% взрослых (выше 15 лет) женщин живут вне своих резерватов.

Внебрачное сожитие стало правилом. Внебрачное или добрачное сожитие и раньше не особенно преследовалось у бечуана. Старые девы не в почете. Неврождение ребенка вне брака считается позором; такая девушка подвергается наказанию со стороны родителей и ostracismu со стороны окружающих. Широко стало применяться противозачаточные средства; возвращаясь на некоторое время домой, неженатый мужчина берет с собой и противозачаточные средства. Аборт стал массовым явлением. По данные Шапера, 1/5 часть девушек делает аборты³. И несмотря на это, так много незамужних девушек рождает детей... что традиционные меры наказания не оказывают больше никакого воздействия⁴.

Не менее широко распространен теперь адюльтер. Вышедшие замуж молодые женщины остаются в одиночестве на один-два и большее число лет. Измена мужу у бечуана, у которых полигамия в недалеком прошлом была нормой брачных отношений, общественностью не осуждается; только в христианских семьях измена мужа дает право жене требовать развода. Измена жены является преступлением: муж может ее избить, это может быть основанием для развода. Но, несмотря на это, адюльтер стал массовым явлением среди замужних женщин, и в результате участили разводы.

Трудно сказать, как все это отражается на росте населения протектората. Перелисая и официальным данным, как убедительно доказывает Шапера, верить нельзя. Например, по переписи 1936 г. в области Ганзи насчитывалось 10 000 бушмен, из них 7000 мужчин и 3000 женщин. Уже одно соотношение численности мужчин и женщин говорит об абсурдности этих цифр; через два года цифра бушмен в этой области была снижена до двух (!) тысяч. В резервате Тавана, по переписи 1936 г., было 42 158 туземцев, а по официальным данным 1939—1940 гг., их оказалось только 35 000 человек.

Шапера отказывается сделать какое-нибудь заключение о росте населения протектората. В одном месте он признает снижение нормы рождаемости: «Отходничество является возможно причиной снижения нормы рождаемости», а в другом месте берет этот факт под сомнение: «Снижение нормы рождаемости (если это действительно имеет место)...» Но совершенно очевидно, что существующая система отходничества не может содействовать повышению нормы рождаемости. Возможно, что сейчас еще нет сокращения численности населения, но резкое ухудшение положения населения в последнее десятилетие неминуемо приведет к этому. Английская администрация протектората, заинтересованная в выращивании рабочей силы для шахт Витватерсранда, не зря бьет тревогу.

И. Потен

² I. Schapera, Married life in an african tribe, London, 1940, стр. 38.

³ Там же, стр. 223.

⁴ Там же, стр. 45.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

Т. А. Трофимова. *Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии*. М.—Л., 1949, 264 стр. (Академия Наук СССР. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, том VIII).

Одним из вопросов, стоящих в центре советской исторической науки, является проблема этногенеза. В этом исследовании, проводимом на основе изучения различного рода исторических источников, антропологии принадлежит почетное место.

Вопрос о происхождении татар Поволжья был поднят еще в 1946 г. Тогда на сессии Отделения истории и философии Академии Наук СССР были заслушаны доклады представителей ряда дисциплин и в их числе доклад автора рецензируемой работы. Сессия подвела итог исследованиям по этногенезу казанских татар и пришла к выводу, что татары среднего Поволжья, как и всякая народность, являются результатом длительного исторического развития, в процессе которого были обобщения и взаимосвязи с различными этническими группами. В формировании казанских татар приняли участие многие местные племена и большую роль сыграло государство волжских булгар, объединившее эти многочисленные этнические группы. Огромное воздействие оказали славяне, с которыми еще до X в. были связаны народы Поволжья.

Рецензируемая книга Т. А. Трофимовой представляет систематизацию и анализ всего антропологического материала, в значительной степени собранного лично автором и позволяющего проследить процесс формирования казанских татар. Положительной чертой работы является привлечение различных исторических источников, позволивших автору проверить свои выводы и сопоставить их с выводами других специалистов.

Работа состоит из предисловия, в котором определены задачи исследования и методологические позиции автора, и трех частей. Первая — содержит краниологический очерк татар Золотой Орды, вторая посвящена ногайцам и карагамам, третья — татарам среднего Поволжья. В первой части автор разбирает палеоантропологический материал золотоордынской эпохи, добытый Лесгафтом и Воробьевым под Астраханью, и делит его на две группы; одну с преобладанием европеоидных черт, другую — монголоидных. Привлечение сравнительного материала и тщательный анализ европеоидных и монголоидных черт, коим посвящены отдельные главы работы, позволили автору выделить четыре компонента, из которых два европеоидных — брахикранный (памиро-ферганский) и долихокранный (средиземноморский), и монголоидные — южносибирский и центральноазиатский. Автор отмечает, что ряд исследователей, занимавшихся золотоордынским материалом из других мест, установили в общем наличие тех же компонентов. Однако автор не ограничивается одной характеристикой золотоордынского материала. В особой главе он знакомит читателя с расовыми типами населения домонгольской эпохи в нижнем Поволжье и в Средней Азии. Излагая материал, начиная с сарматского времени, он видит в сарматах не особую этническую группу, а новое стадийное состояние развития общества скифской эпохи с возникающим классовым расслоением.

Работа была закончена автором в 1939 г. Перед сдачей в печать она была подввергнута доработке, но при этом автором не были учтены некоторые археологические работы, вышедшие за последние годы. Так, в вопросе о сарматах автор ссылается на старую работу В. И. Равдоникаса, страдающую упрощенным и схематическим толкованием археологических данных. Вопрос о сарматах за последние годы получил освещение в ряде работ, и теперь нет оснований следовать за Равдоникасом. Еще в 1947 г. были опубликованы тезисы кандидатской диссертации К. Ф. Смирнова, в которой дана история сармат и отмечены пути их расселения¹. В этой работе отмечено, что с образованием Поволжского племенного союза следует связывать первое крупное перемещение сарматских племен и окончательное занятие ими областей Европы, по мнению античных авторов расположенных западнее Дона. Сарматы были непосредственными наследниками старой скифской культуры.

Тщательный анализ антропологического материала позволил автору рецензируемой книги сделать ряд выводов, которые ею изложены в особой главе «Вопросы этногенеза». Положительной чертой книги является увязка антропологических выводов с историческими; вывод, что монголоидное по своему физическому типу население золотоордынской эпохи имеет корни также и в домонгольском периоде, подтверждается историческими данными. Т. А. Трофимова пишет: «таким образом мы приходим к выводу, что монгольское завоевание, в результате которого возникло новое государственное объединение Золотой Орды, имевшее огромное политическое и социально-экономическое значение для покоренных областей, повидимому, слабо изменило их этнический и расовый состав». Эти выводы делают понятным свидетельство арабского писателя первой половины XIV в. Аль-Омари о смешении пришельцев татар с кипчаками. К первой части рецензируемой работы приложен список основной литературы и таблицы измерения черепов, дающие возможность специалисту-антропологу проверить все выводы автора.

¹ К. Ф. Смирнов, Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и южного Приуралья. Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, вып. 5, М., 1947, стр. 75).

Часть вторая посвящена ногайцам и карагашам. Автор начинает изложение историко-этнографическим очерком, дающим возможность лучше разобраться в антропологических данных, знакомя кратко с историей вопроса и материалом. Четвертая глава — «Анализ расовых признаков первого порядка», «Анализ расовых признаков второго порядка», «Выделение типов и краткий обзор ногайских групп, обследованных другими авторами» и «Сравнительные данные» — посвящены детальному, всестороннему разбору материала; последняя глава — «Историко-антропологические параллели» — содержит обобщения. Автор прав, объясняя этническую пестроту ногайцев историей сложения и распада Золотой Орды. Племенной состав Ногайской Орды не может быть сведен от группы кочевников Золотой Орды. В этой же части автор устанавливает дату возможного появления тех или иных компонентов. Наслоение европейцев и монголоидных элементов относится к разновременным периодам, и объясняет расовую сложность ногайцев. Построение автора, которое он проводит в тесной увязке с данными историков, убеждает в правильности его концепции. Эта часть заканчивается списком литературы и таблицами.

Часть третья — «Татары среднего Поволжья» — состоит из ряда глав. Первая — «Историческое введение» — дает очерк развития общества, начиная с ранней железной эпохи. Она в общих чертах правильно ориентирует читателя в сложной и богатой истории казанских татар. Однако в отдельных случаях в этой главе имеются неточности. Несомненно, опечаткой следует считать отнесение даты завоевания Булгарии татарами Золотой Орды к XVI в. — это событие на стр. 3 и 120 автор правильно относит к XIV в.

В своем исследовании вопроса о происхождении булгар автор использует в основном досоветскую и раннюю советскую историческую литературу (Ашмарина, Середина, Фирсова), (стр. 118). К сожалению, ею остались не использованными работы Артамонова и Смирнова, связавших булгар с сарматами, и поэтому освещение затронутого вопроса получилось несколько односторонним. Из других неточностей частного порядка укажу, что Волжская Булгария продолжала существовать и после разрушения города Булгар-Тимуром в 1361 г. В этом городе еще в 1420 г. чеканили монету, а в 1431 г. он был взят войсками московского князя, о чем имеются летописные свидетельства. Несмотря на указанные неточности, основной вывод, к которому пришел автор, совершенно правилен и прекрасно объясняет пестроту этнического состава современной Татарии. Большое внимание уделено спорному вопросу о мещарах. Здесь приведены почти все взгляды, начиная с высказанных Вельяминовым-Зерновым и кончая взглядами Куфтина и Толстова. В свете археологических материалов нельзя не отметить, что русская мещера может быть связана со значительным числом памятников рязанского течения Оки и могильниками типа Борковского, Кузьминского и Кошечеевского. К X—XII вв. это население в значительной мере слилось со славянами. Часть этих племен, расположенная несколько восточнее, испытала воздействие пьяноборской культуры. В течение длительного времени эти племена испытали воздействие Хазарского каганата, Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Совершенно понятен сложный состав мещеры, имеющей угрофинскую основу. Автор доводит исторический очерк до новейшего времени, захватывая и советский период.

Во второй главе — «Палеоантропологические данные к вопросам этногенеза татар среднего Поволжья» — автор дает разбор материала начиная со II тысячелетия до нашей эры. Здесь привлечены материалы Балановского, Полянского и Маклашевского могильников. Опираясь на исследования А. Н. Збруевой, автор устанавливает, что на территории Закамья в конце II — начале I тысячелетия до нашей эры обитало население, среди которого преобладал длинноголовый — европеоидный тип, родственный типу, распространенному среди населения степей эпохи срубно-хвалынской культуры (стр. 134). Следует отметить закономерность этого явления, так как описанные памятники находятся по течению рек Майны и Утки на северной границе распространения срубной культуры. Другой тип, характеризующийся монголоидными особенностями, Т. А. Трофимова выделяет в материале Луговского могильника. Такие же черепа, как отмечено, известны из Котловского могильника. Вместе с тем автор отмечает несколько черепов, имеющих черты метисации с длинноголовым европеоидным типом. Это положение крайне интересно и подтверждается выводами археологов. А. В. Збруева установила проникновение в Прикамье элементов степной культуры поздней бронзы и влияние ее на сложение ананьинской культуры.

С другой стороны, Т. А. Трофимова правильно отмечает и проникновение северных компонентов на юг. «Весьма вероятно, — пишет она, — что в эпоху ананьинской культуры все же была какая-то передвижка к югу монголоидного населения, связанного в своем генезисе с населением лесной полосы западной Сибири и известной в тех или иных антропологических типах в лесной полосе Восточной Европы со времени неолита» (стр. 136).

Вторая группа черепов, получившая характеристику в монографии, — это булгарские черепа золотоордынской эпохи. Автор отмечает их смешанный характер и указы-

² См. А. В. Збруева. Происхождение ананьинской культуры. «Краткие сообщения ИИМК АН СССР», № 9, М.—Л., 1941, стр. 40.

ет, что большая часть компонентов имеет древнее местное происхождение. Несколько неясным является происхождение короткоголового типа памиро-ферганского облика. Можно ли распространение его среди болгар связывать с древними сарматскими корнями или нужно приписать его появление в Волго-Камье Золотой Орде, — на этот вопрос пока ответа нет. Крайне интересен вывод автора, что монголоидные типы центральноазиатского происхождения, известные среди татар-монгол по описаниям современников, среди поволжских болгар XIV—XV вв. не устанавливаются (стр. 143). Сама интересна и следующие главы: «История исследования татар среднего Поволжья и материал данной работы»; «Анализ расовых признаков и сравнительная характеристика татар»; «Выделение типов путем межгруппового анализа и внутргруппового анализа». В них автор разбирает антропологический материал, собранный различными исследователями, начиная с Н. Малиева 1874 г. и кончая работами Дебеца 1935 г. Тщательный анализ и большое количество материалов делают выводы автора хорошо обоснованными и убедительными. Проведенный анализ позволяет автору перейти к основной проблеме монографии, изложенной в главе 7 — «Вопросы югенеза татар среднего Поволжья». В ней автор останавливается на вопросе о том, какие антропологические типы внесла Золотая Орда в состав позднейшего населения Волго-Камья и какие типы связаны с древнейшим автохтонным населением. Весьма интересно соображение о понтическом мезокефальном темном европеоидном типе, который связан со степной полосой и тяготеет к югу, что вытекает из палеоантропологических данных и подкрепляется историческими материалами, указывающими на тесные связи мадьярского и болгарского племенных образований, а также лингвистическими данными, подтверждающими связь среднего Поволжья с Северным Кавказом в эпоху Хазарского каганата (стр. 235). Это крайне интересное положение подтверждается археологическим материалом, полученным раскопками последних лет. На керамике, происходящей с городища «Великие Булгары», имеются черепки посуды, отлитой от руки, находящие аналогии в сарматском материале нижнего Поволжья и Прикубанья. В их числе миски с небольшим поддоном, во всех деталях повторяющие сарматские, ручки от сосудов в форме фигур животных, распространенные у сармат³ и в разной степени стилизации встречаемые у волжских болгар. Некоторые сосуды болгар в форме чаш с напленным валиком и коническими выступами заставляют вспомнить керамику Северного Кавказа эпохи раннего железа и поздней бронзы. Эти архаические черты, сохранившиеся в культуре волжских болгар до XIV—XV вв., являются доказательством связи с югом. Указанные черты не могут быть объяснены результатом торговых связей. Здесь можно говорить только о приходе с юга, из районов Прикубанья и Приазовья, из областей древней Булгарии, какой-то племенной группы, которая была достаточно большой, так как сумела в продолжение долгого времени среди чуждых племен сохранить свои этнические особенности.

Эта связь с югом, установленная на антропологическом, лингвистическом и археологическом материале, заставляет вспомнить сведения византийских писателей Феофана, Константина Багрянородного, Никифора Грегора, передающих о расселении болгарских племен. Другие компоненты, выделенные автором, явились результатом местного развития. В их число входит сублапоноидный компонент, сформировавшийся на базе метисации прикаспских монголоидов ананьинской эпохи со степным длинноголовым европеоидным типом. Этот компонент на территории среднего Поволжья распространен не только у татар, но также у удмуртов, в некоторых группах мари, русских, башкир и широко известен среди коми. Сюда же относятся светлые европеоиды, не являющиеся чуждыми на территории Волго-Камья. Этот компонент представлен среди трех лингвистических групп Волго-Камья: финнов, тюрков и русских. Наконец, монголоидный компонент южносибирского облика у татарского населения является следствием оседания на территории Волжско-Камской Булгарии кипчакских дружин. Подводя итог, автор отмечает, что образование татарской нации идет путем объединения различных групп, в глубоком прошлом относившихся к разным племенным объединениям.

«В настоящее время, в эпоху социализма, когда сняты классовые противоречия, уничтожены националистические предрассудки, устранены религиозные преграды, этот процесс идет все более ускоряющимся темпом. Потомки древних болгар, мадьяров и кипчаков Золотой Орды, сливаясь в один народ, строят свою национальную по форме, социалистическую по содержанию, единую культуру».

«Закключение» содержит изложение основных методологических положений советской науки по вопросам этногенеза, разработанным И. В. Сталиным, и критику расовых теорий, в частности пантюркизма. Краткий обзор теорий по вопросам соотношения расы, языка и национальности содержит изложение взглядов ряда ученых, в том числе имеющих огромное значение для антропологов трудов Н. Я. Марра.

Вся работа Т. А. Трофимовой убедительно опровергает один из основных тезисов пантюркистов о связи тюркоязычных народов с каким-либо одним расовым типом, монголоидным — южносибирским («туранским» некоторых авторов) или европеоидным брахицефальным — «альпийским». Сопоставляя данные антропологии с положениями Н. Я. Марра, установившего широкий ареал формирования тюркских языков не только

³ К. М. Ск а л о н, Изображение животных на керамике, Труды Отдела истории первобытной культуры, т. I, Л., 1941, стр. 173 и сл.

в Азии, но и на территории Восточной Европы, Т. А. Трофимова в своей работе показывает, что «тот ареал, для которого Марр отводит территорию образования тюркских языков... совершенно исключает возможность связывать с тюркскими языками какой-либо один расовый тип. Наоборот, концепция Марра предполагает наличие в зоне образования тюркских языков разнообразных расовых типов как монголоидного, так и европеоидного характера» (стр. 488).

Автор, твердо стоя на позициях учения И. В. Сталина о нации и положении Н. Я. Марра, прослеживает процесс этногенеза, разрушая миф о единстве рас, языка и нации. Он доказывает, что татарская национальность в ходе исторического развития сложилась «из людей различных рас и племен» (Сталин).

Результаты анализа краниологического материала целиком совпадают с тезисом Н. Я. Марра о формировании в Волго-Камье из одних и тех же яфетических племен тюркских, финских и русских групп. В работе убедительно доказана незначительность влияния монгольского нашествия на формирование состава населения казанских татар.

Работа стоит на уровне требований советской науки и соответствует основным положениям учения И. В. Сталина о нации. Положительной чертой является анализ антропологического материала в тесной связи с данными исторической науки.

Все содержание книги направлено против концепций пантюркистов и расовой теории. Незначительные недочеты не снижают большого положительного значения работы. Монография Т. А. Трофимовой представляет крупный вклад в советскую антропологию.

А. П. Смирнов

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Тешик-Таш. Палеолитический человек. Изд. МГУ, М., 1949¹.

Открытие стоянки и погребения человека мустьерского времени в горах Узбекистана имеет мировое научное значение и является блестящим доказательством не однократно высказывавшегося в советской археологической литературе мнения о существовании в Средней Азии следов древнейшей человеческой культуры и остатков самого человека. А. П. Окладников, вооруженный всеми достижениями советской археологии, сумел прекрасно реализовать это научное предвидение. Открытие скелета неандертальского человека «в сердце Азии» явилось вместе с тем торжеством советской идеи «стадиальности» в эволюции человека и окончательно лишило почву реакционные теории о биологической обособленности линии развития человека со временного вида.

Коллективная монография ряда выдающихся представителей различных отраслей советской науки, подготовленная к печати еще в 1940 г., но задержанная выходом в свет обстоятельствами военного времени, является выражением советского принципа комплексного изучения четвертичного периода, принципа, основанного на одном из основных положений диалектического материализма, требующего рассматривать природу «как связанное, единое целое, где предметы, явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обуславливают друг друга»².

Статья А. П. Окладникова наглядно демонстрирует высокое качество примененных приемов советской археологической техники, исходящей из рассмотрения объектов раскопок не как скопления предметов древности, а как памятника жизни и быта человека. Поэтому собранные А. П. Окладниковым коллекции орудий труда и предметов быта необычайно выигрывают в своём значении, будучи поняты, как элементы жилого и погребального комплекса. В приложенных к книге чертежах и рисунках наглядно выявляется образ жизни мустьерского человека. Эти чертежи могут быть непосредственно перенесены из «академического» издания на страницы массовой научно-популярной и учебной литературы. Можно без преувеличения сказать, что, несмотря на крупные успехи, достигнутые советской археологией в деле изучения раннего палеолита в других областях СССР, ни один памятник этого времени не дает столь яркого представления об образе жизни и формах хозяйства мустьерского человека, как грот Тешик-Таш. Не меньшее значение имеет установление факта существования погребального обряда. Факт этот не единственный, но нельзя не отметить, что раскопки А. П. Окладникова он вскрыт наиболее наглядно, и если для доказательства долгого время оспаривавшегося положения о существовании мустьерских погребений понадобится выбрать какой-либо один факт, то таким, без сомнения, будет результат раскопок в гроте Тешик-Таш. Всё это не «слепая удача» ученого, а закономерный результат применения высокой раскопной техники и методов исследования, основанных на принципах самой передовой в мире марксистско-ленинской исторической науки.

На основании добытых им материалов, в сопоставлении с результатами работ других исследователей, А. П. Окладников составил схему хронологии памятников ка-

¹ Коллективная монография А. П. Окладникова, В. И. Громовой, П. Б. Сусловой, Д. Г. Рохлина, Н. А. Синельникова и М. А. Гремяцкого

² «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 101.

ченного века в Средней Азии, являющуюся первым опытом этого рода. Его соображения о роли круга и солнца в идеологии первобытного человека заставляют вновь пересмотреть взгляд о связи солярного культа исключительно с земледельческим хозяйством.

Небольшие, но тщательно выполненные статьи В. И. Громовой и П. В. Сусловой о фауне грота Тешик-Таш приводят к важному и убедительно обоснованному выводу о сходстве мустьерского ландшафта среднеазиатской горной области с современным. Этот вывод оказалось возможным сделать на основе внимательного изучения экологии тех видов млекопитающих и птиц, кости которых были обнаружены в гроте. Неразрывная связь биологических исследований с изучением условий жизни организмов ещё раз привела к успеху, значение которого столь же велико для палеогеографии, как и для истории. Этот вывод ещё раз указывает на ложность концепций некоторых буржуазных антропологов и археологов, рассматривающих физическую природу неандертальца и мустьерскую культуру исключительно как продукт окружающей его географической среды. Результаты работы В. И. Громовой и П. В. Сусловой позволяют обосновать положение, что не только за последние тысячелетия, но и почти на всём протяжении истории человечества «географическая среда не может служить главной причиной, *определяющей* причиной общественного развития...»³.

Статья Д. Г. Рохлина о результатах рентгенологического изучения костей неандертальского ребёнка из грота Тешик-Таш является первым опытом подобного рода исследования. В западноевропейской антропологической литературе рентгенологические методы изучения костных остатков неандертальца применялись в гораздо меньших масштабах и почти исключительно в отношении зубной системы. Важным результатом работы Д. Г. Рохлина является установление слабого развития лобных пазух, что заставляет пересмотреть филогенетическое значение этого признака. Не менее существенно установление факта отсутствия концентрации продольных костных пластинок лишь во внутреннем отделе шейки бедра, как это имеет место у современных детей того же возраста. Это наблюдение приводит Д. Г. Рохлина к мысли о большей универсальности функций тазобедренного сустава, что, в свою очередь, является свидетельством значения моторики конечностей в формировании отличий современного человека от неандертальского и, следовательно, дальнейшим развитием идеи Ф. Энгельса о роли труда в развитии человека.

Морфологическое изучение костей скелета и, в частности, черепа тешикташского ребёнка, выполненное М. А. Гремяцким и Н. А. Синельниковым, отличается от обычных палеоантропологических работ новизной примененных приёмов исследования. Авторы, в особенности М. А. Гремяцкий, обращают внимание на десятки морфологических особенностей находки, многие из которых до сих пор ускользали от внимания исследователей. Не отказываясь от применения уже существующих приёмов описания, автор исследования о первом и пока единственном на территории СССР черепе неандертальца настойчиво ищет новые пути и методы, выполняя тем самым известные указания И. В. Сталина, данные им научным работникам СССР. Разработанный им приём определения площади прикрепления височной мышцы должен будет войти в стандартную программу описания черепов ископаемых людей, равно как и описание целого ряда других морфологических особенностей. Новизна примененных автором приёмов исследования сама по себе сокращает на данном этапе развития науки возможности для всестороннего сравнительного освещения, но является хорошей базой для будущих сравнительных исследований, результаты которых, несомненно, скажутся в дальнейшем. Поэтому работу М. А. Гремяцкого можно рассматривать как важный этап в развитии методов исследования палеоантропологических объектов и сравнительной краниологии человека вообще.

В целом сборник является крупным достижением советской науки и важным этапом в развитии палеоантропологии СССР. Это замечательное открытие советских археологов и антропологов высоко оценено советским правительством, присудившим основным авторам рецензируемого труда — А. П. Окладникову, М. А. Гремяцкому и Н. А. Синельникову премию имени И. В. Сталина.

Г. Дебец

НАРОДЫ СССР

А. М. Астахова, *Русский былинный эпос на Севере*, Петрозаводск, 1948, стр. 396.

А. М. Астахова поставила перед собой задачу рассмотреть судьбы русского былинного эпоса, бытующего и в наши дни у крестьян Севера. Она смотрит на свою работу как на «опыт суммирования наблюдений над былинным творчеством позднейшей эпохи, произведенных на материале всех основных былинных гнезд Севера» (стр. 7). В этом исследовании имеется ряд положительных сторон. Следует указать, например, на то, что А. М. Астахова отчетливо формулирует положение об идеальности и социальном значении русского героического эпоса и былин-новелл (см., например, стр. 372, 378 и др.), говорит об утверждении былинами значения труда как подвига.

³ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 113.

В центре внимания исследования стоит проблема творческой разработки сказателями традиционных былин и в особенности переложения ими в форму былин произведений, взятых из других жанров фольклора и из книг (последнему автор уделяет непропорционально большое место в своей работе). Основными тенденциями позднего этапа жизни традиционного эпоса автор считает углубление социальных противопоставлений, психологизацию образов, внедрение реально-бытовых деталей (стр. 377). Отмечается процесс циклизации и контаминации былин и изменения в отношении сказителей XIX—XX вв. к возможностям варьирования текста.

Отмечая свои расхождения с фольклористами «досоветского периода», А. М. Астахова опротестовывает установку «на выяснение степени сохранности сюжета традиционной былины» и выдвигает задачу изучения изменений в ней (стр. 3), «новые сюжеты» в эпосе. Как новообразования А. М. Астахова рассматривает традиционные сюжеты, возникшие на Севере, былины с местной тематикой, индивидуальные тексты северных сказителей, былинные пересказы сказок. Отметим попутно, что, несомненно, ко всему этому материалу не должен был бы применяться термин «новые сюжеты», так как это дезориентирует читателя, заставляя предполагать, что он имеет дело с какими-то уникальными находками. Впрочем, сам автор не очень строго придерживается этого термина и предлагает ряд других: «былины-сказки», «исторические поэмы», «условно-былины», — термины, которые, по ее собственному мнению, чрезвычайно расширяют само понятие былинного эпоса (стр. 242).

В отношении «новины» — эпических произведений на советскую тематику автор подчеркивает, что «главнейшей поэтической основой» их является традиционный эпос, хотя и не отрицает внедрения элементов других жанров. Материалы, приводимые по советскому эпосу, интересны, но рассуждения А. М. Астаховой о новинах не могут нас удовлетворить, так как в них не выявлено качественное отличие советского эпоса от дореволюционного. А. М. Астахова упорно ищет старое в новом, не замечая, что это старое не имеет определяющего значения. Нераскрытым остается большое идейное наполнение, актуальность содержания советского эпоса.

Ряд ценных наблюдений относится к вопросу о роли книги для бытования и изменений былин, для состава былинного репертуара определенной местности и у отдельных сказителей. Автор показывает, что «встреча сказителя с книгой влечет за собой обогащение местной эпической традиции новыми сюжетами и мотивами» (стр. 31). Одновременно прослеживается проникновение подлинных былинных текстов из книги в устное творчество, начиная с рукописных сборников XVII—XVIII вв., местных изданий, «дешевых изданий», школьных библиотек, печатных научных сборников былин. Существовало, в частности, указание А. М. Астаховой на то, что в случаях, когда опубликованные тексты подверглись литературной обработке, сказители, воспринявшие былинку из книги, путем сокращений и изменений снова возвращали текст в русло эпической традиции, отбрасывая несвойственные народному творчеству образы и поэтические приемы (см. детальное сличение былины, записанной от современного сказителя Туроева, с текстом из печатного свода былин Авенаруса. Можно, кстати, о данном сличении, — так же как и других, — заметить, что нецелесообразно было загружать книгу таблицами с двумя параллельными столбцами текстов).

Признавая распространенность факта переложения в былинную форму литературных произведений (как и произведений других фольклорных жанров), все же следует отметить, что А. М. Астахова в своем исследовании преувеличивает значение этого явления в былинном эпосе Севера. Преувеличение произошло потому, что почти все внимание сосредоточивается в данной книге на творчестве отдельных сказителей, на их индивидуальных попытках сложения «новых текстов», а не на изменениях в традиционном эпосе. А. М. Астахова не разграничивает достаточно четко эпос, прошедший горнило столетий, и новообразования. В результате мощная былинная традиция на Севере в основном обрисовывается в виде какого-то конгломерата различных вольных и невольных стилизаций под былины в собственном смысле слова. К тому же А. М. Астахова необоснованно поднимает на незаслуженную высоту многие «новообразования», совершенно игнорируя отсутствие в данных текстах художественных достоинств. Не замечается автором и то, что такие произведения, как, например, переложения М. С. Крюковой повестей В. А. Жуковского «Марьяна рожа» и «Три пояса», равно как ее же былинные пересказы сказок «Купеческая дочь и царь» или «Ждан-царевич», не имеют какой-либо идейной значимости.

Вообще к недостаткам работы следует отнести непропорционально большое внимание к малохудожественным, впервые сложным во время записи, былинным переложениям М. С. Крюковой литературных произведений и сказок. Имя сказительницы точно гипнотизирует А. М. Астахову, которая совершенно отбрасывает эстетический критерий. Крюкова в работе Астаховой заслоняет собой других сказителей. В исследовании, посвященном рассмотрению состояния всего русского былинного эпоса на Севере, М. С. Крюкову, — одаренную, но очень своеобразную сказительницу, — вообще не следовало бы ставить в центр. Ее творчество отличается от творчества других мастеров. Нельзя согласиться с утверждением А. М. Астаховой, что «новотворчество» М. С. Крюковой идет в русле эпического процесса, наблюдаемого в последние века на Севере, и лишь благодаря личным особенностям Крюковой выразилось в таких потрясающих размерах» (стр. 150), что оно «освещает аналогичные явления в прошлом и позволяет уяснить общие моменты процесса, его некоторые закономерности».

(стр. 280). Отождествление процессов, происходивших в народном творчестве дореволюционной России и наблюдаемых в социалистической действительности, антиисторично, обнаруживает недооценку коренных изменений, произошедших в стране после 1917 г., обусловивших подлинный расцвет искусства народа.

Интересны с точки зрения этнографического анализа былевого эпоса высказывания и наблюдения А. М. Астаховой над влиянием на эпос местной социально-экономической обстановки и географических особенностей Севера. Автор в принципе правильно рассматривает северные былины как общенациональный эпос, который приобретает специфические черты в местных условиях жизни Севера.

Однако, несмотря на правильный вообще подход к значению этнографического момента для понимания «реально-бытовых черт», заимствуемых эпосом из «местных исторических условий, местного быта, природы, верований», А. М. Астахова не разрешила проблемы с той полнотой, с какой бы хотелось, и не классифицировала материал достаточно последовательно. А. М. Астахова сама оговаривается, что наблюдения ее предшественников-собирателей и ее собственные даны ею лишь иллюстративно (стр. 93). Кроме § 11 (стр. 83—94), в III разделе «Развитие и варьирование образа» (параграф посвящен этой проблеме), отдельные высказывания и факты разбросаны в различных разделах и главах книги, попутно с рассмотрением других вопросов. Автором не сделано попытки обобщить свои наблюдения по этнографическим рубрикам и вывести общие закономерности. Сделать это было вполне возможно благодаря обилию материалов этого рода в былинах (например, занятия населения, жилища, средства передвижения, одежда, утварь, обычаи, семейный быт и т. д.). Отдельные наблюдения даны в случайном смешении (см. стр. 81—82).

Нельзя согласиться с автором и во взгляде на «опрошение» образов былин (стр. 80) как основы этнографического материала в былинах. А. М. Астахова не учитывает одного очень существенного момента: исторической преемственности культуры крестьянского Севера от древней Руси, единства многих элементов их материальной и духовной культуры (хотя и претерпевшей, конечно, изменения). Сохранность общенационального древнерусского эпоса на Севере обусловлена созвучностью его жизни быту северян (в дореволюционное время в особенности), почему былины с их образами и остаются, а не «становятся» (точно этого раньше не было!) в основном свежими и жизненными. Исчезают же и подвергаются «замене», как правильно указывает и автор, те образы, для которых нет питательной среды в местах бытования былин. Да и как можно говорить об «опрошении» образа? Это «опрошение» предполагает его зарождение в среде господствующих классов средневековой, что неверно и давно опровергнуто советской наукой. Былины и в средневековой Руси были достоянием широких народных масс. Одним из доказательств этого служит то, что они пришли на Север по путям освоения и колонизации его, т. е. в основном были занесены тем трудовым населением, в первую очередь крестьянством, которое принесло русскую культуру на Север. Об этом характере проникновения на Север былин говорит и сама А. М. Астахова (см. стр. 26). Однако, из указанного бесспорного положения выводов о характере самих былин автор не делает. Надо отказаться от этого термина, который как-никак связан с понятием «сниженной культуры». Этнографический материал былин, приведенный в книге «россыпью», достаточно убедительно говорит о принадлежности эпических песен трудовому русскому народу. Перед читателем вырисовывается яркая картина природы и быта Севера. Былины рисуют картины родной природы, основных занятий — земледелия, рыболовства, охоты, характерных для дореволюционной России средств передвижения, национальных русских жилищ, построек и т. п. В былинах русского Севера все это приобретает локальные северные черты, что в отдельных случаях фиксирует сама А. М. Астахова.

Особенно должен бы быть богат анализом этнографического материала в былинах раздел «Областные эпические традиции». От этого раздела читатель вправе ожидать раскрытия зависимости былинной традиции от особенностей исторической и общественно-экономической обстановки той или иной области Севера. Однако, именно этот раздел вызывает разочарование.

Основным положением А. М. Астаховой в отношении областных эпических традиций является утверждение, что уже «во второй половине XIX в. и в 1900-е годы все же в большей или меньшей мере определилось общее лицо каждого из основных очагов северной былинной традиции» (стр. 335). Казалось бы, раскрытием исторически складывающейся областной специфики и надо было вплотную заняться. Но на деле автор в подавляющем большинстве случаев подменяет необходимый анализ формалистическим констатированием различий в деталях сюжета, в комбинациях мотивов, указанием на введение в сюжет дополнительных персонажей, никак в большинстве случаев их не объясняя. Создается впечатление, что все эти частности, на которые механически расчленено органически цельное произведение народного творчества, управляются какими-то имманентными законами, не связанными с реальной действительностью. Что же приводит автор как характерные признаки «областных традиций», разделяя их вдобавок не по тематике, а по отдельным сюжетам? Перечислю их в том порядке, в каком А. М. Астахова дает их сама; перечень покажет, насколько они случайны, не связаны между собой и не равноценны по их значимости и обусловленности жизнью края: а) былина о бое Добрыни со змеем: убийство или отпущение змеи, а также плеть или три прутка, какими

Добрыня бьет змею; б) былина о Василии Игнатьевиче: действительный поход с татарами на Киев Василия Игнатьевича, задумавшего расправиться с боярами в северо-восточных районах (с. 344); в) богатыри на заставе: степень развернутости показа жизни богатырей на заставе в беломорских и печорских вариантах (стр. 345); г) былина о царе Соломоне: куда прячет царя Соломона его жена-изменица: в лареч или под перину; д) былина о Добрыне и Маринке: различия в колдовстве Маринки над Добрыней и т. п. Немудрено, что автор не приходит ни к какому выводу, так как проводимые сличения и сопоставления в большинстве случайны и малозначущи.

Этой главе предпослан краткий обзор взглядов различных собирателей XIX — начала XX в. на отличия в «областных эпических традициях»; А. М. Астахова указывает на несостоятельность взглядов А. Ф. Гильфердинга, А. Д. Григорьева, Н. Е. Онучкова (стр. 337—386); но она не вскрывает ложности их методологических позиций. Сама же А. М. Астахова произвольно ограничивает свою задачу «изучением местных типов обработок сюжета» с их композицией и «комбинацией мотивов» «как вступительным моментом» (стр. 339). «Идейная тенденция» различных типов «обработок сюжета», хотя и поставлена автором как отправный пункт своих исследований, остается в стороне.

Со стороны методики обработки материала, принятый для книги, нельзя признать целесообразным применение автором приема арифметического подсчета случаев того или иного фольклорного явления. Числа, которыми оперирует А. М. Астахова, чрезвычайно незначительны и случайны, зависят не от действительного распространения рассматриваемого явления, а от числа произведенных записей. При этом автор дает не приблизительный подсчет, а переводит это в проценты, в отдельных случаях доходя до указания десятых долей.

Следует указать также на небрежность применяемой терминологии. Более четко и оправданно должны быть выбраны некоторые термины; так, говоря о заимствовании из книжного источника какого-либо вновь составленного эпического текста, не следует называть связь между ними «генетической», — под этим термином подразумевается нечто совершенно иное, более сложный и органический процесс. Автору следует совершенно отказаться от встречающегося кое-где в книге термина «функция», ассоциируемого с положениями идеалистического функционального метода. Этот термин может быть заменен — судя по контексту — словом «роль», «значение», «смысл». Неудачно введение слов, подобных слову «облинивает» и «эпизурует» сказочный сюжет, применяемых автором. Русский язык богат, и его не надо засорять подобной терминологией.

Следует отметить разноречивость в системе ссылок на цитируемые сборники былин. Ссылки даются то в строке, то внизу страницы; фамилия собирателя или сказителя указывается то целиком, то несколькими первыми буквами; те же неровности имеют место и при указании тома. Все это создает утомительную пестроту.

Недостатки книги А. М. Астаховой «Русский былинный эпос на Севере» типичны для уже пройденного этапа нашей фольклористики. Надо все же сказать, что в целом эта работа содержит полезные материалы и наблюдения, которые разбивают взгляд на былевой эпос как на неподвижное, чуждое современности целое, полностью сложившееся в отдаленные века, с некоторыми невольными изменениями сохраняемое лучшими сказителями XIX—XX столетий. Книга показывает, что не только другие жанры фольклора, не только индивидуальная фантазия мастеров народного искусства, но и литература, печатное слово играли большую роль в формировании эпической поэзии.

Р. Лунец

П. А. Брюханов, *Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в I-й четверти XIX в.* Сборник трудов Пятигорского государственного педагогического института, вып. 1, Ставрополь, 1947.

Рецензируемая работа представляет собой переработанную главу кандидатской диссертации на тему «Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период его завоевания Россией и походы А. П. Ермолова в горы».

Объектом изучения автора явился ряд так называемых «вольных» обществ как предгорных, так и высокогорных районов, а равным образом и феодальные образования Дагестана.

Анализируя общественное устройство вольных обществ, П. А. Брюханов впервые в кавказской историографии показывает роль и значение общенародных собраний в жизни общества, права и обязанности отдельных должностных лиц — кадий, старост, картов, чаушей и других. Все сколько-нибудь значительные дела, как распределение пахотной земли, воды, выпас скота, организация общественных работ, военных походов, кровомщение, выбор должностных лиц и др., решались собранием всех совершеннолетних мужчин общества. Должностные лица являлись техническими исполнителями текущих дел общества и несли ответственность перед народным собранием. Ответственным лицом за повседневные дела селения являлся кадий, который, опираясь на шариат, старался поддерживать в селении спокойствие и порядок.

Роль посредников в судебных делах играли старшина и карты, являвшиеся лучшими знатоками адата. Исполнительная власть была сосредоточена в руках общественных представителей — чаушей.

В результате анализа общественного устройства вольных обществ Дагестана и констатации в них общенародных собраний, выборности и ограниченности власти старост и кадиев, автор приходит к неправильному выводу, что эти вольные общества в первой четверти XIX века представляли собой демократические республики. В подтверждение своего вывода П. А. Брюханов приводит длинный список авторов, большей частью из числа офицеров — участников русско-кавказской войны, оставивших заметки и записки о Дагестане и пришедших к аналогичному заключению (князь Аргутинский, Паскевич, подполковник Кузьминский и др.).

Для всех феодальных образований Дагестана П. А. Брюханов ограничивается констатацией наличия в них также народных собраний, самостоятельное значение которых уменьшилось в связи с правом феодала отменять любое решение собрания.

Подняв громадный архивный материал, как-то дела Центрального Государственного военно-исторического архива, Ленинградского центрального архива народного хозяйства, Центрального архива внутренней политики, культуры и быта, Государственного архива феодально-крепостнической эпохи и др., приведя массу интересных деталей, автор в значительной мере оказался в плену у своих источников.

П. А. Брюханов, взяв объектом изучения весь Дагестан в целом, не учел основной особенности общественно-экономического устройства народов Дагестана до завоевания их царизмом, а именно, крайней пестроты укладов на сравнительно небольшой территории, объясняемой низким уровнем развития производительных сил и изолированностью отдельных частей Дагестана. Различные вольные общества Дагестана в зависимости от их экономических, географических и исторических условий находились на различном уровне социально-экономического развития. Наиболее изолированные части Дагестана, которые были отрезаны в течение почти всего года от внешнего мира, в условиях невозможности развития земледелия, характеризовались более примитивным общественным строем (высокогорные аварские общества и др.). Развитие феодальных отношений в них только намечалось. Народные собрания, являясь основным органом народоправства, управляли всей жизнью общества. Исполнительная власть (старейшины, беговолы, чухби, кадии) была подчинена этому собранию. Лица, нарушивших решение собрания, облагали штрафами, наказывали, либо изгоняли из общества.

Менее изолированные районы Дагестана характеризовались более сложными общественными отношениями. Здесь возникали союзы вольных обществ (Шахурский, Даргинский и др.), в которых территориальные отношения вытеснили отношения родоплеменные; земля являлась собственностью общины, появились союзные власти. Общенародные собрания, продолжая решать вопросы войны, мира, выбора должностных лиц, утратили во многом свой демократический характер. Большой вес приобретает выбранная из числа членов знатных родов администрация, противопоставляющая себя свободным общинникам. В раннефеодальных образованиях (владения уцмиев) народ формально продолжает выбирать администрацию и решать вопросы общественной жизни на общих собраниях, фактически же власть принадлежит знати. В большей степени это наблюдается в развитых феодальных образованиях (ханствах, шамхальстве), где феодал имеет право отменить любое решение народного собрания или принять новое.

Иными словами, вольные общества, а равно и феодальные образования Дагестана, не стояли на одной ступени общественно-экономического развития.

Недооценка неравномерности развития отдельных частей Дагестана привела П. А. Брюханова к неправильному утверждению, что вольные общества Дагестана в первой четверти XIX века были небольшими по размеру демократическими республиками. Как известно, республика — политическая форма организации классового общества, причем, как подчеркивал В. И. Ленин, это «та форма государственного устройства, в которой классовые отношения выступают в наиболее неприкрытой форме»¹.

Все факты, приводимые П. А. Брюхановым в подтверждение наличия в обществах Дагестана республиканской формы правления (народные собрания, выборность должностных лиц и др.), свидетельствуют, напротив, о сильных пережитках родо-племенных отношений.

Общественно-экономический строй Дагестана в целом следует сопоставить с общественным устройством Крыма и Азербайджана, которые, согласно характеристике И. В. Сталина, не ушли дальше первобытных норм полупатриархального-полуфеодального быта, хотя в некоторых частях возникли уже феодальные образования.

З. Никольская

П. Т. Сперанский. *Татарский народный орнамент*. Татгосиздат, Казань, 1948.

Рецензируемый альбом состоит из 27 красочных таблиц и вводной статьи заслуженного деятеля искусств Татарской АССР П. М. Дульского. Введение на русском

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 332.

и татарском языках дает характеристику народного орнамента, вкуса и любимых цветовых особенностей. Отправляясь от этого положения, автор введения обращается к истории, к вопросу происхождения казанских татар. В последнем вопросе он всецело стоит на позициях, обоснованных на сессии Отделения истории и философии АН СССР в апреле 1946 г. (опубликовано в «Советской этнографии», 1946, № 3). Предшественниками татар Поволжья были булгары, объединившие многочисленные местные племена. В поисках корней современного татарского народного искусства автор введения обращается к памятникам прикладного искусства волжских булгар. Он находит сходство с орнаментом на изделиях из металла и камня. Много общего видит он между орнаментацией эпиграфических памятников и современной резьбой по камню. Широко привлекая археологический материал эпохи булгарского царства, П. М. Дульский отмечает сложность формирования самого булгарского искусства, впитавшего в себя различные влияния и творчески их переработавшего. Он особо подчеркивает близкое общение булгар, а потом татар с русскими. «Многому татары учились у своего старшего собрата, русских, и это только способствовало росту культуры татарского народа». Автор подчеркивает и обратное воздействие на русских и отмечает восточные мотивы в орнаментике булгар, приходя к заключению о сложном составе булгарского искусства.

Предпослав такой очерк формирования татарского искусства, П. М. Дульский переходит к анализу самого орнамента. Он разбирает типы орнаментов, проследившая глубокие корни некоторых из них, выходящие из рамок булгарского искусства. Наиболее распространенными являются растительные узоры, значительно реже встречаются сильно стилизованные изображения животных, характерные для некоторых из ювелирных изделий. Автор останавливается на вышивке и тканом орнаменте, который в значительной части относился к одежде и иногда представлял особенности ритуального характера. Он отмечает технику татарской вышивки, указывая, что она не имеет большого разнообразия и самым распространенным является тамбурный шов, имеющий за собой многовековую историю и считающийся характерным для татарской вышивки. Другой большой категорией является орнаментация кожаных изделий. В статье отмечены приемы работы по коже, дающие нарядные вещи, особенно в женской обуви и декоративных предметах домашнего обихода. Особую группу составляют орнаментация путем ткачества. Эти узоры в виде геометрических фигур отчасти родственны искусству мари, мордвы, удмуртов, а также чуваш и белорусов.

Во втором разделе вступления даны биографические сведения и краткая характеристика творчества заслуженного деятеля искусств РСФСР и ТАССР П. Т. Сперанского и разбор отдельных произведений прикладного искусства, помещенных в альбоме. Первое место из них отведено вышивке, играющей большую роль в оформлении жилища. Художник П. Т. Сперанский, естественно, уделил этому виду искусства большое внимание. Интересны и оригинальны узоры, применяемые в орнаментации кожаных изделий,—искусство, имеющее долгую историю. Автор введения дает также характеристику тех изменений, которые внесла в искусство Великая Октябрьская социалистическая революция. Область декоративного национального творчества, в которой орнамент играл доминирующую роль, стала развиваться на основе реалистических исканий. Сама жизнь, богатая новой тематикой, стала вдохновлять мастеров сюжетами советской героики и образами любимых вождей.

В целом статья правильно ориентирует читателя в истории сложения татарского орнамента. Основываясь на последних положениях, выработанных сессией Отделения истории и философии по этногенезу казанских татар, автор справедливо ищет корни у местных племен, объединенных в X в. государством волжских булгар.

Самый альбом представляет интерес не только для художника, давая ему в руки первоклассные образцы орнаментальных узоров, но и для этнографа и археолога. Первые четыре таблицы отведены образцам гобеленов с портретами В. И. Ленина, И. В. Сталина, с изображением ордена Победы и шитью тамбуром (государственный герб СССР). Затем дана значительная группа образцов растительных узоров. Данные в трех таблицах образцы художественного ткачества по своим узорам близки аналогичным изделиям соседних народов Поволжья и подчеркивают многие общие элементы, составившие культуру различных народов Поволжья (таблицы 20, 21, 22). На ряде таблиц орнамент заставляет вспомнить некоторые изделия волжских булгар X—XIV вв. Так, изображения розеток и лилий на табл. 9, центрального цветка на табл. 12 и 13 и розетки на табл. 17 весьма близки орнаментации металлической и поливной посуды булгар. Особенно близки древним образцам хорошо подчеркивающие булгарские корни в современном татарском искусстве орнаменты, переданные на таблицах 25 и 26. Не только расположение орнамента, но и форма вещей и ее деталей напоминают металлические пластинки и матрицы.

Говоря о древних элементах в публикуемых вещах, следует отметить, что эти последние отнюдь не представляют копий старых изделий. Сходство это отдаленное, так как время неизбежно наложило свой отпечаток и старые образцы изменились вместе с культурой татарского народа. Тем не менее сходство это улавливается и оно интересно для историка, еще раз подчеркивая связь между волжскими булгарами и казахскими татарами.

Настоящим изданием Татгосиздат положил начало ценному делу, знакомя широкую советскую общественность с культурой казанских татар. В целом таблицы выполнены хорошо, но отдельные из них оставляют желать лучшего. К неудачным следует отнести таблицы 3, 16, 17, 19, 25.

Альбом «Татарский народный орнамент» найдет заслуженное признание у всех занимающихся народным творчеством и историей.

А. П. Смирнов

Киргизский национальный узор. Материалы собраны и обработаны художником М. В. Рындиным. Под общей редакцией академика И. А. Орбели. Вступительная статья А. Н. Бернштама. Издание Киргизского филиала Академии Наук СССР и Государственного Эрмитажа, Ленинград — Фрунзе, 1948. 39 стр. текста и 70 таблиц, в том числе 19 цветных.

Изобразительное искусство народов Средней Азии привлекает внимание и деятелей советской науки и представителей искусства далеко не равномерно. В особенности это относится к публикации образцов народного искусства. Если не считать отдельных воспроизведений туркменских ковров и некоторых изделий народных мастеров Узбекистана, Таджикистана и т. д., лишь казахское изобразительное искусство представлено специальной публикацией в виде альбома «Казахский народный орнамент» (зарисовки худ. Е. А. Клодта, вводная статья и примечания В. Чепелева), выпущенного в 1939 г. издательством «Искусство».

Опубликованные за последние 20 лет образцы киргизского орнамента (в работах С. М. Дудина, М. С. Андреева, М. Ф. Гаврилова, Б. В. Веймарна, В. Н. Чепелева, А. А. Ромма и др.) даны в большинстве случаев в штриховых рисунках и фотографиях, сопровождались краткими пояснениями и некоторыми общими соображениями. Отсутствовали попытки систематического рассмотрения образцов киргизского узора и их полноценного научного и художественного анализа за исключением интересной и содержательной, но недостаточно подкрепленной конкретным материалом статьи В. Чепелева¹; имелись лишь единичные воспроизведения узора в цвете.

Новая публикация киргизского орнамента не ставит себе задачей дать развернутую демонстрацию образцов этого орнамента. Мы имеем дело с публикацией совершенно особого (и притом нового) типа, который с полным основанием может быть назван «аналитическим». Вся структура рецензируемой книги, расположение иллюстративного материала, его подбор в таблицы говорят об аналитическом подходе авторов и составителей книги. Рецензируемое издание представляет собой не обычный альбом с пояснениями, а стройный научно-художественный труд, ставящий перед собой определенные творческие задачи и стремящийся к их разрешению — и средствами аналитическими (в частности методом подбора исходного материала) и приемом историко-художественных обобщений.

Книга распадается на две части. В первую входит обстоятельная, насыщенная большим и разнообразным фактическим материалом и теоретическими выводами вступительная статья А. Н. Бернштама «Киргизский народный повествовательный узор», сопровождаемая ценными примечаниями (свыше 70), содержащими почти исчерпывающую библиографию вопроса (стр. 3—27). Вторая часть состоит из краткого предисловия худ. М. В. Рындина («От автора»), описания таблиц (стр. 31—39) и, наконец, самих 70 таблиц. Таблицы сгруппированы в шесть разделов: I — Образцы киргизского орнамента (табл. I—IV), II — Цветовые композиции (табл. V—XIII), III — Основные элементы (табл. XIV—XXXIX), IV — Реалистические сюжеты (табл. XL—XLI), V — Эволюция киргизского узора (табл. XLII—XLVII) и VI — Система повествований и комбинаций (табл. XLVIII—LXX). Два первых раздела полностью даны в цвете, остальные воспроизведения в цвете даны в разделе VI (5 таблиц) и в разделе III (1 таблица).

В основу всего издания положены богатые материалы, собиравшиеся в различных районах Киргизской ССР покойным художником М. В. Рындиным в течение десяти лет напряженного творческого труда. Смерть помешала М. В. Рындину завершить полностью его труд, придать ему законченную форму. Проф. А. Н. Бернштам не только своевременно оценил искания М. В. Рындина, не только помог М. В. Рындину осознать значение своей работы и намечил пути и методы ее углубления и раскрытия, но и взял на себя труд по руководству подготовкой к печати материалов М. В. Рындина и по организации их издания, сумев заинтересовать в нем и Киргизский филиал Академии Наук СССР и Государственный Эрмитаж. Академик И. А. Орбели проявил большой интерес к изданию книги и принял на себя ее общую редакцию.

Остановимся на предвещающей альбом статье А. Н. Бернштама. Вслед за изложением содержания альбома М. В. Рындина А. Н. Бернштам касается некоторых сторон техники орнаментации. Основные, принципиальные положения автора содержатся в III главе его статьи (стр. 8—16). Развивая мысль М. В. Рындина, назвавшего киргизский орнамент «изобразительным фольклором», и в особенности идеи

¹ См. журн. «Искусство», 1939, № 5.

В. Чепелева о богатой образности в киргизском народном творчестве и о близости киргизского орнамента к «пейзажному жанру узора», А. Н. Бернштам широко аргументирует свой тезис, утверждающий повествовательный характер киргизского узора. По его мнению, «киргизский узор выступает как лаконичное, но выразительное воспроизведение реальной действительности, не исключающее образности и декоративности» (стр. 16). Этот свой тезис, основанный на анализе обширного материала, представленного в альбоме, А. Н. Бернштам подкрепляет очень интересным, но к сожалению, слишком сжатым очерком исторического развития киргизского изобразительного искусства в его генетической связи со скифским искусством, «наиболее псздными носителями» которого автор считает именно киргизов.

Во вступительной статье А. Н. Бернштама указывается, что М. В. Рындин был прежде всего собирателем орнамента, что в его материалах «отражены не только собственно этнографические материалы, но и творческая работа киргизок-вышивальщиц Токмакской артели» (стр. 3), что «было бы преувеличением искать в каждой орнаментальной композиции сквозной сюжет...» (стр. 15) и др.

На качестве богатого иллюстративного материала отрицательным образом сказалось то, что М. В. Рындин не был этнографом, не обладал даже минимальной подготовкой для правильной научной фиксации собираемых им материалов. К своим зарисовкам он подходил как художник, не придавая серьезного значения выработанным наукой приемам документации. Поставив перед собой основную цель — разложить орнаментальные композиции на составные элементы, проследить законы сочетания последних и вскрыть этим путем внутреннее содержание орнамента, М. В. Рындин видел свою задачу (в плане документации материала) преимущественно в записях терминологии для «основных элементов». Со слов М. В. Рындина известно, например, что прекрасная цветная композиция № 1 на VII таблице зарисована им с отворота на кожаных сапогах с мягкой подошвой («чюкой»), а композиция № 3 на той же таблице — с каймы на подоле женской юбки («беддемчи»). Тем не менее альбом издан без необходимой минимальной документации.

Направленность иллюстративного материала ощущается во всей полноте уже во II разделе альбома, посвященном цветовым композициям. На таблицах VII—IX и XII—XIII воспроизведены композиции с реалистическими сюжетами (изображение оленей, архаров, верблюдов, козлов, фазанов и др.). Часть этих композиций никак нельзя назвать «типическими» для киргизского орнамента в целом. Например, композиции, помещенные на XII—XIII таблицах, вообще производят впечатление образов случайного, а возможно и не киргизского происхождения. К сожалению, судить об этом весьма трудно из-за отсутствия «паспортных» данных, на чем мы остановимся ниже.

Одно из центральных мест в альбоме занимают 26 таблиц, дающих представление об «основных элементах» киргизского узора (табл. XIV—XXXIX). Понятие «основного элемента» введено М. В. Рындиным, которому удалось выявить 173 таких элемента и свыше 3500 их сочетаний. Мы полагаем, что чрезмерно широкое пользование этим приемом анализа узора может привести к механическому расчленению и обеднению того сложного и целостного художественного явления, каким является орнамент. Да и самое понятие «основного элемента» приходится признать несколько неопределенным и весьма условным. В основу этого понятия положены «нерасчленяемые образы» (стр. 6). Мы насчитали более полутора десятков «основных элементов», которые никак нельзя назвать «нерасчленяемыми образами». Таковы, например, №№ 3 и 5 на табл. XXI, №№ 1 и 5 на табл. XXIV, № 6 на табл. XXVI, №№ 5 и 7 на табл. XXIX и т. п. Таковы также почти все узоры на табл. XXXI. Все эти и подобные им «основные элементы» могут быть в свою очередь разложены на более простые элементы, которые мы найдем в этих же таблицах.

В связи с понятием «основного элемента» необходимо сказать и об осмыслении отдельных элементов узора самими вышивальщицами. Уже А. А. Ромм обратил внимание на то, что среди киргизского населения одни и те же элементы узора обозначаются по-разному. Он привел в качестве примера различные названия одного узора у А. Фелькерзама и М. Гаврилова². Подобные примеры можно было бы увеличить во много раз. Об этом говорят и некоторые материалы, собранные нами в Тогуз-Тороуском районе Тянь-Шанской области и в Наукатском районе Ошской области. Так, прямая линия, обозначающая у М. В. Рындина (табл. XXXVI, рис. 8) элемент «желобок» («кубул»), была названа в Тогуз-Тороуском районе (колхоз «Кожбулак») Анаркүл Алимбековой «рекой» («суу»), а узор, помещенный на табл. XXXVIII (рис. 1) и якобы имеющий постоянное наименование «мүйүз» («рог»), был нами зафиксирован на бордюре войлочного ковра («шырдак») и назван опытной вышивальщицей Атымбүбү Торгоевой (в том же районе, колхоз «Арал») как «сынгарийин» («одиночная нора») (см. рис. 1 на прилагаемой таблице). Кстати, так же Анаркүл Алимбековой была названа целая самостоятельная орнаментальная композиция. Приведенный на табл. XXXII (рис. 8) элемент «рога горного барана» («кулжанын мүйүзү»), в Кичик-Алае (Наукатский район) носит название «кочкорок» («мо-

² А. Ромм, Очерк истории изобразительного искусства Киргизии, М.—Л., 1941, стр. 36, 37.

лодой нехолощеный баран») (см. рис. 2 на прилагаемой таблице); узор, сходный с элементом «оттук» — «огниво» (рис. 3, табл. XXXVII), носит в том же Кичик-Алае (по словам С. Шерипбековой) название «ысылым» (см. рис. 3 на прилагаемой таблице), аналогичное отмеченному М. С. Андреевым у памирских киргизов и известное у многих мусульманских народов как «ислими»³. Одна вышивальщица упомянутым Атымбүбү, термином «бадамча» («миндалинка») назвала два различных узора, не говоря уже о том, что у другой осведомительницы — Каламкаш Суранчиевой (Тогуз-Торууский район, колхоз «Дөдөмбөл») целая композиция носит то же название «бадамча».

Приведенные нами примеры говорят о том, что проникновение в смысловое содержание узора исключительно на основании современного толкования и осмысления отдельных элементов узора и их сочетаний различными мастерами и мастерицами сопряжено с риском впасть в ошибку. О том, к чему может привести недоразумение с названием узора, свидетельствует пример с одним из узоров, помещенных в табл. XXXVIII. Узор № 3 обозначен под термином «чач тенге» («серебряные подвески на женских косах»). В наших материалах зарисована серебряная пуговица с почти аналогичным узором. Вероятнее всего, узор № 3 был зарисован на серебряной подвеске к косе («чач тенге»), и художник на вопрос о названии этого узора получил ответ: «чач тенге», относившийся не к узору, а к назначению предмета. Этот узор, помещаемый на различных серебряных изделиях, повидимому, не имеет собственного названия, приобретаая название того предмета, на который он нанесен, но он оказался без достаточных оснований включенным в число узоров, имеющих постоянное наименование.

Особая сложность вопроса о названиях элементов состоит в том, что мы имеем дело с позднейшим осмыслением, вернее, с многократным переосмыслением орнаментальных мотивов. М. В. Рындин сам указывал: «Только старейшие мастера Киргизии знают и хранят в своей памяти названия отдельных частей киргизского узора и смысловое понимание композиций»; и далее: «...мы еще раз убедились, что смысловое значение киргизского узора, за исключением старейших мастеров, окончательно утеряно, и мастера наших дней, хотя и выполняют узор на различного рода вещах, но выполняют механически, без учета смыслового содержания»⁴.

В это в общем верное замечание необходимо внести ту поправку, что названия значительного числа элементов узора известны сравнительно широкому кругу лиц, а не только «старейшим мастерам»; что же касается «смыслового понимания композиций», то оно, повидимому, является достоянием единиц. Об этом свидетельствует собственное признание М. В. Рындина («От автора», стр. 29) о том, что именно заслуженная вышивальщица Сура Асарбекова помогла ему проникнуть в смысловое значение киргизского узора. Принимая все это во внимание, можно прийти к выводу, что первичное значение подавляющего большинства элементов киргизского узора уже давно утрачено и современные их названия являются продуктом творческого осмысления не столь уж далеких поколений.

Находя «лексическую документацию» материалов, помещенных в альбоме, в общем удовлетворительной, отметим, что в ней имеется значительное число опечаток и неточностей (связанных, в частности, с последовательным применением некоторых знаков киргизского алфавита и с отсутствием диакритического знака для смягчения некоторых гласных), а также и отдельных ошибок. Так, слово «тее» (стр. 33) означает не верблюда, а «вот тот; вон там» (верблюд — «төө»); слово «тулк» (там же) означает не лисицу, а «все; весь; целиком» (лисица — «түлкү»); слово «кун» (стр. 31) означает не солнце, а «вира» (солнце — «күн») и т. д. Берцовую кость называют не «кашка-жилик», а «жото-жилик» (стр. 32); «карлыгач» (правильно: «кардыгач») — не ласточка, а стриж (ласточка — «чабалекей»); «улар» — не горная куropатка, а горная «индейка» (стр. 34) и т. п.

Однако одной этой документации, разумеется, абсолютно недостаточно, чтобы судить о материалах, представленных в таблицах, и делать на их основании полные выводы. Прежде всего, за исключением двух воспроизведений (табл. LXVIII и LXIX), обладающих «паспортом», мы почти не имеем никаких сведений о том, где зарисован данный орнамент или его элемент, или так называемое «повествование»; не знаем — на каком, кому принадлежащем предмете, кем, при помощи какого технического приема нанесен орнамент или его элемент (вышивка, аппликация, ткань, тиснение по коже и т. п.); только в таблице LXX имеется указание на масштаб. Уже на табл. II непосвященный читатель сталкивается с непонятным для него предметом («тушкийиз») треугольной формы. Остаются загадкой предметы, к которым относятся образцы на табл. II (рис. 2), на табл. III, табл. VI—VIII, X—XIII.

К сожалению, и те «паспорта», которые даны к LXVIII и LXIX таблицам, мало удовлетворяют. Возьмем повествование 47. В нем есть указание на колхоз «Бастангаил»; на самом же деле есть колхоз «Бостон-кайын». В «паспорте» имеется только имя колхозника, нет ни фамилии, ни указания на племенную принадлежность; нет сведений о предмете, на котором сделана вышивка, и т. д. В легенде к повество-

³ М. С. Андреев, Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира, Ташкент, 1928, стр. 39.

⁴ М. В. Рындин, Киргизский узор. Труды Киргизского филиала Академии Наук СССР, т. I, вып. 1, 1943, стр. 144.

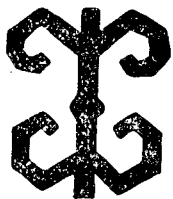
ванию 48 не указан даже район, в котором расположен перевал со стоящей на нем охотничьей юртой (кстати, приведенное название перевала надо читать, повидимому, как «Сары-камыш»). Отсутствуют и некоторые другие важные данные.

Отсутствие сведений о месте происхождения и времени изготовления орнамента сильно снижает ценность иллюстративного материала, ибо мы имеем в составе киргизского народа две крупные племенные группировки — южную и северную, в бытовом укладе которых наблюдаются комплекс своеобразных особенностей, находящих свое отражение в различных областях и материальной и духовной культуры. В эти двух группировках могут быть различными как истоки орнаментальных форм, так и позднейшие их модификации, вызванные культурными связями с разнородными цивилизациями. Даже немногие имеющиеся публикации показывают, что при наличии общности орнаментальных мотивов на севере и на юге Киргизии наблюдаются и значительные расхождения.

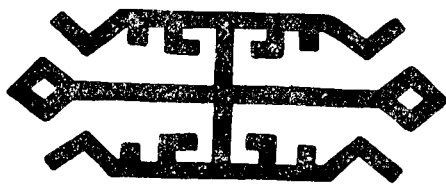
Далее, отсутствие каких-либо намеков на хронологию, если не считать табл. XXXIX, лишает возможности отграничить новообразования и позднейшие заимствования, переработки от устойчивых старых форм, мотивов и сюжетов. В этой связи необходимо подчеркнуть замечание А. Н. Бернштама (стр. 4) о фиксации М. В. Рындиным творческих поисков мастериц Учебно-производственного художественного комбината. В альбом оказались включенными и образцы узоров и композиций, созданных мастерицами комбината. Следовательно, альбом фиксирует в одной плоскости, без оговорок, и образцы, типичные для массового народного творчества, и образцы профессионального искусства, на котором, несомненно, сказалось знакомство с современными формами изобразительного искусства.

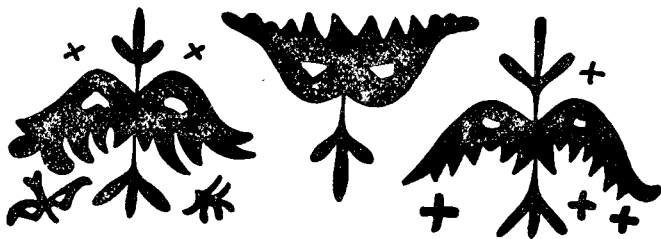
1

2

3

4

Возвращаясь к «основным элементам» и оговариваясь, что мы не имеем возможности остановиться на некоторых ошибках в их трактовке и объяснениях, укажем на существенный, на наш взгляд, недостаток в этом исходном материале для следующих из него важных выводов. Дело в том, что решает в конечном счете не число тех или иных «основных элементов» или их сочетаний, а степень их распространения, степень повторяемости в разных композициях. В состав «основных элементов» могло войти не мало крайне редких, а возможно и просто единичных форм, не говоря уже о вполне профессиональных композициях типа рисунков № 2, № 4 и № 5 на XXXI таблице. Отсутствие критерия «повторяемости» заставляет с чрезвычайной осторожностью подходить к препарированию смыслового содержания орнамента. Между тем у составителя альбома была возможность установить хотя бы приближенно соотношение «основных элементов». Мы подсчитали, что в 48 опубликованных «повествованиях» имеется всего 67 элементов, причем около половины их (31 элемент) не повторяется, т. е. встречаются только

один раз, 20 элементов повторяются по два-три раза, 11 элементов повторяются по 4—5 раз и лишь 5 элементов повторяются свыше 5 раз (элементы: «лист», «решетка, образующая стены юрты», «рога горного барана», «юрта», «родник»). Естественно, что такая значительная группа не повторяющихся элементов заставляет насторожиться, ибо вряд ли здесь имеет место только простая случайность, хотя можно допустить, что некоторая часть ныне редко встречающихся элементов в прошлом имела иной удельный вес. Этим примером мы хотели лишь показать, какое значение следует придавать указанному выше недостатку.

Прежде чем перейти к анализу наиболее ответственной части альбома — системе повествований и комбинаций, остановимся кратко на IV и V его разделах. В разделе IV некоторые изображения животных производят впечатление рисунков художника-профессионала, а не узоров, исполненных руками вышивальщиц. Мы решаемся высказать предположение, что М. В. Рындин не удержался от соблазна придать во многих случаях недостаточно отчетливым по контуру реалистическим узорам вполне законченную художественную форму.

Очень оригинальным мы считаем V раздел альбома, в котором художник попытался наметить эволюцию некоторых элементов киргизского узора. Однако на этом разделе лежит печать известной недоработанности и слишком поспешных построений автора. Если вполне правдоподобными кажутся построения эволюции узоров «верблюдов», «корова», «фазан», «посуда для кумыса», то эволюция остальных узоров менее убедительна, а построение эволюции узоров «ветка», «козел» производит впечатление искусственно подобранных отдельных изображений. Остается, однако, не вполне понятным: на чем построена эта система эволюции узора? Существуют ли в действительности, реально все исходные формы эволюции, а также некоторые промежуточные формы, или в отдельных случаях художник «дополнял» отстающие звенья этой эволюции узора своими предположениями? Вызывает, например, сомнения наличие некоторых форм узора «фазан».

Несмотря на отмеченные недостатки, нужно признать принципиально важной самую идею эволюции узора, подчеркнутой М. В. Рындиным, подтверждающейся и вашими материалами (см. рис. 4 на прилагаемой таблице — вышивка на бархатном бердоре полотнища, служавшего для украшения в доме Бүдүра в колхозе «Дөдөмбл» Гогүз-Тороуского района).

Здесь мы должны обратить внимание на досадную опечатку, в результате которой оказались неправильно вклеенными и пронумерованными таблицы XLII—XLVII, входящие в V раздел альбома. Таблица, обозначенная как XLII, на самом деле является таблицей XLVII и должна находиться в конце раздела, а таблица XLIII должна иметь другую пагинацию (XLII) и помещаться в начале раздела. Соответственно требует исправления пагинация остальных таблиц, вклеенных по порядку (т. е. вместо XLIV нужно XLIII, вместо XLV нужно XLIV и т. д.).

Наше рассмотрение альбома мы закончим обзором наиболее интересного заключительного раздела.

Как бы ни казались дискуссионными выдвинутые автором альбома и поддержанные А. Н. Бернштамом общие положения о киргизском узоре в целом как воспроизведении реальной действительности, необходимо признать, что элементы повествовательности в киргизском орнаменте, безусловно, имеются. При всех очевидных недостатках и натяжках в трактовке ряда «повествований» (на отдельные мы укажем ниже), в целом приведенный в альбоме материал достаточно убедительно доказывает существование определенных закономерностей в комбинации отдельных элементов, позволяющих допустить возможность их сюжетного осмысления. Трудно было бы объяснить толкование многих комбинаций элементов только как вывод из случайных совпадений или простую игру воображения. Тем не менее остается все же без ответа ключевой вопрос для решения проблемы в целом: является ли осмысление этих комбинаций как специфически повествовательного орнаментального жанра коллективным представлением (хотя бы и сохранившимся в рудиментарной форме) или единичным, индивидуальным восприятием повторяющихся орнаментальных мотивов отдельными мастерами? Но и в том виде, в каком материал представлен в альбоме, он возбуждает огромный интерес.

Знакомясь с «повествованиями», мы видим, в частности, что некоторые из них ничем не отличаются от уже известных читателю «основных элементов». Таковы «повествования» №№ 1, 2, 9. Отдельные «повествования» носят надуманный или мало правдоподобный характер. К ним можно отнести №№ 13, 16, 19, 23, 32 и др. Разберем, например, «повествование» под № 26. Оно означает: «Человек с обильным жемчужным украшением». Элемент «обильное жемчужное украшение» (кстати, понятие «обильное» в названии элемента — «бермет жасалга» — отсутствует) на табл. XXIX показан в виде цепочки круглых фигур; в «повествовании» он дан в виде точек, расположенных по кругу. Элемент «человек» (отметим, что этот элемент абсолютно идентичен элементу, обозначающему юрту, — таблица XXXVI) нам знаком в виде квадрата (табл. XV), а в «повествовании» это уже фигура несколько иной формы, причем заключенная в круг. Все вместе взятое (как и «повествования» №№ 13 и 19) плохо вяжется с той весьма скромной ролью, какую жемчуг играл в прошлом в киргизских украшениях. Жемчужные, да еще обильные украшения могли быть достоянием только очень богатых людей, а узор отражает типическое.

Возьмем, далее, «повествование» № 31. Надуманность этого «повествования» видна уже из того, что наличие элемента «подкова» заставило его автора особо подчеркнуть мало характерный момент, поскольку подковывание лошадей было в прошлом сравнительно редким явлением. Кроме того, на пирях, насколько нам известно, играли на щипковых, на смычковых инструментах, но никогда не играли на варганах, являющихся камерными, главным образом женскими инструментами.

Наш критический разбор ряда «повествований» не может ослабить то сильное впечатление, какое производит этот раздел альбома. Наличие в киргизском изобразительном искусстве устойчивой линии «реалистического орнамента», сформулированной А. Н. Бернштамом, можно считать вполне доказанным. Труднее согласиться с утверждением А. Н. Бернштама о том, что формотворческая линия развития является подчиненной стороной киргизского узора (стр. 15).

Богатство киргизского узора и состоит, на наш взгляд, в глубоком, органичном сочетании реалистических элементов (а иногда и сюжетов) с прекрасной разработкой «формотворческой», декоративной стороной, при известном наличии и магических элементов. В то же время увлекательная сама по себе идея «повествовательности» орнамента, хотя она и может показаться слишком необычной, полностью расходящейся с господствующими взглядами, является чрезвычайно плодотворной и заслуживает глубокого внимания. Как и всякая новая идея, она встретит у многих скептическое к себе отношение, известным основанием для которого может явиться ряд отмеченных нами недостатков самого альбома как исходного материала для выводов. На первый взгляд, действительно, серьезно аргументированные, синтезирующие идеи А. Н. Бернштама как бы вступают в некоторое противоречие с материалами, собранными эмпирически, без соблюдения некоторых элементарных научных требований. Но всякий объективный и вдумчивый читатель не может не видеть в киргизском узоре своеобразного отражения мышления народа, в котором первостепенное значение имеет предметность, конкретность и в то же время богатая образность. Эти свойства мышления киргизского народа нашли свое отражение не только в изобразительном искусстве, но и прежде всего в языке, исключительно насыщенном точными и в то же время образно выраженными понятиями для всего конкретного окружения, а также в фольклоре (в особенности в знаменитом героическом эпосе «Манас») и в музыкальном творчестве (наиболее эффективно раскрываясь в «программной» музыке).

Именно эти свойства «языка» киргизского орнамента выявились в реалистичности многих орнаментальных мотивов и в наличии элементов повествовательности. Если мы признаем доказанным, а для этого имеются все основания, наличие линии «реалистического орнамента» в киргизском изобразительном искусстве, то мы должны считать издание альбома М. В. Рындина, даже в его не вполне завершенном виде, целиком оправданным и ценным начинанием. Альбом приобретает широкий интерес благодаря предпосланной ему статье А. Н. Бернштама, которая поднимает ряд принципиальных проблем искусствознания, будит мысль и у этнографа, заставляя с совершенно новой стороны взглянуть на орнаментальное народное творчество, и в первую очередь у народов, связанных с киргизами историческими судьбами и культурными взаимоотношениями.

С. М. Абрамов

«Осетинский народный орнамент», Собрал А. З. Хохов, текст К. А. Берладинай. Гос. изд. Сев.-Осетинской АССР, Дзауджикау, 1948.

Альбом зарисовок заслуженного деятеля искусств Северо-Осетинской АССР А. З. Хохова воспроизводит на 38 цветных таблицах свыше 80 орнаментальных мотивов осетинского народного декоративного искусства. Зарисовки производились с перерывами с 1925 г. и обнимают главным образом вышивки золотом и серебром по глади, ким цветным фоном доматканых предметов женской и мужской одежды, предметов быта и снаряжения. Автор ставит перед собой цель содействовать развитию национального народного искусства показом классического наследия, направить творческие искания народных мастеров на освоение этого наследия. На нескольких заключительных таблицах художник приводит собственные решения композиции ковra, паласа как примеры использования народных мотивов, показанных в альбоме.

Альбому предпосылается статья К. А. Берладинай, систематизирующая материалы зарисовок по характеру изобразительных элементов, объясняющая процессы развития орнамента на параллелях с предметами материальной культуры из эпохи расцвета бронзы и появления железа — культуры Кобана и более поздних эпох (предмет Карца, Камунты и др.). Зарисовки группируются по характеру изобразительных элементов на спиралевидные, рогообразные (наиболее распространенные), изображения человека, изображения растений. Последний раздел альбома изображает мотивы народной трехгранно-выемчатой резьбы по дереву, чисто геометрического характера; отдельные изображения приближаются к общераспространенным солярным знакам.

В отличие от одновременно вышедшей работы Рындина¹ в работе Хохова мы находим анализа семантики образов. Здесь мы имеем более поверхностный взгляд на орнамент, собственно-публикацию собранного и зарисованного материала. О том, ка-

¹ М. В. Рындина, Киргизский национальный узор, Ленинград — Фрунзе, 1948.

автор справился с этой задачей, скажем ниже. Эти первые работы, посвященные специально элементам орнамента, являются важным вкладом в дело изучения строя мышления народов, в дело изучения истории народов нашей страны. Нужно заметить, что Рындин пошел дальше авторов рецензируемой работы, расчленив киргизский узор на его составные элементы и установив повествовательный, сюжетный характер киргизского национального узора.

Просматривая зарисовки Хохова, мы отмечаем в них многие знакомые нам по работам Рындина, Андреева², но нерасчлененные мотивы. В основном это касается рогообразных элементов и говорит о стадильном родстве. В самом деле, искусство двух народов, киргизского и осетинского, чрезвычайно богато пережитками того строя, который и послужил основой этого стадильного родства: строя родового со скотоводческо-охотничьей формой хозяйства. Малая степень переосмысления (переход от изображения-амулета или тотемного знака к простому изображению животного в виде его символа — рогов) говорит о большой сохранности древних форм, бытующих и по настоящее время.

Тем более важное значение имеют эти работы, позволяющие на обозримом, дошедшем до нас материале изучать черты, присущие многим народам на родовой стадии общественного развития, о которых мы знаем только по данным археологии или по свидетельствам античных авторов.

Существенным недостатком работы Хохова является отсутствие датировок, весьма снижающее ценность публикуемого материала. Предполагается, что приводимые орнаментальные формы бытуют и в настоящее время, так как Берладина вскользь упоминает, что зарисовки приводились с бумажных выкроек, передаваемых мастерами из поколения в поколение. Чувствуется отсутствие музейного материала, который позволил бы проследить изменения изображений за последние столетие и особенно за годы советской власти, совершившие коренной переворот в сознании осетинского народа. Приводимые в таблицах элементы советской эмблематики («Серп и молот», «Звезда») как вошедшие в горский быт изображения не покрывают полностью указанного пробела; можно предположить, что изменения пошли глубже и шире, как это мы замечаем на орнаментальном строе других народов. Другим важным, на наш взгляд, недостатком является сама подача предлагаемого к изучению материала, сама методология альбома. Если автор не ставил задачей семантический анализ, а только публикацию наиболее характерных примеров осетинского узора в виде отдельных составных элементов его, то при такой подаче материала несколько обедняется представление об осетинском национальном орнаменте. За редкими исключениями, изобразительные элементы вырваны из «контекста» изделий. Насколько ошибочно такое отношение к традиционным формам, видно на примере заключительных таблиц альбома, приводящих попытки художника на основе публикуемых элементов «составить рисунок для ковра и маласа». Правда, проекты рисунков для осетинского ковра являются творческими почками в этом сравнительно новом для Северной Осетии виде производства, но тем не менее они не относятся к творческой удаче автора.

Некритический, нетворческий перенос доподлинно народных рисунков на поле будущего ковра, сам по себе еще не решает дела. Нужно помнить, что сами народные мастера в каждую историческую эпоху не только отзываются на новое содержание, но и находят новые средства для его передачи, видоизменяя традиционные приемы, не порывая с ними, а заставляя служить новому содержанию. Предлагаемые проекты, без единого композиционного замысла, подчиняющего обычно изобразительные детали общей идее изделия, дают просто сумму не связанных между собой элементов узора из альбома. По всей вероятности, в работе нужно было показать не только самые элементы узора, но и то, как народ ими пользовался на доступных для нашего обозрения исторических этапах. Это больше соответствовало бы целям изучения национальной народной традиции. Приводимое на последней таблице изображение трехгранно-выемчатой резьбы по дереву на деке народного музыкального инструмента типа арфы как нельзя более подтверждает такую необходимость, ибо оно знакомит нас с этим традиционным методом.

Нельзя понять красоты языка, зная только начертания отдельных букв и слов. Нельзя понять и тем более творчески использовать осетинский орнамент, не видя образцов того, как сам народ на различных этапах своей истории складывал из этих элементов свои замечательные украшения, как эти элементы менялись в зависимости от изменения мышления народа. От единственной и первой публикации, носящей широкое название «Осетинский народный орнамент», мы вправе требовать показа такого материала, который наиболее полно характеризовал бы народное декоративное искусство Северной Осетии, в частности ее замечательные вышивки.

Весьма положительной стороной работы является удачная попытка на примере материалов альбома показать преемственность элементов современного осетинского узора от предметов материальной культуры древних насельников края. «Осетинский народный орнамент» является важнейшим историческим источником, позволяющим при отсутствии письменной исторической традиции установить несомненную связь куль-

² М. С. Андреев, Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира, Ташкент, 1928.

туры осетинского народа с культурами древнего населения нашего края и тем самым выдвинуть вопрос о досредневековой стадии истории «праосетин», связанной с местными кобанскими погребениями и более поздними находками» (текст, стр. 22).

Последовательно разбирая спиралевидные, рогообразные мотивы осетинского узора, Берладина находит аналогии среди бронзовых поясных украшений Кобана и Камунты, привесок Кобана и Фаскау, показывая, как амулеты или тотемные знаки превращаются в качественно новую форму — в уплощенные завитки рогов барана или оленя на золотных вышивках. На археологических данных Кобана, Камунты Казбекского клада автор прослеживает постепенную схематизацию, геометризацию изобразительных форм. «Кобанская головка — амулет, бронзы Камунты, рогообразные узоры Осетии — три стадии единого диалектического процесса изменения мотива» (стр. 16). Эта часть работы не вызывает сомнения и, несмотря на отсутствие переходных форм, повидимому, бытовавших в средние века, но о которых нет исторических данных, кажется вполне доказанной.

Переходя к менее распространенным растительным элементам, автор указывает на отсутствие растительных мотивов среди бронз древних местных культур и отсюда делает вывод о более позднем появлении этого вида орнамента. Растительный орнамент автор делит по происхождению на местные и заимствованные в средние века мотивы греческого, византийского искусства.

Имеется ли необходимость искать свидетельств заимствования в таких изображениях, как волнистая линия, проросшая листьями, как широко распространенный мотив резного листа (античный аканф?), как чрезвычайно отдаленное подобие пальмисты в полуовале (данное изображение скорее можно отнести к элементам животного происхождения по его сходству с рогатой головкой из киргизского узора)? Повидимому, нет. Сарматский народ алан, принявший участие в сложении осетинской культуры, вполне мог внести в слагающийся орнамент элементы, чрезвычайно распространенные в скифо-сарматском искусстве, в частности проросшую листьями волнообразную ветку³. Изображение растений как основы скотоводства мы вправе искать также в родовом обществе, в его охотничье-скотоводческой базе.

Подобные изображения мы встречаем у других народов как символы пастбища (см., например, изображения полураспустившегося цветка — символ весеннего пастбища и распустившегося — символ летнего пастбища в киргизском узоре⁴).

К местным растительным мотивам автор относит изображения с ланцетовидными листьями. Сами растения напоминают общераспространенное изображение «древа жизни» с характерным для Востока раздвоенным основанием (которое шведы переосмыслиют в два листочка, направленные вниз).

Появление растительных изображений автор связывает с зарождением земледелия, а наибольшее развитие этого вида изображений относит к тому периоду, когда земледелие заняло прочное, постоянное место в экономике осетинского села рядом со скотоводством.

В целом книга представляет значительный интерес как первая, научно обоснованная публикация элементов осетинского национального орнамента, проливающая свет на некоторые стороны исторического развития культуры осетинского народа. Несмотря на отмеченные недостатки, она является ценным вкладом в дело изучения истории народов нашей страны.

А. Иванов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Jaques-Marie Rougé, Conservateur du Musée de Folklore de Loches et du Musée préhistorique du Grand-Pressigny. *Le Folklore de la Touraine*, troisième édition, révisée et complétée, Tours, 1947.

В 1947 г. вышла работа Ж.-М. Ружэ «Фольклор Турени», третье издание, пересмотренное и дополненное. Это довольно объемистая книга. Турень — историческая область Франции. Ее главный город Тур, центр департамента Эндр-и-Луара, известен с римских времен; в нем в XIV, XV и XVI вв. собиравлись Генеральные Штаты; в нем родился Балзак; в 1870 г. здесь пребывала так называемая делегация французского правительства национальной обороны во главе с Гамбеттой; в 1920 г. здесь состоялся съезд социалистической партии Франции, на котором была образована коммунистическая партия Франции; наконец, во второй мировой войне население Турени, как и весь французский народ, давало отпор немецко-фашистским полчищам.

Однако на все это нет даже намека в труде г-на Ружэ. Автор строит свою книгу по следующей схеме: Человек: рождение, брак, смерть. Одежда, прически, предметы туалета. Дом: жилье, мебель, предметы обихода, инструменты, игры и игрушки. Гастрономия: рецепты и традиции, вина. Календарь: месяцы и дни и приуроченные к ним обычаи, поговорки (dictions) метеорологические и относящиеся к садоводству. Наблюдения крестьян по астрономии, геологии, жизни леса, зоологии, акустике и т. д.

³ Толстой и Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, Серебряный сосуд из Куль-Оба, вып. 2-й, СПб, 1889, стр. 141.

⁴ М.В. Рындин, Указ. раб.

Сельскохозяйственные обычаи. Оккультизм: верования, феи, обряды, приметы и при- сказки (formulettes). Легенды и поговорки (dictons). Традиции. Под этим названием даны две главы, содержащие пересказ поверий, анекдотов и сказаний, приуроченных к историческим лицам, рекам, источникам, замкам, дорогам, кладбищам и т. д. и т. п. Врачевания: старые лекарственные средства, поговорки, источники и святые целители. Книга заканчивается главами, в которых помещены сказки, сказания, народные шутки и песни, а также дан словарь специфически туренских слов или произношения отдельных слов и перечень выкриков бродячих торговцев.

Прожив долгие годы и будучи хранителем музея фольклора, Ружэ старательно собирал самые разнообразные сведения о народной жизни любимой им Турени. Однако идеалистическое мировоззрение и ложная методология направили его соби- рательскую работу по ложному пути. Книга его превратилась в копилку разрознен- ных, оторванных от живой действительности курьезов из жизни населения Турени. Ни история, ни народный характер, ни занятия населения, ни тем более чаяния и ожидания народные не раскрываются в этой книге. Насмешкой кажется предпослан- ное книге филологическое рассуждение о значении слова «фольклор». Автор раскры- вает его как «знание народной жизни». Он заявляет: «Фольклор черпает основание для своего существования в изречении философов древности: познай самого себя». Увы! Ни себя познать не сможет житель Турени, ни мы его познать не сможем, про- читав эту книгу. Автор потрудился над тем, чтобы либо дать своему читателю ничего не говорящие «штуки», либо представить французского крестьянина из департамента Эндр-и-Луара в кривом зеркале. В первой главе автор уми- ляется его наивности и суеверности, в последующих клеветает на него. Он расска- зывает об обрядах и суевериях, сопровождающих (а вернее, сопровождавших некогда!) рождение, браки и смерть; его глава «Гастрономия» больше походит на поваренную книгу, нежели на научное исследование, с той только разницей, что рецепты хлеба, печенья и сыра даны вперемежку с «кулинарными» приметами и суевериями. Ха- рактерно, что в разделе «Вина» автор весьма обстоятельно сообщает, при каких ку- шаньях подаются те или иные марки вин, причем перечислены такие кушанья, как холодные и горячие закуски, устрицы, дичь, сыры, что никак не вяжется с представ- лением о крестьянской трапезе! В главе «Календарь», во введении к которой вполне правильно указано, что народные приметы часто основаны на многолетнем наблюде- нии и опыте, даны опять-таки только суеверия и обряды, связанные с теми или иными религиозными праздниками. В таком же духе дана глава о народных наблюдениях над звездами, лесами, животными. Здесь интерес представляет только маленький раз- дел, где дан перечень слов и звуков, с которыми обращаются к домашним живот- ным. Насколько произвольно классифицирует автор свой материал, хорошо видно из следующего примера. В главе «Народные наблюдения» есть раздел «Акустика». Он состоит из одного единственного, довольно скабрёзного анекдота на тему о том, как эхо оповещает о неверности жен!

Очень показательно, что сельскохозяйственным обычаям отведено в книге немно- гим более двух страничек, да и здесь даны какие-то прямо-таки обкусанные сведе- ния о праздниках и пирах, связанных с началом или окончанием тех или иных сель- скохозяйственных работ. Зато в главе «Легенды» целых 40 страниц заполнено рас- сказами о чудесах, творимых в церквях и отдельными святыми, а в главе «Враче- вание» 20 страниц отведено святым целителями и только полторы — народным ле- чебным средствам.

Эти полторы странички да глава об одежде и сведения о типах построек, о ме- бели и домашней утвари, разбросанные в главе «Дом», — вот те немногочисленные интересные данные, которые с трудом выискиваются в большой, неряшливо сваленной куче суеверий, присказок, рассказов о святых целителях и т. п. О главах «Сказки» и «Песни» ничего нельзя сказать, ибо в первой помещены три-четыре бытовые сказки на совершенно случайные темы, а во второй — с десяток любовных и свадебных песен.

Подлинным символом веры автора является его предисловие к двум главам кни- ги, носящим название «Традиции». В этом предисловии автор показывает себя после- дователем романтико-идеалистических концепций; творчество и культуру народа он сводит к легендам о феодальной аристократии; трудовой народ — истинный создатель национальной культуры — вычеркивается из истории. Перепевы порочной буржуазной концепции, утверждающей, что история народа есть история господствующих клас- ссов, в книге Ружэ мирно уживается со следованием немецкой идеалистической фило- софии, представляющей собой аристократическую реакцию на французскую буржуаз- ную революцию.

Итак, познать самого себя, значит, по Ружэ, смаковать истории о дамах и сенье- рах и хранить в памяти легенды и поверья о святых феях и т. д. В развитие своей теории Ружэ посвящает две главы «Традиции» рассказам о том, возле какого источ- ника пил воду тот или иной король, в каком замке он встречался со своей возлюб- ленной, какая дорога предложена для его приезда. Целый раздел, называемый «Исто- рические и легендарные персонажи», почти целиком посвящен королям и их возлюб- ленным. Историческим Ружэ, повидимому, считает и такие побасенки: «Возле моста Спасителя, близ Тура, некогда упала в воду и исчезла карета». Или: «Ночуя в Туре, Наполеон I спал в постели одного епископа».

«Народные» воспоминания о Великой буржуазной французской революции ограничиваются, по Ружэ, рассказами о том, как восставший народ разрушил или хотел разрушить такую-то церковь или такую-то статую святого, как богобоязненный туренский крестьянин спрятал «святыню» и как после революции ее водрузили на прежнее место. Чем иным, как не клеветой на французский народ, как не искажением его исторических воззрений, можно назвать подобные вещи?

Фольклор Туруни, изданный Ружэ, не может быть назван подлинным творчеством трудового народа. В книге встречаются только отдельные интересные сведения, которые могут быть полезны настоящему, марксистски мыслящему исследователю. Такого исследователя ждет французский фольклор.

Е. Фонберг

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Второй том персидских сказок. Сказки собрал и издал Собх и, Тегеран, 1925. (1946), стр. 158¹.

Выход второго тома персидских сказок свидетельствует о том, что интерес к фольклору, к народному творчеству, пробудившийся в Иране совсем недавно и связанный с общим развитием демократических идей в стране, не заглох. Несмотря на всевозможные происки реакционных элементов в Иране, несмотря на то, что нынешними правителями Ирана по указке со стороны принимаются всевозможные меры к удушению свободы, демократическое движение не замерло, а продолжает жить.

В предисловии к книге Собхи пишет, что в то время как его первый том был тепло встречен не только в Иране, но и за его пределами (в частности, Библиотекой имени Ленина ему был прислан ряд фольклорных сборников народов СССР, в том числе таджикских и азербайджанских), директор тегеранского радиоуправления запретил передачу его сказок по радио, а бывший премьер-министр распорядился об увольнении Собхи из радиоуправления (лишь после отставки этого премьер-министра Собхи снова получил возможность продолжать чтение сказок по радио). Эти факты достаточно характеризуют страх иранских правителей перед любыми проявлениями демократии, вплоть до распространения народных сказок.

В условиях все более обостряющейся классовой борьбы, в условиях жестокой реакции публикации образцов народного творчества, несомненно, должны рассматриваться как ценный вклад в общее дело борьбы за свободу и демократию. В предисловии, обращаясь к детям, Собхи пишет: «Вы, дети мои, должны узнать тех, кто живет трудом ваших отцов и братьев и кто предает ваше будущее. Никогда не забывайте их преступлений». В послесловии Собхи обращается к молодежи со следующими словами: «Обязуйтесь, что вы не пожертвуете своей верой, родиной и честью ради корыстолюбивых целей. Не думайте о проспектах и красивых домах в северной части Тегерана, а думайте о том, как бы сделать прекрасной свою родину, чтобы люди могли жить в ней счастливо и свободно». Эти высказывания составителя сборника красноречиво свидетельствуют о его демократических прогрессивных устремлениях.

Во второй том вошли 11 сказок с вариантами. 9 сказок являются волшебными и три — новеллистическими. Некоторые из сказок второго тома представляют особый интерес; как справедливо подчеркивает Собхи, они хранят следы иранских верований и поверий, уходящих в глубокую старину. Так же как и в первом томе, составитель сопровождает сказки различными комментариями, содержащими интересные этнографические подробности. При основных текстах даются также и другие варианты и разночтения с указанием на то, от кого они получены. Все же документация не всегда приводится последовательно и в нужном объеме. Сказки написаны на разговорном литературном языке, доступном самому широкому кругу читателей, и в этом несомненное достоинство книги. В книге содержится большой ценный в языковом отношении материал, отражающий живую персидскую речь. Правда, диалектная окраска сказок утрачена, но возможно, что для целей подобного издания публикация сказок на том или ином диалекте и не требуется.

В начале сборника помещена сказка и ее варианты о девушке (Намаки, Намак, Мелли), забывшей запереть седьмую (сорок первую) дверь, через которую проходит див в образе дервиша. Он похищает девушку, которую в знак гостеприимства предоставляет в его распоряжение мать вместе с едой и постелью. Девушка во дворце дива освобождает заточенных в темнице красавиц (иногда сестер) и принца, превращенного дивом в собаку. Хитростью она узнает, что душа дива находится в красной рыбе, плавающей в бассейне, и достает ее.

Большой интерес представляет сказка «Махпешани» («С месяцем во лбу»). В первой части корова — заколдованная мать девушки — выполняет за нее всю работу, которую задает ей мачеха. Ветер уносит хлопок в колодец, девочка Шахрбану

¹ О первом томе см. А. З. Розенфельд, Новый сборник персидских сказок, «Советская этнография», 1946, № 3.

идет за хлопком и попадает к диву, который за ее скромность и услужливость возвращает ей вместо хлопка пряжу и велит вымыться сначала в черной, а потом в белой воде. Шахрбану становится красавицей, на лбу у нее появляется луна, а на подбородке — звезда. Мачеха — Муллабаджи посылает свою родную дочь к диву, но див за ее грубость, жадность и леность заставляет ее вымыться в желтой воде, от чего на лбу у нее вырастает змея, а на подбородке скорпион. Мачеха, получив приглашение на свадьбу, уходит с дочерью, и велит Шахрбану разделить фасоль, горох и бобы и наполнить чашу слезами. Див дает девушке в помощь петуха и дарит богатую одежду и украшения, чтобы она могла пойти на свадьбу. Во время танцев она осыпает гостей цветами, а мачеху золой. В Шахрбану влюбляется принц, и, убегая от него, она теряет туфельку. Мачеха приказывает убить корову, думая, что она помогает девочке. Див подменивает корову и не позволяет Шахрбану есть мясо зарезанной коровы, а ее кости велит зарыть в хлев. Принц ищет по туфельке пленившую его девушку. Когда мачеха узнает об этом, она сажает Шахрбану в печь, а сверху ставит чашку с просом и петуха, надеясь, что он заглушит голос Шахрбану. Но когда свахи приходят в дом к мачехе и никого не находят, петух кричит: «Ко-ко-ко... Лунолобая в печи!» Обнаруживают девушку, и туфелька приходит к ней вপুর.

Далее в сказке говорится, что мачеха перед отправлением Шахрбану к принцу кормит ее луком, чесноком и жирной похлебкой и одевает в грубое платье. По дороге див дает ей богатые одежды и душит рот амброй. В брачную ночь Шахрбану стеснило, но она вытерла все одежды жениха, а когда он проснулся, выстирала его одежду, чем еще больше привлекла его любовь. Мачеха увидев, что Шахрбану не выгнали, так же поступает и со своей дочерью, которую по приказу шаха должен взять в жены сын везира, но девушка ведет себя дурно, сын везира обнаруживает у нее на лице змеи и скорпионов и ее с позором изгоняют. В конце концов, див возвращает матери Шахрбану человеческий образ.

Собхи считает эту сказку очень древней, доисламского происхождения. Им собрано около 50 вариантов: в некоторых из них у дочери Муллабаджи вырастают рога, иногда ослиные уши и хвост. В одном из вариантов Шахрбану ищет помощи у рыбы, живущей в море. Наличие в сказке петуха-помощника действительно свидетельствует о большой древности этого варианта².

Следы древних верований, возможно, веры в одушевленность камней, несет на себе сказка «Камень терпения» (Санге сабур). Девочка по имени Фатьма слышит голос, предсказывающий ей, что она станет женой мертвеца. Впоследствии девочка попадает в сад, где спит прекрасный юноша, над ним на доске написано, что он проснется, если кто-нибудь в течение сорока дней будет вынимать у него из живота по иголке, пить по наперстку воды и съедать по миндалине. Девушка все это исполняет, но в день пробуждения юноши ее служанка вытаскивает последнюю иголку, и юноша, оказавшись принцем, женится на ней, а Фатьму делает служанкой. Возвратившись из путешествия, принц привозит заказанные подарки — жене платье, а Фатьме — фарфоровую куклку и камень терпенья. Фатьма рассказывает камню свою историю и в заключение спрашивает: «ты расколешься или я?» В этот момент принц, как ему советовали, крепко берет ее за пояс, камень раскалывается, и из него вытекает капля крови. Принц изгоняет жену-обманницу и женится на Фатьме. Многочисленные варианты этой сказки были присланы Собхи из различных областей Ирана: Баболя, Керманшаха, Фарса, Кермана. Собхи известен и тюркский вариант. Собхи, считая эту сказку очень древней, связывает ее с древними верованиями иранцев, поверявших камню свои горести. Он же приводит из средневековой персидской поэмы Гургани «Вис и Рамин» следующие строчки:

Буду рыдать пока не треснет передо мной камень,
Буду плакать пока снег не станет алым.

Сказки «Шах и везирь», «Кучелак», «Бу Али», «Мул и кувшин», «Померанец» содержат мотив превращения. Герои сказок, добываясь своей цели, превращаются в птиц, животных или различные предметы. Так, герой сказки Кучелак, за которым гонится волшебник, превращается в голубя, волшебник — в ястреба, Кучелак влетает в царский сад и превращается в красный цветок, волшебник принимает вид дервиша и просит отдать ему цветок, но цветок превращается в один из рубинов в короне, затем становится гранатом и, расколовшись, рассыпается по зернышку; волшебник, превратившись в петуха, выклеывает зернышки, одно зернышко, откатившись в сторону, становится шакалом, который, задушив петуха, превращается в Кучелака. Последний женится на царской дочери.

В сказке «Померанец» принц добывает из заколдованного сада волшебные плоды, из которых появляются прекрасные девушки, но все они умирают, так как он во-время не дает им то, что они просят (хлеб или воду); лишь последней девушке он дает пить и она остается жить. Принц оставляет ее на дереве, а сам едет во дворец за

² Как известно, у древних иранцев, исповедывавших зороастризм, петух считался священной птицей.

одеждой для нее. Черная рабыня, увидев в воде отражение прекрасной девушки, принимает его за свое, но когда убеждается в истине, убивает красавицу и садится на ее место. Принц, вернувшись, вынужден на ней жениться. Из капли крови красавицы вырастает дерево, из него делают трон, а из куска дерева одна старуха делает себе веретено, из веретена появляется красавица и, в конце концов, соединяется с принцем. В сказке «Бу Али» врач овладевает искусством колдовства и, приклеив всех придворных и шаха друг к другу, добивается согласия шаха на свой брак с шахской дочерью.

Интересно предисловие, предпосланное Собхи сказке «Мул и кувшин». Здесь говорится о сказителе Лути Голамхосейне, который, выступая на площади с фокусами, на собранные деньги тайно делает добро беднякам. Между фокусами он рассказывает сказки. Одну из этих сказок «Мул и кувшин» и публикует Собхи. В этой сказке высмеивается жадность и ханжество мулла. Один бедный человек именем бог и всех святых долго просил милостыню, но ему никто ничего не подал. Тогда он вознес хулу и сказал, что если придет шайтан и даст что-нибудь, он готов ему служить. Это случайно услышали два человека — лути (бродяга) и мулла. Мулла схватив палку, стал колотить нищего, обвиняя его в безбожии. Лути заступился за нищего и от имени шайтана дал ему грош. Далее шайтан благодарит лути и превращается в мула, которого нищий продает жадному мулле.

Приведя животное домой, мулла ухаживает за ним, но мул, сделавшись тонким, влезает в узкий кувшин. Когда мулла приходит к судье жаловаться на обманувшего его продавца и в виде доказательства вынимает хвост мула, у него в руках вместо хвоста оказывается музыкальный инструмент — кеманча.

Характер бытового анекдота носит сказка «Троеженец», о муже, принесшем тайно каждой из жен подарок, и о болтливых женах, желавших похвастаться друг перед другом подарками. В результате жены избивают мужа.

Таково вкратце содержание сборника. Эти сказки являются новым и свежим материалом, расширяющим наши познания в области персидского народного творчества. Несомненно также, что они являются изданием, отражающим демократические настроения прогрессивной части иранской интеллигенции.

А. Розенфельд

M. A. Tarakchandra Das. *The Purums an old Kuki tribe of Manipur*, University of Calcutta, 1945.

Автор рецензируемой книги, преподаватель этнографии Калькутского университета М. А. Таракчандра Дас как верный ученик Лоури представляет ту часть этнографов-функционалистов довоенного периода, которая дает весьма детальные описания отдельных этнических групп из числа «примитивных» и к ним путанные объективистские выводы. Однако за выбором изучаемого народа (акцент на «примитивность»), за объективизмом подхода к нему, за путанностью выводов стоит рабское стремление угодить колонизаторам, оправдать их деятельность, подкастать английской колониальной администрации пути, обеспечивающие устойчивое господство над колониальными народами, — задача, поставленная перед этнологами английского круга еще Малиновским и переросшая в годы второй мировой войны в прямой социальный заказ.

Для советского читателя его книга, посвященная описанию одной из малых этнических групп восточных пограничных районов Индии — куки-чин, может представить интерес фактической своей частью. Книга содержит введение и 10 глав: I — Точки обитания, место пурум среди других племен группы «куки»; II — Быт: жилище, пища, одежда, экономика; III — Социальный строй: термины родства, социальная организация, табу, суд и законы; IV — Политическая организация, ее ступени и функции; V — Религия; VI — Празднества; VII — Жизненные циклы: беременность, рождение, воспитание, дача имени, обряд первого состригания волос, брак, смерть, похороны; VIII — Знания: календарь и меры; IX — Музыка и танцы; X — Заключение с подразделом «Будущее».

Монография эта — плод более чем 15 лет работы, построена на полевых материалах, собранных лично автором в период экспедиций 1931—1936 гг. По мере необходимости автором привлекаются сравнительные данные по соседящим с пурум племенами куки-чин, а также мейтей, нага и др.

Племена чин расселились в местах нынешнего их обитания задолго до появления там европейцев. Миграционные волны собственно бирманцев и шань оттесняют их к западным границам Бирмы, а затем и за ее пределы, в Ассам и Бенгал, вверх по течению реки Манипур. По данным «Census of India» за 1931 г., около 250 тыс. чин расселены в северо-западной Бирме, 108 282 — в Ассаме и Бенгале. Наибольшая часть (свыше 80%) индийских куки-чин обитает в пределах южного Ассам (Манипур). Многочисленные и воинственные чинцы отмечены в донесениях мусульманских историков как союзники махарадж Типперы в их борьбе с мусульманской волной периода Великих Моголов. То же подтверждается и семейной хроникой махарадж Типпера. Ослабленные межплеменной борьбой, эпидемиями холеры и оспы и т. п., численно

поредшие остатки племен «древних куки-чин» (Old Kuki) расселены в еще недавно недоступных горных складках холмов, идущих от Паткайской гряды к Импалу, нависая над долиной реки Манипур.

Поселки пурум, хранящие родовой принцип расселения, расположенные в непосредственной близости друг к другу, являются, по сведениям автора, дочерними отпочкованиями центрального поселка Кулень. Не имея обычного кольцевого плана, поселки сохранили обязательное наличие на окраине «ламань» — площади, места собраний и празднеств рода, в непосредственной близости к которой находится «руйшан» — мужской дом. По двум противоположным сторонам площади воздвигнуты вертикальная и лежащая перед ней плиты «нушук», посвященные божествам Нунчунба (покровитель племени) и Сенамахи (хранитель домашнего очага). Поселки окружены лесными массивами, переходящими в джунгли по берегам горных потоков, стремящихся к реке Манипур.

Основу экономики составляет примитивное земледелие с переложной системой. «Джам» — участки в джунглях — расчищаются путем корчевки и выжигания и эксплоатируются до истощения. Размер их ограничен пока физическими возможностями семьи и урожайностью, т. е. возможностью снабдить семью минимумом пищевых запасов до нового урожая. Птицеводство и рыболовство носят подсобный характер. Скотоводство (кроме свиноводства) не развито (молочные продукты не используются в пищу пурум). Охота сейчас практически сопряжена с охраной урожая от диких животных (особенно свиней) и птиц (особенно диких кур). Автор пишет, что она имеет лишь «культовое значение», что весьма сомнительно. Основной культурой, возделываемой на «джам», является суходольный рис. С посевом и сбором урожая риса связаны все важнейшие празднества пурум. Сеют также кукурузу. Некоторое распространение имеет выращивание хлопка и масличных культур.

Основным мужским ремеслом пурум является плетение весьма скудно орнаментированных циновок и корзин с квадратным дном. Женским ремеслом является плетение и ткачество грубых хлопчатобумажных тканей. Гончарства пурум не знают, приобретая сосуды у мейтей. Значительная часть утвари у пурум деревянная или из тыквы. Жилище пурум — легкое каркасное строение с глинобитным горизонтальным полом. Крыша сейчас четырехскатная (два ската — основные и два — дополнительные). Прямоугольное в плане, оно состоит из одной камеры, хотя пурум представляют себе «невидимую продольную грань», делящую жилище на правую и левую половины. В левой (главной) живет отдельная семья, т. е. родители и неженатые сыновья и дочери. Достигнув брачного возраста, девушки отдаются замуж в определенный род (предпочтительно род брата матери), сыновья же ставят себе отдельное жилище вблизи отцовского и сохраняют с семьей отца и кровной группой культовые и частично экономические связи. Наследует отцу младший сын, который живет, не уходя от родителей, и обязан содержать их до их смерти. В правой «половине» дома ночуют гости и юноши, ведущие «отработку за жену» в доме тестя, длящаяся три сезона. Добрачное сожителство сговоренных будущих супругов по обычному праву не допустимо и наказуемо штрафом. Положение женщины в семье пурум, по данным автора, весьма приниженное.

В социальном отношении пурум представляют собой племя, делящееся на 5 родов (Sib): марим, макань, кейян, парпа и тхао. 4 первых рода имеют подразделения (4, 2, 4, 4), постепенно приобретающие, по данным автора, права и обязанности самостоятельных родов. Все они экзогамны. Члены рода твердо представляют кровную внутриродовую связь. Род отцовский, поселение патрилокальное. Пережитки матриархата слабы, кроме авункулата. Основной принцип брака — женитьба на дочери брата матери (но не сестры отца). Принцип этот настолько силен, что единичное нарушение экзогамии отцом (женитьба внутри рода) повлекло за собой дальнейшее нарушение ее сыновьями, «восстановившими» ортодоксальный брак путем женитьбы на дочерях братьев матери, но внутри своего фактически рода (интересно, что, пользуясь методом Риверса, автор собрал большой фактический материал, однако, как и его учитель, остался бессильным объяснить «аномалии»).

Низовая администрация пурум (так называемое самоуправление), по данным автора, номинально выборная, включает 7 подчиненных должностей. При выбытии одного из высших ее представителей происходит повышение в должности всех последующих звеньев. Низшая же вакантная должность замещается обычно из рода и семьи покойного.

По своим религиозным воззрениям пурум анимисты. Широко распространен культ предков. В последнее время широко, по мнению автора, органически воспринимается индуизм.

Переходя к заключению, автор описывает в несколько трагических тонах исторически неизбежный болезненный процесс разложения родового строя пурум в колониальных условиях. Углубляется имущественное неравенство за счет покупки долинных ирригированных земель и связанная с ним эксплуатация беднейших слоев, идет изменение норм наследования (борьба против минората в сторону равнодольного наследования и майората), изменение форм хозяйствования, введение новых орудий труда, усиление использования рабочего скота и т. д. Английская колониальная администрация переходит от непрямого к прямому управлению, по началу лишь утверждая, а затем и назначая членов «самоуправления». Суд старей-

щин заменяется английским уголовным законодательством. «Провинившиеся» вместе с штрафом заключаются в тюрьмы, где и гибнут. Семьи их, потерявшие кормильцев, обрекаются на голод и нищету.

В особой подглавке «Заключение» автор ставит вопрос о будущем пурум. Ни какие попытки «благодетельной английской администрации» не предохранят их от «разрушающего влияния капитализма (которые страшнее всего остального)». Им суждено, по мнению автора, быть поработченными (как будто они до сих пор не поработены!—Г. С.) и исчезнуть, как исчез еще в 1914 г. подрод тэйю рода тхао. Попытки создания «этнографических заповедников» безуспешны; автор показывает, что «спорадическая помощь» приводит у байга к апатии и вымиранию, у найяди к «бродяжничеству».

В качестве выхода из создавшегося положения автор предлагает: улучшение санитарных условий, реорганизацию хозяйствования, внедрение посева «доходных» технических культур, введение в пищу молочных продуктов, усиление товарности хозяйства пурум, обучение их более ходким и «привлекательным» промыслам, улучшение постановки дела народного образования.

Вряд ли кому придет в голову оспаривать пользу здравоохранения и народного образования. Дело, однако, в том, что в условиях колониального гнета улучшения экономического благосостояния и свободное развитие национальной культуры невозможны. «Прожекты» автора—это штопание дыр колониального режима; «прожекты» эти, если бы они и были осуществимы, не избавят поработенный народ от колониального рабства.

Г. Стратанович

НАРОДЫ АФРИКИ

В. В. Юнкер, *Путешествия по Африке (1877—1878 и 1879—1886)*, ОГИЗ, Государственное издательство географической литературы, Москва, 1949. Перевод с немецкого М. А. Райт-Кангун. Под редакцией, со вступительной статьей и комментариями Б. И. Шаревской.

В. В. Юнкер родился в 1840 г. в семье крупного банкира в Москве. Еще в молодости он решил посвятить свою жизнь путешествиям. В 1869 г. он отправился в Исландию, в 1873 г. был уже в Тунисе. В 1875 г., принимая участие в работах международного географического конгресса, Юнкер встретился с известными немецкими путешественниками Нахтигелем, Рольфом и Швейнфуртом. Увлекательные беседы с ними укрепили Юнкера в намерении самому побывать в неизведанных областях африканского материка. В том же году Юнкер отправился в Египет и, после кратковременного путешествия по Ливийской пустыне, через Суакин, Кассалу и Гедареф прибыл в столицу Восточного Судана город Хартум. Его привлекал Дарфур, обширная страна, которая лишь в 1874 г. была присоединена к владениям Египта. Из Хартума Юнкер совершил поездку на пароходе по Белому Нилу и его притоку Собату. Это путешествие заняло всего 22 дня (с 19 августа по 13 сентября 1876 г.), но на много лет определило характер дальнейших работ Юнкера. Отказавшись от первоначального плана, он решил продолжать начатые им исследования южных областей Восточного Судана. 22 октября 1877 г. Юнкер на борту парохода «Исмаилия» отплыл из Хартума вверх по Нилу в городок Ладо, административный центр Экваториальной провинции, самой южной в Восточном Судане. Углубившись в западные области этой провинции, Юнкер исследовал бассейны рек Роль, Тондж и Джур, впадающих в Бахр-эль-Газаль. В южном направлении путешественник дошел до верховьев реки Кибали, истока реки Уэле. На этом первое его путешествие, продолжавшееся больше года, закончилось. В январе 1878 г. Юнкер вернулся в Петербург, передав в дар Российской Академии Наук ценные этнографические коллекции, собранные среди центральноафриканских племен. Второе путешествие в Африку продолжалось с 1879 по 1886 г. Осенью 1879 г. Юнкер был на пути в Александрию, а 31 января 1880 г., отчалив от Хартумской пристани, направился к Мешра-эр-Реку, речному порту, расположенному на Бахр-эл-Газале. Из Мешра-эр-Река Юнкер взял направление на юг и, достигнув правительственной станции Джур-Гатас, повернул на запад к г. Дем-Салиману, а затем отклонился на юго-восток к истокам реки Уэре (правому притоку реки Уэле). Здесь Юнкер организовал станцию, где в специально построенных помещениях было сосредоточено экспедиционное оборудование. От этой станции, занимающей центральное положение в Экватории, Юнкер предпринял несколько самостоятельных путешествий, целью которых явилось тщательное исследование бассейна реки Уэле. В те годы было еще неизвестно, принадлежит ли Уэле к речной системе Конго, являясь верховьями Убанги, или же она впадает в реку Шари, питающую озеро Чад. Выяснению этой проблемы и было посвящено путешествие Юнкера.

В феврале 1883 г. Юнкер доказал правильность первой гипотезы. Вопрос, долгое время представлявший загадку для географов, был наконец, разрешен.

Можно было думать и о возвращении на родину, но непредвиденные события задержали путешественника в Африке еще на несколько лет. В 1881—1882 гг. в се-

верной части Восточного Судана вспыхнуло грандиозное восстание махдистов, направленное против англо-египетского господства. Народы Судана добились замечательной победы: в 1885 г. англо-египетские войска были выброшены из страны. Хартум, главный город Северного Судана, оплот колониальной политики Англии, заняли войска махдистов. В долине Нила возникло сильное государство, которое в течение 15 лет боролось за свою независимость. Войска этого государства не раз нанесли поражения англичанам, египтянам и итальянцам.

Африканские племена южных провинций Судана — Бахр-эль-Газалья и Экватории, где путешествовал Юнкер, не остались в стороне от общей борьбы. Уже в 1882 г. т. е. в самом начале махдистского движения, административный центр Бахр-эль-Газалья — Дем-Солиман был окружен повстанцами. Различные племена нилотов — динка, шиллук, бонго, нуэры — действовали сообща. К концу 1883 г. северные районы провинции были очищены от египетских гарнизонов и банд работорговцев. В апреле 1884 г. Лептон Бей, губернатор Бахр-эль-Газалья, капитулировал. Движение перекинулось на юг в Экваторию, и к концу 1885 г. северные районы этой провинции были также охвачены восстанием.

Внимательное изучение исторических источников, а в том числе и работы Юнкера, позволяет прийти к выводу, что восстание африканских племен Южного Судана, хотя и было связано с восстанием махдистов, представляет собою по существу вполне самостоятельное движение, протекавшее в иных формах, чем движение махдистов. В этой освободительной войне африканских народов участвовало, по крайней мере, 3—4 млн. человек. Территория, охваченная восстанием, значительно превышала территорию Англии. Под ударами нилотов, которые почти не имели винтовок и пользовались несовершенным оружием, один за другим капитулировали гарнизоны правительственных станций. Африканские племена боролись с одинаковым ожесточением и против работорговцев, с которыми быстро заключила союз англо-египетская колониальная администрация, и против египетских гарнизонов, у которых искали защиты банды работорговцев. Махди, вождь суданского народа, относился к нилотам, как к надежным союзникам. Он издал суровый приказ, запрещающий его подданным заниматься в экваториальных областях грабежом и поимкой невольников. В результате этой грандиозной освободительной войны Южный Судан избавился от англо-египетской «опеки» больше чем на 20 лет.

В ходе восстания Египет оказался отрезанным от экваториальных областей, и Юнкер вместе с Эмином, постепенно отступавшим с остатками войск к югу, проделал нелегкий путь от Ладо до Ваделана. Отсюда, перейдя через два независимых африканских государства — Буньоро и Буганду и переплыв на парусной лодке озеро Виктория, Юнкер, преодолев огромные трудности, добрался до города Таборы. Присоединившись к каравану арабских купцов, направлявшихся к побережью, в конце ноября 1886 г. он вышел к Занзибару, откуда через Суэц прибыл в Европу. Путешествие из Ваделана к Индийскому океану заняло около двух лет (с января 1885 г. по ноябрь 1886 г.). Русская общественность тепло приветствовала прославленного путешественника. Российское географическое общество избрало Юнкера своим почетным членом, посвятив его чествованию специальное заседание. С 1889 г. по 1891 г. в Вене был опубликован трехтомный труд Юнкера, подводящий итоги восьмилетней полевой исследовательской работы в Африке. В феврале 1892 г. В. В. Юнкер умер, так и не осуществив намерения подготовить издание своего сочинения на русском языке.

Кроме физико-географической характеристики водораздела двух крупнейших рек Африки — Конго и Нила, представляющей специальный интерес, в работе Юнкера значительное место уделено этнографическим описаниям. Но если Юнкер в своих географических исследованиях проявил глубокое знание предмета (карты, составленные Юнкером, отличаются исключительной точностью), то в части этнографии он оказался во власти устаревших реакционных теорий немецкой этнографической школы. Юнкер также не был свободен и от господствовавших в то время расистских взглядов. Сложные социальные отношения африканских племен, если и привлекали его внимание, то зачастую неправильно истолковывались. Схему классового общества Юнкер переносил в первобытно-общинные отношения наблюдаемых им племен и народов. Для него не существовало таких уже установившихся понятий, как род, племя, союз племен, получивших строго научное определение в трудах Л. Моргана. Вожди союзов племен были для Юнкера «королями», вожди племен — «князьями». Такой механический подход к характеристике отдельных народов Африки привел к неизбежной нивелировке различных общественных институтов.

Юнкеру первому из европейских ученых посчастливилось обследовать интереснейший район соприкосновения различных африканских культур. Если придерживаться традиционной классификации африканских народов по лингвистическому признаку, то водораздел между Конго и Нилом является областью соприкосновения, по крайней мере, трех крупных языковых групп: народов, говорящих на так называемых нилотских языках (в эту группу входят племена динка, нуэры, шиллук, бари и др.); группы центральносуданских или нигритских языков, включающей также и племена южных областей Восточного Судана, как, например, азанде, мангбетту и др.; и, наконец, группы племен, говорящих на языках банту (так называемая северная группа языков банту), с которыми Юнкер познакомился во время своего путешествия по государствам Буганда и Буньоро. Все эти племена стояли на различных ступенях

своего общественного развития, но в описаниях Юнкера мы не находим четкого различия в общественном строе азанде, стоявших на последних этапах разложения первобытной общины, и своеобразных раннеклассовых государств межозерья, между централизованным союзом племен шиллуков и разобщенными племенами нузоров.

Определенную ценность для исследователя представляют страницы, посвященные характеристике материальной культуры всех этих народов. Юнкер со скрупулезной придирчивостью описывает жилища и утварь, орудия труда и оружие, одежду и прически, подмечая тончайшие племенные различия. Это описание тем более ценно, что многие племена почти исчезли с лица земли, истребленные работоторговцами, а затем — европейскими колонизаторами. От его внимания не ускользают различные виды пищи, ее приготовление и хранение. Юнкер интересуется способами обработки полей и распространенными в Африке зерновыми культурами — дуррой, ямсом, сезамом. В отличие от многих своих предшественников он пытался завезти в Центральную Африку семена некоторых овощей и плодовых деревьев, и в окрестностях Ладо впервые появились арбузы, лимоны, редиска, лук и рис. Большой интерес представляют яркие зарисовки с натуры «двора» правителя Буганды — Мванги и правителя Бунборо — Кабреги. Вслед за Юнкером мы проникаем на пышный официальный прием, устроенный Мвангой, где в числе приглашенных были и представители римско-католической и англиканской церковных миссий. Англо-французское соперничество в колониальном разделе Африки еще не достигло высшей точки, а между членами этих «почтенных» миссий, по словам Юнкера, уже «не было близких отношений».

В своей работе Юнкер отмечает массовое уничтожение мирного населения и дикий произвол турецко-египетских чиновников. Юнкер был убежденным сторонником европейской колонизации Африки, считая, что лишь в результате этой колонизации народы Африки пойдут по пути прогресса и процветания. Он не хотел видеть, что за разорение страны должны нести ответственность не только местные власти, но и египетское правительство и вдохновитель колониальной политики Египта — Англия в лице ее ставленников Эмина, Лептона и, наконец, губернатора Судана — Гордона. И все же Юнкер был живым свидетелем первых страшных итогов цивилизаторской деятельности Англии. Его работа — яркий обличительный документ, дающий неопровержимый фактический материал о действительном положении дел в южных провинциях Судана эпохи колониального раздела Африки.

«Там где Швейнфурт, Хейглин и Петерик наблюдали национальную жизнь бонго, джур, динка и других народов в полном расцвете, я нашел эти народы под угрозой потери не только независимости, но даже самого существования», — записал Юнкер в 1878 г. в своем дневнике (102 стр.).

Юнкер дает полные драматизма описания «газве», этих военных набегов, когда солдаты под командой турецких и египетских офицеров сотнями расстреливали беззащитных мужчин, женщин и детей лишь для того, чтобы забрать зерно и угнать скот. И опять-таки Юнкер не находит слов для осуждения Эмина, этого цивилизованного дикаря, хотя последний, будучи губернатором провинции, практиковал «газве» как основное средство содержания правительственных гарнизонов.

Еще более определенную позицию занял Юнкер в период восстания нилотов. В это время его уже не тревожит судьба народов, находящихся «под угрозой потери... самого существования». Повстанцев он называет «мятежниками», и его симпатии не на их стороне.

Появление в свет работы В. В. Юнкера более чем своевременно. Советский читатель получил, наконец, возможность познакомиться с основным трудом известного путешественника, установившего бесспорный приоритет русской географической науки в разрешении важных проблем исследования Центральной Африки.

Надо отметить большую и плодотворную работу, проделанную редактором настоящего издания Б. И. Шаревской. Обстоятельное введение, предпосланное в начале книги, помогает читателю разобраться в сложном материале, по-новому освещая ряд вопросов. Однако решение такой сложной задачи, как характеристика Юнкера, редактору не вполне удалось.

С. Смирнов

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

ДВЕ КНИГИ О МАОРИ¹

Книга Хаусорна состоит из 6 глав: «Маори в прошлом», «Жизнь типичной деревни», «Семейная жизнь», «Основные занятия», «Домашнее хозяйство», «Социальное планирование и деревня маори» и представляет собой обзор современного состояния населения маорийской деревни Кахукура (название деревни — вымышленное), составлявшего в прошлом часть племени нгатиаху (северная оконечность северного острова). Автор два года (1936—1938) работал в этой деревне учителем туземной школы. К сожалению, он слишком серьезно (возможно по неопытности) принимает различные проекты и обещания новозеландского правительства в отношении маори и уделяет им в своей книге незаслуженно много места. Но наряду с этим он приводит интересные данные о действительном состоянии маори изученной им деревни. Хотя он и стремится при этом убедить читателя, что это состояние является почти удовлетворительным, однако данные, приводимые им, свидетельствуют об обратном.

Описываемая деревня, состоящая из 24 домов и насчитывавшая в 1938 г. 134 человека маорийского населения, расположена вдали от крупных центров, и жители ее мало соприкасаются с внешним миром. Тем не менее они знают об «основных нациях мира в общих чертах современной истории» (стр. 22), читают газеты, слушают радио. Жители деревни Кахукура, по словам автора, «включились в мировую экономику, сохранив в качестве небольшого резерва домашнее производство пищи» (стр. 20). Они, «как и все маори, смотрят на свое будущее как на нечто, теснейшим образом связанное с будущим новозеландцев европейского происхождения» (стр. 23). Автор приводит интересные данные, касающиеся разложения племенных связей в деревне. «Племя не является уже политической единицей,— пишет он.— Нет всеяд в старом смысле этого слова» (стр. 19). «Деревня не является больше объединением близких родственников» (стр. 39). «Генеалогии сейчас забыты в Кахукура (хотя они зафиксированы в блокноте, который бережно сохраняется одним стариком). Многие помнят своих предков не дальше третьего или четвертого поколения» (там же). Наряду и в связи с этим идет процесс роста общенационального, общемаорийского самосознания. «Во всех деревнях признается,— пишет автор,— что маори, как целое, имеют некоторые проблемы и потребности, отличные от проблем и потребностей остального населения Новой Зеландии, и что, объединившись, они могут успешно действовать в целях их разрешения» (стр. 20). Более того, маори деревни Кахукура «знают, что они — полинезийцы» и что у них есть «языковая связь и физическое сходство» с жителями других островов Полинезии. «Деревенские дети с интересом пишут письма детям Гавайских островов, Таити и Раротонга» (стр. 22). Некоторые маори говорят о связях в далеком прошлом с Меланезией и даже с Индией. Эти приводимые автором интересные данные свидетельствуют о росте национальной консолидации и национального самосознания маори.

Семейная община (whanau), объединявшая ранее мужчин трех-четырех поколений с их женами, сыновьями и незамужними дочерьми, распалась. Имеются лишь остатки семи семейных общин в деревне Кахукура, к каждой из них принадлежит от двух до пяти домохозяйств; члены этих домохозяйств имеют общее имя, помогают друг другу в случае рождения детей, брака, смерти, в деле воспитания детей, но в экономическом отношении эти хозяйства независимы друг от друга.

Разложение племенных связей и семейной общины было ускорено введением около 20 лет назад новой для жителей деревни Кахукура отрасли хозяйства — товарного молочного скотоводства. «Это новое занятие,— пишет автор,— требует от мужчин, женщин и детей деревни больше рабочего времени, чем любая другая экономическая деятельность; во время сезона молочное хозяйство отнимает у многих мужчин по 8 часов ежедневно» (стр. 85). Тем не менее население деревни почти не потребляет молока, оно питается за счет огородничества и рыболовства, которыми занимается в свободное от основной хозяйственной деятельности время. Батат (сладкий картофель) составляет примерно $\frac{1}{4}$ (по весу) потребляемой населением пищи, рыба — $\frac{1}{5}$ (ловится круглый год), молоко — не более $\frac{1}{20}$ (остальное продается на маслозавод, расположенный в 30 милях от деревни, по крайне низкой цене).

Автор стоит на той точке зрения, что введение товарного молочного хозяйства повысило уровень экономической жизни маори. Факты, как это нетрудно видеть, показывают совершенно обратное.

О социальном расслоении среди маори автор ничего не говорит, но из некоторых его слов можно заключить, что население деревни Кахукура не является экономически однородным. Так, например, он пишет: «Семья высокого ранга, обычно обладавшие некоторой политической властью и экономическим преимуществом, сумели хорошо приспособиться к изменившимся условиям и их высокое положение сохраняется, превратившись в современные отличия в занятиях или в богатстве» (стр. 24). Он добавляет, что в деревне Кахукура эти различия «слабы», но не приво-

¹ H. B. Hawthorn, The Maori: a study in acculturation, Memoirs of the American Anthropological Association, No. 64, 1944, стр. 130; E. and P. Beaglehole, Some modern Maoris, New Zealand Council for Educational Research, 1946, стр. XXI + 350.

дит, к сожалению, более точных данных. В другом месте автор вскользь упоминает, что часть маорийских семей совсем не имеет посадок батата (стр. 108), но на законный вопрос: как же они живут? — не дает ответа. Неизвестно также количество семей, не обеспеченных землей. Нет данных о бюджете — натуральном и денежном — зажиточных семей и бедноты.

Вторая из рецензируемых книг принадлежит перу американских этнографов — супругов Биглхол. В своих прежних работах Биглхолы отдают большую дань психо-логизму. И в данной работе метод их исследования, как пишет во введении Питер Бака, «иногда обнаруживает сходство с психоанализом Фрейда» (стр. VII). Факты подбираются ими с определенной, «психоантропологической» точки зрения, поэтому к собранным ими материалам далеко не всегда можно отнестись с доверием. Книга имеет, однако, интерес в связи с тем, что в ней обращено серьезное внимание на экономическое положение маори.

Книга, открывающаяся введением Питера Бака (Те Ранги Хироа) и кратким предисловием авторов, состоит из 9 глав. В первой главе описываются географические условия, этнический состав населения в районе Коуай (южная часть северного острова) и метод полевой работы авторов. Вторая глава, наиболее интересная и стоящая несколько особняком, посвящена описанию экономического положения маори; третья — описанию их жилищ и домашней жизни. Четвертая глава посвящена воспитанию маорийских детей и характеристике «структуры характера» маори, складывающейся якобы в этом процессе. В пятой главе приводятся данные об учебе детей маори, главным образом в начальной школе. Глава шестая содержит описание развлечений маори в стенах дома и вне их, седьмая — их вероисповеданий, а также их болезней. В восьмой главе описываются немногие оставшиеся пережитки прежней маорийской культуры и дается характеристика отношений маори к белым, белых — к маори, а также трактуется вопрос о зависимости характера этих отношений от принадлежности к различным социальным классам. В последней главе говорится о «структуре характера» маори и о необходимости ее «изменения» путем воспитания.

Описания авторов дают возможность составить довольно полное представление о современном положении маори района Коуай, который авторы считают типичным для всей Новой Зеландии. Картина, рисуемая ими, резко отличается от того, что нам до сих пор преподносилось в зарубежной литературе о маори.

Читатель, ожидающий описания форм хозяйства и орудий труда, будет жестоко разочарован. У маори нет теперь ни собственного хозяйства, ни собственных орудий труда. Он перебивается случайными заработками. Маори работает батраком на фермах, черноборозчим на железной дороге и т. п. Мужчина-маори зарабатывает в среднем, по официальным данным, 2 ф. 10 шилл. в неделю. Этого совершенно недостаточно для пропитания семьи. Поэтому его жена оставляет дома детей (даже больных) и тоже ищет заработка, например, идет на чей-либо огород копать картофель. Здесь она зарабатывает 7—8 шиллингов в день, и это, по свидетельству авторов, «считается очень выгодной работой» (стр. 27), так как мелкие картофелины женщина может оставить себе (хозяин огорода разрешает это: мелкий картофель невыгодно возить на рынок). И в будущем авторы мало хорошего сулят маори. «Его экономическая роль в Коуай, — пишет они, — останется на долгие годы ролью случайного и сезонного работника» (стр. 46), т. е. ролью полунцига.

В главе «Дома и домашняя жизнь» приводятся данные, рисующие бедственное состояние маорийских жилищ. «65% сельских жилищ и 39% городских жилищ маори должны быть разрушены как непригодные для жизни» (стр. 71). Внутреннее убранство жилищ крайне бедно. «Разбитые окна часто затыкаются бумагой или картоном» (стр. 74). «Нужно, однако, заметить, — продолжают авторы, — что почти все дома, без исключения, содержатся очень чисто. Их часто и основательно чистят. Некоторые домохозяйки оклеивают стены через определенные промежутки времени новой бумагой. Одежду также моют очень часто» (там же).

Из глав, посвященных воспитанию детей, мы узнаем, что дети маори поздно поступают в школу и нерегулярно ее посещают. Они нянчатся с младшими братьями и сестрами, помогают по хозяйству. Главное, однако, что мешает детям учиться в школе, — это плата за обучение, составляющая большую сумму, особенно в школе второй ступени. Кроме того, даже если юноше маори удастся окончить школу, он вряд ли найдет где-либо применение своим знаниям. Поэтому «многие из мальчиков оставляют школу в возрасте 14—15 лет и бродят по району в поисках работы» (стр. 30). У авторов хватает смелости утверждать, что на Новой Зеландии нет расовой дискриминации, что это лишь «воображаемая дискриминация», что «сверхчувствительные» маори якобы видят дискриминацию даже там, где ее нет (стр. 166, 301), но тут же сообщают, что местные пакеха (так маори называют белых) считают маори «тупицами», местные чиновники утверждают, что «все маори — лгуны, воры и прелюбодеи»; в школе дети пакеха называют детей маори «грязный черный маори», из-за чего родители маори иногда запрещают своим детям ходить в школу.

Бедственное положение маори авторы объясняют тем, что он якобы «пойман между двух миров». Авторы всячески стремятся противопоставить «мир» маори «миру» пакеха. Даже в тех случаях, когда есть «указание на общую культуру, разделяемую маори и пакеха», все-таки, утверждают авторы, это лишь поверхностное сходство. «Две расы живут реально в двух различных мирах, — утверждают они, —

они подобны двум рекам, текущим рядом в одно море. Иногда канал объединяет эти реки, и немного воды перетекает из одной в другую. Но по большей части поперечных каналов мало, и они размещены далеко друг от друга» (стр. 328).

Разумеется, действительное положение вещей выглядит не так, как его рисуют авторы. Сейчас невозможно отделить «мир» маори от «мира» пакеха. Авторы сами вынуждены признать, что дело «усложняется тем обстоятельством, что социальная группа пакеха и социальная группа маори делятся каждая на несколько классов» (стр. 324). Этому «усложняющему обстоятельству» посвящен небольшой параграф «Расовые отношения и социальный класс». К сожалению, авторы дают здесь лишь самые путанные сведения о социальной структуре. Они намечают среди пакеха следующие четыре класса: 1) старики, «вышедшие в отставку», 2) бизнесмены и чиновники, 3) квалифицированные, неквалифицированные и случайные рабочие и 4) «бедный тип пакеха», т. е. люмпен-пролетариат. Маори насчитывают в своей среде три класса: 1) родовая аристократия, 2) маори, получившие высшее образование или желающие дать его своим детям, 3) маори низшего класса, примерно соответствующие «бедному типу пакеха». Авторы устанавливают соответствия между «классами» пакеха, с одной стороны, и «классами» маори, с другой, и замечают: «Социальные отношения между маори и пакеха имеют тенденцию соответствовать классовым делениям» (стр. 327).

В тех случаях, когда авторам удастся все же противопоставление этих двух «миров», оно оказывается не в пользу пакеха. Для пакеха авторы считают характерным индивидуализм, стремление к наживе, честолюбие, для маори — коллективизм, великодушие, желание помочь ближнему. В семьях пакеха «родственники как постоянные члены дома считаются нежелательными», а в семьях маори, хотя они и менее обеспечены, родственники всегда желанные гости. У маори «супруги живут счастливее, чем супруги среднего класса пакеха», и т. д. Общество пакеха, заявляют авторы, «нуждается в решительной перестройке» (стр. 336).

Авторы, однако, в силу своей буржуазной ограниченности не видят для маори иного будущего, кроме «приспособления» к «цивилизации» пакеха. Они с утомительным однообразием, на протяжении всей книги повторяют, что все дело в «структуре характера» маори. Исходя из психорасистской предпосылки, согласно которой характер человека окончательно формируется в годы его младенчества и остается неизменным в течение всей дальнейшей жизни, они утверждают: «К тому времени, когда ребенок приходит в школу, уже слишком поздно изменять структуру характера» (стр. 341). Поэтому авторы предлагают сначала «обучить отцовству и материнству» молодых маорийцев и маориек (в возрасте от 18 до 30 лет) в особом «центре», при «помощи» пакеха. При «центре» должен быть детский сад, где молодые матери и отцы будут воспитывать своих детей. Их дети получат, предполагают авторы, несколько иное воспитание, чем они сами, а дети этих детей — иное воспитание, чем последние и т. д. Через два или три поколения маори по «структуре характера» не будут отличаться от пакеха.

Те Ранги Хироа предлагает в предисловии другой путь; «Мы должны,— пишет он,— сохранить нашу племенную лояльность, марае, общественный дом и танги как средства нашего самоуважения» (стр. XVII). Он предлагает законсервировать родовые институты, укрепить власть вождей и т. д. Но этот путь, отражающий интересы маорийской племенной аристократии, историей уже закрыт: племени как единого целого уже не существует, в рамках его наметилось классовое расслоение, да и сам маори — это уже, как пишут авторы, «наполовину пакеха», он интересуется «финансовой политикой, налоговыми обложениями, заработной платой и вопросами найма рабочей силы» (стр. 177). Восстановить коллективное владение землей можно теперь только на более высокой, по сравнению с «цивилизацией» пакеха, социальной основе. Единственный путь для трудящихся маори к улучшению условий их жизни состоит в классовой борьбе вместе с трудящимися пакеха против их общих угнетателей.

Н. Бутинов

С. П. Толстов. Великая победа ленинско-сталинской национальной политики	
И. И. Потехин. Сталинисткая теория колониальной революции и национально-освободительное движение в Тропической и Южной Африке	2
В. И. Чичеров. Клятва большевистской партии Ленину в народном творчестве	4

Вопросы этногенеза

О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре	5
---	---

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

Я. Р. Винников. Новый быт туркменских колхозов Марыйской области	8
М. М. Броднев. От родового строя к социализму (По материалам Ямало-Ненецкого национального округа)	9
И. С. Гурвич. Социалистическое переустройство хозяйства и быта якутов бассейнов Оленека и Анабары	10
Г. М. Василевич. Эвенки — поэты и переводчики	12

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

С. А. Токарев. Религии, церкви и секты в США	137
--	-----

Из истории этнографии и антропологии

И. Дмитриков. Теория аристократического происхождения фольклора и ее реакционная сущность	15
А. В. Стренина. У истоков русского и мирового китаеведения (Россохин и Леонтьев и их труд „Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в восьми знаменах состоящего“)	170
Н. Н. Степанов. Первые русские сведения об Амуре и гольдах	178

Заметки. Сообщения. Рефераты

Л. Н. Пушкирев. Рукописный фонд И. Г. Прижова, считавшийся утерянным	183
М. И. Ихилев. Большая семья и патронимия у горских евреев	188
Е. М. Залкинд. О времени расселения эвенков в бассейне Енисея	193

Хроника

Е. А. Мильштейн. Государственный музей этнографии народов СССР	195
А. С. Бежкович. Подарки женских демократических организаций зарубежных стран женщинам Советского Союза	197
И. Ф. Симоненко, А. Ф. Кувенева. Колхозный музей в Черновицкой области УССР	202

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

И. Потехин. Разрушение семьи в английском протекторате Бечуаналенд	208
Вопросы этногенеза	
А. П. Смирнов. Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии	241

Общая этнография и антропология

Г. Дебев. Тешик-Таш. Палеолитический человек	244
--	-----

Народы СССР

Р. Липец. А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере	215
З. Никольская. П. А. Брюханов. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX в.	218
А. П. Смирнов. П. Т. Сперанский. Татарский народный орнамент	219
С. М. Абрамзон. Киргизский национальный узор	221
А. Иванов. Осетинский народный орнамент	226

Народы зарубежной Европы

Е. Фонберг. Jacques-Marie Rougé. Le Folklore de la Touraine	228
---	-----

Народы зарубежной Азии

А. Розенфельд. Второй том персидских сказок	230
Р. Стратанович. М. А. Tarakhchandra Das. The Purums an old Kuki tribe of Manipur	232

Народы Африки

С. Смирнов. В. В. Юнкер. Путешествия по Африке	234
--	-----

Народы Океании

Н. Бутинов. Две книги о маори	237
---	-----